

Фриц ЛЕЙБЕР

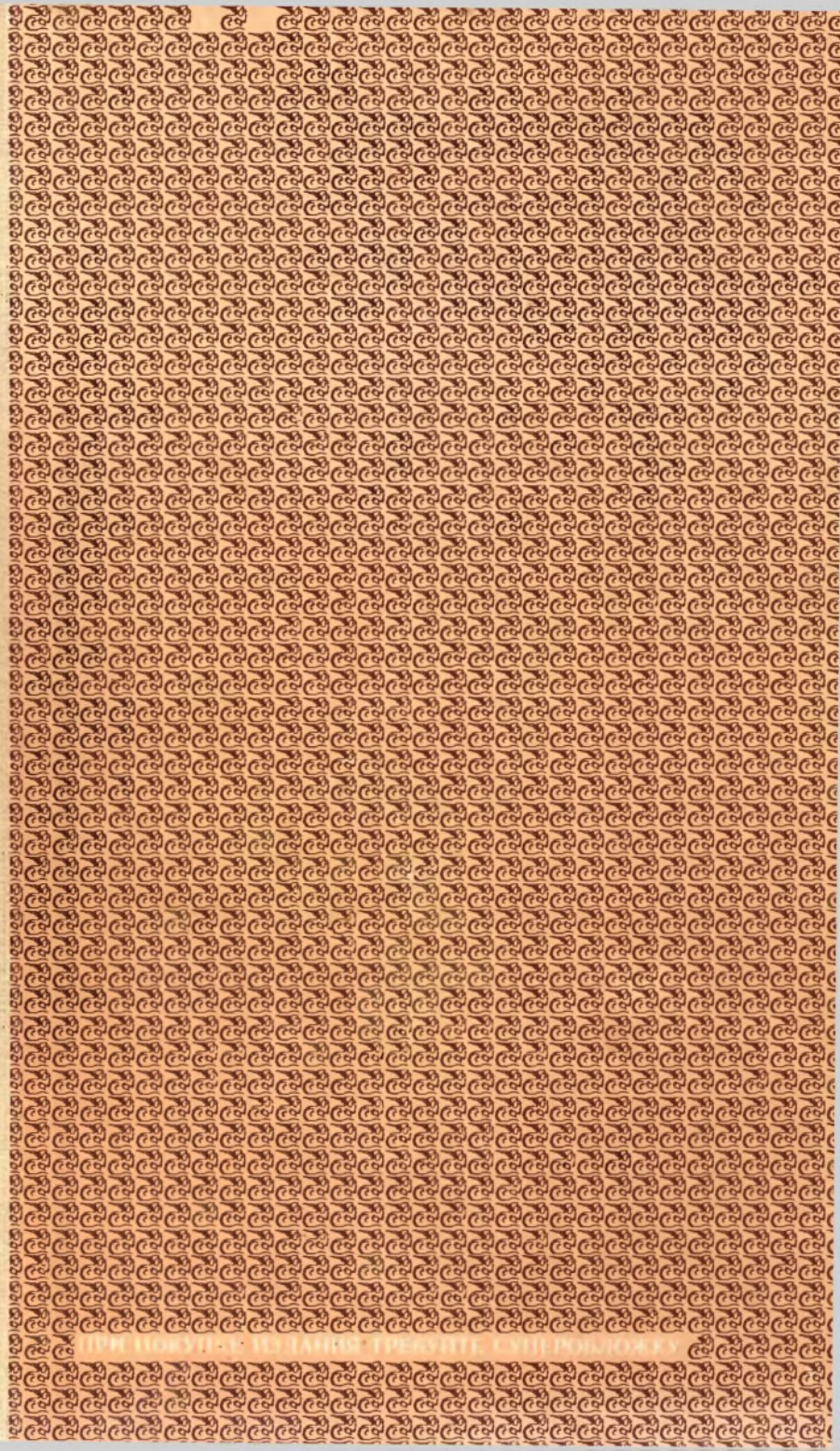
МЕЧИ ПРОТИВ КОЛДОВСТВА

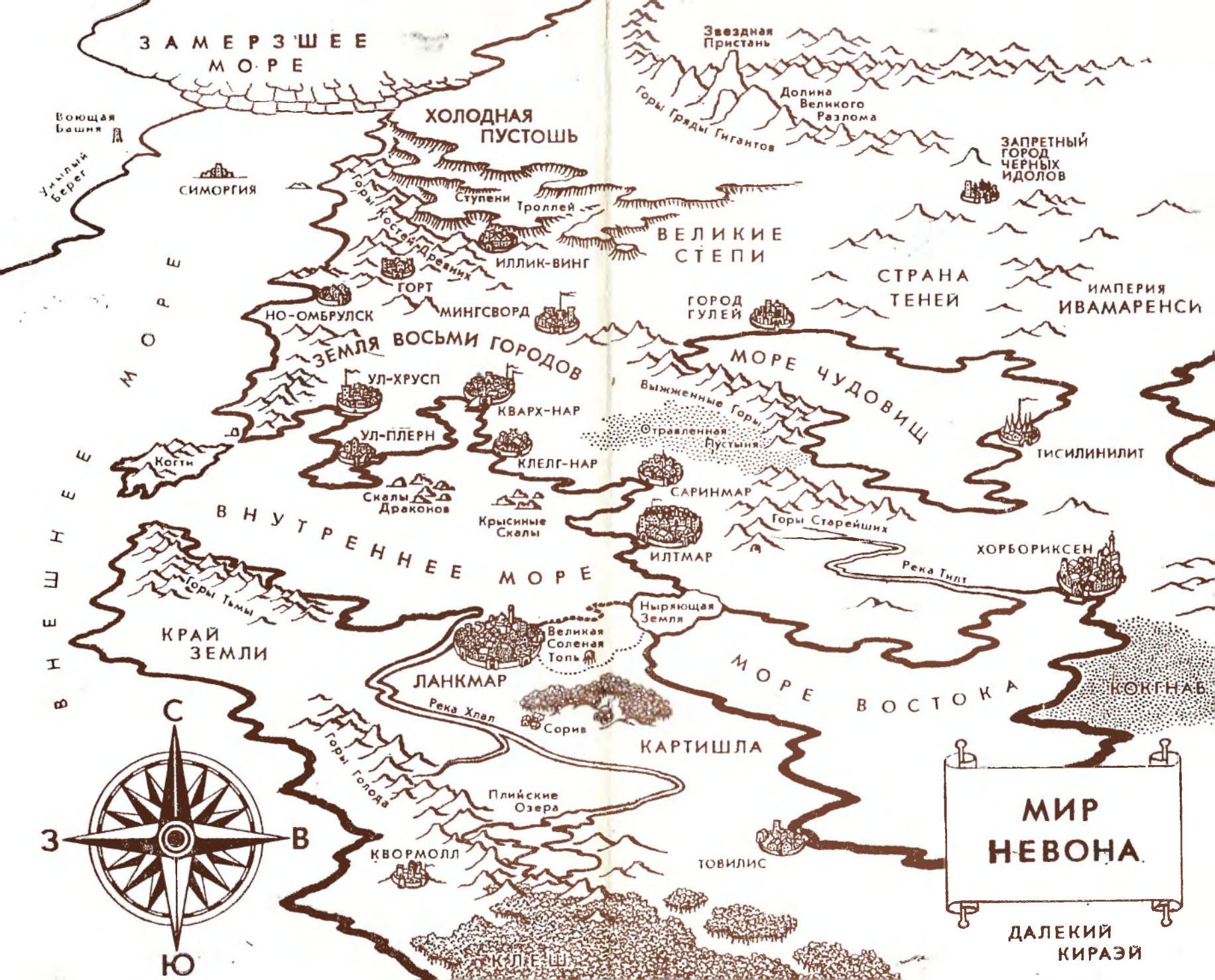

Сага о Фафхрге
и
Сером Мышелове

Фруц ЛЕЙБЕР

5

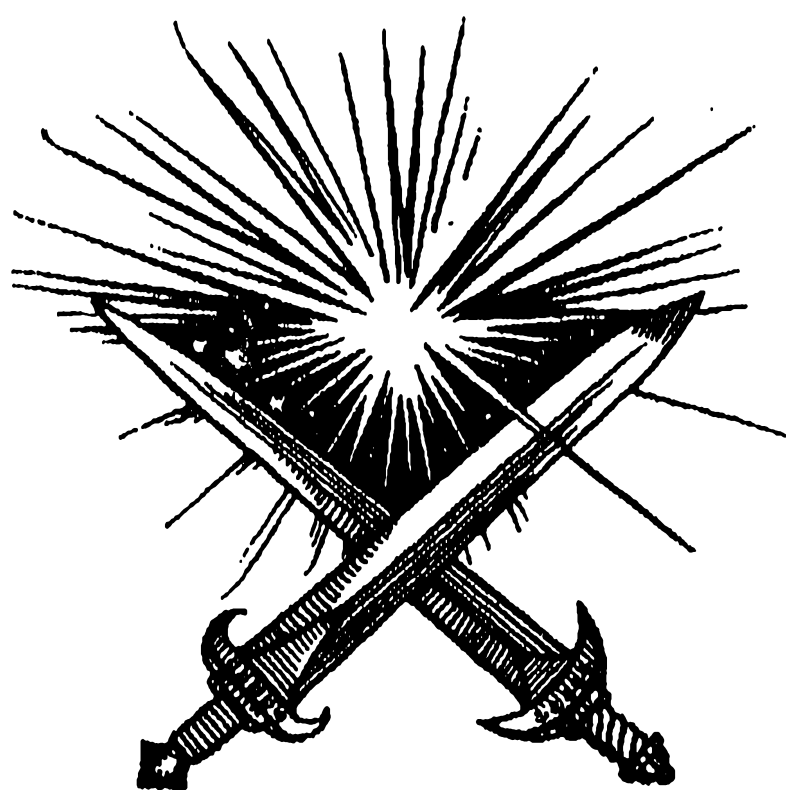

Фриц Лейбер

МЕЧИ ПРОТИВ КОЛДОВСТВА

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1992

Лейбер Ф.

**Л 33 Мечи против Колдовства: Роман, новеллы/
Пер. с англ. — СПб.: «Северо-Запад», 1992 —
479 с. ISBN 5—8352—0065—X**

Настоящее издание открывает знаменитую эпопею американского фантаста Фрица Лейбера «Сага о Фафхрде и Сером Мышелове»; знакомит читателя с двумя неунывающими приятелями, с варваром-северянином по имени Фафхрд и коротышкой по прозвищу Серый Мышелов. Задиры и отчаянные рубаки, авантюристы и искатели приключений — два друга странствуют по удивительным землям мира Невона, бьются с чудовищами и колдунами, любят и ненавидят.

Сага о Фафхрде и Сером Мышелове никого не оставит равнодушной — ни взрослого, ни подростка.

© Г. Белов, Е. Кравцова,
И. Куцкова, перевод, 1992

© Издательство «Северо-Запад»,
подготовка текста и оформление,
1992

ISBN 5—8352—0065—X

Роджер Гербердинг

ИНТЕРВЬЮ С ФРИЦЕМ ЛЕЙБЕРОМ

ВВЕДЕНИЕ

Фриц Лейбер — это писатель, к которому уже при жизни пришел успех. Он обладатель многочисленных наград и премий, последняя из которых — завоеванная трудом всей его жизни — премия американских авторов историй ужасов. Лейбер пользуется (вероятно более чем любой другой писатель его поколения и в его области) искренним уважением своих товарищей по перу. Его работы публикуются так же широко, как велико вызываемое им восхищение. Несмотря на, казалось бы, довольно свободный график выпуска своих работ, Лейбер все же принадлежит к самым плодовитым авторам своего времени, его книги никогда не бывают поверхностными и всегда оправдывают возлагаемые на них надежды.

Тем не менее, настоящий успех в смысле финансового благополучия так никогда и не пришел к Лейберу, впрочем, это кажется, не имеет для писателя особого значения. В разговоре, так же как и в своих книгах, он настолько уравновешенный человек, насколько можно пожелать. Конечно же, эта уравновешенность досталась Лейберу с большим трудом и, вероятно, из-за этого он заслуживает еще большего восхищения. Его мягкость в обращении и вежливые манеры подсказывают, что он один из тех немногих людей — кажется, еще более малочисленных именно в области творчества — которые, так сказать, увидели иную сторону жизни и в результате научились строить свою жизнь по образцам достигнутого и неистребимого изящества.

А изящество — это суть Фрица Лейбера: и в его несравненной прозе, и в его великолепной манере держаться — манере очень земного человека.

У меня дважды была возможность побеседовать с мистером Лейбером, и записи наших разговоров приведены ниже. Я выражаю благодарность Тамаре Бейкер и Джоуи Фрелиху за помощь в подготовке этого материала.

22 июня 1987 г.

РОДЖЕР ГЕРБЕРДИНГ: *Сценические впечатления в известной степени повлияли на Ваше творчество. Каков Ваш опыт в этой области?*

ФРИЦ ЛЕЙБЕР: Я думаю, все началось на самой заре моей жизни, когда я был еще ребенком, и мои мать и отец должны были играть в «Гамлете», по крайней мере один раз, в компании «Мэнтелл». Мой отец учил роль, когда мне было три года, так что я набирался всего этого... просто слушая, как отец репетирует; я выучил эту роль одновременно с ним.

Какое-то количество шекспировских строк как бы отпечата-лось в моей памяти; а к тому времени, когда мне было девять-десять лет, мой отец организовал свою собственную компанию, ставившую пьесы Шекспира; я как раз был на летних каникулах и присутствовал на репетициях, которые компания начала в конце лета. Думаю, именно тогда я начал учить такие вещи, как «Макбет»; я знал всю пьесу. К тому времени, как мне исполнилось десять лет, я видел множество спектаклей и, в особенности, репетиций шекспировских пьес, тех, что обычно ставили, в частности «Макбета» и «Юлия Цезаря», а потом, позже, таких пьес, как «Двенадцатая ночь», «Ромео и Джульетта» и, наконец, «Король Лир», которого мой отец давал последние два года в конце сезона.

К тому времени я учился в колледже, так что вполне мог помогать отцу, когда он делал сценическую версию «Короля Лира» со своими собственными купюрами. А потом, в его последний сезон, я играл в его театре. Я закончил колледж за два года до этого и недолгое время был с отцом в турне от Нью-Джерси до побережья Тихого океана. Под конец театр пару недель давал спектакли в Лос-Анжелесе и закрыл сезон в Таксоне. Потом отец, вместе с матерью и мной, вернулся, чтобы сделать настоящую карьеру в кино.

Это был 1935 г. Все еще продолжалась Великая депрессия, и, мне кажется, отец рассчитал, что не сможет провести успешное турне, так сказать, с финансовой точки зрения, но он мог немного помочь себе, подрабатывая в Голливуде. Как раз в это время там играло немало актеров из ведущей ирландской компании «Эбби Плеерс».

— *Вы сожалеете, что не стали продолжать карьеру настоящего актера?*

— Не совсем. Я хочу сказать, что когда был моложе, я знал, что могу играть в театре у своего отца, легко получать роли и легко создать себе репутацию, поскольку происходил из актерской семьи, шел по стопам своего отца и т. д. И я пытался получить роли в фильмах, хотя к тому времени я не очень-то рвался к этому. Я думаю, мне не нравилось то, что придется очень много работать, очень сильно концентрироваться на игре; для того чтобы тебя заметили. Я с удовольствием играл, пока

мог это делать в театре своего отца и получать роли без проблем. К тому времени, как он стал делать карьеру в кино, — так вышло, что последние десять лет своей жизни он играл в фильмах по чисто финансовым соображениям — лично меня кино уже не интересовало. Мне тогда уже хотелось писать. И я последовал этим своим наклонностям, а не пошел на сцену. И, конечно же, очень много времени прошло, прежде чем я смог заработать таким образом более-менее достаточно денег на жизнь.

— *И примерно в это время Вы начали переписываться с Лавкрафтом?*

— Да, действительно, как раз в тот год, 1935-й, я начал переписываться с Лавкрафтом, хотя опубликовать что-то мне удалось только в 1939 г. в журнале «Unknown» рассказ «Два искателя приключений», о Фафхрде и Мышелове. Но я показал Лавкрафту один рассказ, первый, который я написал о Фафхрде и Мышелове — «Гамбит Посвященного». Я дописал и продал его только после того, как вышли «Черные агенты ночи», хотя я продал в «Unknown» четыре или пять рассказов о Фафхрде и Мышелове. Джон Кэмпбелл, редактор «Unknown» и «Astounding», не хотел публиковать «Гамбит Посвященного», поскольку вещь была слишком далека от этиля «Unknown».

— *Какими были Ваши отношения с «Weird Tales» и, в частности, с Фарнсвортом Райтом и Дороти Макилрайт? И как Вы написали «Паучий дом», который явно не характерен для Вашего стиля?*

— Первое, что я продал «Weird Tales», «Автоматический пистолет». Рассказ на самом деле был одобрен Фарнсвортом Райтом, по-моему, в 1938 г., но опубликован только в мае 1940 г. Так что я продавал свои рассказы в «Unknown».

После того как «Weird Tales» переехал в Нью-Йорк, журнал сменил владельца; это случилось за полтора года, прошедших между тем, когда Райт одобрил «Автоматический пистолет», и тем, когда рассказ был опубликован в 1940 г.

Потом я продал пару других рассказов, «Наследство» и еще что-то, в «Weird Tales». Но они не принимали рассказы о Фафхрде и Мышелове, так что я написал «Паучий дом» с мыслью создать произведение, в котором были бы все черты, характерные для «Weird Tales»: сумасшедший ученый, гигантский паук, особняк на Юге, и даже, знаете, пара комедийных злодеев.

Так что я написал его в духе шутки или поддразнивания. Потом я, конечно, выяснил, что, последовав этой формуле, попал точно в цель, хотя никогда не испытывал искушения попытаться повторить ее еще раз. Знаете, я считал, что это, скорее, трюк. Я попросил пару своих друзей, у которых было кое-какое чутье, по крайней мере, в том, что касается профессионального сочинительства, попытаться продать этот рассказ. Они было склонны одобрить его, считая, что он написан именно так, как и должны писать авторы занимательных историй.

— *Как повлиял на Вас Кларк Эштон Смит?*

— Мне кажется, что частично все получилось из-за моего интереса к его работам и переписки с Лавкрафтом. После того как я списался с Лавкрафтом, я взял и прочитал еще кое-что из книг Смита. Он, несомненно, нравился мне; я чувствовал, что его сочинения были больше в стиле рассказов Дансени, эдакие мрачные фэнтези. А позже я услышал от кого-то, что Смиту понравились мои рассказы и что он хвалил их. Наверно, это действительно было так. Мы обменялись также двумя-тремя письмами.

В 1943 г., помнится, я посетил Смита. Тогда я работал для Дугласа Эркафта, с целью не попасть в Вооруженные Силы. Мы с женой поехали на неделю в отпуск в Сан-Франциско. Я впервые был в этом городе с тех пор, как играл там в отцовском театре. Мы остановились в отеле напротив того дома, где я живу сейчас. Я оставил себе один день, чтобы поехать на автобусе в Обэн, где в одиночестве жил Смит. Когда я вернулся в Сан-Франциско, то обнаружил, что это был день высадки союзных войск в Европе. В Обэне мы об этом и не подозревали.

Смит оказался довольно типичным джентльменом из артистических и богемных кругов, скажем, 1890-х годов. На нем был белый полотняный костюм и панама. Он встретил меня на остановке автобуса, и мы пошли пешком к его дому; который некогда принадлежал его родителям. Мы выпили немного вина и побродили по соседнему лесу, в основном обмениваясь идеями о литературной работе. Я купил у Смита пару вырезанных из камня скульптурок, чувствуя при этом, что злоупотребляю его любезностью. Да, у меня тогда было чувство, что взять пару скульптурок как часть покупки, стоящей сорок-пятьдесят долларов, — похоже на жульничество. Но я сделал это. (Мистер Лейбер говорит о маленьких антропоморфических статуэтках, сделанных Смитом, которые тот продавал в 30-е и 40-е годы по три с половиной или около того доллара за штуку. Эти скульптуры из мыльного камня были главным фокусом книги «Искусство Кларка Эштона Смита», изданной в «Мираж Пресс». Эти же скульптуры продают сегодня по цене до двухсот долларов за штуку.)

Как я сказал, Смит выглядел там не на своем месте, богемный художник из не очень давно прошедшего времени. У него было мало общего с Обэном. Возможно, я увидел тогда скорее проблеск личности Смита — писателя, а не сборщика фруктов и т. д. И все же он был очень тесно связан с Обэном. Но, конечно же, без сомнения, он был одним из писателей, которые повлияли на меня во многих отношениях и как бы помогли сформировать, так сказать, истории о Фафхрде и Мышелове.

— *Какими были Ваши отношения с Августом Дерлетом? Считали ли Вы его заботливым издателем?*

— Заботливым издателем? В целом, да. В конце концов, он хотел опубликовать сборник моих сочинений. Это были «Чер-

ные агенты ночи», моя первая книга или, по крайней мере, первая книга в твердой обложке, которая вышла в 1949 г.

Дело в том, что после смерти Лавкрафта я обнаружил, что он показал мой рассказ «Гамбит Посвященного» некоторым людям из своего окружения. И Роберт Блох, и Генри Каттнер его прочитали, и на следующее лето после того, как умер Лавкрафт, Блох приехал к Генри Каттнеру в Беверли Хиллз, где в то время жил и я. Они позвонили мне, и мы встретились. Потом, когда я вернулся в Чикаго после войны, я познакомился с Дерлетом через посредничество Блоха. Это была моя первая встреча с ним. Конечно, к тому времени уже вышел «Аутсайдер», и я, как и многие другие, испытывал к Дерлету благодарность за то, что он так быстро напечатал рассказ Лавкрафта.

Но мне казалось, что он слишком занят самим собой. Я помню, как-то он приехал в Чикаго; я обедал с ним и с поэтом Делмором Шварцем. Шварц и Дерлет на этом обеде, казалось, рисовались друг перед другом. Я помню одну из историй, которую нам рассказывал Дерлет. Он описывал, как к нему пришел некий молодой человек, страдающий гомосексуализмом. Дерлет рассказывал: «Я спросил его:

— Вы когда-нибудь пытались иметь дело с женщиной?

Молодой человек ответил:

— Нет.»

Тогда Дерлет свел его с одной опытной женщиной, которой нравилось решать проблемы такого рода. Молодой человек был очень благодарен Дерлету и полностью исправился.

И еще пару лет спустя Дерлет заявил в одном из разговоров, что полностью овладел стилем Лавкрафта. У меня были свои сомнения на этот счет, хотя в то время я их не высказал. В этом отношении я был не лучше, чем, казалось, был Дональд Уондрей, который организовал вместе с Дерлетом издательство «Аркхэм Хауз». Уондрей приберегал свою критику до тех пор, пока Дерлет не умер. Только тогда начал нападать на него. По крайней мере, мне так показалось.

Когда я стал старше, я осознал, что эгоизм Дерлета был тем, что увлекало его вперед и позволило ему сделать то, что он сделал. Без этого он не смог бы продолжать писать сам и в то же время основать издательство. Его эгоизм стал казаться мне все более и более естественным и неизбежным. Так что у меня не осталось и капли неприязни по отношению к Дерлету; она исчезла. Я по-прежнему не думаю, что его рассказы были похожи на рассказы Лавкрафта, потому что основой для рассказов Лавкрафта служил реальный мир, потому что он вводил в свои истории элементы, которые были новыми и актуальными, он основывал сюжеты на реальных событиях, таких как наводнения в Вермонте и землетрясения в Тихом океане и тому подобное. А Дерлет считал, что действие рассказов Лавкрафта о таинственных событиях происходит, по существу, в прошлом, в то время как они были современными.

У меня самого был опыт: я написал несколько рассказов, один или два, специально для Дерлета — например, «Человек, который подружился с электричеством» — и Дерлет отверг их, так что мне пришлось напечатать их в другом месте. И еще, мне казалось, что Дерлету понравится рассказ про Эдгара Аллана По («Ричмонд, сентябрь 1849»). Я попробовал показать его ему, поскольку думал, что рассказ может подойти для одного из сборников издательства «Аркхэм Хауз». Но Дерлету он не понравился. Он сказал, что у рассказа очень скучное название, самое худшее, какое он когда-либо видел. Это был единственный мой рассказ, на который Дерлет ополчился. Я думаю, он сам прекрасно понимал, что некоторые мои рассказы были настолько не по его части, что он никогда не предлагал мне переписать их, чтобы потом поместить в книги «Аркхэм Хауз».

— *Дерлет сам исправлял или заставил Вас исправлять «Черного гондольера»?*

— Я не заметил, чтобы он вносил правку. Потом Дерлет сказал, что считает этот рассказ лучшим во всей книге. Нет, этим рассказом он был полностью доволен. Естественно, я пытался написать рассказ, который по стилю и сюжету очень напоминал бы Лавкрафта.

— *Как, по Вашему мнению, изменился бы стиль Лавкрафта, если бы писатель остался в Нью-Йорке?*

— Трудно представить себе, чтобы он остался в Нью-Йорке, если бы только к нему не пришел настоящий успех. Но мне кажется, что для этого ему пришлось бы сделать больше уступок, чтобы его рассказы стали более коммерческими.

Думаю, что Лавкрафт испытывал тягу, и, вероятно, очень сильную, к научной фантастике и к журналам, в которых фантастика печаталась. Его рассказ «Зов Ктулху» был написан, как мне кажется, с мыслью создать что-то, что можно будет продать в эти журналы; позже он сделал то же самое в рассказе «В Горах Безумия» и в некоторых последующих.

Но, конечно же, в конце концов он продавал свои сочинения в «Astounding». И в «Amazing stories» тоже. Мне кажется, что у него там были неприятности по поводу «Цвета из космоса». Ему с трудом удалось получить хоть какой-то гонорар от «Amazing stories», и в результате ему заплатили примерно половину того, что он получил бы например от «Weird Tales». А Хьюго Гернсбэк кромсал его рассказы еще хуже, чем это делали в «Weird Tales», так что Лавкрафт называл его «Крыса Хьюго». Вполне понятно, что он испытывал такие чувства.

— *Что касается Ваших собственных сочинений, то они, кажется, становятся непривычно автобиографичными, особенно, такие рассказы, как «Создатель пуговиц» и «Амбразура Луны». Ваши герои, кажется, все более и более похожи на Вас.*

— О, в гораздо большей степени: особенно эти два рассказа попадают в точку. Например, моя сценическая карьера начала по-настоящему часто проникать в мои рассказы в 1960-е гг. В

частности, герои моего рассказа «Четыре духа в „Гамлете“» были списаны с людей, работавших некогда в театре моего отца. Как я уже сказал, только тогда я начал более осознанно вводить какие-то детали моего собственного опыта в мои рассказы. Мне кажется, я довольно быстро заметил, что в рассказах появляются, скажем, сексуальные элементы, которые вкрадываются незаметно, так что я их не вижу, когда пишу. Это, например, первый опубликованный рассказ о Фафхрде и Мышелове, тот, который назывался «Два искателя приключений» и который я потом переименовал в «Драгоценности в лесу». Через три или четыре года после того, как рассказ был опубликован, я осознал заключенный в нем сексуальный образ: башня — это воплощение возбужденного пениса. Башня, которая дрожала и тряслась, которая пыталась избить людей до смерти, которая была такой... я хочу сказать, когда я впервые заметил это — круглую башню с двумя небольшими полушариями у основания — я осознал: «Боже, что я делаю!» И чувства героев в то время, когда происходили все эти события: это был очень двусмысленный рассказ о сексе, показывающий очень двусмысленную реакцию на ранний сексуальный опыт — представление о том, что это что-то мучительное, а не радостное, и т. д.

Как я сказал, я заметил у себя тенденцию брать героев из моего прошлого опыта. В случае с «Великим временем», очевидно, что артисты и солдаты в этом произведении составляют не что иное, как небольшую театральную команду. А к тому времени, как я написал «Призрак бродит по Техасу», герой стал актером на мелкие роли. Я писал с точки зрения мелкого актера-продюсера, актера-режиссера и т. д.

Все это, без сомнения, проявилось в гораздо большей степени. Ключ ко всем событиям, происходящим в «Создателе пуговиц», очевидно заключается в том, что рассказ написан человеком, который живет один и сочиняет разные небылицы.

— *Влияли ли на Вас более «декадентные» сексуальные и психологические произведения, выходящие в свет в последнее время? Не только именно ужасы и сказочная фантастика, а скорее авторы более общего направления, такие как Набоков и Буковский?*

— Я читал немного и того, и другого. Не думаю, что они имели на меня большое влияние, хотя я, вне всякого сомнения, обнаружил, что они пишут очень реалистично. Я один из тех писателей, которые начинали в период, когда сексуальный материал подвергался очень сильной цензуре, и которые различным образом реагировали на освобождение языка в этой области.

В настоящее время я довольно-таки сильно осознаю, что рассказы ужасов зашли слишком далеко, по крайней мере на мой вкус, в направлении, которое заставляет рассказ служить выражением подсознания и в котором ужас заключается чаще всего в распаде личности главного героя.

Я сейчас рецензирую новую антологию под названием «Архитектура ужаса», изданную Питером Польцем. Он принимает как должное, в частности, что «Сияние» Стивена Кинга — это рассказ о расстройстве и разрушении разума писателя. Это был первый рассказ Кинга, который я прочитал, и признаю, что рассказ действует потрясающе. Он очень эффективно задел все струны моей души. И в то же самое время, у меня было чувство какой-то злости: «Ну ладно, это написано для кино, чтобы потом сделать фильм». В некотором смысле меня привели в очень большое возбуждение подстриженные в виде фигур кусты, которые Кубрик, в конечном итоге, не смог использовать в фильме. Я чувствовал, что Кинг ввел всю концепцию этих фигур, сам не особенно интересуясь проблемами, которые они создавали, например, кто сделал эти фигуры. Помнится, в этом месте я критиковал Кинга, потому что он не уделил больше внимания попытке разработать эти элементы рассказа — он просто ввел их, и на этом дело закончилось. До некоторой степени Кинг следовал идее описать моральное разложение своего очень чувствительного писателя со всеми его фобиями и недостатками. Но писатель этот был, по существу, гораздо более разумным героем, чем тот, которого сыграл в фильме Джек Николсон. Последний был просто настоящим слюнтяем, и автор фильма обращался с ним отнюдь не с той симпатией, с которой Кинг обращался с героем в книге.

С другой стороны, я довольно-таки явно чувствую в сочинениях Лавкрафта очень сильный элемент научной фантастики; по крайней мере, интерес к науке. И я нахожу, что современные литераторы, работающие в жанре ужасов, по-видимому, в большинстве своем утратили как раз этот интерес. Во всяком случае, он гораздо слабее, чем интерес к психологии героя. Мне кажется, что это идет в разрез с канонами жанра — заставить главного героя морально сломаться в то время, как происходит динамичное развитие сюжета.

— *В Ваших рассказах ужасов очень многие герои выживают. Вы, что, не любите слишком жестокую или «смертоубийственную» фантастику и фильмы?*

— Думаю, что в прошлом я в основном пытался минимизировать этот элемент. В «Жене-заклинательнице» единственная реальная смерть — это смерть кошки. Я пытался подчеркнуть захватывающие дух элементы ужаса и, уж конечно, не «неприятность», «тошнотворность» и т. д. Я как раз недавно думал, что в этом отношении у меня проявляется тенденция к отходу от Лавкрафта, поскольку я не испытываю искушения написать парочку сильных абзацев о том, как чудовищно отвратителен кошмар или как он тошнотворен. Вероятно, поэтому, на меня больше всего действуют поздние рассказы Лавкрафта, такие как «Тень из времени» и «Тот, кто шепчет в темноте», где чудовищно-инопланетян никак нельзя с полным основанием назвать ужасающими, или отвратительными, или зловещими. Дело в том, что они просто не такие, как мы, у них другие стандарты и они не

обращают особого внимания на людей, которые становятся их жертвами: эти жертвы больше похожи на случайных наблюдателей, которые так же случайно погибают в ходе развития события.

6 июля 1987 г.

— Один из вопросов, которые мне хотелось задать Вам с тех пор, как мы в последний раз беседовали, касается символизма в Ваших сочинениях, особенно в рассказах, подобных «Темным крыльям». Появляются ли используемые Вами символы непрошено или Вы делаете сознательное усилие, чтобы ввести их в рассказ?

— Я не знаю. Вы упомянули «Темные крылья»: здесь все было, без сомнения, запланировано. Я так много слышал и читал, особенно у Юнга, о его концепции «аніма» — души; я просто совершенно естественно поднял вопрос: «Ну, так как насчет „аніма“ — враждебности?», и исходя из такой посылки я написал рассказ. Но это определенно был прототип — нечто вроде сознательного символа. Я бы сказал, что рассказ был сознательно спланирован, в нем было гораздо больше от эксперимента, чем от утверждения теории, спонтанно рожденной в моем подсознании.

— Такое впечатление, что в Ваших рассказах много мрачного, отталкивающего юмора. Возможно, вы используете его, чтобы «замаскировать» более глубокие эмоции?

— Да, это вполне разумное предположение. Черный юмор появляется в основном в историях о Фафхрде и Сером Мышелове. Я думаю, что его с полным правом можно назвать черным, или кладбищенским, юмором.

— А как обстоят дела с Вашим творчеством, не имеющим отношения к сочинительству?

— Ах да, иллюстрации, сделанные методом разбрызгивания. Я создавал их с мыслью показать силуэты зданий на фоне звезд. И обнаружил, что если разбрызгивать краску зубной щеткой, то можно получить эффект усыпанного звездами неба. Позже я наблюдал, как мои знакомые художники по рекламе используют тот же эффект, чтобы получить звездное небо, и это меня воодушевило. Я придумал специальное приспособление в течение тех трех месяцев, что я переписывался с Лавкрафтом. Это было накануне Рождества, и мне хотелось сделать несколько иллюстраций к паре рассказов Лавкрафта, особенно к «Тому, кто шепчет в темноте», который, без сомнения, был в то время моим любимым. Мне пришло в голову, что путем разбрызгивания краски можно очень хорошо показать сцены на Плутоне, Юготе и в других местах. Я сумел сделать шесть или семь таких сцен.

Сейчас у меня здесь не очень много этих иллюстраций. Потом я продал довольно большое их количество на выставках условного искусства. Позже Дерлет взял пару таких иллюстраций в

качестве возможных обложек для книг. Я сделал иллюстрацию с изображением «Замка, именуемого Туман» для моей собственной повести «Гамбит Посвященного». Помнится, Дерлет купил эту иллюстрацию с мыслью вставить ее в сборник моих сочинений, если я напишу для него еще что-нибудь типа «Черных агентов ночи». И еще я нарисовал сцену из рассказа «В Горах Безумия», когда один из героев, молодой аспирант Дэнфорт, сопровождающий профессора во время последнего стремительного перехода через Горы Безумия к городу, видит вдали еще одну цепь вершин, из-за которой струится фиолетовый свет. А вообще, с таких иллюстраций очень хорошо делать слайды для проекции: фотограф из Лос-Анжелеса Уолт Догерти использовал их для лекции о Лавкрафте лет двадцать тому назад. Кто-то украл слайды, а Уолт не сделал с них отпечатки, так что эти слайды в большинстве своем утрачены.

Во всяком случае, Лавкрафт послал Джонкилу и мне копию «Кошек Ультара», в последней брошюре, опубликованной Робертом Барлоу. Это была часть нашего обмена подарками на Рождество 1936 г. Именно этот случай и послужил вдохновением для тех иллюстраций.

— *Ни одна из иллюстраций никогда нигде не публиковалась, это так?*

— Да, именно так. Хотя, мне известны люди, у которых все еще есть несколько штук. Похоже, и у меня самого завалялась парочка — «Замок, по имени Туман» и еще какая-то одна.

Потом, когда я писал «Странника», я сделал модели этой планеты, Странника, чтобы продемонстрировать самому себе, как на ее поверхности при вращении один за другим появляются символы. После того как я сделал эти модели, мне пришло в голову сделать из Странника мобиль, ну, Вы знаете, самый простой вид мобиля.

Примерно лет десять назад я заинтересовался стереометрией. Я никогда не изучал стереометрию! Я занимался тригонометрией, и геометрией, и алгеброй, а потом перешел к изучению высшей математики в Чикагском университете. Меня просто зачаровали пять многогранников Платона, и я дошел от равнобедренных треугольников до додекаэдра и двадцатигранника — ну, Вы знаете, один состоит из двенадцати пятиугольников, а другой — из двадцати равнобедренных треугольников. В «Рассказе о черной печати» Артур Мэйчен упоминает двадцатигранник: у старого профессора есть камень такой формы. В «Обитателе тьмы» Лавкрафт использует неправильный многогранник — «Сияющий трапезоид». Единственная модель пяти многогранников, которую я сделал, висит здесь в моей кухне.

— *Это та самая модель, которая видна на Вашей фотографии в книге «Лица научной фантастики», не так ли?*

— Да, это так. Я стою в дверном проеме между этой комнатой и гостиной. Вы можете видеть модель на заднем плане, над моим плечом; по крайней мере, ее часть.

Все это — модели и иллюстрации — единственное, что я когда-либо пытался сделать. У меня нет никаких талантов рисовальщика, так что я всегда пытался сделать какое-нибудь механическое приспособление, чтобы искусство выглядело по меньшей мере немного профессионально.

— В интервью «Враждебному критику» (1973 г.) Вы упомянули, что чувствуете «склонность к грустному». Вы все еще продолжаете испытывать такие чувства?

— Ну, я думаю, мне нравится грусть, мрачное искусство, как «Меланхолия» Дюрера. Мне нравятся пьесы Ибсена и фильмы Бергмана, особенно три его великих фильма: «Улыбки летней ночи», «Дикая земляника» и «Седьмая печать». Это, и картины Эдварда Мунха.

— А как насчет сходства между «Седьмой печатью» и Вашим рассказом «Бросать кости»?

— Это все шахматы. Шахматы — моя любимая тема, которая встречалась в нескольких рассказах.

— Вы участвовали в последнее время в каком-нибудь шахматном турнире? Добивались успеха?

— Нет, нет. Я думаю, что последний какой бы то ни было шахматный турнир, в котором я участвовал, произошел примерно на третьем году моей жизни в Сан-Франциско. По-моему, это было в начале 1972 г. Я участвовал в любительском, без категорий, турнире в «Корнер Хауз», итальянском ресторане, и в турнире в небольшом ресторанчике под названием «У Паоли».

Я помню, как я шел от своей квартиры, которая тогда была близко, в доме 811 по улице Гиэри, на турнир в деловом квартале. Ресторанчик «У Паоли» был расположен неподалеку от Сакраменто и Хансон-стрит. И пока я шел на этот турнир, я задумался над проблемой адресов в книге Дэшила Хэмметта «Мальтийский сокол». Я написал об этом небольшую статью, которая была опубликована в еженедельном журнале «Калифорнийская жизнь». Потом один мой приятель, парень по имени Дон Херрон, с которым я познакомился пару лет спустя, взял эту статью за основу, исследовал проблему более тщательно и создал экскурсию о Дэшиле Хэмметте.

— Писали ли Вы что-нибудь для ежедневных выпусков комикса «Бак Роджерс» или только для воскресных выпусков?

— И для того, и для другого. Я сотрудничал с ними около года и делал подписи и к воскресным, и к ежедневным выпускам.

— Это было приятной работой?

— О да. Мне она нравилась, потому что мои друзья — в то время по меньшей мере один, Генри Каттнер, — писали подписи к различным комиксам. «Зеленая лампа», «Бэтман и Робин» и т. п. Мне нравился «Бак Роджерс», над которым в то время работало несколько писателей — большинство из них писало научную фантастику. А мне всегда хотелось немного переделать подписи, чтобы они были похожи на ранние книги Хайнлайна — «Космического курсанта» и т. д. Дошло до того, что мне хотелось

больше систематизировать места, куда отправлялись герои, так чтобы Бак переходил от одного приключения к другому и хоть немного обращал внимание на то, чтобы сделать их чуть более реалистичными. Когда я заставил его вернуться в штаб Петулло и заняться изучением различных новых предметов, Король Синдикат начал возражать. Совсем не то, что нужно, как они считали: слишком много академичности, слишком мало приключений.

А потом я обнаружил, что пытаюсь усложнить сюжеты и в конце концов мне стало казаться, что я делаю слишком много за ту сумму, которую получаю, так что через год я бросил это дело. Но в то время я зарабатывал на этом деньги, которые были очень кстати. Это было где-то через два или три года после того, как я ушел из «Сайенс Дайджест», чтобы отдавать все свое время сочинительству.

— *А как насчет журнала «Плэйбой» и «Всех сорняков мира»?*

— «Плэйбой» с энтузиазмом отнесся к этому рассказу, потому что в нем шла речь о марихуане. Это было в начале эпохи распространения наркотиков. Рассказ был коротким даже для «Плэйбоя», хотя мне кажется, что в нем было на самом деле около трех тысяч слов. По-моему, мне заплатили где-то около семисот или восьмисот долларов. Я слышал тогда, что они всегда платят примерно такой минимум.

В то время у меня, конечно, был литературный агент. Он не был таким уж напористым, но мы с ним очень, очень хорошо ладили. Он также в течение долгого времени был агентом Блоха. Я нанял его как раз в то время, когда вновь возвращался к сочинительству после всех проблем, связанных с лечением от алкоголизма, в конце 50-х гг.; эти проблемы очень помешали продаже моих рассказов. За два или три года в журналах не появилось ни одного моего рассказа.

— *Художники и писатели обычно верят в то, что алкоголь якобы помогает в работе. Так ли это?*

— Я в это на самом деле не верю. Без сомнения, моя работа в каком-то общем смысле продвинулась благодаря тому, что я употреблял алкоголь. Мне кажется, я начал и продолжал пить для того, чтобы получать удовольствие от вечеринок, где люди выпивали. Я использовал эти вечеринки как предмет, как средство общения с различными людьми, чтобы обеспечить некую свободу в разговоре, так чтобы больше говорить обо всем на свете и поощрять беседы, в особенности с женщинами. Конечно, это помогло мне, я бы сказал, начать вращаться в обществе. Однако потом алкоголь стал более необходимым, как это обычно бывает, и разговоры начали становиться из-за него все более тривиальными. Каких-то прорывов больше не было.

В сущности, я никогда по-настоящему не пытался писать и одновременно пить. Даже в те периоды, когда я и пил, и писал, и писал по утрам, с похмелья, ну, Вы знаете, и не начинал пить

до тех пор, пока не дописывал все, что было намечено на этот день. Я никогда не думал, что смогу найти вдохновение в бутылке.

Единственное время, когда я пил и писал одновременно, — когда создавалось «Зеленое тысячелетие». Я пил и писал, и основным результатом было около восьми страниц в день, и первые четыре из них было довольно понятными. Но потом следующие четыре страницы постепенно становились все менее понятными, и их приходилось переписывать на следующий вечер.

Когда я писал «Тарзана и Золотую долину», мне пришлось заканчивать его в очень сжатые сроки, так что я писал утром и вечером. Во время первого «сеанса» я пил кофе, а во время второго — кофе и брэнди. Потом, по мере продвижения книги, я начал понемногу пить и по утрам.

Во всяком случае, в трех или четырех случаях, когда у меня был наполовину сделанный, наполовину написанный рассказ или повесть, я пил, чтобы его закончить. Я обнаружил, что могу это сделать, потому что весь рассказ уже был завершен в общих чертах. Алкоголь просто помогал преодолеть блок в сознании, не позволяющий мне писать. Последняя треть новеллы «Корабль теней» была написана подобным образом, последняя треть рассказа из серии о Фафхрде и Мышелове, «Снежная женщина», о юности Фафхрда, написана точно так же. Я дописал обе эти вещи до половины и потом обнаружил, что не смогу их закончить без помощи алкоголя. Вот так все это вышло.

— *Вы не против сказать пару слов о нескольких Ваших рассказах?*

— Нет, абсолютно!

— *Как насчет «В черном есть своя прелесть»?*

— Он никогда не переиздавался. Это было очень личное. В нем описывались отношения между мной и моей женой Джонкил, особенно в последние годы нашей совместной жизни, когда она тоже много пила. В течение последних пяти лет, что мы провели вместе, до ее смерти в 1969 г., мы то переставали пить, то начинали снова.

Да, в этом рассказе была отражена темная сторона постоянного спора между нами.

— *«Призрачный свет»?*

— У него был подобный источник. Я писал как бы о смерти жены и о моем чувстве вины. Дело не в преступлении, совершенном во время провала памяти, вызванного алкоголем. Что такое провал памяти? Я имею в виду, до какой степени это механизм психологической защиты? Вот вопросы, которые я пытался поднять.

— *«Жуткие фантазии»?*

— Этот рассказ был написан для покойного Терри Карра, для антологии, которую он планировал. Он так и не смог продать эту антологию и где-то через год вернул рассказы авторам. А потом Стю Шифф взял рассказ для своей антологии «Смерть».

— *Были ли какие-нибудь проблемы при продаже этой книги?*

— По-моему, у «Плэйбоя» были с этим трудности. Продажа шла довольно плохо. Я помню, что я так и не получил процентов с продажи!

— *Будет ли этот рассказ когда-нибудь опубликован заново?*

— Наверно будет, в каком-нибудь сборнике ужасов, в котором я буду печататься в будущем. «Сkrim Пресс» хочет издать книгу моих рассказов ужасов; в ней будут и «Жуткие фантазии», вместе с «Создателем пуговиц» и несколькими другими рассказами, которые более-менее редко переиздавались.

— *Над чем Вы работаете сейчас?*

— Я пишу длинную новеллу или повесть «Мышелов спускается вниз»; это самое главное. Также надеюсь закончить еще один рассказ из серии «Война перемен», что-то типа непосредственного продолжения «Великого времени» и «Никакой серьезной магии». Я уже написал около ста страниц этого рассказа; я работал над ним в 1963 г., и мне еще придется написать столько же или даже еще больше. Называется это «Кровавый обряд», действие происходит в Риме во времена Юлия Цезаря и приурочено к датам жизни Цезаря.

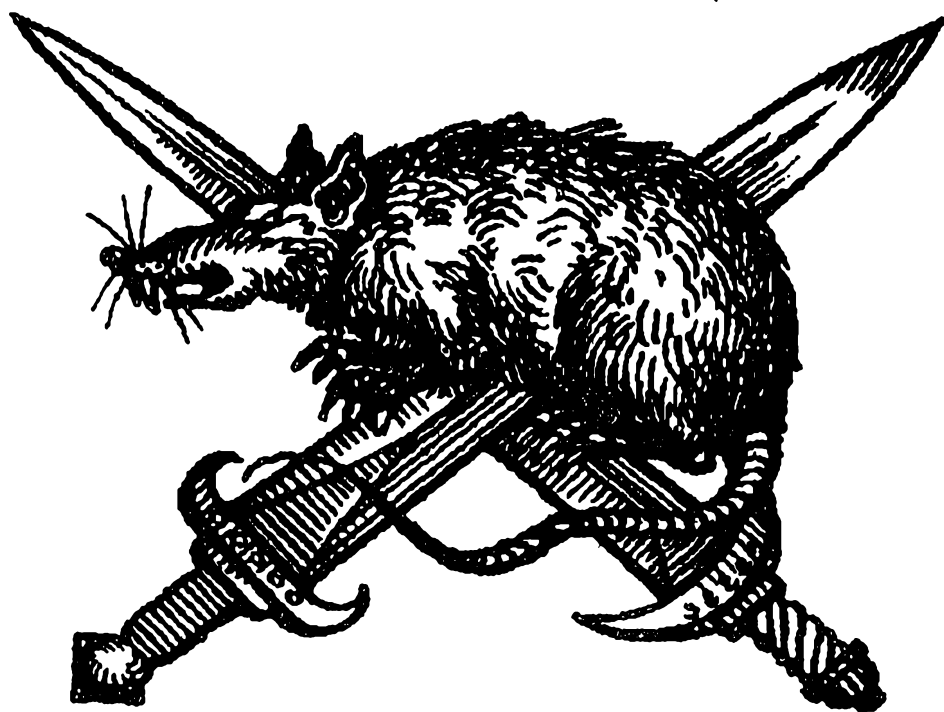
Это вот пара. У меня есть еще задумки для пары «кошачьих» рассказов, про кота Гаммича, которые я также надеюсь написать.

— *Что Вас еще заботит сейчас, кроме литературной работы?*

— У меня есть кое-какие политические заботы, хотя я не очень активный в политике человек. У меня все еще очень либеральные политические взгляды. Я озабочен тем, как заканчивается правление Рейгана, особенно в Центральной Америке — ну, Вы знаете, Никарагуа, контраст и все такое. Я пытаюсь идти в ногу со временем.

Кстати, в том, что касается моего физического состояния, в последний год у меня стало ухудшаться зрение. Скоро я должен буду — время еще не назначено точно — перенести операцию от катаракты — имплантацию хрусталика. По крайней мере, я надеюсь на это. Из-за этого я почти ничего не читаю. Надеюсь, мое зрение восстановится, так как подобные операции в большинстве своем проходят очень успешно. По крайней мере тут я чувствую полную уверенность.

ЗЛО
ВСТРЕЧАЕТСЯ
В ЛАНКМАРЕ

Тихо, как призраки, два вора проскользнули в распахнутые настежь двери лавки «Дженго — торговец драгоценностями», осторожно обошли труп угодившего в ловушку стража-леопарда и, нырнув в черную пелену ланкмарского тумана, устремились на восток по улице Толстосумов.

На восток идти было безопаснее, так как к западу, на углу Серебряной и Толстосумов денно и ночью шмыгали по мостовой подошвы сапог неподкупной стражи. Стражники палили zenки в темноту и звенели своими тяжелыми алебардами.

Но высокий Спевис, кандидат в мастера своего дела, и толстый остроглазый Фиссиф, общепризнанный специалист по надувательству, особого беспокойства не испытывали. Все шло как по маслу: у каждого в кошельке лежал кисет, а в нем драгоценности самого отменного качества. Грабители сняли сливки, оставив молоко нетронутым, поскольку лавочник Дженго должен был оправиться от налета и продолжать дело, пока не обрастет новым жирком. Самого же Дженго налетчики оставили в лавке валяться без сознания, съездив ему пару раз по морде. Таков закон воровской Гильдии: если ты не законченный кретин, то никогда не убивай курочку, которая несет золотые яйца.

Воры спешили домой. Не к жене, не к детям или родственникам, а прямоком в Дом Воров — обитель и убежище всемогущего союза, который стал ворами и отцом и матерью одновременно.

Грабители беззаботно топали по тротуару. Несмотря на то, что из всего оружия у них имелось при себе лишь по традиционному воровскому ножу с серебряной рукояткой, удачливые налетчики могли не беспокоиться о своей безопасности. Их бесценное

здоровье охраняли трое наемных убийц, нанятых на один вечер. Один из них крался впереди в роли наблюдателя, двое других маячили сзади, прикрывая тылы. А на тот случай, если наемники по какой-нибудь причине проколются, у воров про запас было еще кое-что. Рядом со Спевисом и Фиссифом вдоль стен беззвучно кралось маленькое существо, представлявшее собой странный гибрид, такую дикую смесь крысы, кота и собаки.

Правда, этот последний страж не внушал особого доверия. Уж больно трусливо он прячется в тени домов да поджигает хвост. Фиссиф даже позволил себе украдкой прошептать на ухо Спевису:

— Черт меня подери, если мне нравится этот дружок, как бы усердно он нас не охранял. Плохо, что Кровус купился и позволил себя завлечь колдуну с дурной репутацией, и...

— Закрой помойку! — еще тише прошипел Спевис.

Фиссиф повиновался и, пожав плечами, продолжал свой путь, внимательно поглядывая по сторонам.

У поворота на Золотую улицу, как раз прямо по курсу, над мостовой нависал двухэтажный переход, соединявший два дома в единое целое. Это было творение архитектора Роккермаса и скульптора Слаарга. Здания украшали огромные картины-барельефы и невероятно толстые колонны самых причудливых форм. Горожане использовали колонны, действуя явно не из любви к прекрасному, и благородный мрамор был сплошь облеплен разнокалиберными бумажками объявлений, плакатиков и прочей чепухи.

Разведчик-наемник тихо свистнул, сообщая, что дорога свободна, никаких засад и, вообще, ничего подозрительного.

Но несмотря на сигнал разведчика, Фиссиф почувствовал себя как-то неуютно на этой темной улице рядом с громоздким творением Роккермаса и Слаарга. По правде говоря, толстый вор был чересчур осторожным и даже трусливым. Поэтому теперь он пристально вглядывался, осматривая на предмет

подвоха каждый выступ и каждую каменную завитушку.

Вот рядом темнеют три большие ниши, в которых замерли гипсовые статуи в рост человека. Ланкмарские туманы потрудились на славу, и, некогда белые и чистые, статуи давно уже стали грязно-серыми и блеклыми. Фиссиф приметил их, когда шел к Дженго. Теперь же ему показалось, что первая справа статуя чуть изменилась. Скульптура — человек среднего роста в плаще с капюшоном, скрещенные руки на груди, застывший взгляд, устремленный в пустоту. Статуя по-прежнему оставалась темно-серой — плащ, капюшон, лицо, но черты лица как будто заострились. Еще она казалась не столь уж изъеденной временем и, Фиссиф мог поклясться, — статуя стала ниже ростом.

Больше того, — обломки штукатурки на мостовой. Раньше их не было. Фиссиф попытался вспомнить, не слышал ли он грохота, когда орудовал с приятелем у ювелира. Да, слышал. Воображение тут же нарисовало вору картинку, как кто-то спихивает вниз на него и Спевиса одну из статуй. На первой, так сказать, поставили опыт, а потом заменили почти аналогичной.

Что ж, когда они со Спевисом подойдут поближе, надо будет смотреть в оба, тогда, может, он увидит, как одна из статуй падает. Но следует ли в этом случае спасать Спевиса? Есть над чем раскинуть мозгой...

Настороженным взглядом вор продолжал шарить по портикам и колоннадам, которые располагались в самых причудливых сочетаниях и формах. Видать, у этих Роккермаса и Слаарга шайба была явно не на месте...

Фиссифу показалось, что колонн явно прибавилось. Он не мог точно сказать, какой из колонн раньше не было, но уже не сомневался: тут что-то не так.

В довершение ко всему, Фиссиф заметил ряд новых деталей в подозрительной скульптуре. Она, хотя и стала ниже, теперь стояла более прямо, тогда как хмурое выражение лица, такую философскую за-

думчивость, сменила нахальная маска самодовольства.

Но ни одна из статуй не упала, когда Фиссиф со Спевисом вступили в тень под каменным переходом. Произошло нечто иное.

Одна из колонн подмигнула Фиссифу.

Серый Мышелов — а это был именно он — ожил в правой нише. Он сбросил личину статуи, ухватился за карниз и, неслышно перепрыгнув на плоскую крышу, пересек ее как раз вовремя, чтобы увидеть двух налетчиков, появившихся из-под каменного перехода.

Без колебаний Мышелов прыгнул вниз. Гибкое тело слетело с крыши, как выпущенная из арбалета стрела.

Налетчики только то и успели, что Спевис выхватил нож, а Фиссиф заорал дурным голосом. Сапоги из крысиной кожи обрушились на плечи толстяка. Это было все равно, что спрыгнуть на большую пуховую перину. Не успела голова налетчика удариться о булыжник с глухим «бум», как Мышелов уже стоял на ногах с мечом в руке, готовый сразиться хоть с самим чертом.

Но сразиться оказалось не с кем. Колонна, странным образом научившаяся подмигивать прохожим, выскочила вперед, таща за собой объемистое одеяние. Большой капюшон был откинут, открывая юное лицо и спутанные пряди волос. Из длинных, свободных рукавов, служивших верхней частью колонны, показались крепкие, загорелые руки. Одна из них нанесла Спевису быстрый и точный удар в подбородок. Глаза Спевиса вылезли из орбит, как у жабы, на которую наступила лошадь, он хрюкнул и мешком свалился на мостовую.

Фиссиф сомневался не напрасно. Мраморная колонна преподнесла небольшой сюрприз, оказавшись человеком по прозвищу Фафхрд...

Ожившие произведения искусства стояли не шевелясь, разглядывая друг друга. У их ног скрючились тела налетчиков.

Фафхрд первым нарушил молчание:

— Похоже, мы здесь по одному и тому же делу.

— Похоже? На что это похоже, я не знаю, но

стоим мы на одной дорожке! — резко ответил Мышелов, пожирая взглядом своего нового потенциального противника, который был на голову выше валяющегося без чувств Спевиса.

— Мудрено сказано! — дружелюбно заметил Фафхрд. — Приятно видеть в сопернике цивилизованного человека...

— Цивилизованного? — с подозрением переспросил Мышелов, еще крепче сжимая рукоять меча.

— Ага! — улыбнулся Фафхрд.

Его взгляд скользнул по кошельку одного из налетчиков, затем он отыскал кошель другого. Фафхрд лукаво сощурился и предложил кратко и доходчиво:

— Пополам?

Секунду поколебавшись, Серый вложил оружие в ножны и кивнул:

— Договорились.

Встав на колени, он принялся отвязывать драгоценную ношу с пояса Фиссифа.

Склонившись над своей долей добычи, Фафхрд как бы между прочим заметил:

— Этот.. хорек, который был с ними, где он?

— Хорек? — отозвался Мышелов. — Скорее уж это мартышка!

— Мартышка... — задумался Фафхрд. — Маленькая тропическая обезьянка... Но мне показалось...

Бесшумная, стремительная атака из темноты застала поделщиков если не врасплох, то, по крайней мере, была той маленькой радостью, какую испытывает молоденькая кокетка, случайно наступившая на коровью лепеху своей изящной туфелькой.

Трое наемников-убийц ревностно кинулись на защиту своих измордованных хозяев, выставив для широкого обозрения блестящие клинки, будучи полностью уверены, что уличные шакалы-дилетанты наделают в штаны и разбегутся, едва завидев мечи профессиональных отрывателей голов. Однако каково было их разочарование, когда Фафхрд и Мышелов проворно вскочили и, встав спина к спине, бесстрашно встретили нападающих.

Мышелов с легкостью парировал удар своего противника. Клинок наемника проколол пустоту в том

месте, где, по логике вещей, еще секунду назад должна была быть грудь Мышелова. Серый нанес ответный удар. Убийца быстро отступил, ставя клинком глухую защиту, как бы показывая, что он тоже не лыком шит и не собирается уступать какому-то уличному оборванцу. Серый ударил еще раз. Наемник опять блокировал удар и сам сделал стремительный выпад. Острие длинного узкого лезвия Мышелова прервало эту атаку с деликатностью принцессы, отвечающей реверансом на любезный поклон кавалера. Клинок рванулся немного вверх и вперед, прошел между пластин защитной куртки наемника, скользнул между ребер и вышел из спины с такой легкостью, будто сталь резала бисквитное пирожное.

Тем временем Фафхрд вовсю орудовал своим длинным и тяжелым мечом, отражая нападение сразу двух наемных убийц.

Того, кто налетел первым, здоровяк Фафхрд одним точным ударом напрочь лишил половины черепа. Однако вплотную заняться вторым наемником, который уже целил клинком в бок, Фафхрд не успел.

Серый Мышелов явно не стремился к разнообразию фехтовальной техники. Он тупо уложил соперника Фафхрда прямым выпадом в спину.

Драться было больше не с кем.

Фафхрд вытер правую пятерню об одежду и протянул ее Мышелову, который, стянув серую перчатку, пожал руку напарнику.

В полном молчании они снова опустились на колени и закончили обирать воров.

Мышелов вытащил из-за пазухи сухую чистую тряпицу, стер с лица хитрую смесь пепла с мелом и маслом, делающую кожу темной, и взглядом указал напарнику на восток. Фафхрд кивнул, и подельщики направились в ту же сторону, куда еще недавно так спешили Спевис и Фиссиф со своим эскортом.

Выйдя на Золотую улицу, напарники огляделись и по предложению Фафхрда двинулись дальше по улице Толстосумов.

— Моя женщина поджидает меня в «Золотой Миноге», — объяснил Фафхрд.

— Прихватим ее и отправимся домой к моей... — предложил Мышелов.

— Домой? — переспросил Фафхрд.

— В Тусклый переулок, — объяснил Серый.

— Это там, где «Серебряный Угорь»?

— Да, сразу за ним. Кстати, можно будет вместе выпить.

— Кувшинчик — другой я с удовольствием опрокину. После работы заправиться не помешает.

— Верно! А я тебе помогу.

Они прошли несколько кварталов. Вдруг Фафхрд остановился и, пристально вглядываясь в своего нового товарища, заявил:

— Черт возьми, мы ведь встречались уже!

В ответ Мышелов усмехнулся:

— Побережье Холодных Гор, если мне память не изменяет.

— Точно! Тогда я был юнгой на пиратском корабле.

— А я учеником чародея.

Фафхрд вновь вытер свою здоровенную лапу об одежду и с явным удовольствием пожал Мышелову руку.

— Меня зовут Фафхрд!

— Серый Мышелов, — заявил тот слегка вызывающе, как бы предупреждая, что любая насмешка над его прозвищем чревата тяжелыми последствиями для организма наглеца. Потом спросил, наклоня голову, чтобы лучше расслышать ответ:

— Может быть, я идиот, но скажи внятно, как звучит твое имя? Фафхрад... Фофхрыд... Фыфхруд...

— Только Фаф-хрд! И никак иначе!

— Понял...

Они отправились дальше.

— Послушай, Мышелов, — заметил Фафхрд, — я рад, что этой ночью тебе удалось пристукнуть парочку крыс.

— Верно, — Мышелов выпятил грудь и горделиво откинул голову. Затем комично продудел в нос и, полусмеясь, признался: — Ты и сам с легкостью справился бы со вторым. Я украл его у тебя, чтобы

показать прыть и сноровку в деле фехтования. Кроме того, я завелся. А это может случиться с каждым.

Фафхрд хмыкнул:

— И это ты говоришь мне? У меня внутри тоже не ручейки журчали...

Когда они пересекали улицу Сводников, Фафхрд осторожно спросил:

— А что твой колдун... Научил тебя чему-нибудь, или как?..

Мышелов ничего не ответил. Только еще выше задрал голову, выгнув губы в презрительной усмешке. Но про себя подумал:

«Что такого особенного я нашел в этой грудке мяса, которая шагает рядом со мной? Почему ему удалось развеять мою вечную угрюмость, черт подери? Наверное, я как родился дураком, так им и помру...»

Серый не подозревал, что подобные мысли крутятся сейчас в голове у Фафхрда. Тот всю свою жизнь не доверял людям маленького роста, зная, что его собственные габариты вызывают у них зависть. Но этот малый, этот Серый Мышелов, явно составлял исключение из правил.

«Разрази меня гром, но мне хочется, чтоб этот коротышка понравился моей Влане...»

На углу улицы Потаскушек горел фонарь, — широкий, составленный из нескольких спиралей конус. Его свет с трудом пробивался сквозь черную завесу ночного тумана. Другой такой же фонарь висел над дверью таверны. В желтом круге света под фонарем стояла женщина, роскошная красotka в черном бархатном платье, красных чулках и с кинжалом в серебряных ножнах на поясе.

Это была Влана.

Фафхрд представил ей своего приятеля. Мышелов поздоровался с почти подбострастной любезностью, и Влана, внимательно оглядев нового знакомого, одарила его улыбкой. О такой улыбке говорят — «на пробу...»

Фафхрд, с довольной ухмылкой, извлек из складок одежды маленький кисет и неторопливо развя-

зал кожаный шнурок. Луч света отразился от причудливых граней драгоценных камней. Да, у старины Дженго неплохой вкус, воры прихватили из его лавки отменные образцы ювелирного искусства.

Увидев все это великолепие, Влана хлопнула в ладоши, обняла Фафхрда и расцеловала. Здоровяк Северянин чуть не лопался от распиравшей его гордости.

Как только Влана поумерила свой пыл, Фафхрд объявил:

— Послушай-ка, дорогая. Я пойду куплю кувшинчик вина, надо отметить нашу встречу. А Мышелов пока расскажет тебе, как мы обстряпали сегодняшнее дельце...

Не прошло и пяти минут, как Фафхрд появился на пороге «Золотой Миноги», левой рукой прижимая к груди четыре кувшина, а правой вытирая мокрые губы.

Влана нахмурилась, но Северянин улыбнулся ей, а Мышелов, не теряя времени, подхватил один из кувшинов, распечатал и сделал изрядный глоток.

Они отправились дальше на восток по улице Толстосумов. Фафхрд решил, что его подруга хмурится из-за перспективы очутиться на дурацкой мужской пирушке. Мышелов, осознав всю деликатность момента, чуть опередил своих спутников.

Наконец, его фигура превратилась в мутное пятно в мареве тумана. Влана зло прошептала:

— Вы избили двух членов воровской Гильдии и не перерезали им глотки?

— Мы убили трех бандитов, — оправдывался Фафхрд.

— Я не ссорилась с братством Убийц, а только с Гильдией Воров. И ты мне поклялся при первой возможности...

— Влана! Не мог же я, в конце концов, позволить думать своему новому приятелю, что перед ним во-ришка-любитель, этаким кровожадный сопляк, страдающий в придачу истерией...

— И отдал ему часть добычи?

— А ты хотела бы наоборот? Он, может статься, жизнь мне спас!

— Твой друг заявил мне, между прочим, что не моргнув глазом перерезал бы вора́м глотки, если б знал, что я этого так хочу.

— Он всего лишь подыгрывал тебе, — буркнул Фафхрд.

— Может быть. Но ты знал и не...

— Разрази меня гром, а не заткнуться ли тебе?!

Влана одарила Северянина полным ярости взглядом и зло рассмеялась, хотя губы ее дрожали, словно она собиралась заплакать. Однако девушка быстро овладела собой и заулыбалась дружелюбнее.

— Прости меня, дорогой, — попросила она как можно ласковее, — ты, наверное, думаешь, что я схожу с ума... Временами я и сама начинаю в это верить...

— Ничего я такого не думаю, — спокойно бросил Фафхрд. — Вспомни-ка лучше о мешочке, полном разноцветных камушков. Славная добыча! — Фафхрд широко улыбнулся. — Смочи себе горло вином и успокойся. И будь мила с нашими новыми друзьями. Сегодня я хочу повеселиться от души!

Влана кивнула и в знак согласия прижалась к широкому плечу Фафхрда. Они поспешили нагнать маячивший впереди силуэт.

Мышелов свернул налево, провел их полквартала на север по Дешевой улице, а затем снова свернул на узкую улочку, ведущую на восток.

Черный туман сгустился.

— Тусклый переулок, — объяснил Мышелов.

Фафхрд кивнул, он знал это место.

А Влана заметила:

— Тусклый — слишком слабо сказано. Для сегодняшней ночи он чересчур светлый. — Она нервно засмеялась, потом приглушенно закашляла. — Будь проклят этот ланкмарский туман! Не город, а сущий ад!

— Что поделаешь... Великая Соленая Топь близко, — пояснил Фафхрд.

Объяснение было абсолютно верным. Расположившись в низине между болотом, рекой Хлал и южны-

ми зелеными полями, соединенными с рекой многочисленными каналами, Ланкмар был местом средоточия густых туманов, этаким обителем тяжелых, зловонных испарений. Не удивительно, что горожане своей традиционной одеждой считали черную тогу. Правда, старики болтали, что когда-то любимыми цветами Ланкмара были белый и светло-коричневый. Однако туман, густой и липкий, заползал в каждую щелку, цеплялся за каждый выступ, и светлые одеяния горожан быстро превращались в бурые лохмотья. Возникла необходимость в бесчисленной армии прачек. Поэтому тридцатый Правитель Ланкмара издал указ об изменении цвета одежды...

На полпути к Каретной улице из темноты вынырнула таверна. Над дверью вместо вывески висела какая-то нелепая загогулина, нечто вроде металлического креста.

Они прошли мимо обитой кожей двери, в ноздри ударила волна винного перегара и вонь нещадно чадающих факелов.

Сразу за «Серебряным Угрем» Мышелов свернул в темный проулок, начинавшийся у восточной стены таверны. Им пришлось идти гуськом, держась как можно ближе друг к другу, нащупывая дорогу и рискуя оступиться на скользкой, разбитой мостовой.

— Идите аккуратнее, — напомнил Мышелов. — Здесь попадают лужи, бывают такие глубокие, как внутреннее море.

Проулок стал шире. Слабый свет фонаря, прорываясь сквозь туман, позволял лишь с большим трудом различить контуры стоящих вокруг зданий. Справа поднималась глухая высокая стена, слева, прилепившись вплотную к «Серебряному Угрю», стоял дом из потемневшего кирпича и старого, черного дерева. Фафхрду и Влане на первый взгляд дом показался заброшенным, но, приглядевшись повнимательней, они увидели, что на четвертом этаже, прямо под ветхой кровлей, из трех тщательно занавешенных окон пробиваются слабые полосы света.

Позади дома тянулся еще один узкий, темный проулок.

— Это Аллея Костей, — объяснил Мышелов то-

ном, не терпящим возражения и, тем более, насмешек. — А рядом — Навозная улица...

— Да, запах оправдывает название, — хмыкнула Влана.

Подойдя вплотную к старому, обветшалому зданию, Влана и Фафхрд разглядели длинную деревянную лестницу без перил. Она вела прямоком на освещенный чердак. Мышелов взял у Фафхрда кувшины с вином и проворно полез наверх.

— Идите за мной, — крикнул он оставшимся внизу приятелям. — Надеюсь, ступени еще не до конца прогнили. Это касается тебя, Северянин! Так что идите по одному.

Фафхрд мягко подтолкнул Влану вперед. Девушка осторожно полезла туда, где в дверях, из которых лился поток желтого света, стоял Мышелов, небрежно опираясь на большую пустотелую подставку для фонаря, прочно вделанного в каменную стену.

Добравшись благополучно до желтого квадрата открытой двери, Влана перевела дух и почему-то глупо хихикнула. Мышелов посторонился, и девушка вошла в дом.

Фафхрд начал восхождение, стараясь держаться как можно ближе к стене, готовый в любой момент вцепиться в какой-нибудь выступ или трещину, чтоб не шмякнуться вниз и не опозориться перед новыми знакомыми.

Где-то на полпути Северянин, к своему неподдельному ужасу, услышал характерный звук ломающегося гнилого дерева. С максимальной осторожностью Фафхрд оперся коленом на следующую ступеньку и тихо выругался,

— Не трусь, кувшины в безопасности, — засмеялся сверху Серый Мышелов.

Оставшуюся часть пути Фафхрд проделал на четвереньках и выпрямился только тогда, когда достиг цели. А потом...

Потом он едва не задохнулся от изумления.

Наверное, так чувствует себя ювелир, взяв невзрачное, дешевое колечко и вдруг обнаружив, что в грошовую медную оправу вставлен бриллиант чистой воды...

Богатые драпировки с мерцающим золотым и серебряным шитьем покрывали все стены, за исключением тех мест, где располагались окна. Однако и оконные проемы не миновала щедрая рука Фортуны, и они были украшены узорчатыми золотыми ставнями. Низкий потолок был искусно отделан темной тканью, так что создавалось впечатление, будто над головой купол какого-нибудь храма. Нашитые на темную ткань золотые блестки были похожи на звезды в ночном небе. Повсюду лежали большие пуховые подушки, стояли низкие столы с подсвечниками. На полках вдоль стен были аккуратно разложены запасные свечи, свитки пергамента, кувшины, бутылочки, шкатулки чудесной ювелирной работы. Возле большого зеркала на дамском столике заманчиво переливались драгоценности. Рядом с камином умелой рукой была пристроена небольшая железная печка, тут же высилась пирамида тонких факелов, лежали куски черного угля.

На низком помосте напротив камина находилось крытое расшитым покрывалом ложе. Там сидела худенькая, бледная девушка в платье из фиолетового шелка, перетянутого на талии тонкой серебряной цепочкой. Ноги девушки украшали чудесные тапочки из белого меха снежной змеи. Серебряные заколки придерживали черные волосы, собранные в высокую прическу. Довершал наряд роскошный меховой палантин.

Слегка подавшись вперед, девушка протянула Влане угловато-грациозным жестом узкую белую руку. Влана опустилась перед незнакомкой на колени, осторожно взяла протянутую руку и поцеловала.

Фафхрд в душе порадовался, увидев, как его подруга с успехом исполняет свою роль в совершенно необычной, хотя и восхитительной обстановке. Потом взгляд его скользнул по аппетитным ножкам Вланы. И только тогда Северянин заметил, что весь пол в комнате устлан толстыми многоцветными коврами самого отменного качества. Крепкий палец Северянина уперся в грудь Мышелова.

— Ты — Похититель Ковров! — прогремел Фафхрд. — Ковровый Мошенник! И Свечной Корсар

в придачу, — продолжил Фафхрд, имея в виду серию таинственных краж, рассказы о которых были у всех на устах, когда Северянин вместе с Вланой месяц назад приехали в Ланкмар.

Мышелов посмотрел на бесстрастное лицо Фафхрда, потом внезапно расплылся в улыбке, глаза его превратились в щелочки. Он протанцевал по комнате в каком-то нелепом, диком танце, оказался за спиной Северянина и ловко стащил с плеч Фафхрда его широкое одеяние с большим капюшоном и длинными рукавами, то самое, что незадачливые грабители из Дома Воров приняли за архитектурное излишество Роккермаса и Слаарга.

Тем временем девушка в фиолетовом платье жестом пригласила Влану сесть рядом. Подруга Фафхрда пристроилась на роскошном, просторном ложе, и девушки принялись тихо беседовать, причем в беседе доминировал голос Вланы...

Мышелов тоже снял свой серый плащ и положил его рядом с одеждой Северянина. Потом приятели отстегнули мечи. Без оружия и громоздкого одеяния они сразу превратились в юнцов, с гладкими, еще не знавшими бритвы, лицами. У Фафхрда оказалась густая, огненно-рыжая шевелюра, у Мышелова — черная челка. Один носил коричневую кожаную куртку, другой — короткую тунику из плотной, серой материи.

Приятели улыбнулись друг другу. То, что они вдруг из доблестных вояк превратились в безусых юнцов, привело их в явное замешательство. Мышелов кашлянул, прочищая горло, слегка поклонился, глянул недоверчиво на ухмыляющегося Северянина, повел рукой в сторону роскошного ложа и произнес явно заранее заготовленную речь:

— Фафхрд, мой добрый друг, позволь представить тебе мою принцессу. Ивриан, любовь моя, прошу тебя отнестись к Фафхрду благосклонно, ибо не далее, как сегодня вечером мы сражались спина к спине и одержали победу.

Фафхрд шагнул вперед, потрянул шапкой своих рыжих волос и преклонил колено перед Ивриан, точно так же, как это делала Влана.

На этот раз тонкая белая ручка протянулась увереннее, но, коснувшись ее, Фафхрд обнаружил, что девушка дрожит. Он принял руку с такой осторожностью, словно она была соткана из тончайших шелковых нитей. Северянин едва коснулся ее губами и застенчиво пробормотал нечто нечленораздельное и невразумительное, что должно было по всей видимости означать изысканные комплименты.

Однако Фафхрд не заметил, что Серый Мышелов нервничает ничуть не меньше своей подруги, а может быть и больше, моля изо всех сил, чтоб Ивриан не переусердствовала в своей роли принцессы и не отпугнула гостей, а также не разревелась, не бросилась бы к нему или не убежала бы в соседнюю комнату. Ведь Фафхрд и Влана были первыми, кого он привел в роскошное, свитое им для своей возлюбленной аристократки, гнездышко. Да, Северянин и его подруга были первыми. Если, конечно, не считать пары влюбленных пташек, что резвились в золоченой клетке возле камина...

Несмотря на всю свою проницательность, Мышелов и помыслить не мог, что именно его чарующее, но такое нелепое обхождение делало Ивриан похожей на куклу, хотя всего лишь месяца четыре назад эта отважная девушка сбежала из дома вместе с Мышеловом, предварительно вытащив Серого из камеры пыток...

Но теперь, когда Ивриан наконец-то заулыбалась, Мышелов с облегчением вздохнул, достал два серебряных кубка и бутылку с темным вином. Затем откупорил принесенные из таверны кувшины, перелил их содержимое в четыре сверкающих графина и поставил на стол.

Еще раз кашлянув, Мышелов проговорил:

— За мою самую крупную, в Ланкмаре, кражу! За добычу, которой мне волей-неволей пришлось поделиться, — он кивнул в сторону Фафхрда, — с этим огромным, длинноволосым, неотесанным варваром! — И он опрокинул в глотку кубок.

Северянин тоже хлебнул вина и ответил:

— За самого хвастливого, жеманного и циничного

малыша, с которым мне когда-либо приходилось делить добычу!

Мышелов вновь наполнил кубки. Затем сел рядом с Ивриан и высыпал ей прямо на колени драгоценности, взятые у Фиссифа. Камни засверкали, заискрились разноцветными огоньками.

Увидев эту маленькую, рукотворную радугу, Ивриан вздрогнула и отпрянула назад, едва не сбросив драгоценности на пол. Но Влана мягким жестом взяла ее за руку и стала что-то нашептывать на ухо аристократочке. Фафхрд понял, что затеяла Влана, и она, видимо, действовала правильно, так как Ивриан то и дело кивала одобрительно, а потом и сама зашептала что-то в ответ. По просьбе Ивриан, Влана достала с полки голубую шкатулку, и девушки вдвоем переложили туда драгоценности.

Потягивая помаленьку винцо, Фафхрд чувствовал, как смущение и скованность оставляют его. Он принялся внимательно разглядывать чудесные хоромы Мышелова. Слезы времени и гниения, скрытые за внешней роскошью и лоском, теперь не ускользнули от цепкого взгляда Северянина.

Черное, прогнившее дерево тут и там выглядывало из-под ковров. Потолок просел. По расшитой золотом драпировке спешил по своим делам большущий таракан. Ночной туман проникал сквозь шторы, оставляя на дорогой материи грязные разводы. Часть кирпичей, из которых был сложен камин, исчезла, другие крошились от времени...

Мышелов разводил в железной печке огонь. Возился он до тех пор, пока пламя весело не загудело, тогда Мышелов аккуратно прикрыл дверцу печурки и, довольный, прошелся по комнате.

Словно читая мысли Фафхрда, Мышелов взял несколько свечей и вставил их в подсвечники, мимоходом пристукнув обнаглевшего таракана. Затем он заткнул самые большие щели в окнах полосками шелка и бросил на Северянина внимательный взгляд, так, словно тот собирался сказать что-то нехорошее о кукольном домике принцессы.

Но Северянин счел за благо промолчать, и Мышелов, улыбаясь, поднял кубок.

— За Фафхрда!

Молодых людей охватило желание быть предельно искренними друг с другом.

Мышелов счел возможным пояснить:

— Отец Ивриан был герцогом. Мне пришлось убить его. Он был необычайно жестоким человеком, даже со своей дочерью обходился чересчур круто. Однако ж, был, как никак, герцогом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что Ивриан совершенно не способна сама о себе позаботиться. Я могу гордиться. Я обеспечил ее лучше, чем папаша-герцог со всеми его слугами.

подавив колкое замечание, Фафхрд кивнул и заметил дружелюбно:

— Кажется, ты выкрал себе уютное местечко. Под стать самому повелителю Ланкмара Овартамортису. Или, даже, Королю Королей из Тисилинилита.

Влана обратилась к приятелям хрипловатым контральто:

— Мышелов, твоя принцесса хотела бы послушать о приключениях этой ночи. И не могли бы мы еще выпить?

Ивриан добавила:

— Да, Мышелов, пожалуйста.

Серый глянул на Фафхрда, ища поддержки. Северянин кивнул одобрительно. Мышелов нацедил девушкам вина. Его оказалось мало, и Серый открыл другой кувшинчик, а поразмыслив, откупорил еще два, поставив один подле ложа, другой возле растянувшегося на полу в блаженной позе Фафхрда, а третий взяв себе.

Ивриан с тревогой, широко открыв глаза, глядела на это предвестие грядущей пьянки. Влана взирала на приготовления Мышелова с неприязнью, но не было сказано ни слова.

Серый принялся рассказывать историю о похищении сокровищ. Он дотошно описывал каждый эпизод, разыгрывал в лицах диалоги и монологи, и лишь в одном месте чуть приукрасил историю, заявив, что попугай-хорек, прежде чем удрать, попытался выцарапать ему глаза.

Мышелова прерывали лишь дважды.

Когда он сказал:

— И тогда, крутанувшись и поднырнув, я обнажил свой Скальпель...

Фафхрд перебил:

— Так значит у твоего меча есть прозвище?

Мышелов горделиво выпрямился и отвечал:

— Да! Представь себе! А свой кинжал я называю Кошачий Коготь. Может, у кого-то здесь есть возражения? Или кому-то это покажется наивным?

Фафхрд усмехнулся:

— Вовсе нет. Лично я величаю свой меч Серым Прутиком. Любое оружие в какой-то мере живое, разумное и достойно имени. Продолжай...

А когда Мышелов упомянул о твари неопределенной породы, что была вместе с ворами (и, кстати сказать, пыталась выцарапать Серому глаза), Ивриан побледнела и пролепетала дрожащим голосом:

— Мышелов! Это напоминает мне о колдовстве ведьм!

— Колдунов, — поправила принцессу Влана. — Трусливая гильдия деревенщин не имеет дел с женщинами, разве только для удовлетворения похоти. Но Кровус, их теперешний предводитель, известен как человек осторожный и чертовски изворотливый. Он вполне мог нанять какого-нибудь колдуна.

— Очень даже может быть, — согласился Серый Мышелов. — Этакая, представьте себе, пакость. Маленькая, лохматая, когти-крючки и зубы-шилья...

Последнюю фразу Мышелов произнес таинственным шепотом. Он с удовольствием согласился бы нести еще большую околесицу, лишь бы это выглядело в глазах девушек чем-то необыкновенным и... обязательно ужасным.

Когда Мышелов закончил рассказ, глаза девушек горели от возбуждения. Они подняли тост за Мышелова и Фафхрда, превознося их хитрость и храбрость. Мышелов галантно раскланялся, улыбка играла в глубине его лукавых глаз, и со вздохом облегчения растянулся на пушистых коврах. Вытерев со лба пот шелковой салфеткой, он приложился к кувшинчику и сделал изрядный глоток.

Теперь настала очередь Фафхрда. По просьбе

Вланы, Северянин поведал новым друзьям о том, как он бежал из своего клана далеко на Севере; как Влана странствовала вместе с бродячей актерской группой; как они встретились и пришли в Ланкмар, где теперь и жили в маленьком актерском квартале недалеко от площади Сомнительных Удовольствий.

Ивриан поближе прижалась к Влане, глаза принцессы всякий раз широко раскрывались, когда речь заходила о колдовстве.

Фафхрд подумал:

«Гм... Моя история как приятна, так и страшна. Что ж, вполне естественно, коль скоро эта девочка-кукла любит страшилки с привидениями. А ведь мой рассказ, ко всему прочему, еще и полностью правдив. Хе-хе... Принцесска живет в придуманном мире, половину которого наверняка создал сам коротышка Мышелов...»

Единственное, о чем Северянин умолчал, это о желании Вланы отомстить членам Гильдии Воров за то, что те до смерти замучили ее подругу, а саму Влану изгнали из Ланкмара, когда она пыталась, на свой страх и риск, заниматься воровским промыслом. Не упомянул Фафхрд и о своем обещании (глупом, само собой) помогать Влане в праведном деле мести.

Закончив рассказ, Фафхрд получил соответствующую порцию похвал.

И тут Северянин обнаружил, что сильно хочет пить, несмотря на частые прикладывания к кувшинчику. Решив, что пришла пора еще глотнуть винца, Фафхрд сделал открытие — и кубок, и кувшин были пусты. Северянину совсем не улыбалось закончить на этом попойку, поскольку вместе с окончанием рассказа весь хмель из Фафхрда улетучился.

С Мышеловом творилось нечто подобное. Он тоже, к собственному великому огорчению, оказался всего лишь полупьян, хотя и делал таинственные паузы, прежде чем отвечать на вопрос, а отвечая, подавался всем телом вперед.

Собравшись с мыслями, Мышелов предложил Северянину прогуляться за порцией свежей продукции.

— Но в нашем кувшине еще полно вина, — запротестовала Ивриан, — по крайней мере, есть не-

много, — поправились она, когда Влана встряхнула кувшин и выяснилось, что он тоже пуст. — К тому же, если хорошенько поискать, в доме найдется что-нибудь крепкое и прекрасного качества...

— Этого сорта нет, моя дорогая, — объяснил Мышелов, назидательно подняв палец. — А первое правило гласит: никогда не смешивай. Коктейли никуда не ведут, лишь к безумию.

— Моя милая, — сказала Влана, мягко похлопав Ивриан по руке, — на любой хорошей вечеринке наступает момент, когда мужчины, я имею в виду настоящих мужчин, вынуждены уйти. Ужасно глупо, но такова их натура. Тут уж ничего не поделаешь, поверь мне.

— Но я боюсь. Меня напугала история Мышелова. Да и Фафхрда тоже. Когда Серый уходил, я слышала, как что-то царапалось под ставнями. Большоголовое, крысиное...

Фафхрду показалось, что принцесса совершенно не боится, а говорит так только для того, чтобы продемонстрировать власть над своим возлюбленным.

— Дорогая, — слегка склонив голову, отвечивал Мышелов, — между тобой и теми местами, о которых рассказывал Фафхрд, со всеми тамошними колдунами, лежит море, земли Восьми Городов и горы Троллей, такие высокие, что их вершины царапают небо. К тому же, все это может быть либо пьяным бредом, либо голодной галлюцинацией. Если же говорить о колдунах — пф!.. Это всего лишь вонючие старухи и женоподобные старики!

— Таверна всего в двух шагах отсюда, госпожа Ивриан, — уговаривал Фафхрд. — Тем более, с вами остается моя любимая Влана. Она, кстати, сумеет прикончить моего злейшего врага, метнув кинжал, который всегда носит на поясе, — Северянин бросил взгляд на Влану. Девушка не моргнула глазом, глядя, как Северянин беззастенчиво врет. — Уверяю вас, госпожа Ивриан, так могла поступить только ловкая и отважная девушка.

А Влана весело добавила:

— Пусть эти дурачки уходят. Мы тут пока по-

болтаем по душам, а им полезно проветрить затуманенные мозги и размять ноги.

Ивриан позволила себя уговорить, и Мышелов с Фафхрдом выскользнули наружу, быстро захлопнув за собой дверь, чтобы ночной липкий туман не проник в комнату.

Девушки слышали, как два приятеля быстро спустились по лестнице. Гнилая дверь скрипела и стонала, но ни одна ступенька на этот раз не сломалась. Все сошло гладко.

Ожидая, пока из подвала принесут четыре кувшина, два новоиспеченных друга заказали по кубку похожего или почти похожего вина и устроились в самом тихом уголке большого зала шумной таверны. Мышелов мимоходом пнул крысу, которая высунулась из щели в полу.

После того, как каждый из приятелей рассыпался в комплиментах девушке другого, Фафхрд доверительно сказал:

— Только между нами. Как ты считаешь, права была твоя милая Ивриан, когда говорила, будто маленькая, мохнатая тварь, встреченная нами, имеет колдовское происхождение? Или, по крайней мере, какая-нибудь крыса, которую натаскали сообщить обо всем увиденном хозяину? Например, Кровусу?

Мышелов от души рассмеялся:

— Ты делаешь из мухи слона. Совсем как ребенок, который еще не научился мыслить логически. Выбрось все это из головы, мой дорогой брат-варвар, если конечно я могу тебя так называть. Мы ведь толком-то и не знаем, имела ли эта тварь отношение к вора. Может, это заблудившаяся кошка, или обнаглевшая крыса, будь она проклята! — Мышелов снова стукнул каблуком по темной щели, где минуту назад поблескивали крысиные глазки. — Но предположим, существо принадлежало колдуну, которого нанял Кровус. Что из этого следует? Что существуют говорящие звери? Пф!.. Никогда в это не поверю! Можно представить себе, допустим, попугая. Это еще куда ни шло. Но крыса! Неужели ты вообразил себе хвостатую тварь, сжимающую в лапке баночку чер-

нил и строчащую донос на расстеленном на полу пергаменте?! — Мышелов опять весело захохотал.

Затем он обернулся к стойке, за которой маячил хозяин, и закричал:

— Эй, ты, там, за прилавком! Где мои кувшины? Крысы, что ли, сожрали мальчишку, который ушел за ними несколько дней назад? Или он просто умер от истощения во время путешествия по подвалу? Хорошо... Скажи ему, чтоб пошевеливался. Да, кстати, налей-ка нам еще по кружечке!

Мышелов снова повернулся к Северянину:

— Даже если предположить, что маленькое отродье и впрямь принадлежит Кровусу, и пусть оно даже вернулось в Дом Воров, что оно могло рассказать? Только то, что с ограбившими Дженго творится неладное. А потом они увидят — воры вовремя не вернулись — и поймут, что стряслась беда.

Фафхрд нахмурился и мрачно проговорил:

— Мохнатая тварь могла каким-нибудь образом описать наши приметы. Тогда уж Гильдия, как пить дать, пойдет по нашему следу. Или эти два дуракавора узнают нас и выследят, где мы живем.

— Мой дорогой друг, — отвечивал Мышелов, — еще раз прощаю тебе твою непроходимую тупость. Надеюсь, это доброе вино крибавит тебе хоть каплю смелости. Если бы Гильдия знала, как мы выглядим, или где наше логово, она накрыла бы нас еще неделю, а может и месяц назад. Разве ты не знаешь, что за свободное воровство в пределах стен Ланкмара у Гильдии только одно наказание — смерть после долгих мучений?

— Я знаю об этом ничуть не хуже тебя, — огрызнулся Фафхрд и, взяв с Мышелова слово, что тот будет молчать, рассказал ему о ненависти Вланы к Гильдии и о ее страстном желании мести.

Пока Северянин рассказывал, из подвала прибыли кувшины. Мышелов распорядился, чтоб кубки снова были полны до краев.

Фафхрд тем временем вещал:

— И вот из-за обещания, данного обалдевшим от любви юнцом, где-то в самой южной точке Холодной равнины, я стал конченным человеком. От меня теперь

постоянно ждут, когда же я, наконец, объявлю войну тем, кто сильнее — даже повелителя Ланкмара. Ты ведь знаешь, у Гильдии в этих землях везде свои люди, в каждом закутке, в каждой щелке. Я не беру в расчет связь Гильдии с бандюгами из других земель. Клянусь бородой Одина, я очень люблю Влану! Она опытная и ловкая не по годам. Без ее помощи я вряд ли прожил бы в Ланкмаре и неделю. Но у ней имеется один недостаток — если уж она чего решила, то с места не сдвинется! Это точно! — Северянин тяжело качнул головой. — За все время, что я прожил в Ланкмаре, только одна мысль настойчиво меня гложет. Чтобы выжить в цивилизованном мире неписаных законов, которые гораздо прочнее тех, что вырезают на камне священными рунами, нельзя бороться с ними открыто. Делать это надо тайно и осторожно. Сегодня я ступил на путь борьбы. Будь что будет...

— Наносить Гильдии прямые оскорбления бессмысленно. Тут ты прав, — прокомментировал Мышелов. — Если ты не сможешь выбить из ее головы эти безумные фантазии, или задобрить ее, тогда надо пресекать малейшие намеки, что месть осуществима именно теперь.

— Конечно! — подхватил Фафхрд и обвиняюще прибавил. — Думаю, ты скорее скажешь, что перерезал глотки тех, кого мы сегодня оставили валяться без сознания.

— Только вежливо! Разве ты сможешь без должной вежливости относиться к своей девушке?

— Конечно, — повторил Северянин с убеждением, — я был идиотом, затеяв разговор о Гильдии. Конечно, если б они меня поймали, то все равно бы убили. Поскольку я щиплю им перышки и работаю сам по себе. Но нападать первым?! Убивать просто так вора Гильдии?! Клянусь громом, это чистое безумие.

— Вернее верного! — подтвердил Мышелов. — Такой номер можно отколоть только в пьяном бреду. Не прошло бы и двух часов, как ты бы предстал перед королевой всех несчастных — Смертью! Гильдия набросится на тебя, как свора бешеных псов на потерявшегося котенка. Я могу сосчитать твои шансы на

успех лучше, чем однорукий Король Королей. И, кстати, быстрее, чем утонченная братия Гильдии Воров. В этих делах тебе не поможет ни твой ум, ни, даже, моя компания. Тут нужна, как минимум, хорошо вооруженная армия. Так что советую — не поддавайся Влане.

— Принято! — громко объявил Фафхрд, сжав своей огромной пятерней крепкую ладонь Мышелова.

— А теперь возвращаемся к девушкам, — предложил Мышелов. — Эй, хозяин, счет! — Серый полез в кошелек, но Фафхрд запротестовал.

Приятель решили спор, бросив монетку. Фафхрд выиграл и со страшным звоном высыпал серебряные монеты на заляпанный, грязный стол, покрытый пятнами и подтеками так причудливо, будто на нем производил опыты какой-то придурковатый геометр.

Приятель поднялись. Мышелов последний раз, на удачу, пнул по крысиной норе.

Тут Фафхрд мысленно вернулся назад, к началу беседы, и сказал:

— Хвала богам, если у зверя нет лап, которыми можно было писать. И чтобы он не умел говорить. И чтоб он не догадался проследить за нами и навести на нас псов Гильдии.

— Теперь ты говоришь правильно, — подтвердил Мышелов и крикнул: — Эй, мальчик, принеси-ка нам ведерко пива на дорожку! Быстро! — поймав вопросительный взгляд Северянина, Мышелов пояснил: — Я разолью пиво снаружи, чтоб перебить все запахи. Да и на стены тоже можно плеснуть.

Фафхрд кивнул с умной миной.

Разговорившиеся было Влана и Ивриан насторожились, услышав, как кто-то поднимается по лестнице. Стадо испуганных бегемотов вряд ли подняло бы большой шум: стуки, скрип, топот.

Дверь распахнулась, и в клубах черного ночного тумана возникла на пороге развеселая парочка.

— Я же говорил, что мы вернемся в мгновение ока! — крикнул Мышелов Ивриан, в то время как Фафхрд, крича на бегу, устремился к своей Влане, так что пол заходил ходуном.

— Сердце мое, как мне тебя не хватало! — гудел

Северянин и, не взирая на сопротивление девушки, он привлек Влану к себе, смачно поцеловал и усадил обратно на ложе.

Странно, но именно Ивриан, а не Влана, которая раскраснелась от ласк Фафхрда и теперь мечтательно улыбалась, сердито набросилась на Северянина.

— Фафхрд, — резко сказала принцесска, на ее тонких ручках сжались маленькие кулачки, подбородок гордо выпячен вперед, темные глаза сверкали. — Моя несравненная Влана рассказала о неправдоподобно подлых делах, которые творит Гильдия Воров, и о том, что случилось с ее любимой подругой. Прости за откровенность, я тебя еще мало знаю, но думаю, ты ведешь себя не по-мужски, отказываясь помочь Влане отомстить. Ведь она так страстно этого желает. Кстати, Мышелов, это и к тебе относится! Ты оскорбил Влану, не прикончив этой ночью двух мерзких воришек. Вот каков человек, убивший моего отца! А ведь ситуация вполне схожа!

Фафхрду стало ясно: пока они с Серым Мышеловом развлекались в таверне, Влана, не задумываясь, выложила все свои претензии к Гильдии и безжалостно сыграла на романтических понятиях о чести наивной девочки. Северянину было также яснее ясного: Ивриан более чем слегка пьяна. Перед ней на низком столике стояла почти на две трети пустая бутылка фиолетового вина.

Само собой, Фафхрд не нашел другого ответа, как беспомощно развести руками и, под обжигающим взглядом Ивриан, склонить голову гораздо ниже, чем требовал низкий потолок.

Влана приобрела могущественного союзника. В конце концов, девушки были правы, — Северянин и в самом деле дал слово...

Первым попытался протестовать Мышелов:

— Брось, малышка! — воскликнул Серый так же развязно, как и двигался по комнате, затыкая щели, чтоб спастись от ночного смога, и подбрасывая в печурку топливо. — Да и ты, прекрасная госпожа Влана, перестань. Последний месяц Фафхрд бил воров Гильдии туда, где они более всего ранимы — между ног. Он грабил этих подонков, не забывая

хорошенько двинуть им в пах. Это очень больно, поверьте мне. Гораздо больнее, чем просто взять и перерезать глотку. Сегодня же, я помог ему... и дальше буду помогать. Давайте-ка лучше выпьем, — Мышелов откупорил один из кувшинов и разлил его содержимое в серебряные чаши и кубки.

— Месть торгаша! — презрительно фыркнула Ивриан, чей гнев не утих, а лишь получил новую почву для развития. — У вас горячие сердца и вы — верные рыцари. Вопреки всему вы должны, по крайней мере, принести голову Кровуса!

— А что Влана будет с ней делать? Какая от головы польза, кроме испачканных ковров? — жалобно протянул Мышелов, а Фафхрд тем временем, собравшись, наконец, с силами, опустился на колени и медленно проговорил:

— Глубокоуважаемая госпожа Ивриан, я действительно обещал любимой Влане отомстить Гильдии. Но тогда я был в холодной варварской стране, где кровная месть — дело обычное, встречается сплошь и рядом у всех кланов, племен и братств. Что поделывать, дикие северные нравы... По наивности я решил, что месть Вланы того же сорта. Но здесь, в цивилизованных землях другие обычаи и законы. Одно дело Север, другое — Ланкмар. Здесь правят деньги. И надо либо трудиться в поте лица своего, либо воровать, насмехаясь над остальными, либо плести интриги. Вражда и месть остались по ту сторону городских стен. Думаю, госпожа Ивриан, если я и Мышелов принесем Влане голову Кровуса, нам придется улепетывать из Ланкмара без оглядки. Иначе нам — крышка. И вам тоже пришлось бы покинуть это уютное гнездышко, которое свил Серый, и нищенствовать до конца своих дней.

Прекрасная речь... но доступная, увы, не всякому. Пока Фафхрд говорил, Ивриан подняла полную чашу и залпом осушила ее. Теперь она застыла, как солдат на посту. Ее бледное лицо пылало. Она зло бросила стоявшему на коленях Северянину:

— Ты подсчитываешь цену! И говоришь об этом мне! — Девушка обвела рукой окружавшее ее великолепие. — На карту поставлена честь. Ведь ты дал

слово. Или рыцарство уже покинуло этот мир? А что до тебя, Мышелов, кто просил тебя резать глотки двум несчастным воришкам?

— Но я же не обещал, — слабо запротестовал Серый. — Я лишь сказал, что мог бы.

Фафхрд пожал плечами и в очередной раз хлебнул из кубка. С Ивриан надо было говорить мягко и пользоваться какими-нибудь словами, которые могут тронуть женское сердце. Так умела делать его мать Мор. Да еще жена Мара, которую Фафхрд бросил, сбежав из далекого северного клана, и которая, должно быть, ныне вынашивает его, Фафхрда, ребенка.

Влана осторожно потянула Ивриан за рукав и заставила ее вновь сесть на шикарное ложе.

— Полегче, дорогая, — попросила Влана. — Ты вела себя очень благородно, защищая меня. Поверь, я тебе весьма признательна. Твои слова воскресили во мне огромное, прекрасное чувство, умершее уже много лет назад. Но из всех нас, сидящих здесь, только ты — истинная аристократка, имеющая представление о высоких идеалах. Мы же трое — обыкновенное ворье. Так стоит ли удивляться, что некоторые из присутствующих ставят безопасность выше чести и данной когда-то клятвы, стараясь избежать малейшего риска для собственной шкуры? Да, мы — воры. И у меня лично нет никаких прав. Так не говори больше о чести, достоинстве и рыцарстве. Сядь и...

— Ты хочешь сказать, что они просто боятся столкнуться с Гильдией? — перебила Ивриан. Глаза девушки широко раскрылись, а на лице было написано отвращение. — Я всегда считала, что мой Мышелов — благородный человек, а уж потом — вор. Воровство — фи! Мой отец жил за счет грабежей и набегов на соседей послабее, чем он сам, и все же всегда оставался аристократом. А вы — трусы! Оба! Презренные трусы! — закончила она и с холодным презрением посмотрела сначала на Мышелова, потом на Фафхрда.

Северянин не смог долго выносить такого взгляда. Он вскочил, лицо его пылало, кулаки сжались. Он

едва не опрокинул кубок с вином. Пол жалобно закрипел под его грузным телом.

— Я не трус! — заорал Фафхрд. — Я разнесу Дом Воров в щепки, принесу тебе голову Кровуса и полью его поганой кровью пол у ног Вланы. Я клянусь богами, будьте моими свидетелями. Клянусь костями Налгрома — моего отца, и моим Серым Прутиком!

Он шлепнул себя по бедру, но там была лишь ткань туники, и Фафхрд просто ткнул пальцем в то место на поясе, где мечу надлежало быть. Потом он подошел к аккуратно свернутому плащу, на котором лежал меч, поднял оружие, прицепил к поясу и... потянулся за кувшинчиком.

Серый Мышелов рассмеялся от души. Все повернулись к нему. Мышелов же пустился в пляс вокруг Фафхрда и, широко улыбаясь, заговорил:

— А почему бы и нет? Кто там болтал о страхе перед Гильдией? Кого расстраивает перспектива простенького дельца, когда всем известно, что они, Кровус и его банда, — пигмеи по уму и ловкости в сравнении со мной и Фафхрдом? Удивительно простой, до глупости простой план только что пришел мне в голову. Мы с толстяком Фафхрдом приведем его в исполнение. Ты со мной, Северянин?

— Конечно! — пылко ответил Фафхрд, в то же самое время лихорадочно соображая: какую безумную авантюру измыслил коротышка-приятель.

— Минуточку! Я должен сообразить, что нам понадобится! — крикнул Мышелов. Он схватил лежавший на полке объемистый мешок и метнулся через комнату, запихнув в мешок свернутую клубком веревку, крепления, какие-то лохмотья, банки с мазями и еще кучу всякой всячины.

— Но не пойдешь же ты среди ночи? — запротестовала Ивриан, внезапно побледнев. Голос ее стал неуверенным. — Вы оба... не в том состоянии...

— Вы оба пьяны, — хрипло сказала Влана. — Совершенно пьяны... и вам ничего не удастся. В Доме Воров вас ждет смерть. Фафхрд, с какой это стати ты стал бравировать смертью? Или Ледяные Пустоши не научили тебя, как надо побеждать соперника?

Или тебе было легко завоевать меня? А может, ты забыл о холодных, запутанных паутиной колдовства, глубинах Каньона Троллей? Приди в себя! И приведи в чувство своего непоседливого серого друга.

— Нет! — ответил ей Фафхрд, проверяя, на месте ли меч. — Ты хотела увидеть голову Кровуса у своих ног в луже крови, и ты ее получишь, нравится тебе это или нет!

— Помягче, Фафхрд, — предупредил Мышелов, прекратив возню и затянув свой мешок тесемками. — И ты, госпожа Влана, поаккуратней с моей принцессой. Сегодня ночью я намерен лишь провести разведку. Никакого риска. Мы только поглядим, что и как, спланируем, а нападём в следующий раз. Так что не мучьте себя понапрасну. Фафхрд, слышишь меня? Ни слова без особой необходимости. И накинь-ка свой капюшон.

Северянин пожал плечами, кивнул и повиновался.

Ивриан, казалось, успокоилась. Влана тоже, хотя и заметила:

— Все равно, вы в стельку пьяны.

— Тем лучше, — Мышелов сразил ее безумной улыбкой. — Вино может замедлить выпад клинка и немного смягчить удар, зато оно веселит душу и разжигает воображение, а именно это нам сегодня и нужно. Кроме того, — заторопился он, стараясь окончательно развеять сомнения Ивриан, — пьяный человек намного осторожнее! Разве вы не видели горьких пьянчужек, всегда вовремя скрывающихся от стражи и осторожно крадущихся в безопасное место?

— Да, — ответила Влана, — и падающих мордой об землю.

— Пфф! — отступился Мышелов.

Он откинул голову и прошелся перед Вланой так прямо, будто двигался по воображаемой линии. В действительности, он просто наступал сам себе пяткой на краешек носка. Внезапно Мышелов невероятным образом подпрыгнул, пятки сверкнули выше головы и... сапоги, лодыжки и колени заняли то же положение, что и перед прыжком. Пол едва скрипнул.

— Видели? — спросил Серый, возведя взор и неожиданно отвернувшись. Он подбежал к подушке, где лежали его плащ и меч, но, скривившись, покачнулся вправо. Однако быстро восстановил равновесие.

Как бы подкрепляя правоту Мышелова, Фафхрд быстро наполнил свой кубок и кубок приятеля, но Влана одарила его столь радостным взглядом, что Северянин поставил кубки назад, закупорил кувшин, потом отступил от стола с выпивкой и, пожав плечами, отвесил Влане поклон.

Мышелов закинул мешок на плечи и толчком распахнул дверь. Махнув девушкам, Фафхрд без слов шагнул на крошечное крылечко.

Ночной туман сгустился настолько, что почти ничего не было видно.

Мышелов махнул Ивриан, ласково проговорил:

— Бай-бай, малышка.

И последовал за Северянином.

— Пусть вам сопутствует удача, — нежно прошептала Влана.

— Будь осторожен, Мышелов, — выдохнула Ивриан.

Мышелов выскользнул на крыльцо и захлопнул дверь.

Тесно прижавшись друг к другу, девушки ждали неизменных хруста и скрипа ступенек. Но их все не было и не было. Ночной туман, успевший вползти в комнату, рассеялся.

— Что они там делают? — прошептала Ивриан. — Ищут дорогу?

Влана нахмурилась и нетерпеливо потрянула головой. Потом на цыпочках подошла к двери, открыла ее, тихо сделала несколько шагов, на которые лестница немедленно отозвалась скрипом.

Девушка вернулась назад.

— Они ушли, — удивленно пробормотала она. Ее глаза были широко раскрыты. Она в удивлении развела руками.

— Я боюсь! — пискнула Ивриан и через комнату бросилась в объятья подружки.

Влана крепко обняла ее, потом высвободилась и заперла дверь на три тяжелых крюка.

В переулке Костей Мышелов спрятал в мешок веревку и крюк, с помощью которых приятели спустились, и спросил:

— Как насчет остановки в «Серебряном Угре»?

— Ты это имел в виду, когда говорил девушкам, что мы направляемся в Дом Воров?

— Нет, нет! — запротестовал Мышелов. — Но ведь тебе же не удалось наполнить наши чаши. Так это сделаю я.

При слове «чаши» Мышелов посмотрел на свои сапоги из крысиной кожи и, пригнувшись, собрался бежать куда-то.

И в этот момент Фафхрд с неким диким подобием улыбки на лице вынул из-под плаща два полных кувшина.

— Захватил их, когда ставил на место наши кубки. Влана видит многое, но не все.

— А ты дальновидный парень! — с восхищением воскликнул Мышелов. — Я горжусь, что могу назвать тебя другом.

Они откупорили кувшины и сделали по солидному глотку. Потом Мышелов предложил двигаться на Запад.

Друзья, конечно, качались, но лишь самую малость.

Пройдя чуть вперед по Дешевой улице, они свернули на север в один узкий, а потом еще более узкий переулок.

— Чумной Двор, — определил Мышелов.

Фафхрд кивнул.

После нескольких поворотов друзья пересекли широкую пустую улицу Ловкачей и оказались на Чумном Дворе. Как ни странно, тут было немного светлее.

Взглянув вверх, друзья увидели звезды. В воздухе царил полный штиль.

Подогретые вином и охваченные желанием немед-

ленно приступить к делу, приятели пошли вперед. Ночной туман сгустился как никогда.

...Если бы козодой, птица ночная, зоркая, поднялся над городом, то увидел бы с высоты своего полета все, что происходит в Ланкмаре: на юге, севере, востоке и западе. На берегу Внутреннего моря, у Великого Соленого болота, у темной реки Хлах. Ползут, ползут струи черного дыма, кружась, свиваясь змеиными кольцами, лезут из каждой щелки черные струи, лезут из зловонного и темного нутра Ланкмара: из таверн, жаровен, очагов, кухонных печей и печей для обжига, из пивоварен, винокурен, печей для сжигания отходов, из колб и реторт алхимиков, из крематориев и могильных курганов, и еще много откуда. И все это собирается вокруг «Серебряного Угря», подбирается к старому, полуразвалившемуся дому позади таверны, ползет к самому чердаку. И чем ближе подбирается дым к чердаку, тем сильнее кружится в вихре и липнет, подобно паутине, к грубому камню и потрескавшемуся кирпичу...

Фафхрд и Мышелов, время от времени поглядывая на звезды, продолжали петлять по улице, которую горожане окрестили улицей Безбожников. Наконец, приятели добрались до Чумного Двора.

Мышелов свернул налево в переулок.

— Аллея Смерти.

Фафхрд кивнул.

Путники повернули еще пару раз и впереди снова показалась Дешевая улица. Мышелов остановился и толкнул Фафхрда в грудь.

Неподалеку виднелись низкие ворота Дома Воров. Их обрамляли грубые каменные блоки. У входа — две высокие ступени, отшлифованные за столетия не одной тысячей подошв. Забранные сеткой фонари отбрасывали оранжево-желтый свет. Не было видно ни привратника, ни охраны. Даже сторожевого пса на цепи не было. Что и говорить, картина явно не из веселых.

— Интересно, как мы проникнем в это поганое логово? — хриплым шепотом спросил Фафхрд. — От этих ворот за версту пахнет западней. Смотри, позади дома — аллея Убийц. На нее ни одно окно не

выходит. Как пить дать, попадем в ловушку. Может, попробовать через крышу? Ты же у нас обитатель чердаков. Научи меня этому искусству. Я знаю только деревья, снег, лед и голые скалы. Осмотрим стену? — Северянин качнулся к стене, словно пытаясь взять ее одним решительным штурмом.

— Остановись, Фафхрд, — попросил Мышелов, легонько толкнув Северянина в грудь. — Крыша пусть остается в резерве. Да и стены тоже. Потом я из тебя сделаю мастера-верхолаза. А сейчас мы просто войдем в двери, которые внушают тебе такой страх. — Он нахмурился. — Правда, не так вот просто. Сначала подготовимся.

Отведя скептически улыбающегося Фафхрда назад по Аллее Смерти так, что Дешевая улица снова скрылась из виду, Мышелов объяснил:

— Притворимся нищими, членами их Гильдии и отправимся отчитываться перед Повелителем нищих. Мы — новые члены Гильдии, так что Ночной Повелитель или кто-нибудь из его подручных не должны знать нас в лицо.

— Но мы не похожи на нищих, — запротестовал Фарфхрд. — У всех нищих гнусный вид и, как минимум, скрюченные конечности.

— Именно этим я и намерен заняться, — хмыкнул Мышелов, вытаскивая Скальпель и игнорируя тревогу в глазах Северянина и его невольное движение назад. Мышелов внимательно осмотрел длинное, узкое лезвие, потом, удовлетворенно кивнув, снял свой пояс из крысиной кожи и обернул им клинок, для надежности перевязав получившееся сооружение тонкой тесемкой.

— Вот так! — сказал довольный Мышелов. — Теперь у меня есть трость.

— Что это? — спросил Фафхрд. — Зачем?

Мышелов завязал себе глаза серым шарфом.

— Я стану слепым. — Он сделал несколько неуверенных шагов, стуча по камням импровизированной тростью и держа ее так, чтобы эфес меча прятался в рукаве. Свободной рукой он шарил в воздухе.

— Как? Понравилось? — спросил Мышелов, повернувшись к Северянину. — Я чувствую себя пре-

восходно. Слеп, как летучая мышь!.. Да не волнуйся, тряпица у меня прозрачная. Я прекрасно вижу сквозь нее. Кроме того, мне никого не придется убеждать в своей слепоте. Большинство бродяг Гильдии, как тебе известно, лишь притворяются слепыми. Ну, а что делать с тобой? На слепого ты явно не тянешь. Слишком уж неправдоподобно, может вызвать подозрения, — Мышелов откупорил кувшин и понюхал его содержимое.

Фафхрд повторил его движение.

Мышелов промочил губы и заявил:

— Придумал! Ну-ка, встань на правую ногу, а левую согни в колене. Да держись ты! Не падай на меня! Крепче! Обопрись о мое плечо. Вот так... Теперь привяжем. А твой меч, как и мой Скальпель, превратим в костыль. И еще, можешь опираться на меня, когда начнешь скакать. Хромой ведет слепого. Да держи ты ногу выше! Мне надо ее подвязать. И ножны отстегни!..

Мышелов, несмотря на сопротивление Северянина, привязал его лодыжку к бедру. Затем проделал с Серым Прутиком ту же процедуру, что и со Скальпелем.

Сохранив равновесие с помощью изготовленного Мышеловом костыля, Фафхрд отхлебнул из кувшина и глубоко вздохнул.

Хоть план Мышелова был, без сомнения, блестящим, в нем явно виднелись прорехи.

— Мышелов, — заметил Фафхрд. — Если наши мечи так замотаны, мы не сможем их вовремя обнажить.

— Зато мы используем их как дубинки, — ответил Серый, тяжело дыша. Он затягивал последний узел. — Кроме того, у нас есть кинжалы. Кстати, поверни пояс, чтоб кинжал оказался за спиной, тогда плащ его скроет. Я сделаю то же самое с Кошачьим Когтем. Бродяги не носят оружие на виду.

— А теперь, хватит пить. С тебя и так довольно. Я еще глотну пару раз и буду в прекрасной форме.

— Не знаю, — проворчал Северянин, — как я буду функционировать в этом гнезде головорезов? Прыгать-то я еще могу, и довольно шустро, а вот

бегать — вряд ли. Ты думаешь, мы правильно поступаем, Серый?

— Да. Ты же можешь в мгновение ока освободиться, — нетерпеливо и зло прошипел Мышелов. — Неужели ты не можешь пострадать чуток ради искусства?

— Ну ладно, ладно, — отмахнулся Фафхрд, допивая вино. Он отшвырнул пустой кувшин в сторону. — Конечно, могу.

— Слишком уж у тебя здоровый цвет лица, — заметил Мышелов, окинув Северянина критическим взглядом. Он намазал лицо и руки Фафхрда грязно-серой краской, потом черной краской нарисовал жуткие морщины.

— И слишком хорошо одет.

Мышелов, зачерпнув пригоршню грязи с мостовой, размазал ее по плечу Северянина. Затем он попытался надорвать и саму куртку, но крепкая ткань не желала поддаваться. Пожав плечами, Мышелов отступился.

— Тебе тоже необходима маскировка, — заметил Фафхрд и, кое-как нагнувшись, тоже зачерпнул горсть грязи и растер ее по плащу и серой шелковой куртке Мышелова. Тот выругался, но Фафхрд напомнил ему:

— Логика — великая вещь! Ну, а теперь идем, пока наша поделка и вонь еще на высоте.

Схватившись за плечо Мышелова, Северянин резво поскакал по направлению к Дешевой улице, громко стуча по булыжникам замотанным тряпкой мечом.

— Медленнее, ты, идиот! — вполголоса крикнул Мышелов, которому пришлось почти бежать. — Калекам положено быть слабыми. Именно этим они вызывают симпатию.

Фафхрд с глубокомысленным видом кивнул и замедлил шаг. Впереди вновь замаячил мрачный оскал ворот. Мышелов приложился к кувшину с остатками вина, глотнул и чуть не поперхнулся.

Приятеля проковыляли по Дешевой улице, не останавливаясь, поднялись по ступеням и прошли в ворота. Впереди лежал длинный пустой коридор с высоким потолком. Он оканчивался лестницей и

пестрел дверями, которые шли по обе стороны через равные промежутки. Над каждой дверью горел фонарь.

Едва приятели вошли, как их ушей и плеч коснулась холодная сталь. Два голоса в унисон приказали:

— Стоять!

Хоть друзья и основательно поддали, у обоих хватило рассудительности замереть, а потом очень медленно и осторожно взглянуть наверх.

Два гиганта, с диковинными, необыкновенно уродливыми лицами, с черными повязками на головах, наблюдали из большой ниши, находившейся прямо над дверью. Огромные руки сжимали мечи, острия которых покалывали кожу Мышелова и Фафхрда.

— С полудня ходили за подачкой! — заметил один из гигантов. — Что ж, вам лучше заранее приготовить отмазку о позднем возвращении. Ночной Повелитель отдыхает на улице Потаскушек. Отчитаетесь Кровусу. Топайте! Ну и вонь. Лучше сначала почиститесь, не то Кровус прикажет искупать вас в живом потоке. Вперед!

Фафхрд и Мышелов, стараясь держаться как можно естественнее, заковыляли, спотыкаясь, дальше. Один из стражей закричал им вслед:

— Спокойней, ребята! Здесь вы в безопасности.

— Мы понимаем, — дрожащим голосом отозвался Мышелов. Пальцы Фафхрда предупредительно впились в его плечо.

Друзья продолжили путь, держась настолько естественно, насколько позволяла подвязанная нога Северянина.

«Действительно, — подумал Фафхрд. — Дорога ведет прямоком к Кровусу. И вполне возможно, что к исходу ночи мы станем на голову короче...»

Послышались чьи-то голоса.

Друзья прошли мимо нескольких дверей. И хотя Мышелова и Фафхрда тянуло немного задержаться, единственное, на что они осмелились, это идти чуть помедленнее.

Деятельность, кипевшая за некоторыми из дверей, могла показаться весьма интересной.

В одной из комнат мальчишек учили отвязывать кошельки и кисеты. Ученики подбирались к инструкторам сзади и, если наставник слышал шлепанье босых ног, чувствовал прикосновение шарящей руки или, что особенно ужасно, слышал звон вытаскиваемых монет, мальчика ждала порка.

Во второй комнате находились ребята постарше. Они обучались искусству взлома. Студенты слушали лекцию седобородого старца с необыкновенно ловкими руками, которые могли в мгновение ока разобрать любой замок.

В третьей комнате, за длинным столом обедали профессионалы. Запах нес искушение даже для самого сытого желудка. Гильдия хорошо заботилась о своих членах.

Четвертая комната была разделена на части. Следуя инструкциям, нужно было преодолеть ее, скользя, пригибаясь, отскакивая в сторону, падая, делая ложные выпады и прибегая к другим многочисленным хитростям.

Голос, который, казалось, принадлежал какому-нибудь сержанту-мордовороту, командовал:

— Раз, два! Раз, два! Что ты ползешь, как горбатая старуха. Я приказал лечь, а не стоять на коленях, как перед жертвенником. А теперь...

Впереди оказалась лестница. Когда приятели поднялись на второй этаж, Фафхрд уже ковылял с трудом, тяжело опираясь на свой костыль и подолгу припадая к перилам.

Второй этаж выглядел копией первого. Но если коридор внизу был аскетически гол, то этот — блистал роскошью. Лампы и курильницы, стоящие и висящие вдоль стен, давали мягкий свет. В воздухе витал приятный аромат. Каменные стены скрывала богатая драпировка, а пол — толстые ковры.

Этот коридор тоже был пуст.

Перепугавшись, Мышелов и Фафхрд остановились.

За широко открытой дверью одной из комнат друзья увидели множество вешалок со всевозможной одеждой — богатой и бедной, чистой и грязной, сотни болванок с париками; полки, устланные искусственными бородами.

Мышелов заскочил туда и быстро вернулся с большим зеленым флаконом, подхватив его на ближайшем столе.

Серый откупорил сосуд и понюхал содержимое. В нос ударил гнилостно-сладкий запах гортензии. Мышелов смочил свой лоб, а потом и лоб Северянина этими сомнительными духами.

— Противоядие от вони, — объяснил он с важностью химика, поставившего удачный опыт. — Не хочу, чтобы Кровус обварил нас кипятком.

Вдруг в дальнем конце коридора появились две фигуры. Незнакомцы двигались в сторону притихших приятелей.

Мышелов спрятал флакон под плащ, крепко прижал его локтем и заковылял вперед. Фафхрд последовал за ним.

Остальные двери оказались закрытыми. Когда друзья поравнялись с пятой дверью, фигуры идущих навстречу людей стали ясно различимы. Их одежда была одеждой знати, лица же — явных проходимцев. Нахмурившись, они с брезгливой подозрительностью оглядели Фафхрда и Мышелова.

Вдруг откуда-то, из какой-то комнаты, находящейся, видимо, рядом, послышался странный голос. Зазвучали слова некоего загадочного языка. Быстрой и монотонностью речь напоминала молитву, или заклинания колдуна.

Богато одетые знакомцы замедлили шаг, остановились перед седьмой комнатой и заглянули в открытую дверь. Их 'форс моментально поблек, шеи вытянулись, глаза округлились, лица побледнели. Потом они внезапно рванулись с места и на полных оборотах пронесли мимо Мышелова и Фафхрда, не обратив на приятелей никакого внимания, будто те были всего лишь мебелью.

Звучный голос продолжал завывать без перерыва.

Пятая дверь оказалась запертой, шестая же — открытой. Мышелов заглянул туда, потянул носом, нагнулся и шагнул вперед, сдвинув темную повязку на лоб, чтобы лучше видеть. Фафхрд последовал за ним.

Большая пустая комната, если под «пустой» под-

разумевать отсутствие людей и животных. Однако тут было полным-полно всяких занятных вещей. Дальнюю стену полностью закрывала карта Ланкмара. На ней, казалось, была отмечена каждая улица, каждый дом, вплоть до самого захудалого постоялого двора и самого узкого тупичка. Здесь и там на карте виднелись таинственные кружки и черточки.

Мраморный пол. Голубой, как лазурь, потолок. На другой стене висело множество воровских инструментов, начиная от громадного, толстого лома, которым можно было взломать самую обитель Богов, и кончая прутиком, столь тонким, что он мог послужить даже эльфу и открыть игрушечный ларец какой-нибудь знатной дамы. Третью стену украшали диковинные, блестящие золотом и сверкающие драгоценными камнями предметы, очевидно, сувениры, добытые во время ограблений и отложенные чьей-то любящей рукой из-за своей необычайности и красоты: женская маска из тонкого листового золота, столь прекрасная, что дух захватывало (к тому же так плотно усеянная рубинами, что они напоминали нарывы, которые оставляет сифилис в самый разгар процесса); кинжал, лезвие которого состояло из плотно подогнанных друг к другу алмазов. И многое другое.

В центре комнаты стоял стол красного дерева с ножками из слоновой кости. Его окружало семь стульев с прямыми спинками и толстыми сиденьями. Тот, что стоял против стены с картой, был выше других и имел более внушительные подлокотники: явно — стул Повелителя, возможно, самого Кровуса.

Мышелов, приподнявшись на цыпочки, хотел было обшарить помещение, но тяжелая рука Северянина легла ему на плечо.

Фафхрд недовольно натянул повязку Мышелову на глаза и похлопал его по руке, чтобы Серый вытянул ее, как раньше, продолжая разыгрывать слепца. Разочарованно пожав плечами, Мышелов повиновался.

Лишь только приятели покинули комнату, как из-за спинки самого высокого стула высунулась голова человека. Голова больше напоминала змеиную морду. К тому же имела аккуратную черную бородку

и подстриженные усики. Поднялась по-змеиному гибкая рука. Палец лег на тонкие губы, призывая к тишине. Этот знак был адресован двум мужчинам в черных туниках, замерших по обе стороны у двери. Каждый из них одной рукой сжимал увесистую дубинку из твердой кожи, а другой — кривой нож...

Фафхрд был уже на полпути к той самой двери, откуда несло монотонное завывание, как вдруг оттуда выскочил тощенький, бледный юнец. Худыми ручонками подросток зажимал рот, широко открытые глаза переполнял ужас. Он походил на молодого зверька, вырвавшегося на волю. Мальчик пронесся мимо приятелей. Ковры заглушили его торопливые шаги.

Северянин глянул на Мышелова, скривил губы и пожал плечами. Потом, ослабив путы на ноге, подкрался к двери и, приблизив лицо к щели между дверью и косяком, подозвал Мышелова. Тот подошел и тоже припал к щели.

Комната, чуть меньшая по размеру, чем та, где висела огромная карта, освещалась ярким голубоватым пламенем. Мраморный пол с темными прожилками. Темные стены увешаны астрологическими и астрономическими инструментами. На деревянных полках — фарфоровые кувшины с таинственными значками, флаконы и колбы самой странной формы, одни, заполненные разноцветными жидкостями, другие — пустые. У стены, там, где тени казались гуще всего, в беспорядке громоздились какие-то вещи, словно бы брошенные за ненадобностью и забытые. Там и сям зияли крысиные норы.

В центре комнаты возвышался ярко освещенный стол с толстой крышкой и многочисленными ножками.

У Мышелова мелькнула мысль о сороконожке, а потом — о таверне «Серебряный Угорь», ибо крышка стола была сплошь покрыта бурыми пятнами, а кое-где обожжена то ли огнем, то ли кислотой.

Посреди стола стоял перегонный куб. Ярко-синее пламя поддерживало кипение в кристаллическом сосуде, наполненном темной, вязкой, пронизанной блестящими искорками, жидкостью. От нее поднимался

темный, змеящийся дымок. Он устремлялся в узкое отверстие перегонного куба, имевшего странный ярко-алый цвет.

Сначала дымок был полупрозрачным, но постепенно становился непроницаемо черным. По узкой трубке он бежал от куба к большой сфере. Здесь дым клубился и извивался, подобно живой черной веревке, состоящей из множества темных колец — бесконечная, гибкая, тонкая, как эбеновая змея.

Слева у стола стоял высокий, но сильно горбящийся человек в плаще с капюшоном. Взору открывалась лишь половина его лица, самой приметной частью которого был длинный, с заостренным кончиком нос. Цвет лица был сумрачно-серым, словно песчаная глина. Короткая, щетинистая, седая борода обрамляла впалые щеки. Широко расставленные глаза под густыми бровями и плоским лбом пристально вглядывались в древний, потемневший от времени свиток. Человек сжимал свиток руками, до отвращения напоминавшими крысиные лапки. Такие маленькие, серые, поросшие седым ворсом, с узловатыми, выступающими костяшками. Взгляд человека безостановочно скользил по строчкам, и он читал написанное монотонным, глухим голосом, лишь изредка поглядывая на перегонный куб.

На другом конце стола, следя бусинками глаз то за колдуном, то за кубом, примостилось маленькое, лохматое существо, один лишь взгляд на которое заставил Фафхрда изо всех сил вцепиться в плечо Мышелова. Серый тоже едва не вскрикнул, и явно не от боли.

Лохматое существо напоминало крысу, однако лоб его был чуть выше, а глаза располагались чуть ближе, чем положено. А лапы, которые существо непрерывно терло друг о друга, как две капли воды были похожи на руки колдуна.

Фафхрд и Мышелов одновременно узнали ту самую тварь, которая сопровождала воров. Каждый в ту же секунду припомнил слова девушек, будто Кровус взял на службу колдуна.

Темп завываний ускорился, голубовато-белое пламя вспыхнуло ярче. Жидкость в кубе закипела, сде-

лавшись вдруг плотной и тягучей, как лава. Черная веревка дыма в сфере вздыбилась, словно рассерженная кобра. Приятелям почудилось, что в комнату проникло нечто нечеловеческое, бесплотное и кошмарное. Друзья лишь огромным усилием воли заставили себя оставаться на месте. Сердца их стали биться так сильно, что друзья испугались, как бы колдун не услышал биения их сердец.

Внезапно монотонный голос перешел в крик и оборвался. В кубе что-то ярко вспыхнуло, потом треснуло несколько раз, будто ломались сухие сучья. Среди колец в прозрачной сфере появились две черные петли. Потом они стали как бы затягиваться, пока от них не остались лишь два больших узла.

Колдун ухмыльнулся, опустил пергамент, так что тот свернулся в трубочку. Колдун перевел взгляд со сферы на лохматую тварь. Существо забормотало что-то, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Тише, Сливни! Дождись своего часа, — приказал колдун на ланкмарском наречии, но так быстро и таким высоким голосом, что Мышелов и Фафхрд едва разобрали слова.

— Да, господин, — пропищал Сливни.

Это явно противоречило убеждению Мышелова. Ведь еще не так давно он утверждал, что животные говорить не умеют.

Тем же мерзким голоском, в котором явственно звучали нотки подбострастия, лохматая тварь произнесла:

— Слушаю и повинуюсь, Христомило.

И Христомило быстро ответил ему:

— Займись-ка лучше делом! Собери на праздник своих друзей. И смотри, чтоб остались одни скелеты и никто не смог бы отыскать никаких следов волшебного дыма. Да! Не забудь о добыче! Ты понял задание? А теперь — в путь!

Сливни, который при каждом слове колдуна преданно склонял голову, пропищал:

— Все будет сделано!

И серой стрелой метнулся по полу к черной норе.

Христомило, потирая свои отвратительные лапки на манер Сливни, воскликнул:

— То, что потеряли эти дураки, вернет моя магия!

Мышелов и Фафхрд отпрянули от двери, испугавшись, что их обнаружат. Друзья были потрясены увиденным и услышанным. И еще их переполняла жалость к жертвам колдуна, чью плоть дружки Сливни собирались обгладать до костей.

Северянин выхватил у Мышелова зеленую бутылку и, морщась от гнилостного цветочного запаха, хлебнул изрядную дозу.

Мышелов, как ни старался, не смог повторить поступок Фафхрда.

Вдруг он увидел, что у дверей в комнату с картой стоит роскошно одетый человек. Его лицо с воспаленными глазами покрывали морщины, которые появлялись у людей от обилия забот и бремени власти. Черные волосы и черная борода были аккуратно подстрижены. На поясе человек носил кинжал с рукоятью, сплошь усыпанную драгоценностями. Франт подозвал к себе приятелей изящным жестом руки.

Мышелов и Фафхрд повиновались.

По дороге Северянин вернул Серому зеленую бутылку. Мышелов, скрыв раздражение, закупорил ее и спрятал под плащ.

Судя по жестам, осанке, взгляду — это и был Кровус, Повелитель Гильдии.

Ковыляя ему навстречу, Фафхрд подумал: «Наверное, сама судьба ведет нас сегодня к цели...» Мышелов же в свою очередь напомнил себе, что стражи у входа направили их с отчетом к Кровусу. Ситуация развивалась не совсем по плану, тем более грозила стать чересчур опасной.

И все же тревога Мышелова и дремучие инстинкты Северянина не возымели своего действия, когда приятели, вслед за Кровусом, вошли в комнату с картой.

Едва они успели сделать пару шагов, как стражники схватили их за плечи. Дубинки повисли в воздухе, готовые обрушиться на головы двух друзей.

К тому же бандиты были вооружены еще и большими ножами.

— Все в порядке, Повелитель, — промолвил один из стражей.

Кровус повернул стул с высокой спинкой и сел, холодно глядя на пленников.

— Что привело вонючих пьяных нищих в апартаменты Повелителей Гильдии? — спокойно спросил он.

Мышелов облегченно вздохнул. На его лбу выступили капельки пота. Блестяще выдуманный Серым маскарад все еще действовал. Даже Повелитель ничего не заподозрил, хотя пьяная скотина Фафхрд чуть все не испортил.

Мышелов, продолжая подделываться под слепого, дрожащим голосом произнес:

— Охрана у входа направила нас сюда, чтобы мы лично отчитались перед вами, Великий Кровус, так как Ночной Повелитель Нищих в отлучке по причине половой гигиены. Сегодня у нас хороший улов! — И Мышелов вытащил кошелек, стараясь не обращать внимания на пальцы, вцепившиеся ему в плечо. Он достал золотую монету и дрожащими пальцами протянул ее Кровусу.

— Прекрати паясничать! — резко оборвал Кровус. — Я — не твой господин. И сними свою дурацкую повязку.

Мышелов повиновался. Теперь он чувствовал себя менее уверенно, и план показался ему не столь уж блестящим, как несколько секунд назад.

Кровус подался вперед и спокойно, намеренно подчеркивая каждое слово, спросил:

— Если вам это приказали, то почему же вы подслушивали под дверь соседней комнаты?

— Мы увидели, как храбрые воры, заглянув туда, вдруг испугались и торопливо ушли, — с готовностью ответил Мышелов. — Решив, что Гильдии грозит опасность, мы захотели узнать, в чем дело, и, если нужно, прийти на помощь.

— А увиденное только озадачило нас, — уверенно вставил Фафхрд.

— Тебя не спрашивают; пьяное животное. Будешь

отвечать, когда спросят, — оборвал Северянина Кровус и снова обратился к Мышелову. — Ты — хитрая бестия. Намного хитрее, чем положено быть человеку твоего ранга. Нищие собираются защищать воров! Ну и ну! Я намерен выпороть вас за пьянство, и еще разок за подглядывание, и еще — за вранье.

Мышелов сразу понял, что дальнейшая дерзость и ложь гораздо уместнее подобострастия.

— Действительно, я очень хитрый нищий, сэр, — самодовольно заметил он. Потом помрачнел. — Теперь, я вижу, настало время выложить всю правду. Дневной Повелитель Нищих подозревает, что против вас плетется заговор. И в нем участвуют люди особо приближенные к вашей особе, те, кому вы столь сильно доверяете и кого вы никогда бы не заподозрили в измене. Дневной Повелитель все рассказал и приставил меня и моего товарища охранять вас, причем мы должны были играть роль неотесанных деревенщин.

— Еще более наглая ложь! — воскликнул Кровус, но Мышелов заметил, как лицо Повелителя воров побледнело. Привстав, Кровус спросил:

— И кто же замешан в заговоре?

Мышелов усмехнулся. Охранники чуть ослабили хватку, они тоже заинтересовались.

Мышелов холодно спросил:

— Вы спрашиваете меня как шпиона, или как добровольного лгуна? Если как лгуна, то я отвечать не стану.

Лицо Кровуса потемнело.

— Мальчик! — крикнул он.

Из-за занавески, закрывавшей вход во внутренние покои, появился темнокожий мальчик, одетый лишь в короткую тунику. Он опустился на колени перед Кровусом. Повелитель воров приказал:

— Позови колдуна, а также Спевиса и Фиссифа!

Мальчик стрелой метнулся в коридор.

Поколебавшись мгновение, Кровус ткнул пальцем в Северянина:

— А ты, пьяница, что об этом знаешь? Подтверждаешь небылицы своего приятеля?

Фафхрд лишь нахмурился и сложил руки на гру-

ди, насколько это позволяла хватка стражи. Замаскированный меч оказался прижатым к телу. Потом Северянин поморщился от боли в подвязанной ноге.

Кровус вскочил, сжав кулаки — прелюдия к приказу о пытках пленников. Но в это время в комнату проскользнул Христомило. Он двигался очень быстрыми, короткими шажками. Его плащ неподвижно парил над мраморным полом, не колыхнувшись ни на йоту.

Появление колдуна вызвало замешательство. Глаза всех присутствующих обратились на него. Все затаили дыхание, и Фафхрд с Мышеловом почувствовали, как дрожат руки стражников. Тень тревоги пробежала даже по лицу Кровуса.

Явно довольный произведенным эффектом, Христомило улыбнулся, остановился возле Повелителя воров, и его голова, скрытая капюшоном, склонилась в легком поклоне.

Кровус, явно нервничая, указал на Мышелова и Фафхрда и спросил:

— Ты узнаешь эту парочку?

Христомило утвердительно кивнул:

— Только что подсматривали за мной, — сказал колдун. — Я как раз выполнял ваше поручение. Мне следовало бы шугануть их, но я решил не отвлекаться, не хотел разрушать заклинание. Один из них, судя по форме черепа, — северянин. Другой — южанин. Из Товилиса, или откуда-нибудь из тех мест. Оба моложе, чем выглядят. Я бы мог подумать, что Гильдия наняла их для какого-нибудь особого случая, если понадобилась усиленная охрана или эскорт. Маскировка их весьма неуклюжая.

Фафхрд зевнул, а Мышелов с сожалением покачал головой, как бы давая понять, что попытка колдуна угадать выглядит весьма жалкой. Мышелов бросил Кровусу предупреждающий взгляд, словно намекая: заговорищиком может оказаться и колдун.

— Это все! — заключил Христомило. — Если, конечно, не читать их мысли. Разрешите приготовить свечи и зеркала?

— Пока нет, — Кровус продолжал изучать лицо Мышелова. — А теперь говорите правду, или я при-

зову на помощь магию. За кем из моего окружения вы приставлены шпионить? Или ваши слова — вранье?

— Нет, — возразил Мышелов. — Мы сообщаем обо всем Дневному хозяину. Он и раньше одобрял все, что мы делали. Он приказал нам наблюдать и ни с кем не обсуждать увиденное.

— Он не говорил мне ни слова об этом! — взорвался Кровус. — Если ваши слова — правда, Беннет поплатится головой! И все же вы врете!

Мышелов обиженно посмотрел на Кровуса.

В это время в комнату вошел весьма представительный человек. Ступал он мягко и с большим достоинством, опираясь на золоченую палку.

Кровус обрадовался.

— Ночной Хозяин нищих! — воскликнул он.

Хромой остановился, потом направился прямо к столу.

Кровус указал сначала на Мышелова, затем на Фафхрда:

— Флим, ты знаешь эту парочку?

Хромой неторопливо осмотрел обоих и покачал головой, которую украшал тюрбан из золотой ткани.

— Ты никогда раньше не видел их? — продолжал расспрашивать Кровус. — Кто они такие? Нищие-шпионы?

— Но Флим не должен был нас знать, — принялся разъяснять Мышелов, чувствуя, что все летит к чертям. — Мы вели дела только с Беннетом.

Флим спокойно возразил:

— Последние десять дней Беннет лежит в кровати — приступ малярии. Так что эти дни я выполнял свои обязанности и днем, и ночью.

В комнату ввалились Спевис и Фиссиф. На подбородке высокого вора красовался огромный синяк. Голова второго была перевязана. Спевис глянул на приятелей и объявил:

— Те самые, что напали на нас и отобрали добычу из лавки Дженго. Они еще перерезали сопровождающих.

Мышелов чуть двинул локтем, и зеленая бутылка, которую Серый прятал под плащом, унала на мра-

морный пол. Воздух наполнился гнилостно-приторным запахом.

Пока летела бутылка, Мышелов вырвался из рук охранников и молнией метнулся к Кровусу, подняв замотанный тряпкой меч.

Флим с поразительной быстротой выставил вперед свою золоченую палку, и Мышелов, споткнувшись, полетел головой вперед, успев, однако, превратить случайный кульбит в намеренный.

Фафхрд отшвырнул стража, стоявшего слева от него, а другому изо всех сил заехал рукоятью Серого Прутика точно в подбородок. Восстановив равновесие, Северянин рванулся к стене, увешанной всевозможными сокровищами.

Расторопный Спевис ринулся в противоположную сторону, туда, где были развешаны разнокалиберные воровские инструменты, и с огромным трудом вырвал из колец здоровенный лом.

Вскочив на ноги после плачевного приземления у кресла Кровуса, Мышелов обнаружил, что оно опустело. Повелитель воров, выставив вперед кинжал, спрятался за спинкой. Глаза Кровуса пылали.

Отпрыгнув в сторону, Мышелов увидел валяющихся на полу стражников. Один был без сознания, другой делал жалкие попытки встать. Северянин замер у стены, подняв Серый Прутик.

Выхватив из ножен Кошачий Коготь, Мышелов воинственно воскликнул:

— Прочь от него! Он сошел с ума! Ради вас я покалечу ему здоровую ногу!

И, проскочив между двумя ворами, которые еще толком не разобрались в происходящем, Мышелов темной тенью метнулся к Фафхрду, молясь, чтоб опьяненный битвой, вином и вонью Северянин понял его маневр.

Серый Прутик просвистел над опущенной головой Мышелова. Его друг не только догадался, но и подыграл. «Только бы он не переусердствовал», — подумал Мышелов. Припав к стене, он полоснул кинжалом по веревке, удерживающей левую ногу Фафхрда. Серый Прутик продолжал свои замысловатые маневры над головой Мышелова.

Наконец, убедившись, что нога приятеля освобождена, Мышелов бросился к двери, ведущей в коридор, крикнув Северянину на ходу:

— Живее! За мной!

Христомило, стоявший в стороне, спокойно наблюдал за происходящим.

Трое воров, оставшихся стоять на ногах, наконец разобрались что к чему и бросились за Мышеловом. Однако острое, быстрое, как сама Смерть, лезвие Кошачьего Когтя заставило преследователей умерить свой пыл.

Мышелов снова рванулся вперед, успев отбить Скальпелем золоченую палку Флима, который попытался повторить свой прежний фокус.

Подоспевший Спевис бросился на Мышелова с ломом. На голову Серого уже был готов обрушиться сокрушительный удар, но тут длинный, обмотанный тряпкой меч со страшной силой врезался в грудь вора, отбросив его назад. Лом просвистел над головой Мышелова, не причинив вреда.

Приятели очутились в коридоре. Северянин еще хромал. Мышелов указал в сторону лестницы. Фафхрд кивнул, но прежде, чем ринуться вперед, он сорвал со стены огромный гобелен и швырнул его в преследователей.

Друзья добрались до лестницы и полезли наверх. Мышелов шел впереди. За их спинами раздавались приглушенные крики.

— Хватит прыгать, Фафхрд! — раздраженно воскликнул Мышелов. — У тебя же две ноги!

— Да, но вторая онемела, — пожаловался Северянин. — Ой! Вот теперь, кажется, она оживает.

Мимо просвистел нож и с тупым стуком ударился о стену. Посыпались осколки камня.

Друзья устремились дальше.

Пара пустых коридоров, два извилистых пролета. Потом беглецы увидели высокую площадку и лестницу, которая вела к небольшому отверстию в потолке. Какой-то тип с цветным платком на голове маячил возле лестницы. Он сделал было попытку остановить Северянина, но, увидев, что тот не один и, к тому же, оба противника яростно потрясают то ли

палками, то ли дубинками, предпочел удрать, и чем скорее, тем лучше.

Мышелов и Фафхрд быстро вскарабкались по приставной лестнице и выбрались на крышу. Крыша была достаточно покатой, чтобы напугать новичка, но совершенно безопасной для ветерана.

Услышав стук, Мышелов обернулся. Предусмотрительный Фафхрд вытаскивал наружу приставную лестницу. Едва он успел это сделать, как из люка вылетел нож. Клинок упал на край крыши, задержался на мгновение и скользнул вниз.

Мышелов помчался вперед. Фафхрд двинулся за ним, но намного медленнее, частично из-за неумения лазить по крышам, а также из-за еще не восстановившегося кровообращения в левой ноге. В довершение ко всему Северянин тащил на плече тяжелую лестницу.

— Выбрось ее, она нам не понадобится! — крикнул Мышелов.

Недолго думая, Фафхрд швырнул лестницу вниз, и она с грохотом упала на булыжник переулка Убийц.

Мышелов резво преодолел последние несколько ярдов и перепрыгнул на крышу соседнего дома. Северянину ничего другого не оставалось, как последовать примеру своего шустрого приятеля.

Быстрым шагом Мышелов вел Северянина через лес труб, дымоходов, вентиляционных шахт, устроенных таким образом, чтобы в них всегда гулял ветер; вел сквозь бесконечную череду бочек с водой, зарешеченных люков, птичьих домиков и голубиных садков. Прошло немало времени, прежде чем беглецы добрались до улицы Мыслителей. В этом месте через улицу шел крытый переход. По нему приятели перебрались на другую сторону.

Вдруг в воздухе что-то просвистело; и три круглых предмета, звонко ударившись о ближайшую трубу, скатились беглецам прямо под ноги. Мышелов подобрал один из шаров, ожидая увидеть обычный камень, но был удивлен слишком большим весом снаряда.

— Они не теряют времени, — заметил Мышелов, ткнув пальцем через плечо. — Пращники уже на крышах. Для разбуженных по тревоге они действуют неплохо.

Приятеля направились на юго-восток и, преодолев целый квартал темных, закопченных труб, вышли к Дешевой улице. Здесь верхние этажи так низко нависали над тротуаром, что перескочить на другую сторону улицы не составляло никакого труда.

Вдруг беглецов накрыли клубы черного, густого дыма, настолько густого, что приятели закашляли и засморкались. Мышелов то и дело останаавливался, пытаясь определить, куда же идти дальше.

Так же внезапно дым рассеялся. Друзья вновь увидели ночное небо и звезды.

— Проклятье, что это было? — спросил Фафхрд, но Мышелов только пожал плечами.

...Если бы козодой, птица зловещая, ночная, поднялся над городом, то увидел бы, как расползаются над «Серебряным Угрем» струи отвратительного, черного дыма...

Неподалеку от Дешевой улицы друзья спустились на землю и оказались позади Чумного Двора. Они постояли немного. Помолчали. Потом разом посмотрели друг на друга — на замотанные тряпками мечи, на свои чумазые лица, на одежду, которая отнюдь не стала чище после ночного путешествия по крышам, и — захохотали. Они хохотали без передышки. Продолжая хохотать, Северянин принялся массировать свою левую ногу. Веселье продолжалось и тогда, когда друзья снимали идиотскую маскировку с мечей, причем Мышелов делал это так, будто распаковывал посылку с сюрпризом.

Хмель выветрился без остатка, и появившаяся жажда заставила позабыть об отвратительном запахе, исходящем от одежды. Друзьям вновь захотелось выпить. А также им не терпелось поскорее вернуться домой, поесть и рассказать своим возлюбленным сказку о новых приключениях.

Плечом к плечу приятели зашагали к дому.

Ночной туман развеялся. Улицы, залитые светом ярко горящих на небе звезд, уже не казались таки-

ми грязными и противными, как раньше. Даже проулок, в котором обитал Мышелов, обрел теперь некую загадочную прелесть.

Друзья поднялись по скрипучей лестнице. Они поднимались беспечно и легко, и Мышелов был немного удивлен, увидев, что дверь не распахнулась приветливо им навстречу. Более того, она оказалась запертой.

— Заперто, — констатировал Мышелов.

Сквозь трещины в косяке не проникало ни единого лучика света, так же как и сквозь закрытые ставни. Впрочем, какое-то странное красноватое свечение все же было.

С нежной улыбкой, голосом, полным любви, в котором лишь скользнула смутная тень тревоги, Мышелов проговорил:

— Легли спать, наверное. Беспечные колдуньи. — Он дважды сильно постучал, потом припал губами к двери и позвал: — Ивриан! Я цел и невредим! Привет, Влана! Твой парень делает тебе честь! Он оставил с носом всю Гильдию!

Изнутри не доносилось ни звука. Если не считать какого-то шороха, такого слабого, что было не понятно, на самом деле друзья слышали его, или им только почудилось.

Фафхрд нахмурился:

— Я чувствую запах нечисти.

Мышелов снова забарабанил в дверь. Никакого ответа.

Северянин остановил Мышелова, а потом нажал на дверь своим широким плечом. Мышелов покачал головой и ловким движением вынул кирпич, который до этого момента казался неотъемлемой частью стены. Мышелов просунул руку в образовавшееся отверстие. Заскрипел отодвигаемый засов, потом со стуком упали тяжелые крюки. Серый быстро вытащил руку, и дверь отворилась.

Приятеля не бросились вперед, как намеревались. В воздухе явственно витал запах смерти. И еще какой-то незнакомый, странный запах, такая смесь вони животного и приторного аромата женских духов.

Внутренность комнаты была едва различима в слабом свете догорающей печки. Но даже в этом свечении было нечто зловещее. Печь явно свернули с места, и теперь она стояла, накренившись к стене. Маленькая дверца открыта. Наверное, так светится перевернутая вселенная...

В оранжевом полумраке вырисовывались ковры, странно сморщенные во многих местах. Там виднелись непонятные черные круги с ладонь величиной. Повсюду в беспорядке валялись шкатулки, флаконы и коробочки. И еще на полу лежали два темных предмета неправильной формы: один у стены, другой около золоченого ложа. И возле каждого из них на Мышелова и Фафхрда смотрели бесчисленные пары глаз.

Возле печки лежала серебряная клетка, но птичка в ней уже не пела любовных песен.

Слабый шорох металла — это Фафхрд проверил, хорошо ли выходит из ножен Серый Прутик.

И словно повинуясь некоему сигналу, друзья схватили мечи и плечом к плечу вошли в комнату. Однако шагали они неуверенно, осторожно, будто слепцы, боясь споткнуться или наступить на что-нибудь мерзкое и отвратительное.

Едва зазвенела сталь мечей, как огненно-красные, крошечные глазки замигали и задвигались. Нечисть устремилась к черным пятнам на коврах. Это оказались обыкновенные норы, совсем недавно сделанные в полу, а сами красноглазые твари — большими черными крысами.

Фафхрд и Мышелов, в бешенстве и отчаянии, ринулись вперед, рубя и давя хвостатое отродье. Но убили они, увы, немногих. Крысы разбежались с невообразимой быстротой. К тому же, при первом же ударе меч Фафхрда прошел сквозь пол. А когда Северянин сделал еще один шаг, то провалился чуть ли не по пояс.

Мышелов метнулся мимо него, высоко подняв свой Скальпель.

Не обращая внимания на впившиеся занозы, Фафхрд высвободил ногу, а потом последовал за Мышеловом, который в это время лихорадочно бро-

сал в печь растопку, чтобы хоть как-то осветить комнату.

Но самым ужасным было то, что, несмотря на бегство крыс, два темных предмета на полу оставались неподвижными. В желтом, неровном свете разгоревшейся печурки они из черных превратились в темно-коричневые, с отвратительными переходами пурпурно-синего, фиолетового, снежно-белого и красного. Кровь, разодранная плоть и кости.

Хоть руки и ноги были начисто обглоданы, а тела крысы прогрызли насквозь, лица девушек остались нетронутыми. Но это делало картину еще более ужасной и омерзительной, так как лица потемнели от удушья, губы выгнулись черными дугами, глаза вылезли из орбит. Только волосы — черные и темно-каштановые — остались прежними. Лишь они и — белые, белые зубы.

Мужчины стояли и смотрели на своих мертвых, изуродованных возлюбленных, не в силах отвести взгляд. Волна ужаса, скорби и гнева все сильнее поднималась в груди.

С пола, с того места, где лежали трупы, видимо, просочившись из кошмарных ран, поднялись две черные струйки. Они проплыли в сторону открытой двери. Две струйки черного дыма.

Пол сам собой с треском провалился еще в нескольких местах, и вновь наступила тишина.

Постепенно друзья рассмотрели и другие детали: на полу валялась крыса, пронзенная кинжалом с серебряной рукояткой — кинжалом Вланы. Должно быть, тварь сунулась к девушке раньше, чем колдовской дым завершил свое грязное дело. Пояс и кисет Вланы исчезли. Исчезла также голубая эмалевая шкатулка, в которую Ивриан положила принесенные Мышеловом драгоценности.

Фафхрд и Серый переглянулись. Гримаса ужаса исказила их лица. Но мужчины поняли друг друга без слов. Северянину не пришлось объяснять, зачем он сорвал с себя плащ, зачем, отшвырнув труп крысы, подобрал кинжал Вланы. Мышелов, в свою очередь, тоже не пустился в разъяснения, для чего он вытащил с полдюжины кувшинчиков, наполненных

маслом, и, разбив несколько из них возле печурки, запихнул остальные в свой мешок; для чего наполнил горячими угольями небольшой горшок и тоже отправил его в мешок.

По-прежнему не проронив ни слова, Мышелов схватил горящую головню и бросил ее на пропитавшийся маслом ковер. Вверх взлетел сноп желтого пламени.

Друзья повернулись и кинулись к двери. С тяжелым стоном пол просел. Отчаянно цепляясь за стены, приятели добрались до двери и выскочили за порог. В этот момент вся комната — ковры, столики, шкапушки, золоченое ложе, изуродованные тела девушек — вспыхнула разом. Яркое пламя то ли очищающего, то ли погребального костра взметнулось к потолку.

Фафхрд и Мышелов бросились вниз по лестнице, которая, едва приятели достигли мостовой, отвалилась от стены и рухнула вниз. Друзьям пришлось пробираться среди трухлявых обломков, чтобы выйти в переулок.

К тому времени, как они выбрались, пламя уже лизало своим жгучим языком нижние этажи старого дома.

Когда приятели достигли Чумного Двора, в трактире «Серебряный Угорь» уже били тревогу.

Друзья все еще бежали, когда впереди мелькнул переулок Смерти. Тут Мышелов схватил Фафхрда за руку, заставив его остановиться. Северянин, ругаясь, вырывался. Его лицо все еще было перекошено от ужаса, увиденного и пережитого. Он сдался лишь тогда, когда Мышелов объяснил:

— Пара минут. Чтоб вооружиться.

Мышелов снял с пояса мешок и что есть силы ударил им о камни. Кувшины с маслом и горшок с углями разбились, мешок вспыхнул, превратившись в пылающий факел.

Мышелов обнажил Скальпель, а Фафхрд — Серый Прутик. И друзья устремились дальше. Мышелов на ходу крутил мешок, раздувая пламя. Пока они миновали Дешевую улицу и добрались до Дома

Воров, мешок Серого превратился в настоящий огненный шар.

Мышелов, высоко подпрыгнув, зашвырнул его прямо в нишу над входом.

Ночные стражи закричали от боли и удивления, когда на их, казалось бы, тайный пост напали так дерзко и неожиданно.

На вопли и завывания стражников из дверей выскочили было воры-подмастерья, но, увидев перед собой двух демонов, размахивающих сверкающей сталью, нырнули обратно, как будто ничего и не произошло. Но один маленький, худосочный мальчик-ученик выскочил слишком далеко. Серый Прутик, со свистом описав кривую дугу, пронзил его насквозь. Большие, испуганные глаза ребенка выкатились из орбит, маленький рот исказился от боли.

Откуда-то донесся ужасный, леденящий душу вой. Но Фафхрд и Мышелов вихрем неслись дальше, не обращая на дикий вой никакого внимания.

Если не считать слабого света фонарей в высоких решетчатых колпаках, коридор был погружен в полутьму. Причина этой загадочной темноты стала ясна, когда друзья стали подниматься вверх по лестнице. На ней появились клубы черного дыма. Они возникали словно бы ниоткуда, становились гуще, кружились вихрями, извиваясь, как змеи. Ими был полон весь коридор на втором этаже, они гигантской паутиной протянулись от стены к стене, сделавшись такими плотными, что Мышелову и Фафхрду приходилось рубить их. Так, по крайней мере, друзьям казалось.

Черная паутина немного заглушала жуткий вой, который постепенно перешел в ликующее, мерзкое хихиканье.

Все двери были плотно закрыты. Мышелов, к которому на короткое время вернулась способность здраво рассуждать, подумал, что воры, по всей видимости, боятся ни его и Фафхрда, а, скорее, колдовства Христомило. Несмотря на то, что чародей служит ворами.

Даже комнату с картой, откуда вернее всего мож-

но было ждать атаки, сейчас закрывала тяжелая, обитая железом дверь.

Чтобы продвинуться вперед хоть на шаг, друзьям каждый раз приходилось дважды перерубать черную, липкую паутину. Она теперь стала толстой, как веревка.

На полпути между комнатой с картой и комнатой колдуна, в переплетении черной паутины появился паук. Сначала его призрачная тень. Потом тень стала уплотняться, расти, пока не достигла размеров огромного волка.

Мышелов, работая мечом, рассек паутину, повисшую прямо перед ним, отступил на шаг, а потом стремительно рванулся к пауку. Скальпель пробил тварь насквозь. Паук лопнул, словно мыльный пузырь, испортив напоследок воздух отвратительным запахом.

Приятели ринулись в логово колдуна. Там все было по-прежнему, если не брать в расчет, что кое-какие вещи исчезли, а кое-какие появились.

На длинном столе в двух подогреваемых голубым пламенем кубах извивались две черные, гибкие ленты. Их движения напоминали танец болотной кобры. Движение шло не только в прозрачных кубах, но и в воздухе, во всей просторной комнате. Паутина черного дыма как бы создавала барьер между сверкающими мечами двух друзей и Христомило, который, как и раньше, стоял у своих приборов. Только на этот раз он главным образом смотрел на Фафхрда и Мышелова, лишь изредка бросая косой взгляд на воплощение своего жуткого бормотания.

На другом конце стола, там, где не было черной паутины, сидел Сливни, и с ним еще одна крыса, уступавшая последнему разве что размерами черепа. Из крысиных нор вдоль стен глазело множество горящих красных глаз.

В дикой ярости Фафхрд принялся кромсать черный барьер, но струи дыма вытекали из кубов быстрее и проворнее, чем Северянин успевал рубить их. Разрезанные клинком обрубки, вместо того, чтобы безжизненно повиснуть, ползли к Фафхрду, как усики какого-то хищного растения.

Северянин перебросил меч в левую руку и, выхватив кинжал, бросился к колдуну. С молниеносной быстротой он рассек подряд три черные ленты. Четвертая и пятая замедлили его движения, шестая почти остановила, а мертвая хватка седьмой заставила Фафхрда замереть на месте.

Христомило довольно захихикал, обнажая кривые зубы. Сливни, вторя своему хозяину, тоже затрясся в экстазе.

Мышелов что есть мочи заработал Кошачьим Когтем, но результат оказался столь же плачевным. Пока он рубил одну ленту, две другие обвились вокруг его руки, державшей меч, а третья захлестнула шею.

Черные крысы стали выползать из нор и рассаживаться вдоль стен.

Тем временем несколько колдовских лент обвились вокруг лодыжек Фафхрда, чуть не опрокинув его на пол. С трудом удержав равновесие, Северянин сорвал с пояса кинжал Вланы. Лезвие было коричневым от засохшей крысиной крови. Блеснула серебряная рукоять.

Увидев кинжал, Христомило побледнел. Издав странный жалобный звук, колдун отпрянул от стола и поднял свои когтистые лапки, словно пытаясь защититься от неизбежного. Кинжал Вланы с легкостью прошел сквозь черный барьер, — казалось, он просто рассеялся перед ним — и, полоснув по скрюченным лапкам чародея, по самую рукоять впился в его правый глаз. Христомило тоненько пискнул и прижал ладони к лицу.

Черная паутина стала съеживаться.

Прозрачные кубы разлетелись вдребезги, их содержимое расплескалось по столу, загасив голубое пламя. С характерным звуком жидкость водопадом обрушилась на мраморный пол.

С последним слабым криком Христомило подался вперед, все еще держась за рукоятку пробившего его череп кинжала.

Паутина посветлела, как светлеют чернила, если в них плеснуть воды.

Мышелов рванулся вперед, одним ударом прикон-

чив и Сливни, и сидящую с ним рядом огромную крысу. Те сдохли мгновенно, едва успев выдавить слабый писк. Остальные крысы черными молниями исчезли в своих норах. Последние клубы колдовского дыма рассеялись.

Фафхрд и Мышелов стояли над трупами. В комнате, да и во всем Доме Воров стояла леденящая душу тишина. Даже жидкость, вылившаяся из кубов, застыла.

Безумие и гнев покинули сердца двух друзей. Все перегорело. Осталась лишь пустота. Им уже больше не хотелось убивать ни Кровуса, ни других воров. С ужасом вспомнил Фафхрд лицо убитого им мальчика.

Скорбь. И желание убежать. Убежать из логова колдуна, из Дома Воров. Из Ланкмара.

С отвращением Мышелов выдернул Скальпель из крысиного трупа, тщательно вытер лезвие и убрал в ножны. Фафхрд, почистив, спрятал Серый Прутик. Никто даже не взглянул на кинжал Вланы и на того, кого он пронзил.

На столе колдуна приятели заметили расшитый серебром кисет и пояс Вланы. Рядом лежала голубая шкатулка Ивриан. Эти вещи друзья захватили с собой.

Молча, как и в тот миг, когда пламя охватило уютное гнездышко Мышелова, но испытывая еще большее чувство привязанности друг к другу, Фафхрд и Мышелов устало покинули комнату колдуна, вышли в коридор, миновали дверь, ведущую в комнату с картой, спустились по лестнице и, пройдя еще один пустой и безмолвный коридор, заканчивавшийся пустой обгоревшей нишей, оставили Дом Воров. Они вышли на Дешевую улицу и повернули к северу — самый близкий путь на улицу Забытых Богов. Потом друзья повернули направо — на восток.

Им не встретилось ни одной живой души, если не считать худого и сутулого мальчугана, который уныло шаркал метлой по камням перед винной лавкой в тускло-розовом свете разгорающейся зари.

Друзья не встретили никого. Хотя в сточных канавах и под теплыми крылечками храпело и сопело во сне множество неясно вырисовывавшихся в полумраке фигур.

С улицы Забытых Богов друзья повернули на восток — там находились Болотные ворота, ведущие к мощеной дороге через Великую Соляную топь. Именно через Болотные ворота можно было быстрее всего покинуть великий и прекрасный, ставший ненавистным, город. Город навеки любимых, безликих теперь уже, навсегда ушедших теней. Город Ланкмар.

МЕЧИ ПРОТИВ КОЛДОВСТВА

1. Шатер колдуньи

Ведьма наклонилась над жаровней. Стремящиеся вверх струи серого дыма переплетались со свисающими вниз прядями спутанных черных волос. В отсветах жаровни можно было разглядеть ее лицо, такое же темное, угловатое и грязное, как только что выкопанный клубок корней манцениллы. Полвека обработки жаром и дымом жаровни сделали это лицо черным, морщинистым и твердым, как мингольский окорок.

Сквозь расширенные ноздри и полуоткрытый рот, в котором виднелось несколько коричневых зубов, похожих на старые пни, неравномерно ограждающие серое поле языка, она с клокотанием вдыхала и с бульканьем выдыхала дым.

Те струи дыма, которым удалось избежать ее ненасытных легких, извиваясь, пробивались к провисшему своду шатра, покоящемуся на семи ребрах, изгибающихся вниз от центрального шеста, и откладывали на древней недубленной коже свою крохотную долю смолы и сажи. Говорят, что если прокипятить такой шатер после десятков или, предпочтительно, сотен лет использования, то можно получить вонючую жидкость, вызывающую у людей странные и опасные видения.

За обвисшими стенами шатра расходились во всех направлениях темные извилистые аллеи Иллик-Винга, слишком разросшегося, грубого и шумного города, восьмой и самой маленькой метрополии Земли Восьми Городов.

А наверху дрожали на холодном ветру странные звезды Невона, мира, столь похожего и непо похожего на наш собственный.

Внутри шатра два человека, одетых в варварские

одежды, наблюдали за колдуньей, скорчившейся над жаровней. Тот, что был повыше, с рыжевато-белокурыми волосами, не отрывал от ведьмы мрачного, сосредоточенного взгляда. Другой, пониже и одетый во все серое, с трудом держал глаза открытыми, подавлял зевоту и морщил нос.

— Не знаю, от кого воняет хуже, от ведьмы или от жаровни, — пробормотал он. — А может, так несет от самого шатра или от этой уличной грязи, в которой мы вынуждены сидеть. Или, быть может, у нее живет дух скунса. Послушай, Фафхрд, если уж нам нужно было советоваться с какой-нибудь волшебной личностью, мы могли бы разыскать Шеелбу или Нингобля еще до того, как отправились из Ланкмара на север, через Внутреннее море.

— До них было не добраться, — ответил высокий быстрым шепотом. — Ш-ш, Серый Мышелов, по-моему, она впала в транс.

— Ты хочешь сказать, заснула, — неуважительно отозвался низкорослый.

Булькающее дыхание ведьмы начало больше походить на предсмертный хрип. Ее веки затрепетали, приоткрывая две белых полосы. Ветер зашевелил темные стены шатра — или, может быть, кожу трогали и теребили невидимые духи.

На низкорослого это не произвело никакого впечатления. Он сказал:

— Я не понимаю, почему мы должны советоваться с кем бы то ни было. Ведь мы же не собираемся совсем покидать Невон, как это было в нашем прошлом приключении. У нас есть бумаги — я имею в виду кусок пергамента из козлиной кожи — и мы знаем, куда мы идем. Или, по крайней мере, ты говоришь, что ты знаешь.

— Ш-ш, — скомандовал высокий и добавил хрипло: — прежде чем пуститься в какое-то великое предприятие, по обычаю требуется посоветоваться с колдуном или колдуньей.

Низкорослый, тоже перейдя на шепот, возразил:

— Тогда почему мы не могли посоветоваться с цивилизованными колдунами? С любым добропорядочным членом Ланкмарской Гильдии Волшебников. У него, по крайней мере, была бы поблизости парочка обнаженных девушек, чтобы нашим глазам было

на чем отдохнуть, когда они начнут слезиться от рассматривания неразборчивых иероглифов и горо-
скопов.

— Хорошая ведьма, близкая к земле, гораздо честнее какого-нибудь городского мошенника, вырядившегося в высокий черный колпак и усыпанную звездами мантию, — упирался высокий. — Кроме того, эта колдунья находится ближе к нашей ледяной цели и ее влияниям. А ты, с твоей городской страстью к роскоши, ты превратил бы рабочую комнату волшебника в бордель!

— А почему бы и нет? — заинтересовался низкорослый. — Оба вида чар одновременно.

Затем, ткнув большим пальцем в ведьму, он добавил:

— Близкая к земле, говоришь? К навозу будет гораздо ближе.

— Ш-ш, Мышелов, ты нарушишь ее транс.

— Транс?

Низкорослый еще раз тщательно осмотрел ведьму. Ее рот закрылся, и она с присвистом дышала похожим на клюв носом, кончик которого, испачканный сажей, пытался встретиться с выступающим подбородком. Откуда-то слышался слабый высокий вой, словно где-то далеко были волки или где-то рядом были духи, а может, это был просто странный отголосок ведьминых присвистываний.

Низкорослый презрительно приподнял верхнюю губу и потряс головой. Его руки тоже слегка тряслись, но он старался скрыть это.

— Да нет, я бы сказал, что она просто накачалась до потери сознания, — рассудительно прокомментировал он. — Тебе не следовало давать ей так много опийной жвачки.

— Но в этом и заключается весь смысл транса, — запротестовал высокий. — Накачать, подхлестнуть или каким-либо другим образом выгнать сознание из тела и заставить его подняться наверх, в мистические высоты, чтобы с их вершин обозревать земли прошлого и будущего, а возможно, и другого мира.

— Хотел бы я, чтобы те горы, которые будут перед нами, были просто мистическими, — пробормотал низкорослый. — Послушай, Фафхрд, я готов си-

деть здесь на корточках всю ночь — или, по крайней мере, в течение еще пятидесяти тошнотворных вдохов или двухсот занудных ударов сердца — чтобы удовлетворить твою прихоть. Однако не пришло ли тебе в голову, что в этом шатре может быть опасно? И я не имею в виду только духов. В Иллик-Винге хватает проходимцев кроме нас, и некоторые из них, возможно, интересуются тем же, чем и мы, и с превеликим удовольствием бы нас прикончили. А мы здесь, в этой наглухо закрытой кожаной хижине, так же уязвимы, как олень на фоне неба — или подсадная утка.

Как раз в этот момент вернулся ветер и снова начал щупать и теребить стены, причем слышалось поскребывание, которое могли издавать кончики раскачиваемых ветром ветвей или царапающие кожу длинные ногти покойников. Кроме того, откуда-то доносились слабое ворчание и вой, а с ними — крадущиеся шаги. Оба искателя приключений подумали о последнем предупреждении Мышелова, посмотрели на кожаную дверь шатра, в щели которой проглядывала тьма, и проверили, легко ли выходят мечи из ножен.

В это мгновение шумное дыхание ведьмы затихло, а вместе с ним исчезли все остальные звуки. Ее глаза открылись, показывая одни белки — молочные овалы, бесконечно жуткие на темном, похожем на сплетение корней, фоне угловатого лица и косматых волос. Серый кончик языка полз вокруг губ, словно большая гусеница.

Мышелов хотел было высказаться, но выставленная вперед увесистая ладонь Фафхрда с растопыренными пальцами была более весомым аргументом, чем любое «ш-ш».

Низким, но замечательно чистым, почти девичьим голосом ведьма затянула:

Вас некой волшебной и смутной тайной.

Край мира замерзший влечет не случайно...*

«Ключевое слово здесь — „смутная“», — подумал Мышелов. — Типичное для ведьм пустословие. Она

* Стихи в переводе С. Троицкого.

явно знает о нас только то, что мы направляемся на север, а это она могла узнать у любого сплетника.»

На север, на север вас путь уведет
Сквозь снежную пыль и убийственный лед..

«Опять то же самое... — мысленно прокомментировал Мышелов. — Но неужели необходимо сыпать что-то на раны, пусть даже снег?! Бр-р-р!»

Завистливоглазых соперников стая
Вам вслед устремится, за пятки хватая.

«А, неизбежное запугивание, без которого не будет полным ни одно предсказание!»

Но пламя опасности, словно купель,
Очистит вас... Рядом желанная цель!

«А теперь, очень своевременно, счастливый конец! О боги, самая глупая проститутка из Илтмара, читающая судьбу по руке, могла бы...»

— И вы обретете...

Что-то серибристо-серое промелькнуло перед глазами Мышелова, так близко, что его очертания оказались размытыми. Не раздумывая, Мышелов нырнул назад и вырвал из ножен Скальпель.

Острый, как бритва, наконечник копья, проткнувший стенку шатра, словно бумагу, остановился в каких-то дюймах от головы Фафхрда, и был тут же втянут обратно.

Их кожаную стенку пробил дротик. Его Мышелов отбил в сторону своим мечом.

Снаружи поднялся шквал криков. Одни вопили „Смерть чужестранцам!“, другие — „Выходите, собаки, и дайте себя убить!“»

Мышелов стоял лицом к кожаной двери, и его взгляд метался из стороны в сторону.

Фафхрд, который отреагировал почти так же быстро, как и Мышелов, наткнулся на слегка необычное решение стоящей перед ними запутанной тактической проблемы: проблемы людей, осажденных в крепости, стены которой и не защищают их, и не позволяют выглянуть наружу. Первым делом он прыгнул к центральному шесту шатра и сильным рывком вытащил его из земли.

Ведьма, реакция которой тоже была подсказана

солидным здоровым смыслом, бросилась ничком в грязь.

— Мы снимаемся с лагеря! — воскликнул Фафхрд. — Мышелов, прикрывай спереди и направляй меня!

С этими словами он ринулся в сторону двери, неся с собой весь шатер. Последовала быстрая серия небольших взрывов — это полопались не очень-то прочные старые ремни, привязывающие кожаные стенки к кольям. Жаровня перевернулась, рассыпая угли. Через ведьму Фафхрд перешагнул. Мышелов, бегущий впереди, широко распахнул дверную прорезь, и сразу же ему пришлось пустить в ход Скальпель, чтобы парировать удар меча из темноты. Другую руку Серый использовал для того, чтобы держать дверь открытой.

Атаковавший голову был сбит с ног и, возможно, слегка потрясен тем, что на него напал шатер. Мышелов наступил на поверженного противника и, как ему показалось, услышал треск ребер, когда Фафхрд проделал ту же процедуру. Это было приятным, хотя и несколько жестоким штрихом. Затем Мышелов начал кричать:

— Сейчас поверни налево, Фафхрд! Теперь немного вправо! Слева сейчас будет аллея. Приготовься резко свернуть туда, когда я скажу. Давай!

Мышелов схватился за кожаные края двери и помог развернуть шатер, когда Фафхрд крутанулся вокруг своей оси.

Сзади раздались крики ярости и удивления, а также пронзительные вопли — похоже, их издавала ведьма, возмущенная пропажей своего дома.

Аллея была такой узкой, что края шатра цеплялись за дома и ограды. Как только Фафхрд почувствовал под ногами неутоптанный участок грязи, он сразу же воткнул туда шест, и друзья выбежали из шатра, оставив его загоразживать аллею.

Раздававшиеся сзади крики внезапно сделались громче, когда преследователи свернули в аллею, но Фафхрд и Мышелов бежали не слишком быстро. Было несомненно, что их противники потратят значительное время на разведку и осаду пустого шатра.

Друзья вприпрыжку пробежали сквозь окраины спящего города к своему лагерю, хорошо спрятанно-

му вне городской черты. Их ноздри втягивали холодный, бодрящий воздух, стекающий вниз, как через воронку, через самый удобный перевал в скалистой цепи гор, носивших название Ступени Троллей и отделяющих Землю Восьми Городов от обширного плато Холодной Пустоши, лежащего на севере.

— К несчастью, эту старую даму прервали как раз тогда, когда она собиралась сказать нам что-то важное, — заметил Фафхрд.

Мышелов фыркнул.

— Она уже спела свою песню, да только в итоге — нуль.

— Интересно, кто были эти грубые ребята и какие у них были мотивы? — спросил Фафхрд. — Мне показалось, что я узнал голос того пивохлеба Гнарфи, который чувствует такое отвращение к медвежьему мясу.

— Кучка подлецов, которые вели себя так же глупо, как и мы, — ответил Мышелов. — Мотивы? С таким же успехом их можно приписать овцам! Десять болванов, следующих за главарем-идиотом.

— Тем не менее, похоже, что кто-то нас не любит, — высказал свое мнение Фафхрд.

— А разве это новость? — отпарировал Мышелов.

2. Звездная Пристань

Ранним вечером, несколько недель спустя, серые облачные доспехи неба отлетели на юг, разбитые вдребезги и тающие, словно под ударами палицы, которую окунули в кислоту. Тот же могучий северо-восточный ветер презрительно сдул до того неприступную стену облаков на востоке, открывая мрачно-величественную гряду гор, тянущуюся с севера на юг и резко вырастающую из плато Холодной Пустоши, расположенного на высоте двух лиг, — словно дракон длиной в пятьдесят лиг вздымал свою утыканную шипами спину над ледяной гробницей.

Фафхрд, не новичок в Холодной Пустоши, рожденный у подножия этих гор и в детстве немало ползавший по их нижним склонам, перечислял их названия Серому Мышелову. Два друга стояли рядом

на покрытом хрустящим инеем восточном краю впадины, в которой они разбили свой лагерь. Впадину эту уже затопила закатная тень, но солнце, садящееся за их спинами, еще озаряло западные склоны главных вершин, которые называл Фафхрд, — озаряло их не романтическим розовым сиянием, а скорее чистым, холодным, вырисовывающим все детали светом, так подходящим к страшной отчужденности гор.

— Посмотри как следует на первый большой подъем на севере, — говорил Фафхрд Мышелову. — Эта фаланга угрожающих небу ледяных копий с проблесками темного камня и сверкающей зелени зовется Пила. Дальше вздымается гигантский одинокий зуб, словно сделанный из льда и слоновой кости и неприступный по любым здравым оценкам, — его называют Бивнем. Еще один неприступный пик, еще более высокий, южная стена которого — отвесный обрыв, взмывающий ввысь на целую лигу и отклоняющийся наружу у острия вершины: это Белый Клык, где погиб мой отец; верный пес Гряды Гигантов.

— Теперь начни снова с первого снежного купола на юге цепи, — продолжал высокий человек в меховой одежде, с волосами и бородой цвета меди, с головой, больше ничем не прикрытой на морозном воздухе, таком же спокойном на уровне земли, как морские глубины под бушующим штормом, — эту гору называют Намек, или Давай. Выглядит она довольно невысокой, однако люди замерзали на смерть, ночуя на ее склонах, и бывали сметены к своей гибели неожиданными, как каприз королевы, лавинами. Затем гораздо более обширный снежный купол, истинная королева рядом с Намеком-принцессой, полусфера чистой белизны, достаточно высокая, чтобы подпирать крышу зала, где соберутся все боги, которые когда-либо были или будут, — это Гран Ханак, на которую первым из всех людей поднялся мой отец и покорил ее. Наш шатровый городок располагался вон там, у ее подножья. Теперь от него, я полагаю, не осталось и следа, даже и кучи мусора. Рядом с Гран Ханак и ближе к нам огромный столб с плоской вершиной, почти пьедестал для неба, который, как кажется, сделан из снега с зелеными

прожилками, но на самом деле это все светлый, как снег, гранит, отшлифованный штормами: Обелиск Поларис.

— И последнее, — продолжал Фафхрд, понизив голос и схватив своего низкорослого спутника за плечо, — подними взгляд на гору, возвышающуюся между Обелиском и Белым Клыком, со снежными косами, темными скалами и снежной шапкой. Ее сверкающее подножие слегка скрыто за Обелиском, но она на столько же выше своих соседей, на сколько они выше Холодной Пустоши. Сейчас, когда мы на нее смотрим, она прячет за собой поднимающуюся луну. Это Звездная Пристань, цель нашего пути.

— Довольно симпатичная, высокая, стройная бородавка на этом отмороженном пятне на лице Невона, — согласился Серый Мышелов, пытаясь освободить свое плечо из хватки Фафхрда. — А теперь, наконец, скажи мне, приятель, почему ты в молодости не взобрался на эту Звездную Пристань и не захватил сокровище, неужели нужно было ждать до тех пор, пока мы не нашли ключ к этому кладу в пыльной, душной, охраняемой скорпионами башне в пустыне, за четверть мира от этих гор — и затратили полгода, чтобы добраться сюда.

Голос Фафхрда чуть дрогнул, когда он ответил:

— Мой отец никогда не поднимался на нее, почему же я должен был это делать? К тому же, в клане моего отца не было легенд о сокровищах, спрятанных на вершине Звездной Пристани... хотя была уйма других легенд о Звездной Пристани, и каждая запрещала на нее подниматься. Люди называли моего отца Нарушителем запретов Легенд и в мудрости своей пожимали плечами, когда он погиб на Белом Клыке... Честно говоря, моя память не так уж хороша теперь, Мышелов, — я получил множество сотрясающих мозги ударов по голове, прежде чем научился наносить удары первым... и к тому же я был еще почти мальчиком, когда наш клан покинул Холодную Пустошь — хотя грубые и суровые стены Обелиска были моей поставленной вертикально площадкой для игр...

Мышелов с сомнением кивнул головой. В тишине друзья слышали, как их привязанные пони хрумкают ломкой от инея травой, затем раздалось слабое

и беззловное рычание снежной кошки Хриссы, свернувшейся калачиком между крошечным костром и грудой багажа, — наверно, один из пони подошел к ней слишком близко. На огромной ледяной равнине, окружавшей спутников, ничто не двигалось — или почти ничто.

Мышелов опустил руку, обтянутую серой перчаткой, на самое дно своего дорожного мешка, вынул из кармашка, пришитого там, небольшой прямоугольный кусок пергамента и начал читать, больше по памяти, чем глядя на строки:

Кто на Звездную Пристань, на Лунное Древо взойдет,
(Путь незримых преград мимо змея и гнома не прост!)
Ключ к богатству превыше сокровищ царей обретет —
Сердце Света, а с ним заодно и кошель, полный звезд. *

Фафхрд мечтательно сказал:

— Говорят, что боги когда-то жили и держали свои кузницы на Звездной Пристани. Оттуда, из бушующего моря огня и рассыпающихся дождем искр, они запустили в небо звезды: поэтому гора так и называется. Говорят, что алмазы, рубины, изумруды — все самые дорогие камни — это маленькие модели, которые боги сделали для звезд... и потом беззаботно разбросали по всему свету, когда их великий труд был завершен.

— Ты никогда мне этого не рассказывал, — сказал Мышелов, взглянув на друга в упор.

Фафхрд заморгал и озадаченно нахмурился.

— Я начинаю вспоминать кое-что из моего детства.

Мышелов слабо улыбнулся, прежде чем вернуть пергамент в потаенный карман.

— Догадка, что кошель, полный звезд, может означать мешок с драгоценными камнями, — начал перечислять он, — история о том, что величайший алмаз Невона называется Сердце Света, несколько слов на пергаменте из козлиной кожи, найденном в верхней комнате закрытой и запечатанной в течение многих веков башни, стоящей посреди пустыни, — это слишком незначительные намеки, чтобы заставить двоих людей пересечь убийственную Холодную Пустошь. Скажи мне, Старый Конь, может, ты про-

* Стихи в переводе С. Троицкого.

сто чувствовал ностальгию по жалким белым лугам, где ты родился, и поэтому сделал вид, что поверил во все это?

— Эти незначительные намеки, — сказал Фафхрд, который теперь пристально глядел в сторону Белого Клыка, — заставили и других людей пересечь весь Невон, направляясь на север... Должно быть, существовали и другие обрывки козлиной кожи, хотя почему они все были обнаружены в одно и то же время, я не могу понять.

— Мы оставили всех этих ребят позади, в Иллик-Винге или даже в Ланкмаре, еще до того, как поднялись на Ступени Троллей, — с полной уверенностью заявил Мышелов. — Слабаки, и не более того. Унюхали добычу, но побоялись трудностей.

Фафхрд слегка покачал головой и указал вдаль. Между ними и Белым Клыком поднималась тончайшая ниточка черного дыма.

— Разве Гнарфи и Кранарх показались тебе слабаками — если назвать только двоих из остальных претендентов? — спросил он, когда Мышелов наконец заметил дым и кивнул.

— Может быть, — мрачно согласился Мышелов. — Но разве в этой Пустоши нет обыкновенных путешественников? Правда, мы не встречали ни души от самого Мингола...

Фафхрд задумчиво сказал:

— Это может быть лагерь Ледяных Гномов... хотя они редко покидают свои пещеры, кроме как в разгар лета, а это было уже месяц назад...

Он внезапно замолчал, озадаченно хмуря брови.

— Интересно, откуда я это знаю?

— Еще одно воспоминание времен детства, всплывающее на поверхность черного котла? — высказал свою догадку Мышелов. Фафхрд с сомнением пожал плечами.

— Значит, остаются Кранарх и Гнарфи, — заключил Мышелов. — Я готов признать, что этих слабаками не назовешь. Возможно, нам следовало завязать с ними драку в Иллик-Винге, — предложил он. — Или может, даже сейчас... быстрый ночной переход... внезапный налет...

Фафхрд покачал головой.

— Мы сейчас скалолазы, а не убийцы, — сказал

он. — Человек должен быть целиком и полностью скалолазом, чтобы бросить вызов Звездной Пристани.

Он снова указал Мышелову на самую высокую гору.

— Давай лучше изучим ее западную стену, пока еще достаточно светло. Начнем с подножия, — сказал он. — Эта сверкающая юбка, ниспадающая с ее заснеженных бедер, которые поднимаются почти на такую же высоту, что и Обелиск Поларис — это Белый Водопад, где не смог бы выжить ни один человек. Теперь выше, к ее голове. Под плоской, надетой набекрень снежной шапкой свисают два огромных разбухших снежных локона, по которым почти непрерывно струятся лавины, словно она расчесывает их день и ночь, — их называют Косами. Между ними — широкая лестница из темного камня, отмеченная в трех местах полосами уступов. Самая высокая из этих полос — это Лик. Видишь более темные уступы, отмечающие глаза и губы? Средняя полоса называется Гнезда, самая нижняя — на уровне широкой вершины Обелиска — Норы.

— А чьи это гнезда и норы? — поинтересовался Мышелов.

— Никто не может ответить, потому что никто не поднимался по Лестнице, — ответил Фафхрд. — Ну, а теперь наша дорога наверх — очень простая. Мы поднимемся на Обелиск Поларис — гору, которой можно верить, если такие вообще бывают — затем перейдем по провисающей снежной седловине (это самая опасная часть нашего восхождения!) на Звездную Пристань и поднимемся по Лестнице на ее вершины.

— А как мы будем подниматься по Лестнице в длинных пустых промежутках между уступами? — спросил Мышелов с неким подобием детской невинности в голосе. — Я хочу сказать, если обитатели гнезд и нор признают действительными наши верительные грамоты и позволят нам сделать попытку.

Фафхрд пожал плечами.

— Какой-нибудь путь будет, все-таки скала — это скала.

— А почему на Лестнице нет снега?

— Она слишком крутая.

— Предположим, что мы все-таки добрались до верха, — сказал в заключение Мышелов, — и как мы тогда перевалим наши избитые до синевы и черноты и превратившиеся в скелеты тела через край снежной шапки, которую Звездная Пристань загнула вниз самым элегантным образом?

— В ней где-то есть треугольная дыра, которая называется Игольное Ушко, — небрежно ответил Фафхрд. — По крайней мере, я такое слышал. Но не беспокойся, Мышелов, мы ее найдем.

— Конечно, найдем, — согласился Мышелов с легкомысленной уверенностью, которая на первый взгляд казалась искренней, — мы, скачущие и скользящие по дрожащим снежным мостам и танцующие фантастические танцы на отвесных стенах, даже не прикасаясь рукой к граниту. Напомни мне, чтобы я взял ножик подлиннее и вырезал наши инициалы на небе, когда мы будем праздновать завершение этого небольшого прогулочного подъема.

Его взгляд чуть уклонился к северу. Уже другим голосом он продолжал:

— А вот темная северная стена Звездной Пристани — она, конечно же, выглядит достаточно крутой, но на ней нет снега вплоть до самой вершины. Почему бы нам не пойти там? Ведь скала, как ты сам сказал с такой неопровержимой глубиной мышления, — это скала.

Фафхрд рассмеялся беззлобно.

— Мышелов, ты различаешь на фоне темнеющего неба эту длинную белую ленту, стекающую, извиваясь, на юг с вершины Звездной Пристани? Да, а пониже — более узкая лента, ее ты видишь? Эта вторая лента проходит сквозь Игольное Ушко! Так вот, эти ленты, свисающие с шапки Звездной Пристани, называются Большой и Малый Вымпелы. Это мелкий снег, сметенный с вершины Звездной Пристани северо-восточным ветром, который дует по меньшей мере семь дней из восьми и никогда не поддается предсказаниям. Этот ветер сорвет самого сильного скалолаза с северной стены так же легко, как ты или я могли бы сдуть одуванчик со стебля. Само тело Звездной Пристани защищает Лестницу от этого ветра.

— Неужели ветер никогда не меняет направления и не атакует Лестницу? — беспечно спросил Мышелов.

— Довольно редко, — успокоил его Фафхрд.

— О, великолепно, — отозвался Мышелов с совершенно подавляющей искренностью и хотел было вернуться к костру, но как раз в этот момент темнота начала быстро подниматься на Гряды Гигантов — солнце окончательно нырнуло за горизонт далеко на западе — и человек в сером остался поглазеть на величественное зрелище.

Казалось, что кто-то натягивает снизу вверх черное покрывало. Сначала скрылась мерцающая полоса Белого Водопада, затем норы на Лестнице, и затем гнезда. Потом все остальные пики исчезли, даже сверкающие жестокие вершины Бивня и Белого Клыка, даже зеленовато-белая крыша Обелиска. Теперь на виду оставались только снежная шапка Звездной Пристани и под ней — Лик между серебристыми Косами. Какой-то миг карнизы, называемые Глазами, сверкали, или, по крайней мере, так казалось. Затем наступила ночь.

Однако вокруг все еще было разлито бледное свечение. Стояла глубокая тишина, и воздух был абсолютно неподвижным. Холодная Пустошь, окружавшая двух друзей, казалось, простиралась к северу, западу и югу в бесконечность.

И в этой протяженной тишине что-то скользнуло, как шепот, сквозь спокойный воздух, издавая звук, подобный слабому шуршанию огромного паруса в умеренном бризе. Фафхрд и Мышелов начали дико озирались по сторонам. Ничего. Позади маленького костра Хрисса, снежная кошка, шипя, вскочила на ноги. Опять ничего. Затем звук, каким бы ни было его происхождение, замер вдали.

Очень тихо Фафхрд начал:

— Существует легенда...

Длинная пауза. Затем он внезапно встряхнул головой и сказал более естественным голосом:

— Воспоминание ускользает от меня, Мышелов. Все извилины моего мозга не могут удержать его. Давай еще раз обойдем лагерь и ляжем спать.

Мышелов очнулся от первого сна так тихо, что не проснулась даже Хрисса, прижавшаяся спиной к его боку — от коленей до груди — с той стороны, где был костер.

В небе, только что появившись из-за Звездной Пристани, висел молодой месяц, поистине достойный плод Древа Луны. Его свет сверкал на южной Косе. «Странно, — подумал Мышелов, — какой маленькой была луна и какой большой — Звездная Пристань, силуэт которой вырисовывался на фоне бледного в свете луны неба.»

Затем, сразу же под плоской вершиной шапки Звездной Пристани, он увидел яркий бледно-голубой мерцающий огонек. Мышелов вспомнил, что Ашша, бледно-голубая и самая яркая из звезд Невона, должна была этой ночью находиться неподалеку от луны, и подумал, уж не видит ли он ее, благодаря редкостной удаче, сквозь Игольное Ушко, что доказывало бы существование этого последнего. Он подумал также о том, какой большой сапфир или голубой алмаз — возможно, Сердце Света? — был моделью, изготовленной богами для Ашши. И при этом он сонно подсмеивался над собой за то, что его заинтересовал такой глупый, прелестный миф. А потом, принимая этот миф полностью, он спросил себя, оставили ли боги хоть одну из своих настоящих звезд незапущенной, на Звездной Пристани. Потом Ашша, если это была она, мигнула и исчезла.

Мышелов чувствовал себя очень уютно в своем плаще, подбитом овчиной, и теперь зашнурованном в виде спального мешка при помощи ремней и роговых крючков, нашитых на края. Серый долго и мечтательно смотрел на Звездную Пристань, пока месяц не оторвался от нее, и голубая драгоценность не засверкала на вершине и тоже не оторвалась от нее — теперь уже точно Ашша. Уже без всякого страха Мышелов попытался понять, что вызвало похожее на ветер движение, которое он и Фафхрд слышали в неподвижном воздухе, — возможно, просто длинный язык шторма, коротко лизнувший землю. Если шторм будет продолжаться, они, поднимаясь, попадут прямо в него.

Хрисса потянулась во сне. Фафхрд, завернутый в свой зашнурованный ремнями, набитый гагачьим пухом плащ, сонно проворчал что-то низким голосом.

Мышелов уронил взгляд на призрачное пламя угасающего костра и тоже попытался уснуть. Язычки пламени рисовали девичьи тела, потом девичьи лица. Затем призрачное, бледное, с зеленоватым оттенком, девичье лицо — возможно, продолжение видений, как вначале подумал Мышелов, — появилось позади костра, пристально глядя на него сильно сощуренными глазами поверх огня. Лицо становилось более отчетливым по мере того, как Мышелов глядел на него, но вокруг него не было ни малейшего намека на тело или волосы — лицо висело в темноте, как маска.

И все же лик был таинственно прекрасным: узкий подбородок, высокие скулы, маленький рот с чуть выпяченными губами цвета темного вина, прямой нос, переходящий без всякой впадинки в широкий, чуть низковатый лоб — и затем загадка этих глаз, скрытых припухлыми веками и, казалось, подглядывавших за Мышеловом сквозь темные, как вино, ресницы. И все, кроме губ и ресниц, было очень бледного зеленоватого цвета, будто из нефрита.

Мышелов не издал ни звука и не пошевелил ни одним мускулом просто потому, что лицо показалось ему очень красивым — так же, как любой мужчина может надеяться, что никогда не кончится тот момент, когда его обнаженная возлюбленная подсознательно или подчиняясь тайному побуждению, принимает особенно чарующую позу.

К тому же, в хмурой Холодной Пустоши каждый человек лелеет иллюзии, даже если он признает их таковыми с почти полной уверенностью.

Внезапно призрачные глаза широко раскрылись, показывая, что за ними была только пустота, как если бы лицо действительно было маской. Тут Мышелов все-таки вздрогнул, но все еще не так сильно, чтобы разбудить Хриссу.

Затем глаза закрылись, губы выпятились вперед,

словно в насмешливом приглашении; затем лицо начало быстро растворяться, словно его кто-то стирал в буквальном смысле слова. Сначала исчезла правая сторона, затем левая, потом середина, и последними — темные губы и глаза. Мышелову на мгновение почудился запах, похожий на винный, и потом все исчезло.

Серый подумал было о том, чтобы разбудить Фафхрда, и чуть не рассмеялся при мысли об угрюмой реакции своего приятеля. Он спросил себя, было ли это лицо знаком, поданным богами; или посланием какого-нибудь черного мага, обитающего в замке на Звездной Пристани; или, может быть, самой душой Звездной Пристани — хотя тогда где она оставила свои мерцающие косы и шапку и свой глаз-Аш-шу? — или только шальным творением его собственного, весьма хитроумного мозга, возбужденного сексуальными лишениями, а сегодня еще и прекрасными, хотя и дьявольски опасными горами. Довольно быстро Мышелов остановился на последнем объяснении и погрузился в сон.

* * *

Два вечера спустя, в тот же самый час, Фафхрд и Серый Мышелов стояли едва ли в броске ножа от западной стены Обелиска и строили пирамиду из обломков светлых зеленоватых камней, падавших сюда в течение тысячелетий. Среди этого скудно набросанного щебня попадались и кости — многие из которых были переломаны — овец или горных коз.

Как и прежде, воздух был неподвижным, но очень холодным, Пустошь безлюдна, заходящее солнце ярко сияло на горных склонах.

С этого ближайшего тактического пункта Обелиск Поларис смотрелся как пирамида, которая, казалось, уходила, сужаясь, в бесконечность. Камень, из которого состоял Обелиск, оказался на поверку обнадеживающе прочным, твердым, как алмаз, и по крайней мере на нижних склонах было, как на шагреновой коже, полно трещин и выбоин, которые могли служить опорой для рук и для ног.

Гран Ханак и Намек, находящиеся к югу, были

сейчас скрыты. На севере возвышался чудовищный Белый Клык, желтовато-белый в солнечном свете, словно готовый прорвать дыру в сереющем небе. «Место гибели отца Фафхрда», — вспомнил Мышелов.

От Звездной Пристани виднелись только темное подножие выщербленной ветром северной стены и северная оконечность смертоносного Белого Водопада. Все остальное скрывал Обелиск Поларис.

Все, кроме одного штриха: прямо над головами друзей призрачный Большой Вымпел, словно исходящий теперь из Обелиска, струился на юго-запад.

Позади работающих Фафхрда и Серого Мышелова поднимался дразнящий запах двух жарящихся у огня снежных кроликов. Хрисса, сидящая перед костром, медленно, с наслаждением, срывала мясо с тушки пойманного ею третьего. Видом и размером снежная кошка напоминала гепарда, но с длинным клочковатым белым мехом. Мышелов купил ее у бродячего мингольского охотника, встреченного на севере, сразу же за Ступенями Троллей.

Позади костра пони жадно дожевывали остатки зерна, которого они не пробовали уже неделю.

Фафхрд обернул свой вложенный в ножны меч Серый Прутик промасленным шелком и уложил его внутри пирамиды, потом вытянул большую ладонь в сторону Мышелова.

— Скальпель?

— Свой меч я возьму с собой, — заявил Мышелов. Потом добавил, оправдываясь:

— По сравнению с твоим мечом мой просто перышко.

— Завтра ты узнаешь, сколько весит перышко, — сказал Фафхрд, пожав плечами. Затем он положил рядом с Серым Прутиком свой шлем, медвежью шкуру, сложенный шатер, лопатку и кирку, золотые браслеты с предплечий и запястий, перья, чернила, папирус, большой медный котелок, несколько книг и свитков. Мышелов добавил многочисленные и полупустые мешки, два охотничьих копья, лыжи, ненатянутый лук и колчан со стрелами, крохотные горшочки с масляной краской, куски пергамента и всю сбрую для пони; многие из этих предметов были завернуты для предохранения от влаги, подобно Серому Прутику.

Затем двое приятелей, аппетит которых разгорелся от аромата жаркого, быстро уложили два верхних ряда камней, завершив пирамиду.

В тот момент, когда они повернулись туда, где их ждал ужин, и оказались лицом к плоскому, с неровно позолоченными краями, западному горизонту, в тишине снова послышался звук, похожий на шорох паруса или тростника. На этот раз он был слабее, но друзья слышали его дважды: один раз по направлению к северу и, почти одновременно, на юге...

И снова они быстро огляделись, пытаясь обнаружить хоть что-нибудь, однако нигде ничего не было видно, если не считать — снова Фафхрд заметил это первым — ниточки черного дыма совсем рядом с Белым Клыком. Та точка на леднике, откуда поднимался дым, находилась между Клыком и Звездной Пристанью.

— Гнарфи и Кранарх, если это они, выбрали для своего восхождения скалистую северную стену, — заметил Мышелов.

— И она станет их гибелью, — предсказал Фафхрд, ткнув поднятым большим пальцем в сторону Вымпела.

Мышелов кивнул, но явно с меньшей уверенностью, а затем спросил:

— Фафхрд, что это все-таки был за звук? Ты ведь жил здесь.

Фафхрд нахмурился и прикрыл глаза.

— Какие-то легенды об огромных птицах... — вопросительно пробормотал он, — ...или о больших рыбах — нет, это не может быть правдой.

— Котелок памяти все еще кипит, только вот закоптился? — спросил Мышелов. Фафхрд кивнул.

Прежде чем оставить пирамиду, Северянин положил рядом с ней кусок соли.

— Это, — сказал он, — вместе с затянутым льдом озером и травой, которую мы только что прошили, должно удерживать здесь пони на неделю. Если мы не вернемся, ну что ж, по крайней мере мы показали им путь отсюда до Иллик-Винга.

Хрисса подняла свою довольную морду от окровавленного лакомства, словно хотела сказать:

— Обо мне и моем пропитании можно не беспокоиться.

* * *

И снова Мышелов проснулся, едва только сон попытался крепко схватить его в объятия, проснулся на этот раз радостно, как человек, который припомнил, что у него назначено свидание. И снова, хотя теперь Серому не пришлось предварительно созерцать звезды или смотреть на огонь, живая маска встретила его взгляд сквозь угасающее пламя: все та же самая игра мимики, те же черты — маленький рот; нос и лоб, составляющие одну прямую линию — если не считать того, что этой ночью лицо было бледным, как слоновая кость, с зеленоватыми губами, веками и ресницами.

Мышелов был в немалой степени потрясен, потому что прошлую ночь он не смыкал глаз, ожидая появления призрачного девичьего лица — и даже пытаясь вызвать его — пока растущий месяц не поднялся на три ладони над Звездной Пристанью... без какого бы то ни было успеха. Разумом Мышелов с самого начала понимал, что это лицо было галлюцинацией, однако чувства настаивали на обратном — что вызвало смятение души и бессонницу на целую четверть ночи.

А днем Серый тайно сверился с последним из четырех коротких четверостиший на клочке пергамента, лежащем в самом глубоком кармане дорожного мешка:

Ведь тому, кто пробьется в обитель Владыки Снегов,
Сыновьям двух его дочерей стать отцом суждено.
Хоть придется ему встретить страшных и лютых врагов,
Но зато до скончанья веков род продлить свой дано. *

Вчера это звучало довольно многообещающе — по крайней мере та часть, насчет дочерей и отцовства — однако сегодня, не выспавшись, Серый посчитал все явным издевательством.

Но теперь живая маска снова была здесь и снова проделывала все те же дразнящие штучки, в том

* Стихи в переводе С. Троицкого.

числе и вызывающий дрожь, однако странным образом волнующий фокус — веки широко раскрывались и показывали не глаза, а этакую изнанку их, темную, как ночь вокруг. Мышелов был очарован, хотя и не без трепета. Однако не в пример прошлому разу, голова его была вполне ясной, и он пытался определить иллюзорность или реальность маски, моргая, щурясь и бесшумно ворочая головой внутри капюшона — что никак не влияло на живую маску. Затем он тихо развязал ремень, стягивающий верхние крючки плаща, — Хрисса сегодня спала рядом с Фафхрдом — медленно протянул руку, поднял камушек и щелчком запустил его через бледные языки пламени в точку чуть пониже маски.

Хотя Мышелов знал, что позади костра не было ничего, кроме разбросанного щебня и звеняще-твердой земли, он не услышал даже самого слабого удара камня обо что бы то ни было. С таким же успехом он мог забросить его в космическое пространство.

И почти в тот же самый момент маска дразняще усмехнулась.

Мышелов очень быстро выскользнул из плаща и вскочил на ноги.

Но еще быстрее маска растворилась в воздухе — на этот раз одним быстрым мазком от лба до подбородка.

Мышелов почти фехтовальным выпадом метнулся на другую сторону костра к тому месту, где, как казалось, висела маска, и стал внимательно оглядываться по сторонам. Ничего — кроме мимолетного запаха вина или винного спирта. Мышелов пошевелил угли в костре и снова осмотрелся. Опять ничего. Не считая того, что Хрисса, лежащая рядом с Фафхрдом, проснулась, оцетинила усы и серьезно, возможно даже с укором, уставилась на Мышелова, который начал ощущать себя изрядным болваном. Он вопрошал себя, не играют ли его разум и его желания в какую-то глупую игру друг против друга.

Затем он наступил на что-то. Сначала Серый подумал, что это его камушек, но, подняв его, увидел, что это был крошечный горшочек. Это мог быть один из его собственных горшочков с красками, но он был слишком маленьким, чуть больше фаланги большого

пальца, и сделан не из выдолбленного камня, а из чего-то, похожего на слоновую или какую-либо другую кость.

Мышелов стал на колени у костра и заглянул в горшочек, затем опустил в него мизинец и осторожно тронул довольно густую мазь, находившуюся внутри. Вытащенный палец приобрел цвет слоновой кости. От мази пахло маслом, а не вином.

Мышелов некоторое время размышлял, сидя у костра. Затем, взглянув на Хриссу, которая снова пригладила усы и закрыла глаза, и на тихо похрапывающего Фафхрда, он вернулся к своему плащу и к прерванному сну.

Серый ни словом не обмолвился Фафхрду о своей прежней встрече с живой маской. Поверхностно это можно было объяснить тем, что Фафхрд высмеял бы такую телячью чушь о лицах, возникающих из дыма; более глубоко в подсознании отыскалось бы то объяснение, которое удерживает любого мужчину от упоминания о новой хорошенькой девушке даже в разговоре со своим лучшим другом.

Так что, возможно, то же самое чувство не позволило Фафхрду на следующее утро рассказать своему лучшему другу, что с ним случилось позже этой же ночью. Фафхрду снилось, что он пытается в полной темноте на ощупь определить точные очертания лица какой-то девушки, в то время как ее тонкие руки ласкали тело Северянина. У нее был округлый лоб, глаза с очень длинными ресницами, вмятинка между носом и лбом, круглые и крепкие, как яблоки, щеки, дерзкий вздернутый нос — он казался дерзким даже на ощупь! — и широкий рот, на котором большие осторожные пальцы Фафхрда могли явственно ощутить улыбку.

Он проснулся, чтобы увидеть глазающую на него луну, висящую наискосок, к югу. Она серебрила нескончаемую стену Обелиска, превращая выступы скал в черные полосы теней. Фафхрд проснулся также, чтобы ощутить острое разочарование. Сон был только сном. Затем он мог бы поклясться, что почувствовал, как кончики пальцев мимолетно скользнули по его лицу, и слышал слабый серебристый смешок, который быстро затих вдали. Фафхрд сел, как мумия, в своем зашнурованном плаще и огляделся вок-

руг. Костер превратился в несколько красных глаз-угольков, но лунный свет был ярким, и в этом свете он не смог увидеть абсолютно ничего.

Хрисса укоризненно зарычала на Северянина, потому что он глупо нарушил ее сон. Фафхрд выругал себя за то, что принял остаточный образ сна за реальность. Он выругал всю лишенную девушек, порождающую видения о девушках Холодную Пустошь. Усиливавшийся ночной холод заползал под одежду. Фафхрд сказал себе, что ему следовало бы крепко спать, как лежащий вон там мудрый Мышелов, и набираться сил для завтрашних великих дел. Он снова улегся и через некоторое время погрузился в сон.

* * *

На следующее утро Мышелов и Фафхрд проснулись при первых признаках серого рассвета, — луна на западе была все еще яркой, как снежный комок, — быстро позавтракали и подготовились, и теперь стояли лицом к Обелиску в обжигающем морозом воздухе. Девушки были забыты, и все мужество друзей нацелено только на гору.

Фафхрд был в высоких зашнурованных ботинках с только что заточенными толстыми гвоздями на подошве и в куртке из волчьей шкуры, сшитой мехом внутрь, но сейчас расстегнутой от горла до пояса. Его предплечья и голени были обнажены. Короткие, по запястье, перчатки из сыромятной кожи закрывали кисти рук. Совсем небольшой узелок, завернутый в плащ, висел у него за плечами, и к нему был привязан большой моток черной конопляной веревки. На прочном, не украшенном никакими заклепками поясе прицепленный справа топор в чехле уравновешивал висящие с другой стороны нож, маленький мех для воды и мешок с железными шипами, у которых вместо шляпок были кольца.

Вокруг лица Мышелова был плотно затянут капюшон из козьей шкуры, а его тело было защищено туникой, сшитой из трех слоев серого шелка. Его перчатки были длиннее, чем у Фафхрда, и подбиты мехом. На меху были и тонкие башмаки, подошва которых была сделана из морщинистой кожи беге-

мота. На поясе — кинжал Кошачий Коготь и мех с водой уравнивались мечом Скальпелем, ножны которого были свободно привязаны к бедру. А на завернутом в плащ узелке был закреплен странно толстый, короткий, черный бамбуковый прут, на одном конце которого торчал шип, а на другом — шип и большой крючок, примерно такой, как на посохе пастуха.

Оба мужчины были сильно загорелыми и мускулисто-худощавыми, закаленными Ступенями Троллей и Холодной Пустошью. Их грудные клетки сейчас были чуть шире обычного после недель существования в разреженном воздухе плато.

Не было нужды выискивать наиболее привлекательный маршрут для восхождения — Фафхрд уже сделал это вчера, когда они приближались к Обелиску.

Пони опять щипали траву; один из них обнаружил комок соли и теперь лизал его своим толстым языком. Мышелов оглянулся вокруг, ища Хриссу, чтобы потрепать ее по щеке на прощание, но снежная кошка, насторожив уши, вынюхивала чей-то след поодаль от лагеря.

— Она прощается по-кошачьи, — сказал Фафхрд. — Прекрасно.

Небеса и ледник рядом с Белым Клыком приняли слабый розоватый оттенок. Скользнув взглядом по равнине в направлении этого пика, Мышелов резко втянул в грудь воздух и сильно сощурился; Фафхрд пристально глядел в ту же сторону, защищая глаза ладонью, как козырьком.

— Какие-то коричневатые фигуры, — сказал Мышелов наконец. — Насколько я помню, Кранарх и Гнарфи всегда одевались в коричневую кожу. Но, мне кажется, их больше, чем двое.

— По-моему, их четверо, — заметил Фафхрд. — И двое из них странно косматые — наверно, одеты в бурые шкуры. И все четверо поднимаются от ледника вверх по скальной стене.

— Где ветер их... — начал Мышелов, потом взглянул вверх. Фафхрд сделал то же самое.

Большой Вымпел исчез.

— Ты сказал, что иногда... — заговорил Мышелов.

— Забудь о ветре и об этих двоих с их косматым подкреплении, — резко оборвал его Фафхрд. Он снова обернулся к Обелиску. Мышелов сделал то же самое.

Сощурившись и сильно откинув голову, он оглядел зеленовато-белый склон и сказал:

— Сегодня утром он кажется еще более крутым, чем даже та северная стена, и довольно-таки высоким.

— Пф! — с насмешкой отозвался Фафхрд. — В детстве я поднимался на него перед завтраком. Очень часто.

Он поднял вверх обтянутую перчаткой из сыромятной кожи правую руку, сжав ее в кулак, словно в ней был маршальский жезл, и воскликнул:

— Идем!

С этими словами он шагнул вперед и, не останавливаясь, пошел вверх по неровному склону — или, по крайней мере, так показалось, потому что, хотя Северянин и помогал себе руками, но отклонял туловище далеко от скалы, как и подобает хорошему скалолазу.

Мышелов шел за Фафхрдом след в след, чуть шире расставляя ноги и пригибаясь чуть ближе к скале.

* * *

Время уже близилось к полудню, а друзья все еще поднимались без перерыва. У Мышелова болело или ныло все тело. Дорожный мешок давил так, будто у Серого на спине сидел толстенный мужик; Скальпель, как весьма упитанный мальчуган, цеплялся за пояс. И уже раз пять закладывало уши.

Над самой головой Мышелова ботинки Фафхрда топотали о выступы скал в неколеблемом механическом ритме, который Мышелов начал ненавидеть. Однако Серый был полон решимости не отрывать взгляда от ног приятеля. Один раз он глянул вниз

между своими собственными ногами и решил, что больше этого делать не следует.

Нет ничего хорошего в том, чтобы видеть под собой голубоватую бездну или даже серо-голубоватую, чуть поближе.

Так что Мышелов был застигнут врасплох, когда рядом с ним, обгоняя его скачками, промелькнула белая лохматая мордочка с кровавой ношей в зубах.

Хрисса остановилась на выступе рядом с Фафхрдом. Она тяжело, с присвистом дышала; клочковатая шкура на ее животе прижималась к позвоночнику при каждом вдохе. Она дышала только сквозь розоватые ноздри, поскольку рот был забит двумя прижатыми друг к другу снежными кроликами с болтающимися мертвыми головами и задними лапами.

Фафхрд взял у нее кроликов, бросил в свой мешок и плотно завязал его.

Затем он сказал, лишь самую чуточку высокопарно:

— Она доказала свою выносливость и сноровку, и оплатила свой путь. Она — равная в нашей компании.

Мышелову и в голову не пришло усомниться в этом. Ему просто казалось, что теперь уже три товарища поднимаются на Обелиск Поларис. Кроме того, он был без меры благодарен Хриссе за остановку. Частично для того, чтобы продлить ее, Серый осторожно выдавил в ладонь немного воды из своего меха и протянул руку, чтобы Хрисса утолила жажду. Затем они с Фафхрдом тоже выпили немного воды.

* * *

Весь долгий летний день путники поднимались по западной стене жестокого, но надежного Обелиска. Фафхрд, казалось, не чувствовал усталости. Мышелов обрел второе дыхание, потерял его, да так и не нашел третье. Все его тело было налито одной сплошной свинцовой болью, которая начиналась глубоко в костях и просачивалась наружу сквозь плоть,

как некий утонченный яд. Перед глазами Мышелова мельтешили реальные и вспоминаемые скальные выступы, а необходимость ни в коем случае не пропустить ни одной опоры для рук или ног казалась правилом, придуманным неким спятившим учителем-богом. Мышелов беззвучно проклинал весь идиотский проект покорения Звездной Пристани, хихикая про себя над мыслью, что завлекательные четверостишия на пергаменте могли быть чем-то большим, чем мечтами, навеянными трубкой с гашишем. Однако Серый не собирался сдаваться или опять пытаться продлить короткие передышки.

Мышелов вяло восхищался тем, как Хрисса прыгает и, изогнув спину, умещается на скальных выступах рядом с ними. Однако после полудня он заметил, что кошка прихрамывает, и один раз увидел слабый кровавый отпечаток двух подушечек в том месте, куда она ставила лапу.

Наконец, путники разбили лагерь, почти за два часа до заката, потому что им попался довольно широкий уступ — и еще потому, что начался очень слабый снегопад; крохотные снежинки беззвучно сыпались вниз, словно мука.

Они зажгли шарики смолы в маленькой жаровне на ножках в виде когтистых лап — Фафхрд нес ее в своем мешке — и согрели воду для чая с травами в своем единственном узком и высоком котелке. Прошло много времени, прежде чем вода стала хотя бы чуть теплой. Мышелов отрезал Кошачьим Когтем два больших куска застывшего меда и размешал их в воде.

Уступ простирался в длину на три человеческих роста, а в ширину — на один. На отвесной стене Обелиска такое пространство казалось по меньшей мере акром.

Хрисса бессильно растянулась позади крошечного костра. Фафхрд и Мышелов съежились по обе стороны от него, закутанные в плащи и слишком усталые, чтобы смотреть по сторонам, разговаривать или даже думать.

Снег пошел немного сильнее, достаточно, чтобы скрыть из вида Холодную Пустошь, расстилающуюся далеко внизу.

После второго глотка сладкого чая Фафхрд зая-

вил, что они поднялись, по меньшей мере, на две трети высоты Обелиска.

Мышелов не понимал, как Фафхрд мог узнать, сколько они прошли, ведь это было все равно что посмотреть на безбрежные воды Внешнего моря и сказать, какой путь остался позади. Самому Мышелову казалось, что они просто находились точно в самой середине головокруглительно наклоненной равнины из светлого прорезанного зелеными прожилками и припорошенного снегом гранита. Серый все еще был слишком усталым, чтобы обрисовать эту концепцию Фафхрду, однако ему удалось заставить себя сказать:

— И что, в детстве ты поднимался и спускался с Обелиска перед завтраком?

— Мы в то время завтракали довольно поздно, — осипшим голосом объяснил Фафхрд.

— Без сомнения, на пятый день после полудня, — заключил Мышелов.

Выпив весь чай, приятели согрели еще воды, положили в нее разрубленного на куски снежного кролика и продолжали нагревать, пока мясо не стало серым. Тогда они медленно сжевали его и выпили мутный бульон. Примерно в это же время Хрисса слегка заинтересовалась освежеванной тушкой другого кролика, положенной перед ее носом — рядом с жаровней, чтобы мясо не промерзло. Заинтересовалась до такой степени, что даже принялась рвать зубами тушку, медленно жевать и проглатывать.

Мышелов очень осторожно осмотрел подушечки лап снежной кошки. Они были стерты так, что кожа стала тонкой, как шелк, на них было два или три пореза, и белый мех между подушечками был покрыт темно-розовыми пятнами. Легкими, как перышко, прикосновениями Мышелов втер в подушечки немного бальзама и покачал головой. Затем он кивнул еще раз, вытащил из мешка большую иглу, катушку нарезанных тонкими полосками ремешков и небольшой свернутый кусок тонкой, прочной кожи. Из кожи он вырезал кинжалом нечто, напоминающее очень толстую грушу, и сшил из этой заготовки башмак для Хриссы.

Когда Мышелов примерил его на заднюю лапу снежной кошки, она некоторое время не обращала

на свою новую обувь внимания, а затем начала довольно мягко ее покусывать, странно поглядывая на Мышелова. Серый немного поразмыслил, затем осторожно проделал в башмаке дырки для невтягивающихся когтей снежной кошки, натянул его так, чтобы он пришелся как раз по лапе и чтобы когти полностью высывались наружу, и привязал его бечевкой, продетой в сделанные по верху прорези.

Хрисса больше не трогала башмак. Мышелов сделал еще два, а Фафхрд присоединился к другу и тоже скроил и сшил один башмак.

Когда Хрисса была полностью обута в свои четыре открывающие когти пинетки, она обнюхала их, затем встала, несколько раз прошлась взад-вперед по уступу и, наконец, улеглась рядом с еще теплой жаровней, положив голову на щиколотку Мышелова.

Крохотные снежные крупинки все еще падали отвесно вниз, покрывая край карниза и медно-рыжие волосы Фафхрда. Северянин и Мышелов начали натягивать капюшоны и зашнуровывать вокруг себя плащи на ночь. Солнце все еще сияло сквозь снегопад, но его просачивающийся свет был белесым и не давал ни капли тепла.

Обелиск Поларис не был шумной горой — в отличие от многих, где с ледников постоянно капает вода, где грохочут каменные осыпи или потрескивают сами пласты камня от неравномерного остывания или нагрева. Тишина была абсолютной.

Мышелова так и подмывало рассказать Фафхрду о живой девичьей маске или иллюзии, которую он видел ночью, а в это время Фафхрд обдумывал, рассказать ли Мышелову свой собственный эротический сон.

И в этот миг вновь, без всякого предупреждения, в безмолвном воздухе послышался шелестящий звук, и друзья увидели четко очерченный падающим снегом огромный, плоский, волнообразно колышащийся силуэт.

Опускаясь, он медленно проплыл мимо приятелей, примерно в удвоенной длине копья от края уступа.

Мышелов и Фафхрд не видели ничего, кроме плоского, бесснежного пространства, занимаемого странной фигурой посреди висящего в воздухе снега, и завихрений, вызванных ее полетом; она ни в коей

мере не заслоняла снега позади себя. Однако друзья почувствовали, как им в лицо ударил порыв ветра.

По форме это невидимое существо было больше всего похоже на мантию или электрического ската ярдов четырех в длину и трех в ширину; у него даже было что-то вроде вертикального плавника и длинного хлыстообразного хвоста.

— Огромная невидимая рыба! — прошипел Мышелов, просунув руку под свой наполовину зашнурованный плащ и умудрившись вытащить одним рывком Скальвель. — Твоя башка была как нельзя более права, Фафхрд, когда ты думал, что она ошибается!

Обрисованное снегом видение, скользя, скрылось из вида за утесом, который заканчивался уступом с южной стороны, и оттуда донесся насмешливый журчащий смех. Смеялись два голоса — альт и сопрано.

— Незримая рыба, которая смеется девичьим смехом — просто чудовищно! — потрясенно заметил Фафхрд, засовывая в чехол свой топор, который он тоже быстро выхватил, не успев, правда, отвязать длинный ремень, крепивший топор к поясу.

После этого Фафхрд и Мышелов выбрались из своих плащей и некоторое время просидели, скорчившись, с оружием в руках, ожидая возвращения невидимого чудища. Хрисса, ошетилившись, стояла между ними. Но через некоторое время оба друга начали трястись от холода, поэтому им пришлось снова залезть в плащи и зашнуровать их; однако они все еще сжимали в руках оружие и были готовы в мгновение ока сбросить ремни, стягивающие крючки плащей. Приятели кратко обсудили только что увиденное сверхъестественное явление, насколько им это было доступно, и каждый из них признался теперь в своих прежних не то видениях, не то снах о девушках.

Наконец Мышелов сказал:

— Девушки могли ехать на этом невидимом существе, прижавшись к его спине — и тоже быть невидимыми! Да, но что это было за существо?

Этот вопрос затронул нечто в памяти Фафхрда. Довольно неохотно Северянин сказал:

— Помню, в детстве я однажды пробснулся ночью

и услышал, как отец говорит матери: «...похожи на большие толстые дрожащие паруса, но те, которых нельзя увидеть...» Потом они перестали разговаривать, наверно потому, что услышали, как я шевелюсь.

Мышелов спросил:

— А твой отец когда-нибудь говорил о том, что высоко в горах он видел девушек — во плоти, или призрачных, или ведьм, которые являются смесью двух первых, видимых или невидимых?

— Он не сказал бы об этом, даже если бы и видел, — ответил Фафхрд. — Моя мать была ужасно ревнивой женщиной и с колуном обращалась, как сам дьявол.

Белизна, за которой приятели внимательно следили, быстро приняла темно-серый цвет. Солнце зашло. Фафхрд и Мышелов больше не различали падающий снег. Они натянули каюшоны, плотно зашнуровали плащи и прижались друг к другу у задней стены карниза. Хрисса втиснулась между ними.

* * *

Неприятности начались на следующий день с самого утра. Фафхрд и Мышелов поднялись при первых признаках света, чувствуя себя разбитыми и измученными кошмарными снами, и с трудом размяли сведенные судорогой тела, пока их утренний рацион, состоящий из крепкого чая, размельченного мяса и снега, нагревался в том же котелке и превращался в чуть теплую ароматную кашу. Хрисса сгрызла размороженные кости снежного кролика и приняла от Мышелова немного медвежьего сала и воды.

Снегопад за ночь прекратился, но каждая ступенька и выступ Обелиска были припорошены снегом, а под ним был лед — выпавший ранее снег, растаявший на камнях, согретых вчерашним скудным полуполуденным теплом, и быстро замерзший снова.

Итак, Фафхрд и Мышелов привязались друг к другу веревкой, и Мышелов быстро соорудил сбрую для Хриссы, прорезав две дыры на длинной стороне прямоугольника кожи. Хрисса слегка протестовала, когда Серый просунул ее передние лапы в дыры

и сшил удобно обхватившие концы прямоугольника у кошки на спине. Но когда он привязал к сбруе, там, где были стежки, конец черной конопляной веревки Фафхрда, Хрисса просто улеглась на карниз, на место, нагретое жаровней, словно хотела сказать: «На этот унижительный поводок я никогда не соглашусь, как бы к нему ни относились люди».

Однако когда Фафхрд медленно полез вверх по стене, а за ним последовал Мышелов, и веревка натянулась, а Хрисса взглянула на них и увидела, что друзья все еще привязаны, как и она сама, то с надутым видом пошла за ними. Немного погодя она соскользнула с выступа — ее башмаки, как бы ловко они не сидели на лапах, должны были казаться неудобными после ее собственных обнаженных подушечек — и качалась взад-вперед, царапая стену когтями, в течение нескольких долгих мгновений, прежде чем ей удалось снова встать на ноги. К счастью, Мышелов был в этот момент в очень устойчивом положении.

После этого Хрисса начала подниматься более охотно; несколько раз она даже обгоняла Мышелова сбоку и поворачивала к нему ухмыляющуюся морду — ухмыляющуюся довольно сардонически, как показалось Мышелову.

Подъем был чуть более крутым, чем вчера, и требование находить каждый раз абсолютно надежную опору для рук и ног было еще более настойчивым. Пальцы в перчатках должны хвататься за камень, а не за лед; шипы должны пробивать хрупкий верхний слой до самой скалы. Фафхрд привязал свой топор веревкой к правому запястью, используя обух для того, чтобы оббивать с камня предательские тонкие наросты и замерзшие, как стекло, извивы водяных струй.

И еще подъем был более утомительным потому, что было труднее избегать напряжения. Даже взгляд, брошенный Мышеловом на отвесную стену рядом с собой, заставлял желудок Серого судорожно сжиматься от ужаса. Мышелов спрашивал себя, что будет, если подует ветер; и боролся с желанием плотно прижаться к утесу. В то же самое время по его лицу и груди начали стекать тонкие струйки пота, так что Мышелову пришлось откинуть назад

капюшон и развязать тунику до самого пояса, чтобы одежда не промокла насквозь.

Но худшее поджидало впереди. Сначала Мышелову и Фафхрду показалось, что склон над их головами становится менее отвесным, но теперь, приближаясь к нему, друзья увидели, что примерно в семи ярдах выше скала выступает на добрых два ярда, нависая над тропой. Нижняя часть выступа была испещрена выбоинами — прекрасная опора для рук, если не считать того, что все эти углубления глядели вниз. Выступ тянулся в обе стороны, насколько мог видеть глаз, и во многих местах выглядел еще хуже.

Найдя себе самые удобные опоры, как можно ближе к выступу и друг к другу, приятели принялись обсуждать вставшую перед ними проблему. Даже Хрисса, цепляющаяся за скалу рядом с Мышеловом, выглядела подавленной.

Фафхрд тихо сказал:

— Я теперь припоминаю, что кто-то говорил, будто вершину Обелиска опоясывает выступ. По-моему, отец называл его Короной. Хотел бы я знать...

— А разве ты этого не знаешь? — чуть резковато спросил Мышелов. От напряженной позы руки и ноги Серого болели еще сильнее, чем прежде.

— О, Мышелов, — сознался Фафхрд, — в юности я никогда не поднимался на Обелиск Поларис выше, чем на половину пути до нашего вчерашнего лагеря. Я просто бохвалился, чтобы поднять наш дух.

Ответить на это было нечего, и Мышелову пришлось закрыть рот, хотя губы его сжались при этом несколько сильнее, чем нужно. Фафхрд, насвистывая какой-то корявый мотив, осторожно выудил со дна своего мешка небольшой якорь с пятью острыми как кинжалы лапами и крепко привязал его к длинному концу черной веревки, моток которой все еще висел у Северянина за спиной. Затем он отвел правую руку как можно дальше от скалы, раскрутил якорь, все быстрее и быстрее и, наконец, метнул его вверх. Приятели услышали, как якорь ударился о камень где-то над выступом, однако не зацепившись ни за трещину, ни за бугорок, тут же соскользнул и упал вниз, пролетев, как показалось Мышелову, на расстоянии волоска от него.

Фафхрд подтянул к себе якорь — с некоторыми

задержками, поскольку тот имел склонность цепляться за каждую трещинку или выступ, находящиеся внизу, — раскрутил и метнул оружие снова. И снова, и снова, и снова, и каждый раз безрезультатно. Один раз якорь остался наверху, но стоило Фафхрду осторожно потянуть за веревку, как он тут же свалился вниз.

Шестой бросок Фафхрда был первым по-настоящему неудачным. Якорь вообще не скрылся из вида. Задержавшись в самой высокой точке полета, он на мгновение засверкал.

— Солнечный свет! — радостно прошипел Фафхрд. — Мы почти у вершины.

— Это твое «почти» — просто чудовищная, бессовестная ложь! — ядовито заметил Мышелов, но все же не смог подавить в голосе жизнерадостную нотку.

К тому времени как у Фафхрда не вышли еще семь бросков, жизнерадостность Мышелова улетучилась. Все тело Мышелова ужасно болело, руки и ноги начинали неметь от холода, и мозг тоже начал неметь, так что когда Фафхрд в очередной раз бросил и промахнулся, Мышелов сглупил и проводил падающий якорь глазами.

В первый раз за сегодняшний день Серый по-настоящему оторвал свой взгляд от скалы и посмотрел вниз. Холодная Пустошь предстала бледно-голубым пространством, похожим на небо, — и, казалось, еще более отдаленным — все ее рощицы, холмики и крохотные озера давно уже превратились в точки и исчезли. Во многих лигах к востоку, почти на горизонте, в том месте, где кончались тени гор, виднелась бледно-золотая полоска с зазубренными краями. Посреди полоски был синий разрыв — тень Звездной Пристани, протянувшаяся за край света.

Мышелов, почувствовав головокружение, оторвал взгляд от горизонта и вновь посмотрел на Обелиск Поларис... и хотя Серый по-прежнему мог видеть гранит, это, казалось, больше не имело значения — только четыре ненадежных точки опоры на чем-то вроде бледно-зеленого небытия, и Фафхрд с Хриссой, каким-то образом подвешенные рядом. Разум Мышелова больше не мог справиться с крутизной Обелиска.

Внутри Мышелова явственно зазвучала потреб-

ность броситься вниз, которую ему как-то удалось преобразовать в сардоническое фырканье, и он услышал свой собственный голос, произносящий с острым, как кинжал, презрением:

— Прекрати свое дурацкое ужение, Фафхрд! Сейчас я покажу тебе, как ланкмарская наука о горах разрешит эту ничтожную проблему, которая, тем не менее, не поддалась всему твоему варварскому раскручиванию и забрасыванию!

С этими словами он с безумной быстротой отстегнул от своего мешка толстый бамбуковый шест или посох и, проклиная все на свете, начал негнушными пальцами вытаскивать и закреплять телескопически раздвигающиеся секции, пока шест не стал в четыре раза длиннее, чем был вначале.

Это приспособление для механизированного скалолазания, которое Мышелов действительно тащил от самого Ланкмара, всю дорогу было яблоком раздора между ним и Фафхрдом: Фафхрд утверждал, что это дурацкая безделушка, которая не стоит труда, затраченного на ее упаковку.

Однако теперь Фафхрд воздержался от комментариев. Он просто смотал веревку от якоря, засунул руки под куртку из волчьей шкуры, чтобы согреться теплом живого тела и с кротким видом стал наблюдать за лихорадочной деятельностью Мышелова. Хрисса передвинулась на скальную полку поближе к Фафхрду и стоически скорчилась на ней.

Но когда Мышелов начал поднимать подрагивающий тонкий конец черного шеста к нависающему над ними выступу, Фафхрд протянул руку, чтобы помочь другу уравновесить шест, и не смог удержаться, чтобы не сказать:

— Если ты думаешь, что можно хорошо зацепиться крючком за край, чтобы взобраться по этой палочке...

— Заткнись ты, неотесанный болван! — огрызнулся Мышелов и с помощью Фафхрда вставил конец пики в ямку в скале, едва ли на расстоянии длины пальца от края выступа. Затем он установил снабженное шипом основание шеста в небольшую мелкую впадину чуть повыше своей головы. Потом, отогнув две короткие рукоятки, спрятанные в углублении у нижнего конца шеста, начал вра-

щать их. Скоро стало очевидным, что они были соединены с большим винтом, спрятанным внутри шеста, потому что шест стал удлиняться, пока не закрепился между двумя выбоинами в скале; при этом его крепкое черное древко слегка прогнулось.

В этот момент кусок камня, на который нажимал шест, откололся от края выступа. Шест зазвенел, распрямляясь, и Мышелов, выкрикивая проклятия, потерял опору и сорвался.

Хорошо еще, что веревка, связывающая двух приятелей, была короткой, и что шипы ботинок Фафхрда прочно, словно выкованные демонами острия кинжалов, впивались в камень, на котором Северянин стоял — потому что когда веревка внезапно рванула его пояс и сжимающую ее левую руку, Фафхрд удержался и не слетел вслед за Мышеловом, а только слегка согнул колени и заворчал себе под нос, в то время как его правая рука ухватила за вибрирующий шест и уберегла от падения.

Мышелов не пролетел даже расстояния, достаточного, чтобы стащить Хриссу с ее полки, хотя веревка между ними почти натянулась. Снежная кошка, просунув заросшую клочковатым мехом шею между грудью и передней лапой, с большим интересом разглядывала болтающегося под ней человека.

Его лицо было серым, как пепел. Фафхрд, сделав вид, что он этого не замечает, просто протянул ему черный шест, сказав при этом:

— Это хорошее приспособление. Я снова свинтил его. Вставь его в другую ямку и попробуй еще раз.

Вскоре шест был закреплен между впадиной над головой Мышелова и ямкой на расстоянии ширины ладони от края. Шест выгнулся, словно лук, обращенный изгибом вниз. Затем Мышелова привязали к веревке первым, и он стал подниматься по шесту, отдаляясь от скалы. Серый висел на шесте спиной вниз, а края его ботинок цеплялись за крохотные выступы в местах соединения секций — Мышелов полз вверх, а под ним расстилалось бледное, серо-голубое пространство, которое так недавно вызвало у Мышелова головокружение.

Шест начал прогибаться чуть сильнее, и шип на его конце скользнул в верхней ямке на ширину паль-

ца с ужасающим тихим скребущим звуком, но Фафхрд чуть выкрутил винт, и шест выдержал.

Фафхрд и Хрисса наблюдали за тем, как Мышелов долез до конца и на секунду приостановился. Потом они увидели, как он начал поднимать левую руку, пока она не исчезла за краем выступа по локоть. Правой рукой Мышелов сжимал крюк, а ногами обвивал шест. Казалось, он пытается что-то нащупать левой рукой. Затем он нашел это «что-то», продвинулся еще дальше и выше по шесту, и очень медленно его голова, а следом за ней, внезапным быстрым взмахом, правая рука исчезли из вида за краем выступа.

В течение нескольких мгновений, казавшихся бесконечно долгими, Фафхрд видел только нижнюю половину изогнувшегося Мышелова. Его темные ботинки с морщинистой подошвой прочно сжимали конец шеста. Затем, медленно, словно серая улитка, он начал подниматься дальше и, окончательно оттолкнувшись одним ботинком от крюка на конце шеста, полностью скрылся с глаз.

Фафхрд медленно вытравил следом за ним веревку. Через какое-то время до них донесся голос Мышелова, слегка приглушенный, но четко слышный:

— Эй! Я закрепил веревку вокруг бугра величинной с пень. Посылай наверх Хриссу.

Фафхрд тут же привязал Хриссу перед собой, затянув морским узлом веревку на сбруе снежной кошки.

Хрисса какое-то время отчаянно сопротивлялась тому, чтобы ее подтягивали на веревке в пустоту, но, как только это было сделано, повисла абсолютно неподвижно. Затем, когда она стала медленно подниматься наверх, узел Фафхрда начал развязываться. Снежная кошка молниеносно схватила веревку зубами и зажала ее глубоко между челюстями. В тот момент, когда она оказалась рядом с краем выступа, ее когтистые пинетки были уже наготове, и она, помогая себе когтями, была быстро втащена наверх.

Вскоре Мышелов крикнул сверху, что Хрисса в безопасности и что Фафхрд может следовать за ней. Фафхрд, кмурясь, вывернул винт еще на полоборота, хотя шест при этом угрожающе заскрипел, и затем

очень осторожно начал подъем. Мышелов теперь постоянно натягивал веревку сверху, но на первом отрезке пути это могло облегчить шест всего на каких-нибудь несколько фунтов.

Верхний шип снова с ужасающим скрежетом стал сдвигаться в своем углублении, но шест держался крепко. Фафхрд, которому теперь больше, чем раньше, помогала веревка, уцепился руками и поднял голову над краем выступа.

Он увидел гладкий, пологий склон, по которому можно было взобраться ползком и, на его вершине, Мышелова и Хриссу, позолоченных солнечным светом, на фоне голубого неба.

Вскоре он стоял рядом с ними.

Мышелов сказал:

— Фафхрд, когда мы вернемся в Ланкмар, напомни мне, чтобы я дал Искуснику Глинти тринадцать бриллиантов из того мешка, который мы найдем на шапке Звездной Пристани: по одному за каждую секцию и соединение моего скалолазного шеста, по одному за каждый шип на конце и два за каждый винт.

— А там, что, два винта? — с уважением спросил Фафхрд.

— Да, по одному на каждом конце, — сказал Мышелов и затем попросил Фафхрда подержать веревку так, чтобы он смог спуститься по склону и, перегнувшись верхней частью тела через край, укоротить шест, вращая верхний винт. Наконец, Серый с торжествующим видом втащил шест на вершину.

Когда Мышелов начал снова сдвигать все секции, Фафхрд серьезно сказал ему:

— Тебе нужно привязать его ремнем к поясу, как я делаю со своим топором. Нам нельзя рисковать потерей помощи Глинти на оставшемся пути.

* * *

Отбросив назад капюшоны и широко раскрыв туники навстречу жаркому солнцу, Фафхрд и Мышелов оглядывались вокруг, пока Хрисса, роскошествуя, вытягивала и разминала свои стройные лапы,

шею и тело. Белый мех скрывал от глаз полученные кошкой ссадины.

Оба приятеля были немного возбуждены разреженным воздухом и переполнены до самых макушек тем покоем ума и души, который наступает тогда, когда умело побеждена большая опасность.

К их удивлению, катящееся на юг солнце едва ли прошло половину пути до полудня. Опасности, которые, как казалось, длились часами, на самом деле заняли всего несколько минут.

Вершина Обелиска представляла собой огромное расстилающееся поле светлого камня, слишком большое, чтобы его можно было измерить в ланкмарских акрах. Друзья поднялись около юго-западного края, и окрашенный в сероватые тона каменный луг, казалось, простирался к северу и востоку почти до бесконечности. То тут, то там попадались холмики и впадины, но их вздымающиеся и ниспадающие склоны были очень пологими. Было здесь и несколько разбросанных по всему полю огромных валунов, а к востоку виднелись более темные нечеткие очертания чего-то, что могло быть кустами и маленькими деревьями, пустившими корни в трещинах, заполненных принесенной ветром грязью.

— А что лежит к востоку от горной цепи? — спросил Мышелов. — Опять Холодная Пустошь?

— Наш клан никогда не кочевал в ту сторону, — ответил Фафхрд. Он нахмурился: — какое-то табу на всем этом месте, по-моему. Когда мой отец совершал свои великие восхождения, туман всегда скрывал восточную сторону — или, по крайней мере, так он нам говорил.

— Мы бы могли посмотреть сейчас, — предложил Мышелов.

Фафхрд покачал головой.

— Наш путь лежит туда, — сказал он, указывая на северо-восток, где Звездная Пристань поднималась как стоящая, но спящая, или притворяющаяся спящей, великанша. Она выглядела по меньшей мере в семь раз мощнее и выше, чем раньше, до того, как два дня назад Обелиск Поларис скрыл ее вершину.

Мышелов сказал с некоторой долей горечи:

— Все наши brave усилия при подъеме на Обелиск только сделали Звездную Пристань выше. Ты уверен, что на ее вершине нет еще одного пика, сейчас невидимого?

Фафхрд кивнул, не отрывая взгляда от той, что была не имеющей консорта императрицей Гряды Гигантов. Ее косы выросли в огромные разлившиеся реки снега, и теперь оба искателя приключений могли видеть, как в них что-то слабо шевелится — это соскальзывали и скатывались вниз лавины.

Южная Коса стекала двумя огромными извивами по направлению к северо-западному краю могучей вершины, на которой друзья стояли. Высоко над ними нависающая снежная шапка Звездной Пристани — край которой сверкал в лучах солнца, словно усыпанный бриллиантами, — казалось, наклонялась чуть больше, чем когда-либо раньше, и вместе с ней Лик с его высокопарным и ироничным взглядом как у великосветской дамы, намекающей на возможность интимной близости.

Но длинная бледная дымка вуали Большого и Малого Вымпелов не струилась больше с ее Шляпы. Воздух на вершине Звездной Пристани, должно быть, был в этот момент таким же неподвижным, как на вершине Обелиска, где стояли два друга.

— Какого черта должно было случиться так, что Кранарх и Гнарфи приступили к подъему на северную стену в единственный день из восьми, когда нет ветра! — выругался Фафхрд. — Но эта стена еще станет их гибелью — да, и гибелью их двух прихвостней в лохматой одежде. Это затишье не может продолжаться долго.

— Я вспоминаю сейчас, — заметил Мышелов, — что когда мы кутили с ними в Иллик-Винге, Гнарфи по пьянке хвастался, что он может высвистывать ветер — научился этому фокусу от своей бабушки — и свистом же может успокаивать его, что в данном случае гораздо более существенно.

— Тем более нам надо торопиться! — воскликнул Фафхрд, скидывая на спину дорожный мешок и

продевая свои могучие руки в широкие лямки. — Пошли, Мышелов! Вставай, Хрисса! Мы перекусим и утолим жажду перед снежным гребнем.

— Ты хочешь сказать, что мы должны приступить к разрешению этой морозной, предательской проблемы сегодня? — запротестовал Мышелов, который с превеликим удовольствием разделся бы и погрелся на солнышке.

— До полудня! — провозгласил Фафхрд. И с этими словами решительным шагом повел маленький отряд прямо на север, придерживаясь западного края вершины, словно для того, чтобы с самого начала предупредить любое поползновение любопытного Мышелова заглянуть за восточный край. Мышелов последовал за Северянином почти без возражений; Хрисса шла, прихрамывая, и поначалу сильно отставала, но потом догнала друзей, когда ее хромота прошла, а ее кошачий интерес ко всему новому возрос.

И так они шли через огромную странную, гранитную равнину, расстилавшуюся на вершине Обелиска и прорезанную то тут, то там белыми, как мрамор, полосами известняка. Через некоторое время пропитанная солнцем тишина и однообразие стали наводить ужас. Пологость склонов была обманчивой: Фафхрд заметил несколько впадин, в которых мог бы спрятаться батальон сидящих на корточках вооруженных людей — и остаться невидимым до тех пор, пока не подойдешь к нему на расстояние полета копья.

Чем дальше путники шли по равнине, тем внимательнее Фафхрд изучал камень, о который лязгали шипы его башмаков. Наконец он остановился, чтобы указать на странную, покрытую рябью полосу.

— Я готов поклясться, что когда-то это было морским дном, — негромко сказал он.

Глаза Мышелова сузились. Он подумал об огромном, невидимом, похожем на рыбу летуне, которого они видели прошлым вечером, о том, как напоминающий ската силуэт колыхался под снегопадом. Се-

рый почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Хрисса прокралась мимо приятелей, крутя головой во все стороны.

Вскоре путники прошли мимо последнего огромного валуна и увидели, не далее чем в полете стрелы перед собой, сверкание снега.

Мышелов сказал:

— Самое худшее в восхождении на горы — это то, что самая легкая часть пути кончается быстро.

— Ш-ш-ш! — предупредил Фафхрд, внезапно распластываясь по земле словно большой четырехногий водяной жук и прижимаясь щекой к скале. — Ты слышишь, Мышелов?!

Хрисса зарычала, оглядываясь вокруг, и ее белый мех встал дыбом.

Мышелов начал было наклоняться, но тут же понял, что может этого и не делать — настолько быстро надвигался звук: доносящийся отовсюду резкий барабанный бой, словно пятьсот демонов стучали гигантскими толстыми ногтями по огромному каменному барабану.

Затем, без всякого перерыва, из-за ближайшей скалы, вздымающейся к юго-востоку, прямо на них хлынула огромная, с широким фронтом, волна горных коз, так тесно прижавшихся друг к другу и с таким лоснящимся белым мехом, что на мгновение они показались лавиной живого снега. Даже огромные изогнутые рога вожаков были цвета слоновой кости. Мышелов заметил, что полоска пронизанного солнечным светом воздуха над самым центром стада мерцала и колыхалась, как это бывает над костром. Потом он и Фафхрд бросились бежать назад, к последнему валу; Хрисса скачками неслась впереди.

Позади них демонический барабанный бой, издаваемый несущимся стадом, становился громче и громче.

Приятель успели добежать до валуна и вскочить на его вершину, где уже примостилась Хрисса, и спустя один удар бешено бьющихся сердец белая орда уже была внизу. И хорошо, что Фафхрд вытащил свой топор за то мгновение, что они выиграли, потому что средний из больших козлов прыгнул

ввысь, поджав передние ноги, нагнув голову и выставив свои кремовые рога. На таком близком расстоянии Фафхрд мог видеть их расщепленные кончики. Но в тот же самый момент Фафхрд нанес по снежно-белому плечу страшный, мощный, глубоко рассекающий мышцы удар, такой тяжелый, что животное было отброшено в сторону и с грохотом рухнуло на короткий склон, ведущий вниз к краю западной стены.

Затем белый поток разделился надвое, обтекая огромный валун; животные были сбиты так близко друг к другу, что у них больше не было пространства для прыжка, и грохот копыт, тяжелое дыхание, и испуганное блеянье наводили ужас, козлиный запах поднимался удушливой волной, а валун качался под напором тел.

В тот момент, когда шум стал совершенно невыносимым, воздух на мгновение устремился потоком вниз, ненадолго рассеяв вонь: что-то пролетело над головами друзей, покрывая небо рябью, словно длинное хлопающее одеяло из жидкого стекла, а сквозь топот копыт на секунду послышался грубый, полный ненависти смех.

Узкий язык козьего потока двигался между валуном и краем обрыва, и многие животные, кувыркаясь, падали в пропасть с блеяньем, похожим на крики проклятия. Они увлекли за собой и огромного козла, которого изувечил Фафхрд.

Затем, иссякнув так же неожиданно, как снежный шквал, ломающий мачты судна в Замерзшем Море, белый поток оказался позади валуна и мчался теперь на юг, отклоняясь немного к востоку, подальше от смертоносного края. Последние оставшиеся козы, в основном самки с козлятами, дикими скачками неслись следом. Мышелов, поднимая руку к солнцу, словно для удара мечом, разъяренно воскликнул:

— Видишь, вон там, где лучи искривляются над стадом! Это тот же самый летун, который только что промчался мимо нас и которого мы видели прошлой ночью среди снегопада — летун, который заставил стадо броситься вскачь и чьи наездники направили его против нас! О, черт бы побрал двух лживых, призрачных потаскушек, заманивших нас к гибели

среди коз, воняющих хуже, чем храмовая оргия в Городе Вампиров!

— Мне показалось, что смех был гораздо более низким, — возразил Фафхрд. — Это были не девушки.

— Значит у них есть сводник с басовитым голосом — это что, поднимает их в твоих глазах? Или в твоих больших, развесистых, как лопухи, и пораженных любовью ушах? — сердито спросил Мышелов.

Барабанный топот копыт несущегося стада затих вдали еще быстрее, чем приблизился, и во вновь наступившей тишине друзья слышали теперь счастливое, наполовину заглушенное рычание. Хрисса, спрыгнувшая с валуна вслед удаляющемуся стаду, сбила с ног жирного козленка и терзала его окровавленную белую шею.

— А! Я уже чувствую запах вареного мяса! — закричал с широченной улыбкой Мышелов, озабоченность которого меньше чем за миг переметнулась на другой объект. — Умница, Хрисса! Фафхрд, если то, что виднеется на востоке, это деревца, и кусты, и трава — а это должны быть именно они, потому что иначе чем же питаются эти козы? — то там, без сомнения, есть хворост — а вообще, там может быть даже мята! — и мы могли бы...

— Ты съешь это мясо на обед сырым или не будешь есть вообще! — свирепо провозгласил Фафхрд. — Мы что, должны опять рисковать пасть под копыта несущемуся стаду? Или дать этому хихикающему летуну шанс напустить на нас несколько снежных львов — а их наверняка тут хватает, ибо где козы, там и львы. Мы что, собираемся преподнести Кранарху и Гнарфи вершину Звездной Пристани на усыпанной бриллиантами серебряной тарелочке? Я имею в виду, если это чертово затишье будет продолжаться и дальше, и они окажутся прилежными и сильными скалолазами, а не толстопузыми лежебоками, как некоторые, которых я хорошо знаю!

Итак, после всего лишь одной или двух жалоб со стороны Мышелова друзья быстро выпустили из козленка кровь, выпотрошили и освежевали его, а часть окорока завернули и уложили в мешок — на ужин. Хрисса выпила еще немного крови и съела половину

печенки, а затем последовала за Мышеловом и Фафхрдом, которые направились на север, по направлению к снежному гребню. Оба друга жевали тонко нарезанные и поперченные полоски сырой козлятины, однако шли быстро и время от времени настороженно оглядывались, чтобы снова не оказаться на пути бегущего стада.

Мышелов ожидал, что, глядя на восток вдоль северной стены Обелиска, он сможет наконец увидеть, что находится за восточным краем обрыва, но этому помешал первый же большой подъем снежной седловины.

Однако вид, открывшийся на север, был ужасающе величественным. Белый Водопад, находящийся теперь в доброй половине лиги и почти вертикально внизу, продолжал таинственно низвергаться в пропасть, мерцая даже в тени.

Гребень, по которому путники должны были идти, сначала поднимался вверх ярдов на двадцать, затем плавно опускался и переходил в длинную снежную седловину, расположенную ярдах в двадцати под ними, а потом снова медленно поднимался и сливался с Южной Косой, по которой, как друзья теперь ясно видели, струились и катились лавины.

Теперь можно было легко увидеть, как северо-восточный ветер, дующий почти постоянно в обход Лестницы, нагромоздил гигантские снежные сугробы между более высокой Звездной Пристанью и Обелиском — однако было невозможно узнать, лежит ли скалистый переход между двумя горами только в нескольких ярдах или в целой четверти лиги под снегом.

— Мы должны снова обвязаться веревкой, — провозгласил Фафхрд. — Я пойду первым и буду вырубать ступеньки вдоль западного склона.

— Зачем нам ступеньки при таком безветрии? — спросил Мышелов. — И зачем нам идти по западному склону? Ты просто не хочешь, чтобы я увидел, что лежит на востоке, правда? Поверхность гребня достаточно широка, чтобы по ней могли проехать рядом две повозки.

— Вершина гребня, находящегося на пути ветра, почти вне всякого сомнения нависает на востоке над пустотой и может легко сорваться вниз, — объяснил

Фафхрд. — Послушай, Мышелов, кто знает больше о льдах и снегах, ты или я?

— Я однажды пересек вместе с тобой Кости Древних, — возразил Мышелов, пожав плечами. — Насколько я помню, там был снег.

— Пф, по сравнению с этим то была просто пудра, рассыпавшаяся из дамской пудреницы. Нет, Мышелов, на этом участке пути мое слово — закон.

— Очень хорошо, — согласился Мышелов.

Итак, они привязались веревкой довольно близко друг к другу в следующем порядке: Фафхрд, Мышелов, Хрисса, — и без лишней суеты Фафхрд надел перчатки, привязал топор ремешком к своему запястью и начал прорубать ступени вдоль края снежного подъема.

Это было довольно медленным делом, потому что под слоем напорошенного мягкого снега был старый, слежавшийся, и для каждой ступеньки Северянину приходилось наносить по меньшей мере два удара — сначала горизонтально наотмашь, чтобы сделать ступеньку, затем сверху вниз, чтобы расчистить ее. И по мере того, как склон становился более крутым, Фафхрд вырубал ступеньки чуть ближе друг к другу. Эти опоры были не слишком большими для громадных башмаков Северянина, но более менее надежными.

Вскоре гребень и Обелиск Поларис скрыли от друзей солнце. Стало очень холодно. Мышелов зашнуровал тунику и стянул кашшон вокруг лица, а Хрисса между короткими прыжками со ступеньки на ступеньку исполняла что-то вроде небольшой кошачьей джиги, чтобы ее лапы в пинетках не замерзли. Мышелов напомнил себе, что нужно напихать в эти башмачки немного овечьей шерсти, когда он будет смазывать ей лапы бальзамом. Его скалолазный шест был теперь сдвинут до конца и привязан к запястью.

Путники прошли подъем и оказались около начала снежной седловины, но Фафхрд не стал прорубать путь по направлению к ней. Ступеньки, которые он теперь делал, спускались вниз под более острым углом, чем прогибалась седловина, хотя склон, по которому друзья шли, становился очень крутым.

— Фафхрд, — запротестовал Мышелов, — мы

направляемся к вершине Звездной Пристани, а не к Белому Водопаду.

— Ты сказал: «Очень хорошо», — возразил Фафхрд между ударами. — И кроме того, кто здесь работает?

Его топор зазвенел, вбиваясь в лед.

— Послушай, Фафхрд, — сказал Мышелов, — вон там две горные козы бегут к Звездной Пристани по верху седловины. Нет, три.

— Мы, что, должны доверять козам? Спроси себя, зачем их туда послали.

И снова зазвенел топор.

Солнце, передвигаясь по небу на юг, вновь оказалось в поле зрения, и три движущиеся тени темными полосами легли далеко вперед. Бледно-серый снег стал сверкающе-белым. Мышелов снял капюшон, подставив голову золотистым лучам. На какое-то время наслаждение ощущать их тепло на макушке помогало ему держать рот закрытым, но затем склон стал еще более крутым, а Фафхрд безжалостно продолжал рубить ступеньки вниз.

— Я смутно припоминаю, что нашей целью было подняться на Звездную Пристань, но с моей памятью, должно быть, что-то не в порядке, — заметил Мышелов. — Фафхрд, я верю тебе, будто мы должны держаться подальше от верха гребня, но неужели нам надо держаться так далеко? И ведь все три козы проскакали по гребню.

И опять единственным ответом Фафхрда было:

— Ты сказал: «Очень хорошо».

И на этот раз в его голосе слышалось некое подобие рычания.

Мышелов пожал плечами. Теперь он постоянно помогал себе шестом, а Хрисса изучающе замирала перед каждым прыжком.

Их тени тянулись теперь впереди не более, чем на бросок копья, а горячее солнце начало растапливать поверхность снега, посылая вниз струйки ледяной воды, от которых намокали перчатки и опоры становились ненадежными.

И все-таки Фафхрд продолжал рубить ступеньки вниз. Теперь Северянин начал спускаться еще круче, добавляя постукиванием топора маленькую выемку

для рук над каждой ступенькой — и эти выемки были очень кстати!

— Фафхрд, — мечтательно сказал Мышелов, — возможно, некий дух снегов нашептал тебе на ухо секрет левитации, так что с этой прекрасной точки опоры ты можешь нырнуть, выровняться и затем взмыть по спирали к вершине Звездной Пристани. В таком случае, мне бы хотелось, чтобы ты научил меня и Хриссу, как можно вырастить крылья за одно мгновение.

— Ш-ш-ш! — тихо, но резко заговорил Фафхрд в этот же самый миг. — У меня предчувствие. Что-то надвигается. Обопрись на шест и оглянись назад.

Мышелов глубоко воткнул пику в снег и огляделся. Одновременно Хрисса спрыгнула с предыдущей ступеньки на ту, где стоял Мышелов, приземлившись наполовину на его ботинок и прижимаясь к его колену — однако это было сделано так искусно, что Мышелов удержался на месте.

— Я ничего не вижу, — сообщил Мышелов, глядя почти прямо на солнце. Затем его слова внезапно стали набегать друг на друга:

— Снова лучи искривляются, словно от вращающегося фонаря! Вспышки на льду рябят и колышутся! Это снова тот летун! Держитесь!

Раздался шуршащий звук, громче, чем когда бы то ни было раньше; он быстро усиливался, затем путников накрыла гигантская волна воздуха, словно от огромного тела, быстро пронесшегося всего в нескольких пядях от друзей. Эта волна взметнула одежду, мех Хриссы и заставила приятелей неистово вцепиться в снег, хотя Фафхрд успел широко размахнуться и рубануть топором по воздуху. Хрисса зарычала. Фафхрд чуть было не нырнул вперед со своей ступеньки вслед за ударом.

— Клянусь, я достал его! — рывкнул Северянин, восстанавливая равновесие. — Мой топор коснулся чего-то помимо воздуха.

— Кретин с куриными мозгами! — закричал Мышелов. — Твои царапины разозлят его, и он вернется.

Серый перестал цепляться за углубление, вырубленное в снегу, оперся на свою пику и начал всмат-

риваться в пронизанный солнечными лучами воздух над головой, ища в нем рябь.

— Больше похоже на то, что я его спугнул, — объявил Фафхрд, проделывая то же самое. Шуршащий звук затих и больше не возвращался; воздух успокоился, и на крутом склоне стало очень тихо; не слышно было даже падения капель.

Повернувшись со вздохом облегчения назад к стене, Мышелов ощутил вместо нее пустоту. Он застыл, как мертвый. Двигались только его глаза. Осторожно скосив их, Серый увидел, что, начиная с линии, находящейся на уровне его колен, и дальше вверх весь снежный гребень исчез — вся седловина и часть подъема по обе стороны от нее — словно какой-то гигантский бог нагнулся, пока Мышелов стоял спиной к снежной стене, и унес эту часть окружающего пейзажа.

Мышелов, у которого внезапно закружилась голова, крепко уцепился за пику. Он стоял теперь на вершине вновь созданной седловины. Вдали, ниже ее ободранного свежим изломом белого восточного склона, бесшумно соскользнувший огромный снежный карниз падал все быстрее и быстрее, по-прежнему в виде одной глыбы размером с холм.

Позади Мышелова вырубленные Фафхрдом ступеньки поднимались к новому краю седловины и затем исчезали.

— Видишь, мне только-только удалось прорубить ступеньки достаточно далеко вниз, — проворчал Фафхрд. — Я неправильно рассчитал.

Падающий карниз исчез из вида глубоко внизу, так что Мышелов и Фафхрд смогли наконец увидеть то, что лежало к востоку от Гряды Гигантов: уходящее вдаль пространство темной зелени, которая могла бы быть верхушками деревьев, если не считать того, что отсюда даже гигантские деревья показались бы более тонкими, чем стебельки травы — пространство, которое находилось еще дальше внизу, чем Холодная Пустошь. Позади этой, покрытой зеленым ковром впадины, словно призрак, поднималась еще одна горная гряда.

— Я слышал легенды о Долине Великого Разлома, — пробормотал Фафхрд. — Чаша солнечного

света, окруженная горами, теплое дно которой лежит на лигу ниже, чем Холодная Пустошь.

Друзья пожирали глазами открывающийся внизу вид.

— Смотри, — сказал Мышелов, — как деревья поднимаются по восточной стороне Обелиска почти до его вершины. Теперь появление горных коз не кажется таким странным.

Однако они так и не смогли увидеть восточную стену Звездной Пристани.

— Пошли! — скомандовал Фафхрд. — Если мы будем медлить, невидимый летун с рыкающим смехом может набраться мужества и вернуться, несмотря на отметину, сделанную моим топором.

И не тратя больше слов Северянин решительно начал рубить ступеньки дальше... и все еще немного вниз.

Хрисса продолжала заглядывать через край гребня, почти положив на него бородатый подбородок; ее ноздри подергивались, словно она чувствовала слабый запах мяса, поднимающийся тонкими, как паутинка, струйками от находящейся в нескольких лигах от нее темной зелени; однако когда веревка на сбруе натянулась, кошка последовала за Фафхрдом и Мышеловом.

Опасности теперь встречались все чаще. Мышелову и Фафхрду удалось добраться до темных скал Лестницы только после того, как они прорубили себе путь вдоль почти вертикальной стены льда, скрытой в мерцающем мраке под узкой аркой снежного водопада, низвергающегося с обледеневшего уступа — возможно, это была миниатюрная версия Белого Водопада — юбки Звездной Пристани.

Когда Мышелов и Фафхрд — окоченевшие от холода и едва осмеливающиеся верить, что все уже позади, — ступили наконец на широкий темный карниз, они увидели на снегу вокруг себя сумятицу окровавленных козьих следов.

Без всякого предупреждения длинный снежный вал, лежащий между уступом, на котором стояли приятели, и следующим, ведущим вверх, поднял свою ближнюю белую оконечность на дюжину футов над землей, ужасающе зашипел и оказался гигантской змеей с головой размером с лосину.

Змея была покрыта косматым белоснежным мехом; ее огромные фиолетовые глаза сверкали, как у бешеной лошади, разинутые челюсти открывали похожие на акульи резцы и два огромных клыка, из которых исторгался, разбрызгиваясь мельчайшими капельками, бледный гной.

Мохнатая змея качнулась пару раз из стороны в сторону, не зная, кого выбрать — ближайшего к ней высокого человека со сверкающим топором в руках или того, что стоял подальше, поменьше ростом и с толстой черной палкой. Во время этой паузы Хрисса, которая тоже начала рычать и шипеть, метнулась мимо Мышелова по спускающемуся вниз склону, и мохнатая змея бросилась на этого нового и наиболее активного противника.

Фафхрда обожгло порывом горячего едкого дыхания, и пар, стелющийся от ближайшего змеиного клыка, окутал его левый локоть.

Внимание Мышелова было приковано к окруженному клочковатым мехом фиолетовому глазу величиной с кулак.

Хрисса заглянула в разинутую темно-красную глотку чудовища, окаймленную ножами цвета слоновой кости, с которых стекала слюна, и двумя источающими гной клыками.

Затем челюсти змеи с лязгом захлопнулись, но за мгновение до этого Хрисса отскочила назад еще быстрее, чем прыгнула вперед.

Мышелов вонзил острый конец своего скалолазного шеста в сверкающий фиолетовый глаз.

Фафхрд схватил топор обеими руками, размахнулся и рубанул по мохнатой шее чуть позади похожего на лошадиный черепа; оттуда хлынула красная кровь, и там, где она соприкоснулась со снегом, поднялся пар.

Затем трое скалолазов начали карабкаться вверх, в то время как чудовище корчилось в конвульсиях, сотрясающих скалы, заливая кровью и снег и свой белоснежный мех.

Отойдя на безопасное, как друзья надеялись, расстояние от змеи, скалолазы наблюдали за тем, как чудовище умирает; однако они постоянно оглядывались при этом в поисках подобных же существ или других опасных зверей.

Фафхрд сказал:

— Пресмыкающееся с горячей кровью; змея, покрытая мехом — это ни в какие ворота не лезет. Мой отец никогда не рассказывал о таких. Я сомневаюсь, чтобы он когда-либо их встречал.

Мышелов ответил:

— Держу пари, что они находят себе добычу на восточном склоне Звездной Пристани, а сюда приходят только для того, чтобы устроить логово или вывести потомство. Возможно, невидимый летун пригнал тех трех горных коз по снежной седловине, чтобы выманить эту змею.

Голос Мышелова стал задумчивым:

— А может быть, внутри Звездной Пристани существует тайный, неведомый мир?

Фафхрд потряс головой, словно для того, чтобы очистить ее от подобных видений, завлекающих в западню воображение.

— Наш путь лежит наверх, — сказал он. — Нам лучше миновать норы до наступления ночи. Положи мне в воду кусок меда, — добавил он, развязывая горлышко меха с водой и, повернувшись лицом к горе, стал внимательно разглядывать Лестницу.

От своего основания Лестница казалась темным узким треугольником, поднимающимся к голубому небу между снежными, вечно струящимися вниз Косами. В самом низу были карнизы, на которых стояли двое друзей; сначала подниматься по этим карнизам было легко, но потом они быстро становились более крутыми и более узкими. Дальше шел почти гладкий участок стены, прочерченный то тут, то там тенями и рябью, намекающими на существование отдельных отрезков, где был возможен подъем, однако ни один из этих отрезков не соединялся с другими. Затем шла другая полоса карнизов — гнезда. Потом участок, еще более гладкий, чем первый. И наконец, еще одна полоса карнизов, более узких и более коротких — Лик — и над ними всеми то, что казалось тонким штрихом, проведенным белой тушью: край лишенной выпелов снежной шапки Звездной Пристани.

Нащупывая в мешке горшочек с медом, Мышелов, прищурив глаза, скользнул взглядом вдоль Лестницы, и тут же к нему вернулась вся его усталость, и

у него снова заболело все, что болело раньше. Никогда, Серый был в этом уверен, он не видел такого огромного расстояния, втиснутого в столь малое пространство путем размещения по вертикали. Было похоже на то, что боги построили лестницу, дабы достичь неба, и, воспользовавшись ей, разрушили большинство ступеней. Однако Мышелов стиснул зубы и приготовился следовать за Фафхрдом.

* * *

Весь предыдущий подъем начал казаться простым, как в книжке, по сравнению с тем, что пришлось преодолевать теперь, — один выматывающий шаг за другим — весь долгий летний день. Если Обелиск Поларис был строгим школьным учителем, Звездная Пристань являлась безумной королевой, неутомимой в подготовке потрясений и сюрпризов, непредсказуемой в своих диких капризах.

Уступы Нор состояли из камня, который иногда обламывался при прикосновении, и были покрыты грудami осколков и щебня. К тому же, скалолазы познакомились с каменными лавинами Звездной Пристани, которые обрушивали на них ливень посвистывающих в воздухе и разлетающихся в брызги на скалах булыжников. В таких случаях друзьям приходилось прижиматься как можно ближе к стене, и Фафхрд очень жалел, что оставил свой шлем в пирамиде. Хрисса вначале рычала каждый раз, когда летящий камень стучался о скалу рядом с ней, но когда в конце концов один из них, совсем маленький, ударил ее в бок, кошка напугалась, прокралась поближе к Мышелову и до тех пор, пока он не отчитал ее, пыталась протиснуться между стеной и его ногами.

А один раз путники увидели близкого родственника убитого ими белого червя — он поднял голову вверх на высоту человеческого роста и, не отрываясь, следил за ползущими людьми с отдаленного уступа; однако не напал.

Им пришлось проложить себе дорогу к северному краю самого верхнего уступа, прежде чем они обнаружили на самом конце Северной Косы почти скрытую струящимся снегом, заваленную щебнем промои-

ну, которая вверху сужалась и превращалась в широкий вертикальный желоб, или камин, как называл его Фафхрд.

После того, как друзья, наконец, преодолели предательский щебень, Мышелов обнаружил, что следующий участок восхождения был действительно очень похож на подъем внутри четырехгранного дымохода, ширина которого постоянно менялась, а грань, обращенная наружу, в пустоту, отсутствовала. Камень здесь был прочнее, чем на карнизах нор, но это все, что можно было сказать в его пользу.

Здесь необходимы были все приемы, применяемые при восхождениях, и к тому же все силы, без остатка. Иногда друзья продвигались вверх при помощи трещин, за которые можно было уцепиться только пальцами рук или ног; если трещина была слишком уж узкой, Фафхрд вбивал в нее один из своих клиньев, чтобы было за что держаться, и после использования этот клин требовалось, по возможности, расшатать и вытащить. Иногда камин сужался так, что они могли, прилагая огромные усилия, идти по нему, опираясь плечами об одну стену и подошвами ботинок о другую. Дважды камин расширялся, и его стены становились такими гладкими, что Мышелову пришлось укрепить между ними свою раздвигающую пику, чтобы получить необходимую опору.

Несколько раз камин оказывался забитым огромными камнями-пробками, которые, падая, прочно застревали между стенами; эти страшные препятствия приходилось обходить снаружи, обычно с помощью одного или нескольких клиньев Фафхрда, вбитых между камнем-пробкой и стеной, или с помощью якоря, переброшенного через этот камень.

— В свое время Звездная Пристань плакала мельничными жерновами, — отозвался Мышелов об этих гигантских барьерах и, словно ставя точку за этим высказыванием, резко дернулся в сторону с пути просвистевшего рядом камня.

Этот подъем в большинстве случаев был выше сил Хриссы, и Мышелову часто приходилось нести кошку на спине, а иногда ее оставляли на каменной пробке или на одном из редких уступов, где могли уместиться ее лапы, и при первой возможности подтягивали наверх. У Фафхрда и Мышелова было силь-

ное искушение, особенно после того, как они почувствовали себя смертельно усталыми, предоставить Хриссу самой себе, но они не могли забыть, как ее отважный отвлекающий бросок спас их от первой атаки белого червя.

Все это, в особенности преодоление гигантских пробок, приходилось проделывать под ливнем каменных обвалов Звездной Пристани — так что каждая новая пробка над головами была желанным прикрытием до тех пор, пока ее не нужно было обходить. А по временам в камин обрушивались стремительные снежные потоки, порожденные одной из лавин, вечно скатывающихся с тихим шелестом вниз по Северной Косе — и это была еще одна опасность, против которой следовало принимать меры предосторожности. Ледяная вода стекала время от времени вниз по камину, перчатки и обувь путников промокли, а все опоры становились ненадежными.

Вдобавок ко всему, воздух теперь был более разреженным, так что друзьям приходилось чаще останавливаться и, задыхаясь, глубоко втягивать воздух в себя, пока легкие не насыщались. А левая рука Фафхрда начала пухнуть в том месте, где ее коснулся ядовитый пар из клыка лохматого змея. Вскоре Северянин с трудом мог согнуть распухшие пальцы, чтобы уцепиться за трещину или веревку. Кроме того, рука чесалась и ныла. Фафхрд то и дело засовывал ее в снег, но и это не приносило облегчения.

Их единственными союзниками в этом крайне тяжелом восхождении были жаркое солнце, подбадривающее своим сиянием и смягчающее все возрастающий холод неподвижного разреженного воздуха, а также трудность и изменчивость самого подъема, которые, по крайней мере, не оставляли времени думать о пустоте вокруг них и под ними — в последнем случае расстояние было гораздо большим, чем где бы то ни было на Обелиске. Холодная Пустошь казалась иным миром, парящим в пространстве совершенно независимо от Звездной Пристани.

Один раз приятели заставили себя немного поесть и несколько раз пили мелкими глотками воду. И один раз у Мышелова начался приступ горной болезни, окончившийся только тогда, когда он совсем изнемог от позывов к рвоте.

Единственное происшествие во время подъема, не связанное с безумной особой Звездной Пристани, случилось тогда, когда друзья обходили пятую по счету каменную пробку. Они двигались медленно, словно два больших слизня; Мышелов на сей раз впереди, неся Хриссу, а Фафхрд поднимался почти вплотную за ними. В этом месте Северная Коса сужалась настолько, что по ту сторону снежного потока был виден герб Северной Стены.

Путники услышали жужжание, непохожее на то, которое издавали падающие камни. Затем оно повторилось, на этот раз ближе, и окончилось резким щелчком. Когда Фафхрд выбрался на вершину пробки и оказался под прикрытием стен, в его мешке торчала стрела со смертоносным зазубренным наконечником.

Мышелов осторожно высунулся и посмотрел в северном направлении, при этом третья стрела прожужжала совсем рядом с его головой, и Фафхрд, который держал его за щиколотки, быстро втянул Мышелова обратно.

— Это был Кранарх, вне всякого сомнения; я видел, как он спускал свой лук, — сообщил Мышелов. — Гнарфи не видно, но один из их новых приятелей, одетых в коричневый мех, притаился позади Кранарха, на том же самом уступе. Я не смог разглядеть его лицо, но это весьма дородный коротконогий парень.

— Они опережают нас, — проворчал Фафхрд.

— А еще они не стесняются совмещать скалолазание с убийством, — заметил Мышелов, обламывая оперение стрелы, торчащей из мешка Фафхрда, и выдергивая древко. — О, приятель, я боюсь, что твой спальный плащ продырявлен в шестнадцать местах. И тот пузырек с мазью из сосновой смолы — он тоже пробит насквозь. Ах, какой чудесный запах!

— Я начинаю думать, что эти двое из Иллик-Винга играют не по правилам, — заявил Фафхрд. — Так что... вставай и пошли!

Путники устали, как собаки, даже кошка Хрисса, а солнце уже стояло всего на ширину десяти пальцев (на конце вытянутой руки) над плоским гори-

зонтом Пустоши, и что-то в воздухе сделало Светило белым, как серебро, так что оно больше уже не посылало тепло сражаться с холодом. Но уступы Гнезд были уже совсем близко, и можно было надеяться, что на них найдется лучшее место для лагеря, чем в каминѣ.

Поэтому, хотя каждая мышца Мышелова и Хриссы протестовала, они подчинились команде Фафхрда.

На полдороге к Гнездам начался снегопад; мелкие, похожие на пыль, снежинки, как и прошлой ночью, падали отвесно вниз, но более густо.

Бесшумный снегопад создавал впечатление безмятежности и безопасности, которое было как нельзя более обманчивым, поскольку снег скрывал камнепады, которые все еще срывались вниз по камину, словно артиллерия Бога Случая.

В пяти ярдах от вершины камень размером с кулак задел скользящим ударом правое плечо Фафхрда так, что его здоровая рука онемела и безвольно повисла, но то небольшое расстояние, которое еще оставалось, было таким легким для подъема, что Северянин смог преодолеть его с помощью ботинок и вздувшейся, почти ни к чему не пригодной, левой руки.

Он осторожно выглянул через верх камина, но Коса здесь снова расширилась, так что Северная Стена была не видна. Первый уступ тоже был благословенно широким и так сильно прикрыт выступом скалы, что на его внутреннюю часть не попадал даже снег, не говоря уже о камнях. Фафхрд с новым пылом забрался наверх, за ним последовали Мышелов и Хрисса.

Но в тот момент, когда они свалились наземь, чтобы отдохнуть у задней стенки карниза, и Мышелов, извиваясь, выбрался из лямок своего тяжелого мешка и отвязал от запястья скалолазный шест — потому что даже он превратился в мучительно тяжелую ношу — путники услышали в воздухе привычный уже шелестящий звук, и огромный плоский силуэт медленно скользнул вниз, сквозь обрисовывающий его посеребренный солнцем снег. Он поравнял-

ся с уступом и на этот раз не пролетел мимо, но остановился и завис, словно гигантская манта, обня- хивающая берег моря; а на снегу у края уступа появилось десять узких отпечатков, вдоль которых виднелись следы присосок, словно туда вцепились десять коротких щупалец.

Со спины этого чудовищного невидимки поднялся другой, так же обрисованный снегом. Он был помень- ше, ростом и размером с человека. На высоте, при- мерно там, где у фигуры находилась грудь, была единственная видимая вещь: тонкий меч с темно-се- рым клинком и серебристой рукоятью, направленный прямо в сердце Мышелова.

Внезапно меч метнулся вперед — почти так же быстро, как если бы его бросили, — следом за ним, с той же стремительностью, рванулся человекообраз- ный вихрь, верхняя часть которого издавала теперь резкий хохот.

Мышелов схватил одной рукой свою отвязанную скалолазную пику и нанес удар по очерченной сне- гом фигуре позади меча.

Серый меч скользнул вокруг пики и внезапным резким поворотом выбил ее из вялых от усталости пальцев Мышелова.

Черное приспособление, изготовлению которого Искусник Глинти посвятил все вечера Месяца Ласки три года назад, исчезло в серебристом снегопаде и пропало в бездне.

Хрисса попятилась к стене, рыча, брызгая слюной и дрожа всем телом.

Фафхрд лихорадочно нашупывал свой топор, но распухшие пальцы не могли даже стянуть чехол, крепивший лезвие к поясу.

Мышелов, разъяренный потерей своей бесценной пики до такой степени, что ему уже было совершен- но наплевать, видит он врага или нет, выхватил из ножен Скальпель и свирепо парировал удар серого меча, который снова молнией метнулся вперед.

Мышелову пришлось отразить с дюжину ударов, и серое лезвие дважды проткнуло его руку, прижав его спиной к стене, почти как Хриссу, прежде чем Мышелов смог приноровиться к своему противни-

ку — который был теперь укрыт от падающего снега и стал полностью невидимым — Мышелов сам бросился в атаку.

Теперь, свирепо уставившись в точку в футе над серым лезвием — в ту точку, где, по всей видимости, находились глаза врага (если, конечно, на голове врага были глаза) — Мышелов с напором устремился вперед, отбивая удары серой шпаги, обводя Скальпель вокруг нее и отдергивая его в самый последний момент, пытаясь сковать ее действия своим собственным клинком и даже нанося стремительные уколы по невидимой руке и торсу.

Трижды Мышелов ощутил, как лезвие пронзало плоть, а один раз оно на мгновение согнулось, встретив на пути невидимую кость.

Противник отскочил назад, прямо на спину незримого летуна, оставив следы узких ступней в собравшемся там подтаявшем снегу. Летун покачнулся в воздухе.

Мышелов, разгоряченный схваткой, чуть было не последовал за своим врагом на эту невидимую, живую, пульсирующую платформу, однако предусмотрительно остановился.

И хорошо, что он это сделал, потому что летун резко нырнул вниз, словно скат, спасающийся от акулы, стряхивая растаявший снег со своей спины и смешивая его со снегопадом. Мышелов и Фафхрд услышали, как последний взрыв смеха, похожий больше на вой, затихает далеко внизу, посреди серебристого мрака.

Мышелов и сам рассмеялся, слегка истерическим смехом, и отступил к стене. Там он вытер свой клинок, почувствовал липкую невидимую кровь и снова нервно рассмеялся.

Шерсть Хриссы все еще топорщилась — и улеглась очень нескоро.

Фафхрд прекратил попытки вытащить топор и серьезно сказал:

— Девушки не могли быть вместе с ним — иначе мы бы увидели их фигуры или следы на покрытой грязью спине этого летуна. Я думаю, что он ревнует их к нам и действует вопреки их желаниям.

Мышелов рассмеялся в третий раз — теперь уже просто дурацким смехом.

Темнота вокруг приняла темно-серый оттенок. Приятели занялись разведением огня в жаровне и приготовлениями ко сну. Несмотря на все раны и ушибы, а также крайнюю усталость, шок и страх, вызванные недавней схваткой, пробудили в них новые силы, подняли дух и вызвали зверский аппетит. Они на славу угостились тонкими ломтиками козлятины, поджаренными над горящими шариками смолы или сваренными до бледно-серого цвета в воде, которую, как ни странно, можно было пить, не обжигаясь, в то время, как она кипела.

— Наверно, мы приближаемся к царству Богов, — пробормотал Фафхрд. — Говорят, что они с удовольствием пьют кипящее вино — и без вреда для себя проходят сквозь пламя.

— Ну, огонь здесь такой же горячий, — вяло отозвался Мышелов. — Однако воздух кажется менее насыщенным. Как ты думаешь, чем питаются Боги?

— Они состоят из эфира, и им не требуется ни пища, ни воздух, — предположил Фафхрд после длительного раздумья.

— Но ведь ты только что сказал, что они пьют вино.

— Все пьют вино, — зевнув, заявил Северянин и этим убил в зародыше и дискуссию, и смутные, не выраженные в словах, раздумья Мышелова насчет того, правда ли, что более разреженный воздух, который с меньшей силой давит на нагревающуюся жидкость, позволяет ее пузырькам быстрее вырываться наружу.

К правой руке Фафхрда начала возвращаться способность двигаться, а опухоль на левой слегка уменьшилась. Мышелов смазал бальзамом и перевязал свои собственные мелкие раны, затем припомнил, что нужно еще наложить бальзам на подушечки лап Хриссы и запихнуть в ее башмачки немного пахнущего сосновой смолой гагачьего пуха, надерганного из дыр, пробитых стрелой в плаще Фафхрда.

Когда они уже лежали, наполовину зашнуровавшись в свои плащи — Хрисса уютно устроилась между ними, а в жаровню было подброшено несколько драгоценных смоляных шариков, чтобы побаловаться теплом на сон грядущий, — Фафхрд достал

крохотный горшочек с крепким илтмарским вином, и они с Мышеловом отпили по глотку, воскрешая в воображении эти залитые солнцем виноградники и эту знойную, пышную почву так далеко на юге.

В жаровне на секунду вспыхнул огонь, и друзья увидели, что снег все еще идет. Неподалеку с грохотом упало несколько камней, прошипела снежная лавина, а затем Звездная Пристань затихла в морозных объятиях ночи. Орлиное гнездо скалолазов казалось им самым невероятно странным; поднятое над всеми остальными пиками Гряды Гигантов — и, вполне вероятно, всего Невона — и в то же время окруженное темнотой, словно крохотная комнатка.

Мышелов негромко проговорил:

— Теперь мы знаем, кто обитает в Гнездах. Тебе не кажется, что дюжины этих невидимых мант устилают, словно ковром, подобные карнизы вокруг нас или свисают с них? Почему они не замерзают? Или кто-нибудь держит их в специальном помещении? А невидимые люди, как насчет них? Ты больше не можешь назвать их миражом — ты видел меч, и я боролся с человекообразным существом, которое находилось на другом конце клинка. И оно было невидимым! Как это может быть?

Фафхрд пожал плечами и тут же поморщился, потому что это движение вызвало острую боль.

— Они сделаны из чего-то вроде воды или стекла, — высказал он свою догадку. — Вдобавок гибкого и меньше преломляющего свет — и с поверхностью, которая не дает бликов. Ты видел, как песок и пепел становятся прозрачными от огня. Возможно, существует какой-то способ закалять в огне чудовищ и людей, не нагревая их, в результате чего они становятся невидимыми.

— Но как они могут быть достаточно легкими, чтобы летать? — спросил Мышелов.

— Разрезанные животные, под стать разрезанному воздуху, — сонно ответствовал Фафхрд.

Мышелов сказал:

— А потом все эти смертоносные змеи — и Злой Дух знает, какие еще опасности наверху, — он умолк на минуту. — И все же мы должны подняться до самой вершины Звездной Пристани, да? Почему?

Фафхрд кивнул.

— Чтобы обставить Кранарха и Гнарфи... — пробормотал он. — Чтобы превзойти моего отца... эта тайна... девушки... О, Мышелов, ты так же не смог бы остановиться после этого, как не смог бы остановиться, проведя рукой лишь по половине женского тела!

— Ты больше не говоришь о бриллиантах; — отметил Мышелов. — Разве ты думаешь, что мы не найдем их?

Фафхрд снова попробовал было пожать плечами и пробормотал проклятие, которое перешло в зевок.

Мышелов добрался до нижнего кармана в своем мешке, вытащил оттуда пергамент, подул на огонь в жаровне и прочел всю надпись полностью при свете догорающих смоляных шариков:

Кто на Звездную Пристань, на Лунное Древо взойдет,
(Путь незримых преград мимо змея и гнома не прост!)
Ключ к богатству превыше сокровищ царей обретет —
Сердце Света, а с ним заодно и кошель, полный звезд.

Божества, что владели когда-то простором земли,
Этот пик превратили в твердыню и в стольный свой град,
В тот причал, от которого звезды отчалить смогли
И дороги вели без числа в Небеса или в Ад.

Так взойди же, герой, ты Ступенями Троллей, и верь,
Что за Пустошью Хладной, о лучший из смертных, в горах
Распахнет пред тобой твоя слава запретную дверь!
Так не медли, спеши и оставь на равнинах свой страх.
Ведь тому, кто пробьется в обитель Владыки Снегов,
Сыновьям двух его дочерей стать отцом суждено.
Хоть придется ему встретить страшных и лютых врагов,
Но зато до скончанья веков род продлить свой дано.*

Смола догорела и погасла. Мышелов сказал:

— Ну, хорошо, мы встретили не то змея, не то червяка, одного невидимого типа, который попытался преградить нам путь, — и двух незримых ведьм, которые, как я понимаю, могут оказаться дочерьми Владыки Снегов. А вот гномы — это было бы что-то новенькое, так ведь? Ты говорил что-то о Ледяных Гномах, Фафхрд. Что именно?

Он с необычной тревогой подождал ответа Фафхрда. Через какое-то время он услышал его: тихое ритмичное похрапывание.

Мышелов бесшумно зарычал; несмотря на все, что

* Стихи в переводе С. Троицкого.

у него болело, демон его беспокойства превратился теперь в демона бешенства. Ему не следовало думать о девушках — или, скорее, об одной девушке, которая была всего лишь увиденной по ту сторону костра дразнящей маской с чуть надутыми губами и черной тайной глаз.

Внезапно Мышелов почувствовал, что задыхается. Он быстро расстегнул плащ и, не обращая внимания на недовольное мяуканье Хриссы, на ощупь пробрался к южному концу уступа. Вскоре снег, который начал ледяными иголочками сыпаться на разгоряченное лицо Серого, подсказал ему, что он вышел из-под нависающего утеса. Потом снег прекратился. Другой навес, подумал Мышелов, — но ведь он не делал ни шага. Он стал, напрягая зрение, всматриваться вверх, и увидел черную громаду вершины Звездной Пристани, вырисовывающуюся на фоне полосы неба, бледной в свете скрытой от глаз луны и кое-где отмеченной едва видимыми пятнышками звезд. За спиной Мышелова, на западе, снежный шторм все еще скрывал небо.

Мышелов моргнул и потом тихо выругался, потому что теперь черный утес, на который они должны были подняться завтра, весь сверкал мягкими рассеянными огоньками фиолетового, розового, бледно-зеленого и янтарного цвета. Ближайшие, которые, тем не менее, были очень далеко вверху, выглядели, как крошечные прямоугольники, словно проливающие сияние окна.

Звездная Пристань была похожа на огромный дворец.

Затем леденящие хлопья снова начали покалывать лицо Мышелова, и ленточка неба сузилась и сошла на нет. Снегопад снова надвинулся на Звездную Пристань, закрывая звезды и загадочные огни.

Бешенство Мышелова иссякло. Внезапно он почувствовал себя очень маленьким, и безрассудным, и очень, очень замерзшим. Тайнственное видение — разноцветные огоньки — оставалось в его памяти, но смутно, словно часть сна. Очень осторожно Мышелов прокрался назад по своим собственным следам и перед тем, как коснуться плаща, почувствовал тепло, исходящее от Фафхрда, Хриссы и выгоревшей жаровни. Он плотно зашнуровал плащ

вокруг себя и долгое время лежал, свернувшись в клубочек, как ребенок; в его мыслях не было ничего, кроме холодной тьмы. Наконец, Мышелов уснул.

* * *

Следующий день начался мрачно. Два приятеля, продолжая лежать, пытались растереть друг друга и шутливой борьбой хоть немного выгнать из тела окоченение, загнав в него достаточно тепла, чтобы можно было подняться. Хрисса выбралась со своего места, прихрамывая и урюмая.

Но, по крайней мере, у Фафхрда прошли онемение и опухоль, а Мышелов почти не чувствовал неглубоких ран у себя на руке.

Друзья позавтракали чаем из трав и медом и начали подниматься на гнезда под легким снегопадом. Эта последняя напасть оставалась с ними все утро, не считая тех моментов, когда порывы ветра отдували ее прочь от Звездной Пристани. В таких случаях приятели могли видеть гигантскую гладкую скальную стену, отделяющую гнезда от последней полосы уступов Лика. Судя по тому, что друзья успели заметить, на этой стене, похоже, не было вообще никаких путей для подъема, а также никаких отметин — так что Фафхрд высмеял Мышелова за рассказы об окнах, разливающих разноцветный свет, — но, в конце концов, приблизившись к основанию стены, путники начали различать то, что казалось узкой трещиной (она выглядела толщиной с волосок), поднимающейся вдоль середины скалы.

Скалолазы не встретили ни одного из невидимых плоских летунов ни в воздухе, ни на уступах, хотя в те моменты, когда порывы ветра проделывали странные бреши в снегопаде, оба искателя приключений устраивались попрочнее на своих выступах и хватались за оружие, а Хрисса начинала рычать.

Ветер почти не замедлял продвижение вперед, потому что камни Гнезд были надежными, но друзья очень мерзли.

И им все еще приходилось остерегаться снежных потоков, хотя их было меньше, чем вчера, возможно потому, что большая часть Звездной Пристани уже осталась внизу.

Мышелов и Фафхрд достигли основания огромной скалы как раз в той точке, где начиналась трещина, и это было большой удачей, поскольку снегопад стал таким сильным, что поиски были бы сильно затруднены.

К их радости, трещина оказалась еще одним камином, едва в ярд шириной, ненамного более глубоким и настолько же бугристым изнутри, насколько скала снаружи была гладкой. В отличие от вчерашнего камина, этот, казалось, тянулся вверх в бесконечность без каких-либо изменений по ширине и, насколько путники могли видеть, в нем не было пробок. Он был во многом похож на каменную лестницу, наполовину защищенную от снега. Даже Хриса могла подняться здесь, как на Обелиске.

В обед друзьям пришлось согреть пищу собственным телом. Они были полны энтузиазма и нетерпения, однако заставили себя не спеша прожевать еду и запить ее. В тот момент, когда они вошли в камин, — Фафхрд шел первым — слышались три слабых раската: возможно, гром, и, без всякого сомнения, зловещее предзнаменование; однако Мышелов рассмеялся.

Благодаря более надежной опоре для ног и противоположной стене, о которую можно было опереться спиной, подъем был легким, не считая того, что приходилось расходовать много сил, а это требовало довольно частых остановок, чтобы отдышаться в разреженном воздухе. Лишь в двух местах камин сузился настолько, что Фафхрду пришлось преодолевать короткий участок по внешней стороне; более худощавый Мышелов смог остаться внутри.

Это было возбуждающее приключение — почти. День становился темнее, поскольку снегопад все усиливался, и раскаты повторялись снова и снова, но более резкие и сильные — теперь уже точно гром, потому что звукам предшествовали короткие вспышки, озарившие камин, — приглушенные падающим снегом отблески молнии — однако Мышелов и Фафхрд чувствовали себя так же весело, как дети, поднимающиеся по таинственной изгибающейся лестнице зачарованного замка. Они даже тратили немного воздуха на шутливые выкрики, которые отдавались слабым эхом вверх и вниз по неровным стенам

шахты, то озаряемой бледным светом, то погружающейся во мрак вместе со вспышками молний.

Но затем шахта постепенно стала такой же гладкой, как и стена снаружи, и в то же самое время начала медленно расширяться, сначала на ширину ладони, потом еще на одну, потом еще на палец, так что друзьям приходилось подниматься со все возрастающим риском; они прижимались плечами к одной стене, ботинками к другой, и так «шли» при помощи рывков и толчков. Мышелов подтянул к себе Хриссу, и снежная кошка скорчилась на его вздымающейся, раскачивающейся из стороны в сторону груди — не столь уж незначительная тяжесть. Однако оба приятеля все еще чувствовали себя довольно неплохо — так что Мышелов начал задумываться, не было ли и впрямь здесь, рядом с Небесами, чего-нибудь возбуждающего в самом воздухе.

Фафхрд, рост которого превышал Мышелова на пару голов, был лучше приспособлен к такого рода восхождению и все еще мог подниматься в тот момент, когда Мышелов осознал, что его тело вытянуто почти в полный рост от плеч до подошв ботинок — и сверху на нем, как путешественник на маленьком мостике, устроилась Хрисса. Мышелов не мог подняться больше ни на дюйм, и очень смутно осознавал, как это ему удалось добраться хотя бы досюда.

На зов Мышелова сверху, как гигантский паук, спустился Фафхрд, на которого, казалось, страдания приятеля не произвели особого впечатления, — и, честно говоря, при вспышке молнии стало видно, что его большое бородатое лицо ухмыляется от уха до уха.

— Посиди здесь немного, — сказал Северянин. — До вершины не так уж далеко. По-моему, я видел ее при предпоследней вспышке молнии. Я поднимусь и втащу тебя наверх; всю веревку привяжем между мной и тобой. Около твоей головы есть трещина: я вобью туда колышек на всякий случай. А пока отдыхай.

И Фафхрд проделал все, о чем он говорил, так быстро и снова был на пути вверх так скоро, что Мышелов воздержался от высказывания всех тех сардонических замечаний, которые бурлили внутри его напряженного тела.

При следовавших за этим вспышках молнии видно было, как длинноногая и длиннорукая фигура Северянина становится все меньше и меньше с радующей глаз скоростью, пока он не стал казаться таким же маленьким, как паук-охотник в глубине своей норки. Еще одна вспышка — и он исчез; однако Мышелов не был уверен, достиг ли он вершины, или просто скрылся за изгибом камина.

Веревка, однако, продолжала тянуться вверх, пока под Мышеловом не осталась только небольшая петля. Все тело Серого болело теперь совершенно невыносимо, и еще ему было очень холодно, но он крепко сжал зубы и терпел. Хрисса выбрала этот момент, чтобы начать беспокойно расхаживать взад-вперед по своему маленькому человекообразному мостику. Вспыхнула ослепительная молния, и удар грома сотряс Звездную Пристань. Хрисса съежилась.

Веревка натянулась, дергая Мышелова за пояс; Мышелов хотел было перенести на нее свою тяжесть, прижав Хриссу к груди, но потом решил подождать окрика Фафхрда. Это было явно мудрым решением, потому что именно в этот момент веревка резко ослабла и начала падать на живот Мышелова, словно струя черной воды. Хрисса прижалась к его лицу, пытаясь отодвинуться как можно дальше от веревки, которая все падала и падала. Но вот ее верхний конец, щелкнув, ударил Мышелова под ложечку. Единственная радость заключалась в том, что Фафхрд не сверзился вслед за веревкой. После очередного слепящего и сотрясающего гору удара стало ясно, что верхняя часть камина была абсолютно пуста.

— Фафхрд! — позвал Мышелов. — Фафхрд!!!

Ответом было только эхо.

Мышелов немного подумал, потом поднял руку и попытался нащупать около своего уха колышек, который Фафхрд забил одним ударом топора. Что бы ни случилось с Фафхрдом, ничего иного не оставалось, как только привязать веревку к колышку и спуститься с ее помощью туда, где камин был более узким.

Колышек вылетел при первом же прикосновении и с резким стуком полетел вниз по камину, пока очередной удар грома не поглотил замирающий звук.

Мышелов решил «сойти» вниз по камину. В конце концов, он же поднялся эти последние несколько десятков ярдов.

Первая попытка пошевелить ногой подсказала ему, что его мышцы сведены судорогой. Он никогда не сможет согнуть ногу и выпрямить ее снова, потому что просто соскользнет с опоры и упадет.

Мышелов подумал о шесте Гликти, затерянном в белом пространстве, и тут же задушил в себе эту мысль.

Хрисса, съездившись у него на груди, уставилась ему в лицо с выражением, которое в сиянии следующей молнии казалось печальным и в то же время критическим, словно кошка хотела сказать:

— И где же эта хваленая человеческая изобретательность?

* * *

Фафхрд едва успел выбраться из камина на широкий и просторный уступ, прикрытый сверху скальным выступом, когда в скалистой стене бесшумно распахнулась дверь ярдов двух высотой, в ярд шириной и две пяди толщиной.

Контраст между шероховатостью скалы и гладкой, как линейка, поверхностью темного камня, образующего боковые стороны двери, косяка и порога, был поистине замечательным.

Наружу пролился мягкий розовый свет, и вместе с ним — аромат духов, тяжелые испарения, насыщенные снами о прогулочных лодках, дрейфующих по тихому морю в час заката.

Эти вызывающие наркотическое опьянение пары мускуса наряду с ударяющим в голову, словно алкоголь, разреженным воздухом почти заставили Фафхрда забыть о своей цели, но когда он коснулся черной веревки, это было все равно, что прикоснуться к Хриссе и Мышелову на другом ее конце. Фафхрд отвязал веревку от пояса и приготовился закрепить ее вокруг толстой каменной колонны рядом с открытой дверью. Ему пришлось довольно сильно натянуть веревку, чтобы можно было завязать надежный узел.

Но насыщенные снами испарения сгустились, и

Северянин больше не чувствовал Мышелова и Хриссу на другом конце веревки. Честно говоря, он начал полностью забывать о своих двух друзьях.

А затем серебристый голос — голос, хорошо знакомый Фафхрду, который слышал его один раз смеющимся и один раз хихикающим, — позвал:

— Войди, варвар. Войди ко мне.

Конец черной веревки незаметно выскользнул из пальцев Северянина и тихо прошелестел по камню и вниз по камину.

Фафхрд, чуть пригнувшись, переступил порог, дверь бусшумно закрылась, как раз вовремя, чтобы заглушить отчаянный крик Мышелова.

Северянин оказался в комнате, освещенной розовыми шарами, висящими на уровне головы. Их мягкое теплое сияние окрашивало в розовый цвет портьеры и ковры, но особенно было заметно на светлом покрывале огромного ложа, которое составляло единственный предмет мебелировки комнаты.

Рядом с кроватью стояла стройная женщина; черное шелковое платье скрывало все, кроме ее лица под черной кружевной маской, однако не могло спрятать плавные изгибы женской фигуры.

В течение семи бешенных ударов сердца Фафхрда она глядела на рыжебородого варвара, потом опустилась на ложе. Тонкая рука с кистью, обтянутой черным кружевом, выскользнула из-под складок платья, хлопнула по покрывалу рядом с собой и замерла. Маска, не отрываясь, смотрела в лицо Фафхрда.

Он стряхнул с плеч мешок и отстегнул пояс с топором.

* * *

Мышелов закончил вбивать тонкое лезвие своего кинжала в щель у себя над ухом, пользуясь вместо молотка кремнем из своего мешка, так что при каждом судорожном ударе камня о рукоятку искры дождем летели во все стороны — крохотные молнии среди слепящих вспышек, все еще озаряющих камин, — пока сопровождающие их раскаты грома создавали шумный аккомпанемент ударам Мышелова. Хрисса устроилась у Мышелова на щиколотках,

и время от времени Серый пристально смотрел на нее, словно хотел спросить: «Ну что, киска?»

Порыв насыщенного снегом ветра, с ревом рванувшего вверх по камину, на мгновение поднял мохнатого зверя на целую пядь в воздух и чуть не сдул самого Мышелова, однако тот посильнее напруг мускулы, и мостик, чуть изогнувшийся вверх, выдержал.

Мышелов только что закончил завязывать конец черной веревки вокруг перекладины и рукоятки кинжала — его пальцы и предплечья были почти бесполезными от усталости — когда в задней стене камина бесшумно отворилось окно в два фута высотой и в пять шириной; толстая каменная ставня скользнула в сторону меньше, чем в пяди от обращенного внутрь плеча Мышелова.

Красное сияние вырвалось из окна и неясно осветило четыре морды с черными поросячьими глазками и низкими безволосыми головами.

Мышелов внимательно рассмотрел их. Все четверо крайне уродливы, бесстрастно решил он. Только их широкие белые зубы, сверкающие между растянутыми в ухмылке губами — почти от одного свинячьего уха до другого — могли бы как-то рассчитывать на то, чтобы называться красивыми.

Хрисса немедленно проскочила сквозь красное окно и исчезла. Два лица, между которыми она прыгнула, даже не моргнули черными глазками-пуговками.

Потом четыре пары коротких мускулистых рук высунулись наружу, легко оторвали Мышелова от стены и втащили внутрь. Он слабо вскрикнул, потому что усилившаяся судорога скрутила его внезапной агонией. Он еще успел заметить толстые короткие тела в лохматых черных куртках и коротких штанах — а одно было в лохматой черной юбке — но все с босыми разлапистыми ступнями и толстыми ногтями. Потом он потерял сознание.

Очнулся Мышелов от безжалостного массажа, лежа на жестком столе, с телом обнаженным и скользким от теплого масла. Он находился в плохо освещенной комнате с низким потолком, и его все еще окружали плотным кольцом четыре гнома, о чем Мышелов мог судить еще до того, как открыл

глаза, по восьми мозолистым рукам, тискающим и мнущим его мышцы.

Гном, разминающий правое плечо Мышелова и молотящий по верхней части позвоночника, сморщил покрытые бородавками веки и обнажил свои прекрасные белые зубы, словно позаимствованные у какого-нибудь великана, в том, что, должно быть, представлялось ему дружеской усмешкой. Затем он сказал на жутком мингольском диалекте:

— Я Костолом. Это моя жена Жирожорка. Те, что поглаживают твое тело с левого борта, — это мои братья Ногогрыз и Черепобой. А теперь выпей это вино и следуй за мной.

Вино обожгло Мышелову горло, однако прогнало головокружение; к тому же было истинным блаженством избавиться от убийственного массажа — а, заодно, и от судорог, скручивающих мускулы в комок.

Костолом и Жирожорка помогли Мышелову слезть с каменной плиты, а Ногогрыз и Черепобой быстро растерли его грубыми полотенцами. Теплая комната с низким потолком на мгновение поплыла вокруг Серого; затем он почувствовал себя восхитительно хорошо.

Костолом пошлепал в темноту, расстилающуюся позади дымных факелов. Мышелов без слова последовал за ним. «Это что, и есть Фафхрдовы Ледяные Гномы?» — спрашивал он сам себя.

Костолом отодвинул в сторону тяжелые портьеры. В темноту веером хлынул янтарный свет. Мышелов шагнул с грубого камня на мягкий пух. Портьеры с шорохом сомкнулись за спиной.

Он был один в комнате, мягко освещенной висящими шарами, похожими на огромные топазы, — однако чувствовалось, что если их коснуться, они отскочат в сторону, как воздушные шарики. Тут находилось широкое ложе и позади него, на фоне затянутой ковром стены — низкий столик с табуреткой из слоновой кости. Над столом было большое серебряное зеркало, а на столе — причудливые маленькие бутылочки и множество крошечных горшочков из слоновой кости.

Нет, комната не была совершенно пустой. В дальнем углу, свернувшись клубочком, лежала ухожен-

ная, лоснящаяся Хрисса. Однако она смотрела не на Мышелова, а в некую точку над табуреткой.

Мышелов почувствовал, как по его спине пробежали мурашки, но они были вызваны не только страхом.

Мазок светлейшего из всех зеленых цветов метнулся от одного из горшочков к точке, на которую установилась Хрисса, и исчез там. Однако Мышелов увидел, что отраженная полоска зелени появилась в зеркале. Загадочный маневр повторился, и вскоре в серебре зеркала повисла зеленая маска, чуть затуманенная матовостью металла.

Затем маска в зеркале пропала и одновременно появилась, видимая на этот раз совершенно четко, в воздухе над табуреткой. Это была та самая маска, которую до боли хорошо знал Мышелов — узкий подбородок, высокие скулы, прямая линия, соединяющая нос и лоб.

Припухшие, темные, как вино, губы чуть приоткрылись, и мягкий грудной голос спросил:

— Мое лицо не нравится тебе, человек из Ланкмара?

— Твоя шутка жестока, о Принцесса, — ответил Мышелов, самоуверенно изображая придворный поклон, — ибо ты — сама красота.

Тонкие пальцы, наполовину обрисованные теперь бледной зеленью, окунулись в горшочек с притиранием и набрали более щедрую порцию краски.

Мягкий грудной голос, который так хорошо сочетался с коротким смешком, услышанным однажды в снегопад, произнес на этот раз:

— Ты сможешь оценить меня всю.

* * *

Фафхрд проснулся в темноте и прикоснулся к девушке, лежащей рядом с ним. Как только он понял, что она тоже не спит, он крепко обхватил ее бедра. Почувствовав, как напряглось ее тело, Северянин перевернулся на спину, поднял ее в воздух и подержал над собой.

Она была чудесно легкой, словно сделанной из воздушного теста или гагачьего пуха, однако когда Фафхрд снова положил ее рядом с собой, ее тело

было таким же упругим, как и любое другое, хотя и более гладким на ощупь, чем у большинства.

— Хирриви, я прошу тебя, давай зажжем свет, — сказал он.

— Это было бы глупо, Фаффи, — ответила она голосом, который был похож на звон чуть задетой занавески из крохотных серебряных колокольчиков. — Разве ты забыл, что теперь я полностью невидима? Это могло бы подзадорить некоторых мужчин, однако ты, как мне кажется...

— Ты права, ты права, я хочу, чтобы ты была реальной, — ответил он, крепко сжимая ее плечи, чтобы подчеркнуть силу своих чувств, и затем виновато отдергивая руки при мысли о том, какой хрупкой она должна быть.

Серебряные колокольчики зазвенели полнозвучным смехом, словно кто-то широким взмахом отвел занавеску в сторону.

— Не бойся, — сказала женщина. — Мои воздушные кости сделаны из материала, который прочнее, чем сталь. Это загадка, недоступная разумению всех ваших философов, и относящаяся к невидимости моей расы и животных, от которых она произошла. Подумай о том, каким прочным может быть закаленное стекло; однако свет проходит сквозь него. Мой проклятый братец Фарумфар силен, как медведь, несмотря на всю свою худобу, а мой отец Умфорафор — истинный лев, несмотря на прожитые им века. Схватка твоего друга с Фарумфаром не была окончательным испытанием — хотя он и взвыл после этого — отец был в ярости — и к тому же есть еще двоюродные братья. Как только закончится эта ночь — но это будет еще не скоро, любимый; луна еще поднимается — ты должен спуститься со Звездной Пристани. Пообещай мне это. У меня холодеет сердце при мысли об опасностях, которые тебе уже пришлось испытать — и за последние три дня оно не знаю сколько раз просто леденело!

— И все-таки ты нас не предупредила, — задумчиво сказал Северянин. — Ты заманила меня сюда.

— И ты сомневаешься в том, почему? — спросила она. В этот момент Фафхрд как раз касался ее вздернутого носа и круглых, как яблоки, щек, так что он почувствовал и то, как она улыбается. —

Или, возможно, тебе не нравится то, что я позволила тебе немного рискнуть жизнью, чтобы наградой стало это ложе?

Фафхрд запечатлел страстный поцелуй на ее полных губах, чтобы показать ей, как ошибочны были ее мысли, но через мгновение она оттолкнула его.

— Подожди, Фаффи, любимый, — воскликнула она. — Нет, я же сказала, подожди! Я знаю, что ты жаден и нетерпелив, но ты можешь подождать хотя бы до тех пор, пока луна передвинется на небе на ширину звезды. Я попросила тебя пообещать мне, что ты спустишься со Звездной Пристани на рассвете.

В темноте наступило довольно долгое молчание.

— Ну? Что же держит закрытым твой рот? — нетерпеливо спросила она наконец. — Кое в чем другом ты не проявлял подобной нерешительности. Время проходит, луна поднимается.

— Хирриви, — тихо сказал Фафхрд. — Я должен подняться на Звездную Пристань.

— Почему? — звенящим голосом спросила она. — Пророчество стихов исполнилось. Ты получил свою награду. Если ты пойдешь дальше, тебя будут ждать лишь бесплодные опасности. Если ты вернешься, я буду охранять тебя с воздуха — да, и твоего приятеля тоже — до самой Пустоши.

Ее нежный голос слегка задрожал.

— О Фаффи, неужели тебе недостаточно меня, чтобы отказаться от завоевания жестокой горы? Кроме всего прочего, я люблю тебя — если я правильно понимаю, как смертные употребляют это слово.

— Нет, — торжественно ответил в темноте Северянин. — Ты замечательная, самая замечательная из всех девушек, что я знал — и я люблю тебя, а это слово я не бросаю по пустякам, — однако от этого мое желание покорить Звездную Пристань только разгорается. Можешь ли ты понять это?

Теперь на некоторое время замолкла сама Хирриви.

— Ну что ж, — сказала она наконец, — ты сам себе хозяин, и делаешь, что захочешь. Я тебя предупредила. Я могла бы сказать и больше, привести доводы против, спорить с тобой и дальше, но я знаю, что и после всего этого мне не удастся преодолеть

твое упрямство — а время бежит. Мы должны оседлать наших лошадок и догнать луну. Поцелуй меня еще раз. Медленно. Вот так...

* * *

Мышелов лежал поперек ложа, в ногах, под янтарными шарами, и разглядывал растянувшуюся Кейайру; ее хрупкие яблочно-зеленые плечи и спокойное спящее лицо тонули во множестве подушек.

Мышелов смочил уголок простыни вином из чаши, стоящей у его колена, и потер им тонкую правую щиколотку Кейайры — так осторожно, что медленный подъем и падение ее узкой грудной клетки не изменили своего ритма. Вскоре он стер всю зеленоватую мазь с участка величиной в половину своей ладони и уставился на дело рук своих во все глаза. Он был уверен в том, что на этот раз увидит тело или, по меньшей мере, зеленое притирание с обратной стороны ноги; но нет, все, что Мышелов увидел сквозь вытертый им маленький неправильный треугольник, — это косматое покрывало кровати, отражающее льющийся сверху янтарный свет. Это была невероятно захватывающая и немного пугающая тайна.

Мышелов вопросительно глянул на Хриссу, которая теперь лежала на низком столике, окруженная фантастическими бутылочками из тончайшего стекла и, положив белый косматый подбородок на скрещенные лапы, разглядывала лежащих на ложе людей. Мышелову показалось, что кошка глядит на него с неодобрением, так что он торопливо размазал притирание равномерно по всей ноге Кейайры, пока сделанный им глазок не был снова покрыт зеленой краской.

Послышался тихий смешок. Кейайра, приподнявшись на локтях, смотрела на Мышелова прищуренными глазами из-под длинных, густых ресниц.

— У нас, невидимок, — сказала она насмешливым голосом, который был, или казался, сонным — видима только внешняя сторона любого грима или притирания, нанесенного на тело. Это тайна, недоступная нашим провидцам.

— Ты — воплощение самой королевы-Тайны, ше-

ствующей средь звезд, — провозгласил Мышелов, легко поглаживая зеленые пальчики ее ног. — А я — самый везучий из всех людей. Только вот боюсь, что это все сон, и я проснусь на холодных карнизах Звездной Пристани. Как вышло, что я здесь?

— Наша раса вымирает, — сказала она. — Наши мужчины стали бесплодными. Хирриви и я — единственные оставшиеся принцессы. Наш брат Фарумфар горячо желал быть нашим консортом — он хвастается, что все еще мужчина, — это с ним ты дрался — но наш отец Умфорафор сказал: «Нам нужна новая кровь — кровь героев». Так что нашим двоюродным братьям и Фарумфару — к крайнему неудовольствию последнего — пришлось летать там и сям и оставлять эти маленькие рифмованные приманки, написанные на пергаменте из козьей шкуры, в опасных, пустынных местах, которые могли бы привлечь героев.

— Но как могут невидимые существа сходиться с видимыми? — спросил он.

Она довольно рассмеялась.

— Неужели твоя память настолько коротка, Мышонок?

— Я хотел сказать, иметь потомство, — поправился Серый, слегка раздраженный тем, что она нечаянно угадала его детское прозвище. — И кроме того, разве такой ребенок не будет полупрозрачным, туманным, смесью видимого и невидимого?

Зеленая маска Кейайры чуть покачалась из стороны в сторону.

— Мой отец думает, что такой союз принесет плоды, и что дети будут рождаться только невидимыми — потому что невидимость доминирует над видимостью — и в то же время во всем другом будут обладать преимуществами, даруемыми примесью горячей крови героев.

— Значит, это твой отец приказал тебе переспать со мной? — спросил немного разочарованный Мышелов.

— Ни в коем случае, Мышонок, — уверила девушка. — Он был бы взбешен, если бы ему могло прийти в голову, что ты здесь, а Фарумфар просто сошел бы с ума. Нет, ты понравился мне — так же как Хирриви понравился твой приятель — когда я

впервые увидела тебя в Холодной Пустоши; и для тебя это было большой удачей, потому что если бы вы дошли до вершины Звездной Пристани, то мой отец получил бы ваше семя совершенно иным образом. Кстати, это напомнило мне: Мышонок, ты должен пообещать мне, что на рассвете спустишься со Звездной Пристани.

— Подобное обещание не так-то легко дать, — сказал Мышелов. — Я знаю, что Фафхрд заупрямится. И кроме того, у нас есть еще одно небольшое дельце, которое касается мешка с бриллиантами, если это то, что подразумевается под «кошелем, полным звезд» — о, я знаю, что это безделица по сравнению с объятиями восхитительной девушки... и все же...

— Но если я скажу, что люблю тебя — а это чистая правда...

— О Принцесса, — вздохнул Мышелов, скользя рукой по ее ноге к колену. — Как могу я оставить тебя на рассвете? Всего одна ночь...

— Как, Мышонок, — прервала его Кейайра, шаловливо улыбаясь и слегка выгибаясь всем телом, — разве ты не знаешь, что каждая ночь — это вечность? Неужели ни одна девушка не научила еще тебя этому, Мышонок? Ты меня удивляешь. Подумай, у нас осталась еще половина вечности — и это тоже вечность, как твой учитель геометрии, будь он старцем с седой бородой или девой с нежной грудью, должен был бы рассказать тебе.

— Но если я должен зачать множество детей... — начал Мышелов.

— Хирриви и я кое в чем похожи на пчелиных маток, — объяснила Кейайра, — но не думай об этом. Сегодня мы обладаем вечностью, это так, но только в том случае, если сами сумеем сделать ее вечностью. Иди ближе ко мне...

Чуть позже Мышелов, в чем-то повторяя самого себя, сказал:

— Единственное, что плохо в восхождении в гору, — это то, что самые лучшие участки кончаются чересчур быстро.

— Они могут длиться вечность, — выдохнула Кейайра ему в ухо. — Заставь их продолжаться бесконечно, Мышонок.

Фафхрд проснулся, трясаясь от холода. Розовые шары, ставшие теперь серыми, раскачивались в порывах ледяного ветра из открытой двери. На его одежде и вещах, разбросанных по полу, собрался снег, и снег лежал сугробом высотой в несколько дюймов у порога, из-за которого исходило и единственное освещение — свинцово-серый свет дня.

Великая радость, кипящая внутри Фафхрда, вступила в борьбу с этим мрачным серым зрелищем и победила его.

Однако Фафхрд был раздет и весь дрожал. Он вскочил, выбил свои вещи о кровать и натянул на себя заледеневшую, твердую, как доска, одежду.

Застегивая пояс с топором, он вспомнил, что беспомощный Мышелов сидит внизу, в камине. Каким-то образом Фафхрд не думал об этом всю ночь, даже когда он говорил Хирриви о Мышелове.

Северянин схватил свой мешок и выскочил на уступ, заметив уголком глаза какое-то движение у себя за спиной. Это закрылась массивная дверь.

Мощный порыв ветра ударил Фафхрда снежным кулаком. Северянин ухватился за шершавый каменный столб, к которому прошлой ночью собирался привязать веревку, и крепко обхватил его. Да помогут боги сидящему внизу Мышелову! Кто-то, пытаясь, проскользил под напором ветра и снега по уступу, и уцепился за столб внизу.

Ветер затих. Фафхрд поискал взглядом дверь. От нее не осталось и следа. Ветер снова нанес сугробы. Крепко держась одной рукой за столб и мешок, он ощупал другой рукой шершавую стену. Кончики пальцев, как и глаза, не смогли обнаружить ни малейшей трещины.

— Значит, тебя тоже выпихнули? — весело спросил знакомый голос. — Лично меня вышвырнули Ледяные Гномы, к твоему сведению.

— Мышелов! — воскликнул Фафхрд. — Значит, ты не...? Я думал...

— Насколько я тебя знаю, ты ни разу не подумал обо мне за всю ночь, — сказал Мышелов. — Кейай-ра заверила меня, что ты в безопасности и даже более того. Хирриви сказала бы тебе то же самое обо

мне, если бы ты ее спросил. Но, конечно же, ты этого не сделал.

— Значит, ты тоже...? — спросил Фафхрд, ухмыляясь с довольным видом.

— Да, Принц-Родственник, — ответил ему Мышелов, ухмыляясь в ответ.

Они немного потузили друг друга (не отрываясь, однако, от столба), чтобы разогнать холод, но еще и просто от хорошего настроения.

— Хрисса? — спросил Фафхрд.

— Эта умница сидит внутри, в тепле. Они здесь не выгоняют на улицу кошек, только людей. Однако я кое о чем подумал... Тебе не кажется, что Хрисса изначально принадлежала Кейайре и что Кейайра предвидела и задумала...

Его голос постепенно затихал и наконец умолк.

Ветер перестал налетать. Снегопад был таким легким, что друзья могли видеть почти на лигу над собой — до самой Шапки над заснеженными уступами Лика — и под собой, туда, где исчезала вдали Лестница.

И вновь их разум был заполнен, почти захлестнут, громадой Звездной Пристани и их собственной участью: двух полузамерзших песчинок, ненадежно висящих посреди замерзшего вертикального мира, лишь отдаленно связанного с Невом.

В небе на юге виднелся бледный серебристый диск — солнце. Приятели проспали до полудня.

— Гораздо легче превратить в вечность ночь, которая длится восемнадцать часов, — заметил Мышелов.

— Мы скакали за луной сквозь глубины моря, — задумчиво произнес Фафхрд.

— Твоя девушка пыталась заставить тебя спуститься вниз? — внезапно спросил Мышелов.

Фафхрд кивнул.

— Пыталась.

— Моя тоже. А это не такая уж плохая идея. По ее словам, эта вершина дурно пахнет. Однако похоже, что камин забит снегом. Подержи меня за ноги, пока я свешусь и посмотрю. Да, плотно забит до самого низа. Итак...?

— Мышелов, — почти мрачно сказал Фафхрд, —

существует путь вниз или нет, я должен подняться на Звездную Пристань.

— Ты знаешь, — ответил Мышелов, — я сам начинаю находить кое-что в этом безумии. И кроме того, на восточной стене Звездной Пристани может быть легкий путь к этой роскошной на вид Долине Разлома. Так что давай использовать на полную катушку те жалкие семь часов дневного света, что у нас остались. День — это явно не та штука, из которой можно сделать вечность.

* * *

Подъем на уступы Лика был одновременно и самым легким и самым тяжелым из всех восхождений. Уступы были широкими, но некоторые из них, сильно скошенные наружу, усыпали обломки сланца, при малейшем прикосновении сыпавшиеся в бездну. То тут, то там попадались короткие поперечные расселины, которые приходилось преодолевать, цепляясь изо всех сил за края тонких трещин, причем иногда приятели висели только на руках.

К тому же усталость, и холод, и даже головокружительная слабость наступали на этой высоте гораздо быстрее. Другьям часто приходилось останавливаться, чтобы перевести дух и согреться. У задней стены одного широкого уступа — по мнению Фафхрда, правого глаза Звездной Пристани — путникам пришлось потратить некоторое время и сжечь в жаровне все оставшиеся смоляные шарики, частично для того, чтобы разогреть еду и питье, но в основном чтобы согреться.

Время от времени им казалось, что усилия прошлой ночи тоже ослабили их выносливость, но затем воспоминания об этих усилиях возвращались и рождали в друзьях новые силы.

А еще были внезапные предательские порывы ветра и непрерывный, хотя и меняющий свою силу, снегопад, который то скрывал вершину, то позволял ясно ее видеть на фоне серебристого неба; широкий, белый, выгибающийся наружу край Шапки теперь угрожающе нависал над самыми головами — такой же точно снежный карниз, как был в седловине,

только теперь путники находились с другой, опасной его стороны.

Иллюзия того, что Звездная Пристань — это мир, существующий отдельно от Невона в заполненном снегом пространстве, становилась все сильнее.

Потом небо сделалось голубым, и приятели почувствовали, как солнце пригревает им спины — они наконец поднялись над снегопадом — и Фафхрд указал на крошечную щелку яркой синевы у края Шапки — щелочку, которая едва виднелась над следующим скалистым бугром, украшенным снежными разводами, — и воскликнул:

— Это верхняя часть Игольного Ушка!

При этих словах что-то упало в сугроб рядом с ним, и послышался приглушенный звон металла о камень, а в снегу осталось вертикально торчать подрезанное под тетиву и оперенное древко стрелы.

Мышелов и Фафхрд нырнули под защиту ближайшего выступа как раз в тот момент, когда вторая и третья стрела со звоном ударились о голый камень, на котором друзья только что стояли.

— Гнарфи и Кранарх опередили нас, черт бы их подрал, — прошипел Фафхрд, — и устроили нам засаду в Игольном Ушке — место само собой напрашивалось. Мы должны обойти вокруг и подняться выше них.

— А разве именно этого они от нас и не ждут?.

— Они, как идиоты, слишком рано выдали свою засаду. Кроме того, у нас нет другого выхода.

Так что друзья начали подниматься к югу, все выше и выше, постоянно стараясь держаться за камнями или сугробами между своей тропой и тем местом, где, по их мнению, было Игольное Ушко. Наконец, когда солнце уже склонялось к западу, путешественники повернули снова на север и продолжали подниматься, вырубая теперь ступеньки во все более крутом снежном валу, который выгибался над головами, образуя поля Шапки, скрывавшей теперь две трети неба, словно зловещая крыша. Друзья то обливались потом, то дрожали, да еще им приходилось бороться с непрерывными приступами слабости и головокружения, однако при этом передвигаться так бесшумно и осторожно, как они только могли.

Наконец они обогнули еще один гигантский суг-

роб и обнаружили, что смотрят сверху вниз на огромный обнаженный каменистый участок склона, по которому обычно проносился ветер, дующий сквозь Игольное Ушко и наметающий Малый Вымпел.

На противоположном краю открытого каменного пространства виднелись два человека, оба в коричневых кожаных одеждах, сильно потрепанных и кое-где продранных; сквозь дырки виднелся меховой подбой. Тощий, чернобородый, с лицом, похожим на лосиную морду, Кранарх стоял, крест-накрест хлопая себя руками по бокам, чтобы согреться. Рядом с ним лежал лук с надетой тетивой и несколько стрел. Приземистый, с кабаньим рылом, Гнарфи стоял на коленях, заглядывая вниз через край. Фафхрд подумал о том, куда делась пара их здоровенных слуг в коричневом.

Мышелов сунул руку в свой мешок. В тот же самый момент Кранарх заметил приятелей и схватился за оружие, хотя и значительно медленнее, чем он сделал бы это в менее разреженном воздухе. С подобной же медлительностью Мышелов вытащил камень размером с кулак, который он подобрал на одном из карнизов внизу как раз для такого случая.

Стрела Кранарха просвистела между головами обоих приятелей. Мгновение спустя камень Мышелова с налета ударился прямо в левое плечо Кранарха. Оружие выпало из его пальцев, и рука беспомощно повисла. Тогда Фафхрд и Мышелов сломя голову бросились вниз по снежному склону; первый потрясал отвязанным от пояса топором, второй вытаскивал Скальпель.

Кранарх и Гнарфи встретили противников мечами, а у Гнарфи в левой руке был еще и кинжал. Схватка разыгралась, как и обмен стрелой и камнем, словно во сне. Сначала натиск Фафхрда и Мышелова дал им преимущество. Затем огромная сила Кранарха и Гнарфи — или, скорее, то, что они отдохнули, — взяла свое, и они чуть было не сбросили своих противников в пропасть. Фафхрд получил скользящий удар по ребрам, который прорезал его прочную тунику из волчьей шкуры, распорол мышцы и проскрипел по кости.

Но затем, как это всегда и бывает, верх одержало мастерство, и двое в коричневом, получившие уже

несколько ран, внезапно повернулись и побежали под огромную белую треугольную арку Игольного Ушка. Гнарфи на бегу орал:

— Граа! Крук!

— Без сомнения, они зовут своих слуг или носильщиков в косматой одежде, — тяжело дыша, высказал предположение почти совершенно вымотанный Мышелов, опуская руку с мечом на колено. — Они были похожи на крестьян — толстые деревенские парни, вряд ли приученные носить оружие. Я думаю, мы можем их не бояться, даже если они прибегут на зов Гнарфи.

Фафхрд кивнул; он тоже задыхался.

— Однако они поднялись на Звездную Пристань, — добавил он с сомнением.

И как раз в эту минуту, передвигаясь на задних ногах, когти которых стучали по выметенному ветром камню, широко разинув красные пасти с белыми клыками и стекающей слюной, растопырив когтистые передние лапы, из снежной арки выбежали два огромных бурых медведя.

Со скоростью, которую не смогли вызвать у них человекообразные противники, Мышелов схватил лук Кранарха и одну за другой пустил две стрелы, а Фафхрд взмахнул топором, описав в воздухе сверкающий круг, и метнул его в животных. Затем два приятеля быстро отпрыгнули в разные стороны; Мышелов размахивал Скальпелем, а Фафхрд вытаскивал нож.

Но в дальнейшей схватке уже не было нужды. Первая стрела Мышелова угодила бегущему впереди медведю в шею, вторая — прямо в его красное небо и сквозь него в мозг, в то время как топор Фафхрда погрузился по рукоятку между двух ребер в левый бок второго медведя. Огромные животные, качнувшись, упали вперед, обливаясь кровью и дергаясь в судорогах; дважды перевернулись и тяжеломерно рухнули в пропасть.

— Без сомнения, это были самки, — заметил Мышелов, наблюдая за их падением. — О, эти зверские типы из Иллик-Винга! И все же, зачаровать или выдрессировать подобных животных так, чтобы они несли вещи, лезли в гору, и даже отдали свои бедные жизни...

— Кранарх и Гнарфи ведут грязную игру, это уж точно, — заявил Фафхрд. — И нечего восхищаться их штучками!

Он зачихнул тряпку под тунiku, на рану, поморщился и выругался так сердито, что Мышелов удержался от сомнительного каламбура насчет медведей и «медвежатников».

Потом два приятеля медленно тащились под громадной, похожей на шатер, снежной аркой, чтобы увидеть самый высокий на всем Невоне земельный удел, быть хозяевами которого они завоевали право, — забыв в опьяняющей усталости, в этот момент триумфа, о невидимых существах, властелинах Звездной Пристани. Они шли осторожно, однако не слишком опасаясь, потому что Гнарфи и Кранарх убежали в испуге и получили отнюдь не пустячные ранения, и к тому же последний потерял свой лук.

Вершина Звездной Пристани позади огромной опрокинутой снежной волны Шалки простиралась с севера на юг почти так же широко, как верхушка Обелиска, однако восточный край, казалось, был не намного дальше, чем на расстоянии мощного выстрела из лука. Толстая корка смерзшегося снега под более мягким слоем покрывала все это пространство, за исключением северного конца и проплешин на восточном краю; в этих местах проглядывал обнаженный темный камень.

Поверхность — и снег, и камень. — была еще более плоской, чем на Обелиске, и чуть спускалась с севера к югу. На ней не было видно ни построек, ни живых существ, ни признаков впадин, где те или другие могли бы укрываться. Честно говоря, ни Мышелов, ни Фафхрд не могли припомнить, чтобы они когда-либо видели более безлюдное или пустынное место.

Единственной странностью, которую приятели сначала заметили, были три вмятины в снегу дальше к югу; каждая была величиной с голову свиньи, но формой походила на равносторонний треугольник, и, по-видимому, проходила сквозь снег до самого камня. Все три были расположены по вершинам еще одного равностороннего треугольника.

Мышелов, сощурившись, внимательно осмотрелся вокруг, потом пожал плечами.

— Ну, кошель, полный звезд, может, по-моему, быть довольно маленькой вещью, — сказал он. — А вот Сердце Света — кто угадает, какого оно размера?

Вся вершина была погружена в синеватую тень, кроме северного края и широкой полосы золотистого света, падающей от заходящего солнца сквозь Игольное Ушко и тянувшейся по выглаженному ветром снегу до самого восточного окончания.

По середине этой солнечной дорожки виднелись следы ног Кранарха и Гнарфи; снег был кое-где запятнан каплями крови. Других отпечатков, кроме этих, впереди не было. Фафхрд и Мышелов пошли по следам на восток, наступая на свои длинные тени.

— Впереди их не видно, — сказал Мышелов. — Похоже, что вниз по восточной стене все-таки есть какой-то путь, и они пошли по нему — по крайней мере, на такое расстояние, чтобы устроить еще одну засаду.

Когда друзья приблизились к восточному краю, Фафхрд сказал:

— Я вижу другие следы, ведущие к северу, — на расстоянии броска копья в ту сторону. Возможно, они свернули.

— Но куда? — спросил Мышелов.

Еще несколько шагов, и открылся ужасный ответ на эту загадку. Друзья дошли до того места, где кончался снег, и там, на темном окровавленном камне, лежали распростертые тела Кранарха и Гнарфи, скрытые до тех пор за сугробом, нанесенным ветром в конце снеговой полосы; одежда с нижней части тел была сорвана, и сами тела непристойно изувечены.

Мышелов ощутил, как тошнота подступает к его горлу, и припомнил небрежно оброненные слова Кей-айры: «Если бы вы поднялись на вершину Звездной Пристани, мой отец получил бы ваше семя совершенно иным путем».

Фафхрд, покачивая головой и свирепо глядя на изуродованные тела, обошел вокруг них к восточному краю и взглянул вниз.

Затем он отступил на шаг, опустился на колени и посмотрел туда еще раз.

Обнадеживающее предположение Мышелова было опровергнуто самым невероятным образом. Фафхрд

никогда в жизни не глядел прямо вниз даже с половины такой высоты. .

В нескольких ярдах под ним восточная стена прогибалась внутрь и исчезала с глаз. Невозможно было определить, насколько далеко край вершины выступал над основной массой Звездной Пристани.

С этой точки взгляд падал вертикально вниз в зеленоватый мрак Долины Великого Разлома — по меньшей мере, на пять ланкмарских лиг. А возможно, и больше.

Фафхрд услышал, как Мышелов сказал у него над плечом:

— Дорога для птиц или самоубийц. Не более.

Внезапно расстилающаяся внизу зелень осветилась, хотя и это не позволило рассмотреть ни малейшей отдельной детали, не считая серебристой волосинки, которая могла быть огромной рекой, текущей посреди долины. Приятели снова взглянули вверх и увидели, что все небо стало золотистым в ярком отблеске заката. Они осмотрелись вокруг, и у них захватило дух от потрясения.

Последние лучи солнца, проходящие сквозь Игольное Ушко и скользящие на юг и чуть вверх, мимолетно озарили прозрачную, твердую, симметричную фигуру величиной с огромнейший дуб, стоящую точно над тремя треугольными вмятинами в снегу. Ее можно было описать только как восемнадцатилучевую звезду, тремя лучами опирающуюся на Звездную Пристань; звезду, представляющую собой цельный алмаз чистейшей воды или нечто, подобное ему.

Одна и та же мысль возникла в тот миг у каждого из друзей: это, должно быть, звезда, которую боги не запустили в небо. Солнечный луч зажег в ее сердце сияющее пламя, но слабо и лишь на мгновение, а не жарко и вечно, как она должна была бы сверкать в небесах.

Пронизывающе резкий, серебристый зов трубы разорвал тишину, царящую на вершине.

Взгляды приятелей метнулись к северу. Обрисованный тем же глубоким золотистым солнечным сиянием, более призрачный, чем звезда, однако все же четко видимый местами на фоне желтоватого неба, высокий изящный замок вздымал свои прозрачные стены и башни с каменистого острия вершины. Его

самые высокие шпили, казалось, не имели конца, а просто растворялись в вышине.

Еще один звук — воющий рык. Светлый зверь прыжками неся по снегу в их сторону с северо-запада. Отскочив с рычанием в сторону от распростертых на земле тел, Хрисса промчалась мимо Фафхрда и Мышелова и устремилась к югу, рыкнув им еще раз на бегу.

Почти слишком поздно друзья увидели опасность, о которой она пыталась их предупредить.

С запада и с севера по нетронутomu снегу к ним приближалось десятка два цепочек следов. В следах не было ног, и над ними не было тел, однако они продвигались вперед — отпечаток правой ноги, отпечаток левой ноги, один за другим — все быстрее и быстрее. И теперь Фафхрд и Мышелов увидели то, чего не заметили сначала, потому что смотрели на след не с того конца: над каждой цепочкой отпечатков копые с тонким древком и узким наконечником, направленное прямо на них, приближалось с той же скоростью, что и следы.

Фафхрд бросился на юг, за Хриссой, Мышелов последовал за ним. После полудюжины скачков Северянин слышал позади себя крик. Он остановился и быстро обернулся.

Мышелов поскользнулся в крови погибших врагов и упал. Когда он поднялся на ноги, серые копыя окружали его со всех сторон, кроме той, с которой был край пропасти. Мышелов сделал два беспорядочных выпада Скальпелем, защищаясь, но серые копыя неумолимо надвигались. Теперь они окружили его плотным полукольцом и были едва ли в пяди от него, а он стоял на самом краю.

Призраки продвинулись еще на шаг, и Мышелов, поневоле отскочив от них, полетел вниз.

Послышался шуршащий звук, холодный воздух дохнул на Фафхрда сзади, что-то с гладкими мехом скользнуло по его икрам. Он напрягся, чтобы броситься вперед с ножом и убить одного или двух невидимок в отместку за своего товарища, но в этот момент тонкие невидимые руки обхватили его сзади, и он слышал у себя над ухом серебристый голос Хирриви: «Доверься нам», и медно-золотой голос ее сестры, говорящий: «Мы догоним его», и потом он

почувствовал, что его тянут вниз, на огромное, невидимое пульсирующее косматое ложе, висящее на высоте трех пядей над снегом. Услышав: «Держись!», Фафхрд вцепился в длинный густой невидимый мех, а затем живое ложе внезапно рванулось вперед, через снег и за край, и там наклонилось вертикально, так что ноги Северянина оказались обращены к небу, а лицо — к Долине Великого Разлома. Ложе нырнуло отвесно вниз.

Разреженный воздух с ревом проносился мимо, борода и грива волос Фафхрда отлетели назад — таким быстрым было падение; но Фафхрд еще крепче ухватил в горсть невидимый мех, и тонкие руки прижимали его вниз с каждой стороны, так что он чувствовал сквозь шерсть быстрый стук сердца невидимого, похожего на ковер, существа, на котором они летели. В какой-то момент Северянин заметил, что Хрисса умудрилась забраться ему под мышку, потому что рядом с его лицом оказалась кошачья морда с сощуренными глазами, прижатыми ушами и отдуваемой назад шерстью на подбородке. И еще он чувствовал тела двух невидимых девушек рядом с собой.

Фафхрд осознал, что глаза простых смертных, если бы таковые могли наблюдать за ними, увидели бы только высокого человека, сжимающего в объятиях большую белую кошку и падающего головой вниз сквозь пустое пространство — но этот человек падал бы гораздо быстрее, чем должен был, даже с такой огромной высоты.

Хирриви рядом с ним засмеялась, словно угадала его мысль, но потом этот смех внезапно оборвался, и рев ветра замер, уступив место почти абсолютной тишине. Фафхрд догадался, что у него заложило уши из-за быстро сгущающегося воздуха.

Огромные темные утесы, пронесившиеся вверх в дюжине ярдов от него, сливались в неясное пятно. Однако Долина Великого Разлома внизу была все еще однородной полосой зелени — нет, теперь начали выделяться более крупные детали: леса и поляны, извивающиеся, тонкие как волосок, реки, и маленькие, похожие на капли росы, озера.

Между собой и расстилающейся внизу зеленью

Фафхрд заметил темную точку. Она постепенно росла. Это был Мышелов! Он падал довольно характерным для него образом — головой вперед, вытянувшись, как стрела, со сцепленными впереди руками и крепко сжатыми ногами; возможно, у него была слабая надежда, что он попадет в глубокую воду.

Существо, на котором Фафхрд летел, подстроило свою скорость под скорость Мышелова и затем постепенно начало скользить к нему, отклоняясь все больше и больше от вертикали, так что Мышелов оказался прижатым к нему. Тогда видимые и невидимые руки схватили Серого и притянули ближе, все пятеро пассажиров сгрудились вместе на огромном живом ложе.

Тогда пика летуна затормозилась еще более пологой дугой — в течение одного долгого мгновения все были до тошноты крепко прижаты к мохнатой спине, а деревья по-прежнему неслись им навстречу, затем они скользнули, как на санках, над верхушками этих самых деревьев по спирали на большую поляну.

То, что случилось потом с Фафхрдом и Мышеловом, произошло в сплошной сумятице и слишком уж быстро: ощущение пружинистой травы под ногами и ароматный воздух, хлынувший в легкие; быстрый обмен поцелуями; смех; выкрикиваемые поздравления, которые до сих пор звучали приглушенно, словно голоса с другого света; что-то твердое, неправильной формы, но в мягкой оболочке, сунутое в руки Мышелова; последний поцелуй — потом Хирриви и Кейайра вырвались из объятий, мощный порыв ветра пригнул к земле траву, и огромный невидимый летун исчез, а вместе с ним обе девушки.

Однако Фафхрд и Мышелов могли еще какое-то время наблюдать за тем, как они по спирали поднимаются вверх, потому что с ними улетела и Хрисса. Снежная кошка, казалось, пристально вглядывалась сверху, прощаясь. Затем и она исчезла, когда золотые отблески заката быстро угасли в темнеющем небе над головой.

Фафхрд и Мышелов остались стоять в сумерках, поддерживая друг друга. Затем они выпрямились, широко зевая, и к ним вернулся слух. Они услышали журчание ручейка, чириканье птиц, тихое, слабое шуршание опавших листьев, уносимых ветром, и почти неслышное зудение кружащегося рядом комара.

Мышелов открыл невидимый кошель, лежащий у него на ладони.

— Драгоценности, похоже, тоже невидимы, — сказал он, — хотя на ощупь я их очень хорошо чувствую. Нам придется тяжело, когда мы будем продавать их — если только мы не сможем найти слепого ювелира.

Темнота стала более глубокой. В ладонях Мышелова начали разгораться маленькие холодные огоньки: рубиновые, изумрудные, сапфировые, аметистовые и белые.

— Ну, клянусь Иссеком! — сказал Мышелов. — Нам просто нужно продавать их ночью — которую, без сомнения, можно назвать лучшим временем для торговли драгоценностями.

Только что поднявшаяся луна, еще скрытая более низкими горами, стеной окружающими Долину Разлома с востока, теперь заливала бледным светом верхнюю половину тонкой колонны восточной стены Звездной Пристани.

Глядя вверх, на это царственное зрелище, Фафхрд сказал:

— Великодушные дамы, все четыре.

3. Два лучших вора Ланкмара

По лабиринту улиц и аллей великого города Ланкмара кралась ночь, хоть и не выросшая еще настолько, чтобы раскинуть по небу свой черный, расшитый звездами плащ: на нем все еще громоздились бледные призраки заката.

Торговцы наркотиками и крепкими напитками, запрещенными в дневное время, еще не начали зве-

нет своими колокольчиками и испускать высокие, призывные крики. Уличные девки еще не зажгли свои красные фонари и не начали с наглым видом прогуливаться по тротуарам. Наемные убийцы всех мастей, сводники, шпионы, сутенеры, жулики и прочие нарушители общественного спокойствия зевали и протирали заспанные глаза, пытаясь разогнать вялость. Вообще, большинство Людей Ночи еще завтракало, а большинство Людей Дня уже ужинало. Этим объяснялись пустота и затишье на улицах, столь удобные для мягкой поступи Ночи. И этим же объяснялось безлюдье на участке темной, толстой, без всяких проходов стены на скрещении Серебряной Улицы с Улицей Богов, перекрестке, где обычно собирались младшие начальники и знаменитые деятели Гильдии Воров; а еще сюда приходили те несколько свободных воров, у которых было достаточно дерзости и предприимчивости, чтобы бросить вызов Гильдии, и те немногие воры аристократического происхождения, иногда выдающиеся любители, которых Гильдия терпела и перед которыми даже заискивала из-за их благородных предков, облагораживающих эту очень древнюю, но пользующуюся крайне дурной репутацией профессию.

Посреди пустого участка стены, где никто и думать не мог их подслушать, сошлись вместе очень высокий и довольно низкорослый воры. Через какое-то время они начали разговаривать приглушенным, как во дворе тюрьмы, шепотом.

В течение долгого и не богатого событиями путешествия на юг из Долины Великого Разлома Фафхрд и Мышелов несколько отдалились друг от друга. Это произошло просто потому, что они слишком долго были вместе, и еще в результате все более усиливающихся ссор и разногласий по поводу того, как с наибольшей пользой распорядиться невидимыми драгоценностями, подарком Хирриви и Кейайры, — разногласий, которые в конце концов стали настолько резкими, что приятели поделили драгоценности пополам, и каждый нес свою долю. Достигнув наконец Ланкмара, они устроились на разных квартирах и каждый самолично установил контакт с ювелиром, скупщиком краденого или частным покупателем. Это разделение сделало их отношения довольно натяну-

тыми, однако никоим образом не уменьшило их абсолютного доверия друг к другу.

— Привет, Малыш, — тюремным шепотом проревел Фафхрд. — Значит, ты пришел, чтобы продать свою долю Ого-Слепцу или, по меньшей мере, дать ему взглянуть на нее — если можно использовать подобное слово по отношению к слепому человеку?

— Как ты это узнал? — резким шепотом осведомился Мышелов.

— Это было самое очевидное решение вопроса, — немного снисходительно отозвался Фафхрд. — Продать драгоценности скупщику, который не может заметить ни их сияния в ночное время, ни невидимости — в дневное. Скупщику, которому придется судить о них по весу, на ощупь и по тому, что они могут поцарапать и чем могут быть поцарапаны сами. Кроме того, через улицу, как раз напротив нас, находится дверь, ведущая в каморку Ого. Кстати, она очень хорошо охраняется — по меньшей мере, десять мингольских наемников.

— Да уж поверь, что такие общеизвестные мелочи я знаю, — ехидно отозвался Мышелов. — Ну что ж, ты правильно догадался. Похоже, что пообщавшись со мной долгое время, ты кое-что узнал о том, как работает мой ум, хоть и сомневаюсь, что твои собственные мозги от этого заработали в полную силу. Да, у меня уже была одна встреча с Ого, а сегодня мы заключим сделку.

Фафхрд ровным голосом спросил:

— Это правда, что Ого проводит все переговоры в крошечной тьме?

— Хо! Так значит, ты признаешь, что есть некоторые вещи, которых ты не знаешь? Да, это совершенная правда, и в результате этого любые переговоры с Ого становятся рискованным делом. Настаивая на абсолютной темноте, Ого-Слепец одним ударом лишает своего собеседника преимущества — и к тому же, преимущество получает сам Ого, поскольку за свою жизнь он смог привыкнуть к полной темноте — долгую жизнь, поскольку он очень стар, если судить по его речам. Нет, Ого не знает, что такое темнота, ибо другого он никогда и не знал. Однако у меня есть план, как обмануть его, если это понадобится. Я ношу в своем плотном, крепко завя-

занном бечевой мешке кусочки самого яркого светящегося дерева и могу высыпать их в мгновение ока.

Фафхрд восхищенно кивнул, а потом спросил:

— А что лежит в этом плоском ящичке, который ты так крепко прижимаешь локтем? Искусно сфабрикованная история каждого из камней, выбитая на старинном пергаменте, чтобы пальцы Ого могли прочесть ее?

— Вот тут ты и не угадал! Нет, это сами драгоценности, хитроумно защищенные, чтобы их нельзя было стащить. Вот, взгляни.

Быстро оглянувшись по сторонам, Мышелов открыл крышку ящика на ширину ладони.

Фафхрд увидел камни, сверкающие всеми цветами радуги и прочно прикрепленные в виде красивого узора к подкладке из черного бархата; все это было надежно закрыто внутренней крышкой, представляющей собой сетку из прочной железной проволоки.

Мышелов захлопнул ящичек.

— Во время нашей первой встречи я вынул два самых маленьких камня из их ячеек в коробке, чтобы Ого мог пощупать и испытать их разными способами. Он может мечтать о том, чтобы украсть их все, но мой ящик и моя сетка сумеют этому помешать.

— Если только он не стащит у тебя сам ящик, — согласился Фафхрд. — Что касается меня, то я ношу свою долю драгоценностей прикованной ко мне цепью.

Оглядевшись по сторонам так же предусмотрительно, как это сделал Мышелов, Северянин оттянул назад широкий левый рукав и показал прочный браслет из вороненой стали, защелкнутый на запястье. С браслета свисала короткая цепь, которая одновременно поддерживала и туго затягивала небольшой, раздутый мешочек. Кожа, из которой он был сшит, была простегана вдоль и поперек тонкой стальной проволокой. Фафхрд расстегнул браслет, который раскрывался на петлях, и потом снова защелкнул его.

— Проволока из вороненой стали — это чтобы одурачить воров, которые режут кошельки, — небрежно объяснил Фафхрд, опуская рукав.

Мышелов поднял брови. Потом его взгляд последовал вслед за бровями, переходя с запястья Фафх-

рда на лицо Северянина; в то время как выражение лица самого Мышелова менялось от молчаливого одобрения до ироничного недоумения.

— И ты думаешь, что эта штука поможет тебе уберечь твою половину драгоценностей от Немии Сумеречной? — спросил Серый.

— А откуда ты знаешь, что я собираюсь вести дела с Немией? — спросил Фафхрд, слегка удивившись.

— Конечно же потому, что она — единственная женщина-скупщица краденого во всем Ланкмаре. Все знают, что, когда это только возможно, ты предпочитаешь женщин, как в делах, так и в любви. И это, да будет мне позволено заметить, — одна из твоих самых крупных ошибок. Кроме того, дверь Немии находится рядом с дверью Ого, но это уж слишком простой ключ. Я полагаю, ты знаешь, что ее слегка перезрелую особу стерегут семь душителей из Клеша? Ну что ж, тогда ты, по меньшей мере, знаешь, в какую ловушку ты летишь. Сделки с женщинами — самая верная дорога к несчастью. Кстати, ты упомянул «дела». Не означает ли множественное число, что это не первая твоя встреча с ней?

Фафхрд кивнул.

— Как и твоя с Ого... Между прочим, как я должен тебя понимать — что ты доверяешь мужчинам только потому, что они мужчины? Это гораздо более крупный недостаток, чем тот, что ты приписываешь мне. Ну, во всяком случае, я иду к Немии Сумеречной, так же как и ты к Ого, вторично, чтобы завершить сделку. В первый раз я показал ей камни в полутемной комнате, где они выглядели наилучшим образом и сверкали как раз достаточно, чтобы выглядеть абсолютно настоящими. А кстати, ты знал, что она всегда работает в сумерках или мягком полумраке? Этим объясняется вторая часть ее имени. Во всяком случае, как только взгляд Немии упал на камни, она немедленно загорелась страстным желанием заполучить их — у нее даже дыхание перехватило — и она сразу же приняла мою цену, которая была отнюдь не маленькой, как основу для будущей сделки. Однако дело в том, что она неукоснительно соблюдает одно правило — которое лично я считаю очень здравым — никогда не заключать сделку с

особой противоположного пола, не испытывав его сперва в делах любовных. Поэтому и понадобилась вторая встреча. Если эта особа противоположного пола стара или уродлива, то Немия поручает дело одной из своих служанок, однако в моем случае, конечно же... — Фафхрд скромно кашлянул. — И я хотел бы тебе указать еще на одно: «перезрелая» — неподходящее для нее определение. Тебе следовало скорее сказать «в самом соку» или «в расцвете сил».

— Поверь мне, я не сомневаюсь в том, что Немия находится в самом расцвете — поздний августовский цветок. Такие женщины всегда предпочитают показывать свои «цветущие» прелести именно в сумерках, — слегка сдавленным голосом отозвался Мышелов. Он уже в течение некоторого времени с огромным трудом сдерживал смех, и теперь этот смех вырывался наружу в виде тихих коротких взрывов, в то время как Мышелов говорил:

— О, ты величайший из всех идиотов! И ты действительно согласился лечь с ней в постель? И ты надеешься, что ты не расстанешься со своими драгоценностями (включая сюда и фамильные), не говоря уже о том, что тебя могут задушить, пока ты будешь находиться в таком невыгодном положении? О, это еще хуже, чем я думал!

— Я не всегда нахожусь в постели в таком невыгодном положении, как некоторые могут подумать, — скромно ответил Фафхрд. — У меня любовные игры скорее обостряют, чем притупляют чувства. Я надеюсь, что тебе так же повезет с мужчиной в непроглядной тьме, как мне с женщиной в мягком полумраке. А кстати, зачем тебе нужны были две встречи с Ого? Без сомнения, причина здесь не та, что у Немии?

Ухмылка Мышелова поблекла, и он слегка прикусил губу, а потом с искусно сыгранной небрежностью проговорил:

— О, у него тоже есть незыблемое правило — драгоценности должны быть осмотрены его Очами. Но какое бы испытание он ни устроил, я подготовился к тому, чтобы перехитрить его.

Фафхрд поразмыслил и потом спросил:

— А что такое, или кто такой, или кто такие эти

Очи Ого? Он что, держит парочку глаз у себя в кармане?

— Именно, — сказал Мышелов; затем с еще более искусно наигранной небрежностью добавил:

— О, по-моему, какая-то девчонка. Предполагается, что у нее врожденная интуиция на предмет драгоценностей. Интересно, не правда ли, что такой умный человек, как Ого, верит в такие дурацкие предрассудки. Или что он так сильно зависит от слабого пола. Но, по правде говоря, это чистая формальность.

— «Девчонка», — проговорил Фафхрд, задумчиво покачав головой. — Это описывает тот тип женщин, к которому ты пристрастился в последние несколько лет, с точностью до алого пятнышка на каждом из ее незрелых сосков. Но конечно же, я уверен в том, что в твоей сделке любовный оттенок полностью отсутствует, — добавил Северянин, пожалуй, слишком серьезно.

— Целиком и полностью, — ответил Мышелов, пожалуй, слишком резко. Потом он огляделся по сторонам и заметил:

— Вокруг нас, несмотря на раннее время, собирается неплохая компания. Вон Дикон из Воровской Гильдии, старый специалист по побегам из тюрем и по вычерчиванию планов тех домов, которые должны быть ограблены, — я не думаю, что, начиная с Года Змеи, он работал по-настоящему. А вон там — толстяк Гром, их младший казначей, еще один вор, работающий не поднимаясь с кресла. А это кто так драматично крадется сюда? Клянусь Черными Костями, это же Снарб, племянник нашего верховного лорда Глипкерио! А с кем это он говорит? О, это всего-навсего Торк Срежь-Кошелек.

— А вот появился, — подхватил Фафхрд, — Влек, про которого говорят, что он сейчас стал лучшим в Гильдии. Заметь, как он глупо улыбается, и послушай, как тихо скрипят его башмаки. А вот и сероглазая, черноволосая любительница, Аликс-Отмычка — что ж, по крайней мере, ее башмачки не скрипят, и я готов восхищаться тем, с какой смелостью она пришла сюда, хотя враждебность Гильдии по отношению к женщинам — независимым воровкам так же вошла в поговорку, как враждебность

Гильдии Сводников к независимым уличным женщинам. И кто же это поворачивает сюда с Улицы Богов, кого же мы видим, если не графиню Кронию Семидесяти Семи Потайных Карманов, которая крадет в приступе безумия, а не разумно и методично. Этому мешку с костями я бы никогда не доверился, несмотря на все ее иссохшие прелести и на ту слабость, которую ты мне приписываешь.

Мышелов кивнул и объявил:

— И таких людей называют аристократами воровской профессии! Если уж честно, то я должен сказать, что, несмотря на твою слабость — кстати, я рад, что ты ее признаешь, — один из двух лучших воров Ланкмара стоит сейчас рядом со мной. А другой, что совершенно необязательно добавлять, гуляет в моих сапогах из козьей шкуры.

Фафхрд кивнул в ответ, хотя на всякий случай скрестил два пальца, чтобы не сглазить.

Мышелов, подавляя зевок, сказал:

— Кстати, ты уже думал о том, что ты будешь делать после того, как эти драгоценности будут украдены с твоего запястья или — что очень маловероятно — проданы и оплачены? Ко мне тут подходили насчет... или, во всяком случае, я рассматривал возможность путешествия в... в общем, в сторону Восточных Земель.

— Где еще жарче, чем даже в этом знойном Ланкмаре? Подобная прогулка вряд ли может привлечь меня, — ответил Фафхрд, а потом небрежно добавил:

— В любом случае, я подумывал о том, чтобы сесть на корабль, идущий... э-э... на север.

— Опять к этой ужасной Холодной Пустоши? Нет, спасибо, — отозвался Мышелов. Потом он взглянул на юг вдоль Серебряной Улицы, где над горизонтом горела бледная звезда, и продолжал еще более оживленно:

— Ну что ж, мне уже пора идти на встречу с Ого и его Очами — этой глупой девчонкой. А тебе советую взять с собой в постель меч и присмотреть, чтобы ни Серый Прутик, ни другой, еще более жизненно важный клинок не были похищены у тебя в сумерках.

— О, значит, первое мерцание Китовой Звезды —

это время, назначенное и для твоего свидания? — заметил Фафхрд, тоже отходя от стены. — Скажи, кто-нибудь когда-нибудь видел, как по-настоящему выглядит Ого? Почему-то это имя наводит меня на мысль о толстом, старом, неестественно огромном пауке.

— Будь так добр, утихомирь свое воображение, — резко ответил Мышелов. — Или побереги его для своей собственной сделки, потому что, как я вынужден тебе напомнить, единственный опасный паук — это женщина. Нет, внешность Ого не известна никому. Но, возможно, сегодня ночью я его увижу!

— Мне бы хотелось, чтобы ты задумался над тем, что твой самый страшный грех — это излишнее любопытство, — предупредил Фафхрд, — и что нельзя надеяться на то, что даже самая тупая девушка во всех случаях будет глупой.

Мышелов импульсивно повернулся к Северянину и сказал:

— Как бы ни закончились наши сегодняшние сделки, давай встретимся после. В «Серебряном Угре»?

Фафхрд кивнул, и они крепко пожали друг другу руки, а затем каждый мошенник зашагал к той двери, за которой ждала его судьба.

* * *

Все чувства Мышелова были напряжены до предела в тщетной попытке разобраться хоть в чем-нибудь среди окружающей его тьмы. На чем-то плоском перед ним — Мышелов на ощупь определил, что это стол — лежал его ящичек с драгоценностями. Он был закрыт. Левая рука Мышелова касалась ящичка. Правая сжимала Кошачий Коготь и нервно грозила этим оружием нападавшей со всех сторон чернильной тьме.

Голос, сухой и хриплый, прокаркал за спиной:

— Открой ящик!

По коже Мышелова пробежали мурашки от ужаса, который внушал ему этот голос. Однако он выполнил указание. Радужный свет защищенных сеткой драгоценностей разлился вокруг, и Мышелов

смог смутно разглядеть комнату — с низким потолком, довольно большую. Казалось, она была пустой, если не считать стола, да еще темной низкой тени, неясно видневшейся в дальнем левом углу за спиной Мышелова и очень ему не понравившейся. Это мог быть валик или же толстая круглая черная подушка. Или это мог быть.. Мышелову захотелось, чтобы Фафхрд не высказывал своего последнего предположения.

Перед его лицом послышался журчащий, серебристый голос, совершенно непохожий на первый.

— Твои драгоценности, в отличие от всех остальных, которые я видела, сверкают при отсутствии какого бы то ни было света.

Мышелов пристально всмотрелся в темноту по другую сторону стола и ящичка, но не смог обнаружить и следа своего второго собеседника. Он попытался овладеть своим собственным голосом, чтобы не задыхаться от страха, а сказать в пустоту мягко и уверенно:

— Мои драгоценности не похожи ни на какие другие в мире. Честно говоря, они происходят вообще не из этого мира, а состоят из того же вещества, что и звезды. Однако ты испытывала их и знаешь, что один из них тверже, чем алмаз.

— Это действительно неземные и невероятно красивые драгоценности, — ответил исходящий из невидимого источника серебристый голос. — Мой разум вновь и вновь оценивает их, и они действительно таковы, как ты говоришь. Я посоветую Ого заплатить тебе ту цену, что ты просишь.

В этот момент Мышелов услышал позади себя покашливание и сухой, торопливый звук шагов. Он резко крутнулся назад, подняв кинжал для удара. Однако не увидел ничего, кроме штуки, похожей на валик. Чем бы это ни было, оно не шевелилось и не двигалось с места. Звука шагов больше не было слышно.

Мышелов быстро повернулся назад и увидел по другую сторону стола хрупкую обнаженную девушку, освещенную мерцанием драгоценных камней. У нее были пепельные прямые волосы, чуть более темная кожа и слишком большие глаза, пристально, словно

в трансе, глядящие с детского лица с крошечным подбородком и пухлыми губками.

Мышелов бросил быстрый взгляд на драгоценности, убедился в том, что они лежат в соответствующем порядке под своей сеткой и ни одна из них не пропала, а потом резко выбросил вперед руку с Кошачьим Когтем, так что острый, как иголка, кончик коснулся упругой кожи между маленькими, торчащими вперед грудями.

— Не пытайся напугать меня еще раз! — прошипел Серый. — Люди — да и девушки тоже — умирали из-за меньших глупостей.

Девушка не сдвинулась с места ни на волосок; не изменилось ни выражение ее лица, ни мечтательный и в то же время сосредоточенный взгляд; только короткие губы усмехнулись, а потом раздвинулись, чтобы медовый голос смог произнести:

— Значит ты — Серый Мышелов. Я ожидала увидеть льстивого краснолицего мошенника, а обнаружила перед собой... принца.

Казалось, что ее нежный голос и еще более нежный облик заставили сами драгоценные камни засверкать более неистово и отразиться опаловым сиянием в ее светлых глазах.

— И не пытайся льстить мне! — скомандовал Мышелов, подхватывая свой ящичек и прижимая его к своему боку. — Чтобы ты знала, я закален против всех чар всех кокеток и красоток мира.

— Я сказала только правду, как и о твоих драгоценностях, — невинно ответила она. Ее губы оставались чуть приоткрытыми, и она говорила, не шевеля ими.

— Это ты — Очи Ого? — резко спросил Мышелов, но все же отвел Кошачий Коготь от ее груди. Его слегка беспокоило — но только слегка — что из ранки, оставленной кинжалом, стекала на несколько дюймов вниз тоненькая струйка крови, похожая в полутьме на черную ниточку.

Девушка, совершенно не обращая внимания на крошечную ранку, кивнула.

— Я вижу тебя насквозь, как и твои драгоценности, и я не нахожу в тебе ничего, что не было бы благородным и чистым, не считая некоторых слабых, почти неуловимых вспышек насилия и жестокости,

которые девушка, подобная мне, может найти восхитительными.

— Тут твои всевидящие очи полностью заблуждаются, потому что я большой негодяй, — насмешливо ответил Мышелов, но тем не менее почувствовал, как в нем бьется безрассудное удовлетворение.

Девушка чуть боязливо взглянула поверх его плеча, и ее глаза расширились, и за спиной Мышелова еще раз прокаркал сухой и хриплый голос:

— Ближе к делу! Да, я заплачу тебе золотом столько, сколько ты запросил, однако мне потребуется несколько часов, чтобы собрать такую сумму. Возвращайся в это же время завтра вечером, и мы завершим сделку. А теперь закрой свой ящичек.

Когда Ого заговорил, Мышелов обернулся, все еще прижимая к себе ящик с драгоценностями. Но и на этот раз он не смог определить источник голоса, несмотря на то, что тщательно осмотрел комнату. Казалось, голос исходит от всей стены сразу.

Тогда Мышелов повернулся обратно к столу. К его легкому разочарованию, обнаженная девушка исчезла. Он заглянул под стол, но там ничего не было. Без сомнения, какой-нибудь люк или гипнотическое приспособление...

Все еще подозрительный, как змея, он вернулся обратно по тому пути, по которому пришел сюда. При ближайшем рассмотрении черный валик оказался именно черным валиком. Потом, когда дверь, ведущая на улицу, бесшумно скользнула в сторону, Мышелов быстро исполнил последнее приказание Ого, захлопнув крышку ящика, и вышел.

* * *

Фафхрд нежно глядел на Немию, лежащую рядом с ним в благоуханных сумерках, и в то же время краешком глаза следил за своим мускулистым запястьем и свисающим с него кошельком, которые Немия лениво поглаживала.

Нужно отдать Немии справедливость — пусть даже с риском приписать Мышелову некоторую склонность к злословию — ее прелести не были ни незрелыми, ни даже обильными, а как раз... достаточными.

Над самым плечом Фафхрда послышалось резкое шипение. Он быстро повернул голову и обнаружил, что смотрит в злые голубые глаза белой кошки, стоящей на маленьком прикроватном столике рядом с вазой бронзовых хризантем.

— Икси! — укоризненно и в то же время томно воскликнула Немия.

Несмотря на звук ее голоса, Фафхрд услышал позади себя быстро следовавшие друг за другом щелчок расстегиваемого браслета и чуть более громкий щелчок браслета застегиваемого.

Он тут же обернулся, но увидел только, что Немия за это время защелкнула на его запястье, рядом с браслетом из вороненой стали, еще один, золотой, по которому шел ряд перемежающихся сапфиров и рубинов.

Глядя на Фафхрда из-за прядей длинных темных волос, она хрипло сказала:

— Это всего-навсего небольшой памятный дар, который я даю тем, кто мне нравится... очень...

Фафхрд поднес запястье ближе к глазам, чтобы полюбоваться на свое приобретение, а также — в основном — для того, чтобы потрогать другой рукой кошель с драгоценностями и убедиться в том, что тот набит так же туго, как и раньше.

Кошель был набит, и Фафхрд в порыве великодушия сказал:

— Позволь мне подарить тебе один из моих камней в знак того же самого.

И с этими словами он хотел было развязать кошель.

Рука Немии с длинными пальцами скользнула вперед, чтобы предотвратить это.

— Нет, — выдохнула она, — пусть никогда камни для дела не смешиваются с камнями для удовольствия. А вот если ты захочешь принести мне какой-нибудь небольшой подарок завтра вечером в это же время, когда мы обменяем твои драгоценности на мое золото и мои кредитные письма на имя Глипкерио, подписанные Хлевиком Зерноторговцем...

— Хорошо, — отрывисто сказал Фафхрд, скрывая охватившее его облегчение. Он был идиотом, что хотел подарить Немии один из камней — а вместе

с ним целый длинный день, в течение которого она могла обнаружить его необычные свойства.

— До завтра, — сказала Немия, открывая Северянину свои объятия.

— Что ж, до завтра, — согласился Фафхрд, страстно обнимая ее, но не забывая при этом крепко сжимать кошель в руке, — и уже желая уйти отсюда как можно скорее.

* * *

В «Серебряном Угре» народу было немного, а зал тускло освещен горящими свечами, в свете которых вяло двигались официанты, когда Фафхрд и Мышелов одновременно вошли через разные двери и направились к одной из многочисленных пустых кабинок.

Единственным, кто весьма пристально наблюдал за ними, был серый глаз над узкой полоской бледной щеки, обрамленной темными волосами, выглядывавший из-за занавески самой дальней кабинки.

После того как были зажжены толстые настольные свечи, поставлены кружки и кувшин с крепленным вином, подброшен уголь в тлеющую красными зернышками жаровню на краю стола, Мышелов поставил перед собой свой плоский ящичек и, ухмыляясь, сказал:

— Все в порядке. Драгоценности прошли испытание Очами — лакомый кусочек эта девочка; потом о ней расскажу. Я получу деньги завтра вечером — все, что я запросил! Но тебя, мой дорогой друг, я и не чаял увидеть живым. Давай же выпьем! Я так понимаю, тебе удалось уйти с дивана Немии целым и невредимым по части органов и конечностей — впрочем, тебе лучше знать. Но твои драгоценности?

— Им тоже удалось уйти, — ответил Фафхрд, позволяя кошелью слегка высунуться из рукава и тут же пряча его обратно. — И я получу свои деньги завтра вечером... полностью все, что я запросил, как и ты.

По мере того как он перечислил эти совпадения, его глаза становились все более задумчивыми.

Они оставались такими, пока он делал два боль-

ших глотка вина. Мышелов наблюдал за ним с любопытством.

— Был момент, — наконец медленно сказал Фафхрд, — когда мне показалось, что она пытается проделать старый трюк с заменой моего кошель на абсолютно такой же, но заполненный всякой ерундой. Поскольку она видела кошель при нашей первой встрече, она спокойно могла заказать другой, похожий, вместе с цепью и браслетом.

— Ну, и как..? — спросил Мышелов.

— О нет, оказалось, что это было нечто совершенно иное, — беспечно сказал Фафхрд, хотя какая-то мысль не давала разгладиться двум легким вертикальным морщинкам у него на лбу.

— Странно, — заметил Мышелов. — Был момент, всего один, имей в виду, когда Очи Ого, если бы она действовала невероятно быстро, ловко и бесшумно, могла бы подменить мой ящичек.

Фафхрд приподнял брови.

Мышелов быстро продолжал:

— Я хочу сказать, если бы мой ящичек был закрыт. Но он был открыт, и воспроизвести в темноте разноцветное сверкание драгоценностей нельзя было никаким способом. Фосфор или светящееся дерево? Слишком тусклые. Горячие угольки? Нет, я бы почувствовал тепло. Кроме того, как получить таким образом чистое белое сияние бриллианта? Совершенно невозможно.

Фафхрд согласно кивнул, однако продолжал глядеть в точку над плечом Мышелова.

Мышелов протянул было руку к своему ящичку, но вместо этого с тихим смешком, выражающим презрение к самому себе, поднял кувшин и осторожно, тонкой струйкой, стал наливать себе новую порцию вина.

Фафхрд наконец пожал плечами, тыльной стороной руки пододвинул к Мышелову свою собственную пустую оловянную кружку и мощно зевнул, чуть отклоняясь назад и в то же время вытягивая руки с растопыренными пальцами через весь стол, словно отталкивая от себя все мелкие сомнения и вопросы.

Пальцы его левой руки коснулись ящичка Мышелова.

На его лице появилось озадаченное выражение. Он посмотрел на свою руку и на ящичек.

Затем, к великому изумлению Мышелова, который как раз начал наполнять кружку Фафхрда, Северянин нагнулся вперед и прижался к ящичку ухом.

— Мышелов, — сказал он тихо, — твой ящичек жужжит.

Кружка Фафхрда уже была полной, но Мышелов продолжал лить Вино, издающее тяжелый аромат, собралось в лужицу, а потом потекло в сторону пылающей жаровни.

— Когда я коснулся ящичка, то почувствовал дрожь, — недоуменно продолжал Фафхрд. — Он жужжит. Он все еще жужжит.

Мышелов с приглушенным рычанием грохнул кувшином по столу и выхватил ящичек из-под уха Фафхрда. Вино достигло горячего дна жаровни и зашипело.

Мышелов рванул крышку ящичка, выхватил покрывающую его содержимое сетку, и они с Фафхрдом уставились внутрь.

Свет свечей ослаблял, но не мог совсем погасить блеск желтых, фиолетовых, красноватых и белых огоньков, мерцающих в различных точках на черном бархатном дне.

Но свет свечей был также достаточно ярким, чтобы увидеть, что в каждой такой точке сияет соответствующим цветом жук-огонек, светящаяся оса, ночная пчела или алмазная мушка; все насекомые были живыми, и каждое было осторожно прикреплено к днищу ящичка тонкой серебряной нитью. Время от времени крылья или надкрылья некоторых из них начинали издавать жужжание.

Фафхрд без колебаний расстегнул у себя на запястье браслет из вороненой стали, распустил завязки и брякнул содержимое на стол.

Драгоценные камни разного размера, все превосходно ограненные, образовали приличную кучку.

Но все они были абсолютно черными.

Фафхрд поднял большой камень, поцарапал его ногтем, потом выхватил свой охотничий нож и острием без труда оставил на камне царапину.

Северянин осторожно уронил камень в пылающий

центр жаровни. Через мгновение он вспыхнул желто-синим пламенем.

— Уголь, — сказал Фафхрд.

Мышелов вцепился, словно когтями, в свой слабо мерцающий ящичек, как будто хотел поднять его и метнуть сквозь стену и через Внутреннее Море.

Вместо этого он разжал пальцы и картинно уронил руки по бокам.

— Я уйду, — тихо, но очень четко объявил он и так и сделал.

Фафхрд не поднял глаз. Он опускал в жаровню второй черный камешек.

Северянин снял браслет, подаренный ему Немией, и поднес его поближе к глазам; потом он сказал: «Медь... стекло», разжал пальцы и уронил браслет в разлитое на столе вино. После того как Мышелов ушел, Фафхрд осушил свою переполненную кружку; затем осушил кружку Мышелова, вновь наполнил ее и продолжал отхлебывать вино, опуская один черный камень за другим в пылающую жаровню.

* * *

Немия и Очи Ого уютно сидели рядышком на роскошном диване. Обе были в пеньюарах. Несколько горящих свечей создавали желтоватый полумрак.

На низком, отражающем свет столе стояли крупные графины с вином и ликерами, хрустальные бокалы с тонкими ножками, золотые блюда со сладостями и деликатесами, а в самом центре лежали две одинаковые по размеру кучки драгоценных камней, сверкающих всеми цветами радуги.

— До чего же жуткие зануды эти варвары, — заметила Немия, деликатно подавляя зевок, — хотя изредка они и могут приятно пощекотать чувства. У этого было чуть побольше мозгов, чем у всех прочих. Я думаю, он мог бы догадаться, в чем тут дело, если бы только я не совместила настолько точно два щелчка, когда застегивала на его запястье браслет с фальшивым кошелем и одновременно — мой медный подарок. Удивительно, как легко загипнотизировать варваров медью с любыми кусочками стекла, похожими по цвету на рубины и сапфиры — я ду-

маю, что эти три первичных цвета парализуют их примитивные мозги.

— Умница, умница Немия, — ворковала Очи Ого, нежно лаская собеседницу. — Мой малыш тоже чуть было не догадался, в чем дело, когда я подменила ящичек, но потом он начал угрожать мне своим ножом и увлекся этим. Он даже уколол меня между грудей. Я думаю, что у него грязное воображение.

— Дай я сотру поцелуем эту кровь с твоей груди, дорогая Очи, — предложила Немия. — О, как это ужасно... как ужасно.

Вздрагивая от целительных процедур Немии, у которой был слегка шершавый язык, Очи сказала:

— Почему-то он очень нервничал насчет Ого.

Ее лицо утратило всякое выражение, выпяченные губки слегка приоткрылись.

Богато задрапированная стена напротив издала торопливый звук шагов, а затем прокаркала сухим, хриплым голосом:

— Открой свой ящичек, Серый Мышелов. А теперь закрой его. Девочки, девочки! Прекратите свои сладострастные игры!

Немия и Очи, смеясь, прижались друг к другу. Очи сказала своим естественным голосом, если таковой у нее был:

— И он ушел, все еще думая, что Ого существует. Я совершенно уверена в этом. Боже, ну и бесятся же они наверное сейчас!

Немия откинулась назад и заметила:

— Я думаю, нам придется принять кое-какие специальные меры предосторожности, чтобы они не могли вломиться к нам и забрать свои драгоценности.

Очи пожала плечами.

— У меня есть пять мингольских наемников.

Немия ответила:

— А у меня есть три с половиной душиителя из Клеша.

— С половиной? — переспросила Очи.

— Я посчитала Икси. Нет, серьезно!

Очи нахмурилась на время, которое занимает половина удара сердца, потом решительно потрянула головой.

— Я не думаю, что нам стоит беспокоиться о том, что Фафхрд и Серый Мышелов могут напасть на нас.

Их гордость будет уязвлена тем, что мы, девушки, надули их, и они немного посердятся, а потом бросятся на край света в погоню за каким-нибудь приключением.

— Приключения! — сказала Немия таким же тоном, каким говорят: «Выгребные ямы и уборные!»

— Понимаешь, на самом деле они слабаки, — продолжала Очи, воодушевляясь. — У них совершенно нет желаний, амбиций, настоящей страсти к деньгам. К тому же, будь они у них, — и не проводи они столько времени в мрачных местах вдали от Ланкмара — то им было бы известно, что король Илтмара воспылал страстью к драгоценностям, которые невидимы днем, но сверкают ночью, и предложил за мешок звездных камней половину своего королевства. И тогда им бы и в голову не могла прийти такая глупость, как пытаться продать их нам.

— Как ты думаешь, что он с ними будет делать? Король, я имею в виду.

Очи пожала плечами.

— Не знаю. Построит планетарий. Или съест их.

Она на мгновение задумалась.

— Если как следует подумать, то нам было бы лучше уехать отсюда на несколько недель. Мы заслужили отдых.

Немия кивнула, закрывая глаза.

— Это должно быть место, совершенно не похожее на то, где Фафхрд и Мышелов ввяжутся в свое очередное — уф! — приключение!

Очи тоже кивнула и мечтательно произнесла:

— Голубое небо и рябь на воде, безукоризненный пляж, теплый ветер, цветы и повсюду стройные рабыни...

— Я всегда мечтала о таком месте, где не было бы серых будней, а одно только совершенство, — сказала Немия. — Ты не знаешь, в какой половине илтмарского королевства меньше всего серых будней?

— Моя дорогая Немия, — пробормотала Очи. — Ты настолько образована. И такая умница. Ты, без сомнения, лучший вор во всем Ланкмаре, после коего другого.

— А кто этот другой? — заинтересовалась Немия.

— Конечно же, я, — скромно ответила Очи.

Немия подняла руку и ущипнула подругу за ухо — не очень больно, но достаточно сильно.

— Если бы от этого зависели хоть какие-нибудь деньги, — спокойно, но твердо сказала она, — я бы показала тебе, что все совсем наоборот. Но поскольку это просто разговор...

— Дражайшая Немия.

— Прелестнейшая Очи.

Две девушки обнялись и крепко поцеловали друг друга.

* * *

Мышелов, плотно сжав губы, сидел в отдельной от зала занавеской кабинке «Золотой Миноги», таверны, во многом похожей на «Серебряного Угря», и свирепо глядел через стол.

Постукивая по столу кончиком пальца и сотрясая душистый спертый воздух своим голосом, он говорил:

— Удвой эти двадцать золотых монет, и я сделаю этот путь и выслушаю предложение принца Гваэя.

Очень бледный человек, сидящий напротив него и щурящийся, словно даже пламя свечей было для него невыносимо ярким, тихо ответил:

— Двадцать пять — и ты будешь служить ему еще один день после прибытия.

— Ты что, считаешь меня ослом? — угрожающе спросил Мышелов. — Я, может быть, и улажу все его неприятности за один день — обычно мне это удается — а что потом? Нет, никаких предварительных обговоренных услуг. Я только выслушаю его предложение. И... тридцать пять золотых монет вперед.

— Ну хорошо, тридцать золотых монет — и ты возвратишь двадцать, если откажешься служить моему хозяину, хотя, предупреждаю тебя, это будет очень рискованный шаг с твоей стороны.

— С риском я не расстаюсь даже в постели, — резко ответил Мышелов. — Я верну только десять монет.

Его собеседник кивнул и начал медленно отсчитывать деньги.

— Десять сейчас, — сказал он. — Десять, когда завтра утром ты присоеди́нишься к нашему карава-

ну у Хлебных Ворот. И десять, когда мы достигнем Квормолла.

— Как только мы увидим шпили Квормолла, — настойчиво повторил Мышелов.

Собеседник кивнул.

Мышелов угрюмо схватил со стола золотые монеты и встал. Монеты занимали в кулаке очень мало места. Какое-то мгновение Серый думал о том, чтобы вернуться к Фафхрду и вместе с ним разработать планы против Ого и Немии.

Нет, никогда! Мышелов осознал, что в своем жалком состоянии и направленной на самого себя ярости он не вынесет даже мысли о том, чтобы взглянуть на Фафхрда.

Кроме того, Северянин наверняка будет пьян.

А две или, самое большее три монеты позволят ему купить некие сносные и даже забавные удовольствия, чтобы заполнить часы, оставшиеся до рассвета, который принесет избавление от этого ненавистного города.

* * *

Фафхрд действительно был пьян, поскольку допивал уже третий кувшин. Он сжег все свои черные «драгоценности», а теперь с величайшей заботливостью и осторожностью освобождал привязанных серебряной ниткой жуков-огоньков, светящихся ос, ночных пчел и алмазных мушек, стараясь не повредить их тонким, как игла, кончиком своего ножа. Выпущенные на волю насекомые, жужжа, хаотично летали по таверне.

Два виночерпия и вышибала стояли около Фафхрда и высказывали ему все, что они о нем думали, а теперь к ним присоединился и сам Слевий, который, потирая свой толстый затылок, заявил, что насекомые уже укусили его и еще одного клиента. Самого Фафхрда тоже ужалили два раза, но он, казалось, даже не заметил этого. Не обращал он ни малейшего внимания и на четверых людей, обращавшихся к нему с разгневанными речами.

Последняя ночная пчела была освобождена. Она с шумом спикировала мимо шеи Слевия, и тот с проклятием отдернул голову. Фафхрд откинулся на

стуле. Его лицо внезапно стало очень несчастным. Хозяин «Серебряного Угря» и трое его служащих, пожимая плечами, разошлись; один из виночерпиев размахивал руками, отгоняя насекомых.

Фафхрд подбросил в воздух нож, который упал острием вниз, но не смог воткнуться в стол. Северянин с трудом зачихнул клинок в ножны, потом заставил себя сделать маленький глоток вина.

В самой дальней кабинке зашевелились тяжелые занавески, словно кто-то собирался выйти оттуда; на эти занавески, как и на все остальные, были нашиты металлические пластинки и тяжелая цепь, так чтобы один гость не мог сквозь них заколоть другого, если только ему не помогут удача и тончайший из всех стилетов.

Но в этот момент очень бледный человек, который держал перед лицом плащ, чтобы защитить глаза от света свечей, вошел через боковую дверь и направился к столу Фафхрда.

— Я пришел за ответом, Северянин, — сказал он мягким, но зловещим голосом, взглянув на перевернутые кувшины и разлитое вино. — Конечно, если ты помнишь мое предложение.

— Сядь, — предложил Фафхрд. — Выпей. Осторожно, здесь полно светящихся ос — они очень злые.

И затем добавил презрительно:

— Помню! Принц Хасьярл из Маркволла... Квормолла. Путешествие на корабле. Гора золотых монет. Помню!

Собеседник, не присаживаясь, поправил:

— Двадцать пять рильков. При условии, что ты немедленно взойдешь со мной на корабль и пообещаешь после прибытия один день прослужить моему принцу. А дальше какое уж соглашение вы с ним заключите.

Он сложил на столе маленькую золотую башню из заранее сосчитанных монет.

— Какая щедрость! — воскликнул Фафхрд, сгреб деньги и, пошатываясь, встал на ноги. Потом он положил пять монет на стол, ссыпал остальные в свой кошель, не считая трех, которые с мелодичным звоном рассыпались по полу, заткнул пробкой третий кувшин вина и положил его в свой мешок. Выходя из-за стола, он сказал: «Веди, приятель»,

мощной рукой подтолкнул шурящегося незнакомца в сторону боковой двери и, шатаясь, последовал за ним.

В дальней кабинке Аликс-Отмычка поджала губы и неодобрительно покачала головой.

4. Властители Квормолла

В комнате было темно, почти умопомрачительно темно для человека, привыкшего к яркому свету и жгучему солнцу. Несколько настенных факелов, служивших здесь единственным освещением, горели бледным и слабым пламенем: скорее блуждающие огоньки, чем настоящий огонь, но, по крайней мере, они издавали приятный фимиам. Создавалось впечатление, что обитатели этих краев не признавали свет и только ради чужестранцев выносили его.

Несмотря на обширные размеры, комната была полностью вырублена в темном прочном камне — гладкий пол, отполированные изгибающиеся стены, потолок в виде купола — пещера, либо естественная, доведенная до совершенства человеком, либо выбитая в скале и отполированная единственно усилиями людей, хотя в последнем случае мысль о труде, который необходимо было на это затратить, была почти невыносимой. В многочисленных глубоких нишах между факелами сверкали темным блеском металлические статуэтки и маски, а также украшенные драгоценными камнями предметы.

Через комнату, отклоняя в сторону слабое голубоватое пламя факелов, проходил постоянный поток холодного воздуха, несущий с собой кислые запахи влажной земли и мокрого камня; сладкий пряный запах факелов никак не мог перебить запахи полностью.

Единственным звуком был шорох камня, передвигаемого по дереву, раздававшийся время от времени с противоположного конца длинного стола, где шла игра черными и белыми каменными шашками, — это, и еще доносящееся из-за стен помещения тяжелое гудение огромных вентиляторов, гнавших свежий воздух, проходящий здесь последнюю часть своего

пути из отдаленного верхнего мира в эту преисподнюю. И постоянный мягкий топот босых ног рабов, которые приводили в движение эти огромные деревянные вентиляторы, шагая по тяжелым кожаным приводным ремням... и очень слабое, затрудненное дыхание самих рабов.

После того как человек проводил в этих краях несколько дней, или даже всего несколько часов, ему начинало казаться, что гудение вентиляции, мягкий топот ног, и тяжелое дыхание измученных легких монотонно повторяют название этого места, снова и снова.

«Квормолл... — казалось, поют они. — Квормолл... Все это — Квормолл...»

Серый Мышелов, сквозь чувства и мозг которого потоком проносились эти ощущения и образы, был невысоким человеком с крепкими мускулами. Одетый в серые, неровно вытканые шелковые одежды с небольшими пучками ниток, торчащими тут и там, он казался беспокойным, как рысь, и таким же опасным.

Он презрительно выбрал с поставленного перед ним большого подноса с грибами странных форм и расцветок, заменявшими здесь сладости, наиболее нормальный с виду, серого цвета, и осторожно надкусил его. Пряный вкус, скрывающий горечь, показался ему неприятным, и он тайком выплюнул гриб на ладонь, уронил руку под стол и стряхнул мокрые изжеванные кусочки на пол. Потом раздраженно втянул щеки, и пальцы его рук начали играть с рукоятками Скальпеля и Кошачьего Когтя, так же медленно и нервно, как его ум играл со скукой и мрачными думами.

Вдоль каждой стороны длинного узкого стола стояло по шесть просторно расставленных кресел с высокими спинками, и в них сидели тощие старики, лысые или с гладко выбритыми черепами и щеками, и с цыплячьими шеями; на каждом из них была только аккуратная белая набедренная повязка. Одиннадцать стариков пристально смотрели в пустоту и постоянно напрягали свои жалкие мускулы, пока не начинало казаться, что даже их уши застыли, словно изо всех сил вслушиваясь в некие звуки из незримых пределов. Двенадцатый, кресло которого

было слегка развернуто, играл на дальнем конце стола в игру, которая и вызывала время от времени слабые шуршащие звуки. Он играл в нее с человеком, которому служил Мышелов, принцем Гваэем, правителем Нижних Уровней Квормолла и младшим сыном владыки Квормолла.

Хотя Мышелов провел в глубинах Квормолла уже три дня, ему так и не удалось подойти к Гваэю ближе, чем сейчас, так что принц оставался для него всего лишь бледным красивым юношей с мягким голосом; не более реальным, чем призрак, по причине вечного полумрака и неизменного расстояния между ними.

Игра, которую Мышелов никогда раньше не видел, была довольно мудреной в некоторых отношениях.

Доска казалась зеленой, хотя в нескончаемом сумраке факелов было невозможно определить цвет с уверенностью. На ней не было видимых клеток или полосок, если не считать фосфоресцирующей линии на равном расстоянии от обоих противников, разделяющей доску на два одинаковых поля.

Каждый участник начинал игру с двенадцатью плоскими круглыми шашками, расставленными вдоль своего края доски. Шашки Гваэя были черными, как обсидиан, а у престарелого оппонента — мраморно-белыми, так что Мышелов был в состоянии различить их, несмотря на темноту.

Цель игры, похоже, состояла в том, чтобы беспорядочно передвигать шашки вперед на неравные расстояния и первым передвинуть по меньшей мере семь из них на поле соперника.

Однако противники передвигали шашки не рукой, а всего лишь пристально глядя на них. По-видимому, если игрок смотрел на одну-единственную шашку, то он мог передвинуть ее довольно быстро. Если же он смотрел на несколько, то мог сдвинуть их все вместе линией или кучкой, но гораздо медленнее.

Мышелов был еще не совсем уверен в том, что присутствует при проявлении силы мысли. Он подозревал существование невидимых, беззвучных дуновений, скрытного подталкивания доски снизу, сильных жуков, спрятанных под шашками, и тайных магнитов — по крайней мере, шашки Гваэя, судя

по их цвету, могли быть сделаны из какой-то разновидности магнитного железняка.

В данный момент черные шашки Гваэя и белые шашки его престарелого противника группировались возле средней линии, время от времени чуть сдвигаясь, когда усилия того или другого игрока увенчивались незначительным успехом. Внезапно находившаяся позади других черная шашка резко вильнула вбок и рванулась вперед по открытому пространству у края доски. Две белые шашки, образовав клин, двинулись через среднюю линию в образовавшемся таким образом слабом месте. И когда две разделенные теперь шашки старца сдвинулись ближе, одиночная шашка Гваэя пронеслась на поле противника. Игра была оконченной — Гваэй ничем не указал на это, но старец начал неловкими движениями возвращать шашки на исходные позиции.

— Гваэй, ты легко выиграл эту игру! — непочтительно воскликнул Мышелов. — А почему бы тебе не сыграть с двумя сразу? Судя по тому, как слабо играет этот старикашка, он, должно быть, волшебник Второго Ранга — или даже трясущийся от старости подмастерье Третьего.

Старец бросил на Мышелова злобный взгляд.

— Мы, все двенадцать, — волшебники Первого Ранга и были таковыми с юности, — торжественно провозгласил он. — И ты быстро убедишься в этом, стоит одному из нас тронуть тебя хоть мизинцем!

— Ты слышал, что он сказал, — тихо окликнул Гваэй Мышелова, не глядя на него.

Мышелов, ни на йоту не обескураженный, по крайней мере внешне, воскликнул в ответ:

— И все равно я думаю, что ты мог бы победить двоих одновременно, или семерых — а то и всю эту дряхлую дюжину! Если они — волшебники Первого Ранга, то ты должен быть Нулевой или Отрицательной Величины.

При этом оскорблении старец безмолвно зашевелил губами, на которых выступила пена, но Гваэй только шутливо воскликнул:

— Если бы всего лишь три моих верных мага прервали свой чародейский транс, колдовство, насылаемое моим братом Хасьярлом, прорвалось бы сюда из Верхних Уровней, и меня поразили бы все дурные

болезни, какие только существуют, и еще несколько, которые существуют только в загнивающем воображении Хасьярла — а, может быть, я и вовсе был бы стерт с лица земли.

— Если девять из двенадцати должны постоянно охранять тебя, то им не удастся много поспать, — заметил в ответ Мышелов.

— Времена не всегда были такими беспокойными, — безмятежно ответил Гваэй. — Иногда обычай или приказ моего отца предписывает заключить перемирие. Иногда темное внутреннее море успокаивается. Но сегодня я вижу по некоторым признакам, что на мою печень, и глаза, и кровь, и кости, и все остальные части моего тела готовится решительное наступление. У дорогого Хасьярла есть две дюжины волшебников, едва ли уступающих моим собственным — Второго Ранга, но Высокого Второго — и он подстегивает их к действию. А я так же отвратителен для Хасьярла, о Серый Мышелов, как скромные плоды наших навозных полей отвратительны для твоих уст. Более того, сегодня мой отец Квормал составляет свой гороскоп в Главной Башне, высоко над Верхними Уровнями Хасьярла, так что мне следует держать под строгим присмотром все крысиные норы.

— Если тебе недостает магической помощи, — смело возразил Мышелов, — то у меня есть парочка заклинаний, которые зададут жару ведьмам и колдунам твоего старшего брата.

По правде говоря, у Мышелова было только одно заклинание — всего лишь одно — которое шуршало пергаментом в его мешке и которое ему очень хотелось испытать. Он получил его от своего наставника и владыки, волшебника Шеелбы Безглазого Лика.

Гваэй ответил еще тише, чем обычно, так что Мышелов почувствовал, что будь между ними еще хоть один ярд, он бы уже ничего не услышал:

— Твоя работа — отвращать от моего материального тела оружие, поднимаемое Хасьярлом, а в особенности — оружие этого великого воина, которого, по слухам, он нанял. Мои колдуны Первого Ранга прикроют меня от колдовских «любовных записочек» Хасьярла. Каждому — свое дело.

Он тихо хлопнул в ладоши. В темном проеме арки

за его спиной бесшумно появилась стройная рабыня. Не глядя на нее, Гваэй тихо приказал:

— Крепкого вина для нашего воина.

Она исчезла.

Старец, наконец-то, с трудом расставил черные и белые шашки на исходные позиции, и Гваэй задумчиво поглядел на свою часть доски. Но прежде чем сделать ход, он сказал Мышелову:

— Если время все еще тянется для тебя слишком медленно, посвяти некоторую его часть выбору награды, которую ты получишь, когда выполнишь свою работу. А когда будешь искать, не прогляди ту девушку, которая принесет тебе вино. Ее зовут Ививис.

Тут Мышелов притих. Он уже выбрал себе больше дюжины очаровавших его дорогих предметов из ниш и сундуков Гваэя и запер их в неиспользуемом чулане, обнаруженном двумя уровнями ниже. Раскроясь это, он объяснил бы, что просто делал невинный предварительный отбор в ожидании окончательного выбора, но Гваэй мог посмотреть на это дело с другой стороны, а принц был весьма проницателен, насколько можно было судить по тому, что он заметил отвергнутые грибы и кое-какие другие вещи.

Мышелову раньше не приходило в голову, что он может присвоить заодно парочку девушек и тоже запереть их в свой чулан, хотя теперь он решил, что это была заманчивая идея.

Старец прочистил горло и, хихикая, сказал:

— Лорд Гваэй, пусть этот тщеславный наемник попробует применить свои колдовские штучки. Пусть он испытает их на мне!

Настроение Мышелова поднялось, но Гваэй только поднял ладонь и слегка покачал головой, а потом указал пальцем на доску; старец начал покорно мысленно двигать шашку.

Настроение Мышелова упало. Он начинал чувствовать себя очень одиноким в этом сумрачном подземном мире, где все говорили и двигались тихо и замедленно. Правда, когда посланец Гваэя предложил ему в Ланкмаре эту работу в одиночку, он был очень рад взяться за нее. Громогласный Фафхрд, товарищ Мышелова по оружию, получил бы хороший урок, если бы его маленький серый приятель (и его ум!) исчез бы без предупреждения однажды ночью...

а затем вернулся, может быть, год спустя, и с на-смешливой улыбкой, с сундуком, до краев набитым сокровищами.

Мышелов был даже счастлив в течение всего долгого путешествия каравана от Ланкмара на юг, к Квормоллу, вдоль реки Хвал, мимо Плийских Озер и через Горы Голода. Было сущим наслаждением сидеть вразвалку на покачивающейся спине верблюда, оставив позади споры с хвастливым верзилой Фафхрдом, в то время как ночи становились все более синими и теплыми, и незнакомые, сияющие, как драгоценности, звезды начинали выглядывать из-за южного горизонта.

Но теперь Серый пробыл в Квормолле уже три ночи после своего тайного прибытия на Нижние Уровни — три ночи и три дня, или скорее сто сорок четыре нескончаемых получаса подземных сумерек — и он уже начинал желать в глубине души, чтобы Фафхрд был здесь, а не за полконтинента отсюда, в Ланкмаре — а то и еще дальше, если Северянин последовал своим туманным планам и отправился посетить свою родину. По крайней мере, было бы с кем выпить — или даже устроить бурную ссору, которая была бы просто освежающей после семидесяти двух часов, в течение которых не было ничего, кроме молчаливых слуг, погруженных в транс волшебников, вареных грибов и непробиваемого хладнокровия мягкого голоса Гваэя.

Кроме того, оказалось, что все, что нужно было Гваэю — это могучий рубака, способный устранить угрозу нападения того воина, которого, по слухам, Хасьярл нанял столь же тайно, как сам Гваэй провез в Квормолл Мышелова. Будь Фафхрд здесь, он мог бы послужить Гваэю своим мечом, а у Мышелова появилась бы лучшая возможность подсунуть принцу свои магические таланты. То единственное заклинание, что лежало в мешке, Серый получил от Шеелбы в обмен на рассказ об Извращениях Клуто. Оно навечно создало бы Мышелову репутацию архимага, обладающего смертоносной силой; в этом Мышелов был уверен.

Он очнулся от своих раздумий и увидел, что рабыня Ививис стоит перед ним на коленях — сколько времени она так стояла, он не знал — и протягива-

ет ему поднос черного дерева с приземистым каменным кувшином и медным кубком.

Она стояла, подогнув под себя одну ногу; другая нога, отставленная назад, словно в фехтовальном выпаде, натягивала короткий подол зеленой туники, а на вытянутых руках покоился поднос.

Ее стройное тело было очень гибким, девушка без усилий сохраняла эту трудную позу. Тонкие прямые волосы были бледными, как и ее кожа — и то, и другое какого-то призрачного цвета. Мышелову пришлось в голову, что она будет очень хорошо смотреться в его чулане, например, прижимая к груди ожерелье из больших черных жемчужин, которое Мышелов обнаружил позади полированной мраморной статуэтки в одной из ниш Гваэя.

Однако девушка преклонила колени так далеко от Мышелова, как только могла, чтобы дотянуть до него поднос, и опустила глаза как нельзя более скромно, даже не поднимая ресниц в ответ на любезные нашептывания Мышелова — а такой подход казался ему в тот момент наиболее соответствующим.

Он схватил кувшин и кубок. Ививис в ответ еще ниже опустила голову, потом неслышно скользнула прочь.

Мышелов налил себе на высоту пальца кроваво-красного, густого, как кровь, вина и сделал маленький глоток. Аромат был смутно сладким, но с горьковатым привкусом. Серый заподозрил, что вино было сделано из алых грибов.

Черные и белые шашки с шуршанием скользили по доске, повинувшись пристальным взглядам Гваэя и старца. Бледные язычки пламени факелов сгибались под усиливающимся прохладным ветерком, а рабы у вентиляторов, их босые ноги с вывернутыми внутрь ступнями на кожаных ремнях, и сами огромные невидимые лопасти на тяжелых осях бесконечно шептали: «Квормолл... Свод и пол — вот Квормолл... Все это — Квормолл...»

* * *

В таком же обширном помещении на много уровней выше, но все еще под землей — в комнате без окон, где факелы горели более ярким и красным

пламенем, хотя этот свет терялся в едком туманном дыму благовоний, так что и здесь в итоге царил подавляющий полумрак — у края стола сидел Фафхрд.

Обычно Фафхрд был чудовищно спокойным человеком, но теперь он нервно ударял кулаком по ладони и был готов признаться самому себе, что ему хочется, чтобы Серый Мышелов был здесь, а не в Ланкмаре, или в пустынях Восточных Земель.

У Мышелова, думал Фафхрд, хватило бы терпения, чтобы разгадать все загадки и понять извращенное поведение этих, зарывшихся под землю жителей Квормолла. Мышелов, может быть, легче перенес бы отвратительное пристрастие Хасьярла к пыткам, и, в любом случае, этот маленький серый хвастунишка был существом человекообразным и с ним можно было бы выпить!

Когда посланец Хасьярла договорился с Фафхрдом в Ланкмаре, пообещав ему значительную сумму, если он не медля, тайно и одиночкой прибудет в Квормолл, Северянин был очень рад оказаться подалеже от Мышелова, от его тщеславия, хитростей и болтовни. Фафхрд даже намекнул своему маленькому товарищу, что собирается уплыть на корабле со своими северными соплеменниками, чтобы пересечь Внутреннее Море.

Лишь одно Фафхрд не сказал Мышелову — что, как только он поднялся на борт корабля, тот отплыл не на север, а на юг, через обширное Внешнее Море вдоль западного морского побережья Ланкмара.

Это было идиллическое путешествие — время от времени они чуть-чуть пиратствовали, несмотря на угрюмые возражения посланца Хасьярла; сражались с гигантскими штормами, с гигантскими акулами, скатами и морскими змеями, которые встречались все чаще во Внешнем Море по мере того, как корабль продвигался на юг. При этом воспоминании кулак Фафхрда замер, а губы едва не раздвинулись усмешкой.

Но теперь этот Квормолл! Это бесконечное вонючее колдовство! Этот помешанный на пытках Хасьярл! Кулак Фафхрда снова яростно забарабанил по ладони.

Правила!!! Нельзя прогуляться вниз, потому что

этот путь ведет к Нижним Уровням и врагу. Нельзя пройтись вверх, потому что там расположены покои Отца Квормала, святая святых. Никто не должен знать о присутствии Фафхрда. Он должен удовольствоваться той выпивкой и теми, не слишком привлекательными девушками, которых можно было найти в ограниченных Верхних Уровнях Хасьярла (они еще называли эти темные лабиринты и склепы верхними!!!).

Отговорки!!! Они не могут собрать войска, атаковать Нижние Уровни и наголову разбить братца-врага Гваэя; это была бы немыслимая поспешность. Они не могут даже отключить огромные, приводимые в движение рабами вентиляторы, оскорбляющие постоянным скрипением слух Фафхрда, нагнетающие живительный воздух в подземелья Гваэя и всасывающие воздух испорченный сквозь другие пробуренные в скале шахты — нет, эти вентиляторы никогда нельзя останавливать, потому что Отец Квормал не одобрит тот способ сражения, в итоге которого задохнутся ценные рабы; а от всего, на что с неодобрением смотрел Отец Квормал, его сын отшатывался с содроганием.

Вместо этого военный совет Хасьярла занимался разработкой многолетних кампаний, опиравшихся в основном не на оружие, а на волшебство и предусматривающих завоевание Нижних Уровней Гваэя по четверти тоннеля — или четверти грибного поля — за каждое сражение.

Загадки!!! Каждый раз за столом должны были подаваться грибы, но их никогда никто не ел и даже не пробовал. А вот жареные крысы, наоборот, были деликатесом, которым нужно было восхищаться. Сегодня Отец Квормал составит свой собственный гороскоп, и по каким-то причинам это суеверное гадание по звездам и каракули на пергаменте будут иметь загадочные и не поддающиеся учету последствия. Все девушки должны дважды громко вскрикивать, когда им предлагают близкие отношения — вне зависимости от своего последующего поведения. Фафхрд никогда не должен подходить к Хасьярлу ближе, чем на расстояние мощного броска кинжала — правило, не дававшее Фафхрду возможности выяснить, каким образом Хасьярл умудрялся

никогда не упускать ни единой мелочи из того, что происходило вокруг, и в то же время почти постоянно держать глаза плотно закрытыми.

Возможно, Хасьярл обладал неким ясновидением, действующим на близком расстоянии; или, может быть, стоящий рядом раб неустанно сообщал ему шепотом на ухо все, что происходило вокруг; или, может быть... ну, в общем, Фафхрд так и не смог разобраться в этом.

Но, так или иначе, Хасьярл мог видеть все и с закрытыми глазами.

Эта мелкая хитрость Хасьярла, очевидно, спасала его зрение от дыма благовоний, из-за которого глаза Хасьярловых колдунов и самого Фафхрда постоянно были красными и слезились. Однако, поскольку во всех остальных отношениях Хасьярл был как нельзя более энергичным и беспокойным принцем — его уродливое тело с кривыми ногами и руками разной длины постоянно дергалось, безобразное лицо вечно искажалось гримасами — то, что его глаза были спокойно закрыты веками, особенно поражало и бросало видевшего это в дрожь.

В общем и целом, Фафхрду до мозга костей осточертели Верхние Уровни Квормолла, хотя он успел провести в них всего неделю. Он даже подумал было о том, чтобы повести с Хасьярлом двойную игру, наняться к его брату или стать шпионом Отца Квормала — хотя они могли оказаться ничуть не лучшими хозяевами.

Но больше всего ему хотелось просто встретиться в поединке с этим борцом Гваэя, о котором ему постоянно твердили со всех сторон, — встретиться с ним и убить его, а потом забрать свою награду (лучше всего — девушку с красивой фигуркой и с мешками золота в каждой руке), после чего навеки повернуться спиной к проклятому, пронизанному темными проходами, наполненному шорохами Квормоллскому холму!

В раздражении Северянин стиснул пальцами рукоять своего двуручного меча под названием Серый Прутик.

Хасьярл заметил это, хотя его глаза были закрыты, поскольку он быстро повернул свое шишковатое лицо к Фафхрду, сидящему на другом конце длин-

ного стола, по обе стороны от которого плечо к плечу теснились двадцать четыре густобородых волшебника в тяжелых одеждах. Затем, все еще с закрытыми глазами, Хасьярл скривил рот вместо вступления к своей речи и, передернувшись вместо увертюры, воскликнул:

— Ха, ты рвешься в бой, Фафхрд, мой мальчик! Попридержи свой меч в ножнах! Однако скажи мне, как ты думаешь, что за человек этот воин — тот, от которого ты меня защищаешь — мрачный человек-убийца Гваэя? Говорят, что он сильнее, чем слон, и более коварен, чем сами Зобольды.

Хасьярл дернулся в финальном спазме и умудрился, все еще не открывая глаз, выжидательно взглянуть на Фафхрда.

Фафхрд слышал все эти надоедливые вопросы не один раз за последнюю неделю, так что он ответил просто фырканием:

— Пф-ф! Это говорят о ком угодно. Я знаю. Но пока ты не дашь мне возможность действовать и не уберешь эти старые обглоданные вшами бороды долой с глаз моих...

Спохватившись, Фафхрд опрокинул себе в глотку вино и постучал оловянной кружкой по столу, чтобы ему принесли еще. Потому что, хотя Хасьярл мог вести себя как идиот и иметь характер дикой кошки, у него подавали превосходное вино из винограда, созревшего на жарких южных склонах Квормоллского холма... и не было никакого смысла зря раздражать принца.

Но Хасьярл, казалось, не обиделся — или, если обиделся, то выместил это на своих бородатых волшебниках, потому что он тут же начал приказывать одному, чтобы тот произносил руны более четко, спрашивать другого, достаточно ли хорошо измельчены его травы, напоминать третьему, что настало время трижды звякнуть неким серебряным колокольчиком; и вообще третировать обе дюжины старцев так, словно они были школьниками, а он — зорким, как орел, учителем — хотя Фафхрду дали понять, что все старцы были магами Первого Ранга.

Двойная дюжина волшебников, в свою очередь, начала нервно суесться, каждый со своими собственными чарами — извлекать какие-то вонючие ве-

щества; капать черные капли из грязных флаконов; размахивать жезлами; прокалывать булавками восковые фигурки; быстро чертить пальцами в воздухе колдовские символы; высыпать перед собой груды зловонных фетишей, и так далее.

Фафхрд, просидевший уже много часов у края длинного стола, знал, что большинство заклинаний были предназначены для насылания на Гваэя отвратительных болезней: Черной Чумы, Красной Чумы, Бескостной Смерти, Безволосого Угасания, Медленного Гниения, Быстрого Гниения, Зеленого Гниения, Кровавого Кашля, Размягчения Живота, Лихорадки, Истечения Жидкостей и даже нелепой Капели Из Носа. Волшебники Гваэя, насколько понял Фафхрд, неустанно отражали эти пагубные заклинания встречными чарами, но идея состояла в том, чтобы продолжать насылать их в надежде, что противник в один прекрасный день ослабит защиту, пусть даже на несколько мгновений.

Фафхрду иногда нестерпимо хотелось, чтобы шайка Гваэя смогла направить действие этих болезнетворных заклинаний назад, на посылающих их старцев в темных одеждах. Ему надоели даже непонятные астрологические знаки, вышитые на этих одеждах серебряными и золотыми нитями; даже ленты и проволоочки из драгоценных металлов, завязанные каббалистическими узлами в окладистых бородах.

Хасьярл, приведя своих магов в состояние лихорадочной активности, для разнообразия широко открыл глаза и, всего лишь предварительно дернув губами, сказал Фафхрду:

— Значит, тебе хочется действовать, а, Фафхрд, мой мальчик?

Фафхрд, которого невероятно раздражал этот последний эпитет, поставил на стол локоть, помахал ладонью так, чтобы это видел Хасьярл, и воскликнул в ответ:

— Хочется. Мои мускулы стосковались по работе. С виду, у тебя сильные руки, Лорд Хасьярл. Что, если нам попробовать развлечься отжиманием рук?

Хасьярл зловеще хихикнул и крикнул:

— Я как раз сейчас пойду развлекаться другим отжиманием рук с некой девушкой, заподозренной в

общении с одним из пажей Гваэя. Она ни вскрикнула ни разу... тогда. Хочешь пойти со мной и полюбоваться этим действием, Фафхрд?

И внезапно закрыл глаза снова. Эффект был такой, словно он опустил на глаза две крошечных кожаных маски — и однако он закрыл их так плотно, что не могло быть и речи о том, что он подглядывает сквозь ресницы.

Фафхрд, вспыхнув, сжался в своем кресле. Хасьярл угадал отвращение Северянина к пыткам в первую же ночь, проведенную тем в Верхних Уровнях Квормолла, и с тех пор никогда не упускал возможности поиграть на том, что расценивал как слабость Фафхрда.

Фафхрд, чтобы скрыть замешательство, вытащил из-под туники крошечную книжку, сшитую из листков пергамента. Северянин мог бы поклясться, что веки Хасьярла не дрогнули ни разу с тех пор, как закрылись, однако злодей тут же воскликнул:

— Знак на обложке этой книги говорит мне, что это нечто, принадлежащее Нингоблю Семиглазому. Что это такое, Фафхрд?

— Это мое частное дело, — твердо ответил тот. Честно говоря, он был несколько встревожен. Содержание книги было таким, что он не осмелился бы показать ее Хасьярлу. А на верхнем листке пергамента — Хасьярл как будто каким-то образом это увидел — действительно был четкий черный рисунок, изображающий семипалую руку, на каждом пальце которой вместо ногтя был глаз; это был один из многих знаков волшебника-покровителя Фафхрда.

Принц отрывисто кашлянул.

— Ни у одного из слуг Хасьярла не может быть частных дел, — провозгласил он. — Однако мы поговорим об этом в другое время. Меня призывает долг.

Он вскочил с кресла и, свирепо глядя на своих волшебников, пролаял:

— Если я, вернувшись, обнаружу, что хоть один из вас дремлет над своими заклинаниями, то пусть он знает, что для него было бы лучше — да и для его матери тоже — родиться с рабскими цепями на ногах!

Он на мгновение умолк, повернулся, чтобы идти,

снова нацелился лицом на Фафхрда и сказал быстро и вкрадчиво:

— Девушку зовут Фриска. Ей всего семнадцать. Я не сомневаюсь, что она будет играть в мою маленькую игру очень ловко и со многими очаровательными восклицаниями. Я буду долго беседовать с ней. Я буду допрашивать ее так же, как буду закручивать винт, очень медленно. И она будет отвечать, будет отзываться, будет описывать свои ощущения, если не словами, то звуками. Ты уверен, что не хочешь пойти?

И Хасьярл выскочил из комнаты, зловеще хихикая по пути; красное пламя факелов в проеме арки обрисовало его чудовищную кривоногую фигуру кровавым отсветом.

Фафхрд заскрежетал зубами. Сейчас он ничего не мог сделать. Камера пыток Хасьярла служила одновременно и казармой для его охраны. Однако Северянин приписал кое-что в уме к своему счету.

Для того чтобы отвлечься от омерзительных, вызывающих содрогание образов, возникающих в его мозгу, он начал внимательно перечитывать крошечную пергаментную книгу, которую Нингобль подарил ему как награду за прошлые услуги (или залог будущих) в ту ночь, когда Северянин покидал Ланкмар.

Фафхрд не боялся, что волшебники Хасьярла могут подглядеть то, что он читает. После прощальной угрозы своего хозяина они все, толкая друг друга локтями, неистово копошились над своими заклинаниями, словно двадцать четыре черных бородатых муравья.

«Квормолл впервые привлек мое внимание, — прочитал Фафхрд в маленькой рукописной или, возможно, щупальцеписной книжке Нингобля, — сообщением, что некоторые переходы, находящиеся под ним, проходят глубоко под Морем и простираются до неких пещер, в которых еще могут жить кое-какие уцелевшие представители расы Древнейших. Естественно, я отрядил посланцев, чтобы проверить истинность этого сообщения: были посланы два хорошо обученных и ценных шпиона (и еще двое других, чтобы наблюдать за первыми), которые должны были подмечать факты и собирать слухи. Ни одна пара не вернулась, а также не прислала

никаких сообщений или знаков, объясняющих их поведение; от них не пришло ни слова. Я был заинтересован; однако поскольку в то время я был не в состоянии тратить ценный материал на столь сомнительные и опасные поиски, я выжидал, надеясь, что с течением времени в мое распоряжение поступят нужные сведения (как обычно и происходит).»

«Двадцать лет спустя мое терпение было вознаграждено, — читал Фафхрд дальше неразборчивый почерк. — Ко мне привели какого-то старика со странно-бледной кожей, покрытой ужасающими шрамами. Его звали Таморг, и его рассказ, хоть и бессвязный, был очень интересным. Он утверждал, что еще маленьким мальчиком был похищен у проходящего мимо каравана и угнан в рабство в Квормолл, где работал на Нижних Уровнях, глубоко под землей. Естественного освещения там не было, а воздух поступал в лабиринт пещер только потому, что его втягивали огромные вентиляторы, приводимые в движение трудом рабов; отсюда и его бледность и необычная в других отношениях внешность.

Таморг с глубокой горечью говорил об этих вентиляторах, потому что был прикован к одному из бесконечных ремней в течение более долгого времени, чем он осмеливался думать (в действительности он не знал точно, как долго это продолжалось, поскольку в Нижних Уровнях, по его собственному утверждению, нечем было измерять время). В конце концов он получил освобождение от своей тягостной ходьбы по ремню в результате того — насколько я мог разобрать из его путаного повествования — что был изобретен или выведен особый тип рабов, лучше подходивших для этой цели.

Из данного факта я выводжу, что властители Квормолла достаточно заинтересованы в хозяйстве своих владений, чтобы улучшать его: редкость среди верховных владык. Более того, если были выведены эти особые рабы, то продолжительность жизни верховных владык волей-неволей должна быть дольше обычной; или же сотрудничество между отцами и сыновьями более совершенно, чем любые отношения между детьми и родителями, которые я наблюдал ранее.

Таморг рассказал далее, что его, вместе с еще

восемью рабами, освобожденными от работы на вентиляторах, поставили на рытье тоннелей. Они вынуждены были расширять и продолжать некие проходы и помещения; так что в течение еще некоторого промежутка времени он рыл землю и ставил крепления. Это время должно было быть долгим, потому что путем тщательного опроса я обнаружил, что Таморг один выкопал и очистил стены прохода в тысячу двадцать шагов длиной. Этих рабов приковывали только в том случае, если они были помешанными; связывать их тоже было необязательно, поскольку, по-видимому, эти Нижние Уровни — лабиринт внутри лабиринта, и несчастный раб, стоило ему потерять знакомую тропу, практически не имел шансов вернуться. Однако Таморг сообщил, будто ходили слухи о том, что владыки Квормолла держат неких рабов, каждый из которых знает на память участок бесконечно простирающегося лабиринта. Таким образом они могут безопасно передвигаться и иметь сообщение между Уровнями.

Таморг, в конце концов, бежал очень простым способом — нечаянно пробив стену, возле которой он копал. Он расширил брешь своей мотыгой и нагнулся, чтобы заглянуть в нее. В этот момент один из его товарищей случайно толкнул его, и Таморг полетел головой вперед в сделанное отверстие. К счастью, оно выходило в расселину, на дне которой струился быстрый, но глубокий подземный ручей, куда и упал Таморг. Поскольку умение плавать не принадлежит к тем, которые быстро забываются, Таморгу удалось продержаться на поверхности до тех пор, пока его не вынесло во внешний мир. В течение нескольких дней его слепили лучи солнца, и он чувствовал себя уютно только при слабом свете факелов.

Я детально расспросил его о многих интересных феноменах, которые должны были постоянно находиться перед его глазами в Квормолле, но он абсолютно не смог удовлетворить мое любопытство, поскольку не был знаком ни с одним из методов наблюдения. Однако я устроил его привратником во дворец Д, за которым я хотел проследить. Вот и все об этом источнике сведений.»

«Мой интерес к Квормоллу был возбужден, — продолжались записки Нингобля, — и мой аппетит

был подхлестнут этой скудной пищей из фактов, поэтому я приступил к добыванию более подробных сведений. С помощью Шеелбы, связался я с Ииком, Повелителем Крыс; я посулил ему показать потайные ходы в зернохранилища Ланкмара, и он согласился посетить меня. Его визит оказался бесплодным и, к тому же, поставил меня в неловкое положение. Бесплодным, поскольку выяснилось, что в Квормолле крыс едят как деликатес и охотятся за ними в кулинарных целях с помощью натренированных ласок. Естественно, что при таких обстоятельствах у любой крысы в стенах Квормолла было мало шансов заниматься какими бы то ни было расследованиями, кроме как в сомнительной по своим преимуществам обстановке котла. Личная свита Иика — бессчетное количество дурно пахнущих и изголодавшихся крыс — уничтожила все съедобное в пределах досягаемости своих острых зубов; проникнувшись жалостью ко мне в результате того тяжелого положения, в котором я очутился, Иик оказал мне огромную услугу, уговорив Скраа проснуться и поговорить со мной.»

«Скраа, — продолжалось в книге Нингобля, — это одно из тех старых как мир насекомых, что существовали одновременно с чудовищными рептилиями, которые некогда правили миром; родовая память этих существ уходит корнями в скрытое туманное время до того, как Древнейшие скрылись под поверхностью Земли. Скраа представил мне следующую краткую историю Квормолла, аккуратно написанную на необычном пергаменте, изготовленном из хитроумно слепленных вместе надкрылий, очень искусно сплюснутых и разглаженных. Я прилагаю этот документ и извиняюсь за его несколько сухой и прозаичный стиль.

„Город-государство Квормолл является оплотом культуры, почти невероятной у человекообразных. Возможно, лучше всего сравнить ее с культурой муравьев-рабовладельцев. Земли, подвластные Квормоллу, ограничены в наши дни горюшкой, или большим холмом, на котором он стоит; но, как у редиски, основная его часть находится под поверхностью земли. Хоть и не всегда это было так.

Некогда Властители Квормолла правили широкими лугами и обширными морями; их суда плавали между всеми известными портами, а караваны шли по дорогам от моря до моря. Но постепенно выskalывали из хватки Квормолла плодородные долины и голые утесы, пустыни и открытое море; неохотно, но постоянно отступали его властелины. Неумолимо лишались они, год за годом, поколение за поколением, всех своих владений и прав и, наконец, были загнаны в эту последнюю и самую могучую цитадель, неприступный Квормоллский замок. Причина этого изгнания скрыта во мраке повествований; но, вероятно, оно объяснялось теми, как нельзя более отвратительными обычаями, которые и по сей день заставляют окружающие Квормолл деревни верить, что он нечист и проклят.

По мере того как Властители Квормолла, несмотря на свое чародейство и стойкость в бою, отходили, уступая напору, они рыли все более просторные и глубокие убежища под этой последней, огромной твердыней. Каждый последующий владыка зарывался еще глубже во внутренности маленькой горы, на которой стояла крепость Квормолла. Постепенно память о прошлой славе поблекла и была утрачена, и властелины сосредоточились на своем лабиринте тоннелей, полностью отойдя от внешнего мира. Они забыли бы об этом мире полностью, если бы не постоянная и все усиливающаяся нужда в рабах и в пище для этих рабов.

Властители Квормолла — маги с высочайшей репутацией, сведущие в применении Искусства. Говорят, что своими чарами они могут подчинить себе человека телом и душой.

На этом кончались записи Скраа. В общем и целом, это весьма малоудовлетворительные сплетни: почти ни слова о тех интригующих проходах, которые первоначально возбудили мой интерес; ничего об устройстве этих земель или внешности их обитателей; нет даже карты! Но, впрочем, бедный древний Скраа живет почти полностью в прошлом — настоящее приобретает для него значение лишь вечность — две спустя.

Однако мне кажется, что я знаю двух парней, которых можно будет убедить выполнить там некое задание...»

Здесь записки Нингобля кончались, к большому разочарованию охваченного различными подозрениями Фафхрда, оставив его в весьма неуютном состоянии озабоченности и стыда, поскольку теперь он снова начал думать о неизвестной девушке, которую в это время пытал Хасьярл.

* * *

Снаружи Квормоллской горы солнце уже перевалило за полдень, и тени стали удлиняться. Огромные белые быки всей своей тяжестью налегли на ярмо. Это было уже не в первый раз и, как они знали, далеко не в последний. Каждый месяц в тот миг, когда они приближались к одному и тому же покрытому жидкой грязью участку дороги, хозяин принимался яростно нахлестывать их кнутом, пытаясь заставить их развить скорость, на которую они по самой своей природе были неспособны. Они делали все, что было в их силах, и налегали так, что упряжь начинала скрипеть; потому что знали, что когда этот участок останется позади, хозяин вознаградит их комком соли, грубой лаской и коротким отдыхом от работы. К несчастью, именно тут непролазная грязь не высыхала чуть ли не с конца одной поры дождей и до начала следующей. К несчастью, это делало его преодоление более долгим.

Хозяин нахлестывал быков не без причины. Среди его соплеменников место считалось проклятым. Именно с этого, находящегося на возвышенном месте изгиба дороги можно было наблюдать за башнями Квормолла; и, что гораздо важнее, с этих башен можно было наблюдать за дорогой и теми, кто проезжал по ней. И то, и другое не приводило к добру: плохо было и смотреть на башни Квормолла, и быть замеченным с них. Для такого чувства причин хватало. Проезжая последнюю лужу грязи, хозяин быков суеверно сплюнул, сделал напрашивающийся жест пальцами и боязливо глянул через плечо на пронизывающие небо башни с кружевными навершьями. Даже таким мимолетным взглядом он успел заметить вспышку, сверкнувшую искру, на самом высоком донжоне. Вздвогнув, он рванулся к долго-

жданному прикрытию деревьев и вознес благодарность почитаемым им богам за свое спасение.

Сегодня ему будет о чем поговорить в таверне. Люди будут ставить ему чаши вина и горького пива из трав, которые он будет выпивать залпом. На этот вечер он будет самой важной персоной. О! Если бы не его резвость, он мог бы как раз в это время брести, лишенный души, к могучим воротам Квормолла; а потом служить там, пока существует его тело, и даже после этого. Потому что среди пожилых людей деревни ходили рассказы о подобном колдовстве и о других вещах; рассказы, в которых не было морали, но к которым прислушивались все. Ведь всего лишь в прошлый Праздник Змеи юный Твельм исчез, и с тех пор о нем никто ничего не слышал. А разве он не смеялся над этими рассказами и, пьяный, бросил вызов террасам Квормолла? Конечно, так оно и было. И правдой было также то, что его менее храбрый приятель видел, как он, бравируя, с важным видом поднимается на последнюю, самую высокую террасу, почти к крепостному рву; а потом, когда Твельм, испугавшись по какой-то неизвестной причине, повернулся и хотел броситься прочь, его извивающееся и выгибающееся тело было силой утянуто назад в темноту. И даже крик не отметил уход Твельма с этой земли и из предела познаний своих сородичей. Юльн, этот менее храбрый или менее безрассудный приятель Твельма, с тех пор проводил свое время, погрузившись в нескончаемый пьяный ступор. А по ночам он ни на шаг не выходил из-под крыши.

В течение всего пути до деревни хозяин быков раздумывал. Он пытался обмозговать своим темным крестьянским умом способ, при помощи которого можно было предстать героем. Но после того, как он с превеликим трудом составил простую и самовозвышающую повесть, он подумал о судьбе того человека, который осмелился хвастать, что обворовал виноградники Квормолла; человека, чье имя произносили только приглушенным шепотом, по секрету. Поэтому погонщик решил придерживаться фактов, какими бы простыми они ни были, и доверять той атмосфере ужаса, которую, как он знал, вызовет любое проявление активности Квормолла.

Пока погонщик все еще нахлестывал своих быков, Мышелов наблюдал за тем, как два человека-тени играют в мысленную игру, а Фафхрд заливал в себя вино, чтобы утопить мысль о страдающей незнакомой девушке — в это самое время Квормал, владыка Квормолла, составлял свой гороскоп на будущий год. Он работал в самой высокой башне Крепости, приводя в порядок огромные астролябии и другие массивные инструменты, необходимые для точных наблюдений.

Сквозь расшитые занавеси в маленькую комнату жарким потоком вливалось полуденное солнце; его лучи отражались от полированных поверхностей и, преломляясь, сверкали всеми цветами радуги. Было тепло, даже для легко одетого старика, так что Квормал шагнул к окнам, выходящим на ту сторону, где не было солнца, и отвел в сторону вышитую ткань, позволяя прохладному ветерку с болот пронестись сквозь обсерваторию.

Он лениво глянул сквозь глубокие прорези амбразур. Внизу, далеко за ступенчатыми террасами, он мог видеть тонкую, изогнутую коричневую нитку дороги, которая вела к деревне.

Маленькие фигурки на дороге были похожи на муравьев: муравьев, с трудом передвигающихся по какой-то липкой, предательской поверхности; и как муравьи, они упорствовали в своих усилиях и в конце концов исчезли с глаз наблюдающего за ними Квормала. Он вздохнул и отвернулся от окон. Вздохнул слегка разочарованно, потому что сожалел, что не выглянул в окно мгновением раньше. Рабы были нужны всегда. Кроме того, представилась бы возможность испытать парочку недавно изобретенных инструментов.

Однако Квормал никогда не жалел о том, что прошло; поэтому он пожал плечами и отвернулся.

Квормал не был особо уродливым стариком, — если не обращать внимания на его глаза. Они были необычными по форме, а белок был сочного рубиново-красного цвета. Мертвенно-бледная радужная оболочка отливала тем тошнотворным радужно-перламутровым блеском, который встречается среди всех

живых существ только у тех, что живут в море; эту черту он унаследовал от своей матери, русалки. Зрачки, похожие на пятнышки черного хрусталя, искрились невероятно злобным умом. Лысина Квормала подчеркивалась длинными пучками грубых черных волос, симметрично растущих над ушами. Бледная, изрытая оспинами кожа отвисала на щеках, но была туго натянута на высоких скулах. Длинный торчащий нос, тонкий, как наточенный клинок, делал его похожим на старого ястреба или пустельгу.

Если глаза Квормала были самой захватывающей чертой его лица, то рот был самой красивой. Полные и алые губы, необычные для такого старого человека, двигались с той особой живостью, которая встречается у некоторых чтецов, ораторов и актеров. Если бы Квормал знал, что такое тщеславие, он мог бы гордиться красотой своего рта; а так совершенная лепка этих губ служила только для того, чтобы подчеркивать весь ужас глаз.

Теперь он рассеянно глянул сквозь округлые железные изгибы астроябии на двойник своего собственного лица, выступающий с гладкого прямоугольника противоположной стены: это была его собственная прижизненная восковая маска, сделанная меньше года назад, как нельзя более реалистично раскрашенная и украшенная черными пучками волос; эта работа была проделана самым искусным художником Квормолла. Вот только глаза с перламутровыми радужками были по необходимости закрыты — хотя все равно создавалось впечатление, что маска пристально вглядывается во что-то. Эта маска была последней в нескольких рядах себе подобных, каждая предыдущая чуть более потемневшая от времени, чем последующая. Хотя некоторые из них были уродливы, а многие — по-стариковски красивы, между этими лицами с закрытыми глазами существовало сильное семейное сходство, потому что в мужской линии Владык Квормолла было очень мало чужаков, если они были вообще.

Масок было, возможно, чуть меньше, чем можно было ожидать, потому что большинство властелинов Квормолла жило очень долго, и наследники появлялись у них поздно. Однако их число все же было

значительным, потому что правление Квормоллом было очень древним. Самые старые маски были коричневого цвета, который казался почти черным, и вовсе не восковыми, а представляли собой обработанную и мумифицировавшуюся кожу лиц этих первобытных автократов. Искусство снятия и дублирования кожи было доведено до изысканной степени совершенства еще на самой заре истории Квормолла и все еще применялось с ревностно и горделиво передаваемым мастерством.

Квормал перевел взгляд с маски вниз, на свое прикрытое легкими одеждами тело. Он был худощав, и его бедра и плечи до сих пор свидетельствовали, что некогда он охотился с соколом и запросто фехтовал с лучшими мастерами. У него были ступни с высоким подъемом, и его поступь все еще была легкой. Длинными и сплюснутыми на концах были его узловатые пальцы, а сильные мясистые ладони выдавали ловкость и подвижность, необходимые преимущества для человека с его призванием. Потому что Квормал был волшебником, как и все владыки Квормолла из прошлого множества вечностей. С самого детства и в течение всей зрелости у каждого отпрыска мужского пола формировали это призвание, так же как некоторые виды лозы направляют, заставляют изгибаться и оплетать сложную террасу.

Возвращаясь от окна, чтобы приступить к выполнению своих обязанностей, Квормал размышлял о своем обучении. К несчастью для правящего дома Квормолла, у Квормала было два наследника, а не один, как обычно. Каждый из его сыновей был неплохим некромантом и сведущим в других науках, имеющих отношение к Искусству; оба были крайне честолюбивы и исполнены ненависти. Ненависти не только друг к другу, но и к своему отцу.

Квормал мысленно представил себе Хасьярла в его Верхних Уровнях под Главной Башней, а под Хасьярлом — Гваэя в его Нижних Уровнях... Хасьярла, который потакал своим страстям, словно в каком-нибудь пламенном кругу Ада; который сделал своим величайшим богатством энергию, и движение, и логику, доведенные до крайности; который постоянно грозил кнутом и пытками и выполнял эти угрозы, и который теперь нанял в телохранители

этого драчливого зверообразного громилу... Гваэя, который лелеял свою отчужденность, как в самом холодном кругу Ада; который пытался свести всю жизнь к искусству и интуитивной мысли; который пытался путем медитации подчинить себе безжизненный камень и сдержать Смерть силой своей воли, и который теперь нанял в убийцы маленького серого человека, похожего на младшего брата Смерти... Квормал думал о Хасьярле и Гваэе, и на мгновение его губы изогнулись в странной улыбке, полной отцовской гордости; потом он встряхнул головой, его улыбка стала еще более странной, и он слабо вздрогнул.

«Хорошо, — думал Квормал, — что я уже стар, даже для мага, и пора моего расцвета давно уже позади, было бы неприятно заканчивать жизнь в самом ее расцвете или даже в сумерках ее дня.» А он знал, что рано или поздно, несмотря на все защитные чары и предосторожности, Смерть бесшумно прокрадется или набросится внезапно в тот миг, когда он окажется беззащитен. В эту самую ночь его гороскоп мог возвестить немедленный и неизбежный приход Смерти; и хотя люди живут ложью, считая даже саму Истину полезной ложью, звезды остаются звездами.

Квормал знал, что с каждым днем его сыновья становятся все более умелыми и хитроумными в применении того Искусства, которому он их обучил. А он не мог защититься, убив их. Брат может убить брата, или сын — своего родителя, но с древнейших времен отцам было запрещено убивать своих сыновей. Для этого обычая не было особо веских причин, да они и не были нужны. В правящем доме Квормолла обычай не вызывал возражений, и пренебречь им было не так-то легко.

Квормал вспомнил о ребенке, растущем в чреве Кевиссы, его, похожей на девочку фаворитки. Если учесть всю предосторожность и бдительность, ребенок был, вне всяких сомнений, его собственным — а Квормал был наиболее бдительным и наиболее циничным реалистом из всех людей. Если ребенок будет жить и окажется мальчиком — как это предсказывали знамения — и если у Квормала будет еще хотя бы двенадцать лет, чтобы обучить его, и если Хась-

ярл и Гваэй погибнут от руки судьбы или от руки друг друга...

Квормал резко оборвал эту линию размышлений. Ожидать, что проживешь еще дюжину лет, когда Хасьярл и Гваэй с каждым днем набираются мастерства в волшебстве — или надеяться на взаимное истребление двух настолько осторожных отпрысков его собственной плоти — действительно было тщеславием и отсутствием реализма.

Квормал огляделся вокруг. Все приготовления к составлению гороскопа были завершены, инструменты подготовлены и выстроены по порядку; теперь требовались только окончательные наблюдения и их истолкование. Квормал поднял небольшой свинцовый молоточек и легко ударил им в медный гонг. Едва звук успел затихнуть, как в проеме входной арки появилась высокая, богато одетая мужская фигура.

Флиндах был Мастером Магов. Его обязанности были многочисленными, но не особо заметными. Его, тщательно скрываемая власть уступала только власти самого Квормала. На темном лице читалась усталая жестокость, придававшая ему скучающее выражение, плохо вязавшееся со всепоглощающим интересом, с которым Флиндах вмешивался в чужие дела. Флиндаха никак нельзя было назвать милым: пурпурное родимое пятно покрывало левую щеку, три большие бородавки образовывали равнобедренный треугольник на правой, а нос и подбородок торчали вперед, как у старой ведьмы. Его глаза — это вызывало потрясение и казалось насмешливой непочтительностью — имели рубиновые белки и перламутровую радужную оболочку, как и у повелителя; он был младшим отпрыском той же самой русалки, что выносила Квормала, — после того, как отец Квормала потерял к ней всякий интерес, он, следуя еще одному причудливому квормоллскому обычаю, отдал ее своему Мастеру Магов.

Теперь эти большие, с неподвижным гипнотизирующим взглядом глаза беспокойно задвигались при словах Квормала:

— Гваэй и Хасьярл, мои сыновья, работают сегодня на своих Уровнях. Было бы хорошо, если б сегодня вечером их пригласили в комнату Совета. Потому что сегодня та самая ночь, когда будет предсказана

моя судьба. И у меня есть предчувствие, что этот гороскоп не принесет добра. Предложи им пообедать вместе и позволь им развлечься составлением планов моего умерщвления — или попыткой умертвить друг друга.

Закончив говорить, Квормал плотно сжал губы и казался теперь более зловещим, чем подобает человеку, ожидающему Смерть. Флиндах, привыкший в своих делах к ужасам, с трудом смог подавить дрожь, вызванную устремленным на него взглядом; но, вспомнив о своем положении, он жестом выразил повиновение и, не проронив ни слова и не оборачиваясь, удалился.

* * *

Пока Флиндах шагал через покрытую куполом мрачную колдовскую комнату Нижних Уровней и пока не достиг кресла Гваэя, Серый Мышелов ни разу не оторвал от колдуна взгляда. Коротышка-авантюрист был невероятно заинтригован бородавками и родимым пятном на щеках этого пышно одетого человека, а также его жуткими красно-белыми глазами; Мышелов немедленно отвел этому очаровательному лицу почетное место в обширном каталоге причудливых рож, хранящихся в кладовых его памяти.

Мышелов изрядно напрягал слух, однако ему не удалось услышать, что именно Флиндах сказал Гваэю или что ответил Гваэй.

Гваэй закончил телекинетическую игру, в которую играл, послав все свои черные шашки через среднюю линию мощным и стремительным натиском, сметя половину белых шашек на прикрытые набедренной повязкой колени противника. Потом принц плавным движением встал со стула.

— Сегодня я ужинаю с мой дорогим братом в апартаментах моего глубокоуважаемого отца, — мягким голосом объявил он всем находящимся в комнате. — Пока я буду там и в сопровождении присутствующего здесь великого Флиндаха, ни одно волшебное заклинание не может причинить мне вреда.

Так что вы можете немного отдохнуть от защитной концентрации, о мои добрые маги Первого Ранга.

Он повернулся, чтобы выйти.

Мышелов, мысленно уцепившись за возможность снова, хотя бы мельком и в холодную ночь, увидеть небо, тоже пружинисто поднялся с кресла и воскликнул:

— Эй, принц! Хоть ты и будешь защищен от заклинаний, неужели за этим обеденным столом тебе не понадобится защита моего клинка? Можно перечислить немало принцев, так и не ставших королями, потому что им подали холодное железо под ребро в перерыве между супом и рыбой. Кстати, я умею неплохо жонглировать и показывать фокусы.

Гваэй полуобернулся.

— Сталь тоже не смеет причинить мне вреда, пока надо мной простерта рука моего отца и господина, — сказал он так тихо, что Мышелову показалось, будто слова летят неслышно, как комочки пуха, и падают, едва достигнув уха. — Остайся здесь, Серый Мышелов.

Тон безошибочно выражал отказ, однако Мышелов, с ужасом думающий о занудном вечере, упорствовал:

— Есть еще одно дело — то могущественное заклинание, о котором я говорил тебе, принц; это заклинание как нельзя более эффективно действует против магов Второго Ранга и ниже, подобных тем, каких держит у себя на службе некий вредоносный брат. Сейчас как раз подходящее время...

— Пусть сегодня вечером не будет волшебства! — строго оборвал Гваэй, хотя его голос прозвучал едва ли громче, чем прежде. — Это было бы оскорблением моему отцу и господину и его великому слуге, присутствующему здесь Флиндаху, Мастеру Магов, если бы я даже лишь подумал об этом! Жди спокойно, воин, соблюдай порядок и не говори больше ничего.

В голосе Гваэя проскользнула благочестивая нотка.

— Если появится необходимость убивать, то будет еще достаточно времени для волшебства и мечей.

Флиндах при этих словах торжественно кивнул, принц и колдун молча удалились.

Мышелов сел. К своему немалому удивлению, он заметил, что двенадцать престарелых волшебников уже свернулись, как личинки, в своих огромных креслах и вовсю храпели. Серый не мог скоротать время даже вызовом одного из них на мысленную игру — надеясь в процессе игры обучиться ей — или на партию в обычные шахматы. Этот вечер обещал быть по-настоящему мрачным.

Потом смуглое лицо Мышелова озарила некая мысль. Он поднял руки, округлил ладони чашечкой и легко хлопнул ими, как это делал на его глазах Гваэй.

Стройная рабыня Ививис немедленно появилась в проеме дальней арки. Когда она увидела, что Гваэй ушел, а его волшебники погружены в сон, ее глаза заблестели, как у котенка. Она, семеня изящными ножками, быстро подбежала к Мышелову, в последнем прыжке уселась к нему на колени и обняла его гибкими руками.

* * *

Хасьярл торопливо шел по освещенному факелами коридору в сопровождении богато одетого сановника с покрытым ужасающими бородавками, пятнистым лицом и красными белками глаз, по другую сторону шел бледный миловидный юноша с глазами древнего старика, Фафхрд бесшумно отступил и растворился в темном боковом проходе. Он никогда раньше не встречался с Флиндахом и, разумеется, с Гваэем.

Хасьярл, вне всякого сомнения, был не в настроении, поскольку он гримасничал, как помешанный, и яростно ломал себе руки, словно заставляя одну вести смертельную схватку с другой. Однако его глаза были плотно закрыты. Когда он, громко топая, спешил мимо, Фафхрду показалось, что он заметил небольшую татуировку на обращенном к нему верхнем веке.

Фафхрд услышал, как красноглазый сказал:

— Тебе нет нужды бежать к банкетному столу твоего повелителя, Лорд Хасьярл. У нас еще достаточно времени.

Ответом Хасьярла было только рычание, а милый юноша сладким голосом сказал:

— Мой брат всегда был подлинной жемчужиной повиновения.

Фафхрд вышел на свет, проводил троих вельмож взглядом, пока они не скрылись из вида, потом повернулся в другую сторону и пошел на запах горячего железа прямо к камере пыток Хасьярла.

Это была широкая комната с низким потолком, и она освещалась лучше, чем все остальные, которые до сих пор видел Фафхрд в этих мрачных Верхних Уровнях с таким неподходящим названием.

Справа стоял низкий стол, над которым наклонялись пять приземистых мускулистых мужчин, еще более кривоногих, чем Хасьярл. Лицо каждого из них скрывала маска, доходящая до верхней губы. Они шумно грызли кости, выхваченные из большого блюда, и запивали их огромными глотками пива из высоких кожаных кружек. Четыре маски были черными, одна — красной.

Позади них в круглой кирпичной башенке высотой в половину человеческого роста пылали угли. Над ними светилась красным цветом железная решетка. Скрюченная, наполовину лысая ведьма, одетая в лохмотья, медленно раздувала мехи; угли раскалились почти добела, потом снова приняли более глубокий красный оттенок.

Стены с каждой стороны были густо заставлены или увешаны различными металлическими и кожаными инструментами, зловещее предназначение которых читалось по их призрачному — подобно тому, как перчатка напоминает пятерню — сходству с различными внешними поверхностями и внутренними отверстиями человеческого тела: сапоги, воротники, маски, «железные девы», воронки и тому подобное.

Слева лежала привязанная к скамье светловолосая, приятно пухленькая девушка в белой нижней тунике. Ее правая рука в железной полуперчатке была вытянута и вставлена в машинку с вращающейся ручкой. Хотя лицо девушки было залито слезами, в настоящее время она, казалось, не испытывала боли.

Фафхрд шагнул к ней, торопливо вытаскивая из кошелька и надевая на средний палец правой руки

массивное кольцо, которое эмиссар Хасьярла дал ему в Ланкмаре как залог от своего хозяина. Кольцо было серебряным, с большой черной печаткой, на которой виднелся знак Хасьярла: сжатый кулак.

Девушка увидела, что Фафхрд подходит к ней, и ее глаза расширились от нового испуга.

Фафхрд остановился возле скамьи и, почти не взглянув на девушку, повернулся к столу, где сидели укрытые под масками неряшливые едоки, которые теперь пялились на Северянина, разинув рты. Фафхрд протянул правую руку тыльной стороной вперед и резко, но беспечно воскликнул:

— Властью, которую дает мне эта печать, приказываю выдать мне девушку по имени Фриска!

Девушке он шепнул уголком рта:

— Мужайся!

Существо в черной маске, поспешившее на зов, словно терьер, казалось, либо не узнало с первого взгляда знак Хасьярла, либо не осознало его значение, потому что сказало только, помахивая измазанным в жире пальцем:

— Уйди, варвар. Этот лакомый кусочек предназначен не для тебя. Не думай, что ты сможешь удовлетворить здесь евою грубую похоть. Наш Хозяин...

Фафхрд воскликнул:

— Если ты не принимаешь власть Сжатого Кулака одним путем, тогда тебе придется принять ее другим.

Сжав в кулак руку, на которой было кольцо, Северянин с размаху заехал в сверкающую от пота челюсть палача, так что кривоногий растянулся во всю длину на темных плитах пола, проехал примерно фут и остался лежать неподвижно.

Фафхрд немедленно повернулся к привставшим из-за стола едокам и, похлопав по рукояти Серый Прутик, но не вытаскивая его, уперся рукой в бок и обратился к красной маске лающим, не хуже, чем у самого Хасьярла, голосом:

— Наш Хозяин, властитель Кулака, передумал и приказал мне привести к нему девушку по имени Фриска с тем, чтобы он мог продолжить забавляться с ней за обедом и этим развлечь тех, с кем он будет пировать. Неужели вы хотите, чтобы я, новый слуга,

доложил Хасьярлу о ваших оплошностях и заминках? Быстро развяжите ее, и я не скажу ничего.

Он тыкнул пальцем в ведьму, стоящую у мехов.

— Ты! Принеси ее платье!

При этих словах палачи достаточно быстро ринулись выполнять приказ; их сбившиеся маски съезжали им на подбородки. Палачи бормотали извинения, которые Фафхрд игнорировал. Даже тот, кого Северянин ударил, пошатываясь, поднялся на ноги и пытался помочь.

Под наблюдением Фафхрда пленницу освободили от выкручивающего руку устройства, и девушка уже сидела на скамье, когда ведьма принесла платье и пару туфель без задников; в носок одной туфли были засунуты разные украшения и тому подобные мелочи. Девушка протянула руку к одежде, но Фафхрд быстро взял вещи сам и, ухватив девушку за левую руку, грубо поставил ее на ноги.

— Для этого сейчас нет времени, — объявил он. — Мы предоставим Хасьярлу решать, как он захочет нарядить тебя для этой потехи.

И без дальнейших разговоров он вышел из камеры пыток, таща девушку за собой. Северянин еще раз пробормотал ей уголком рта:

— Мужайся!

Когда они завернули за первый угол в коридоре и дошли до темной развилки, Фафхрд остановился и, нахмурившись, посмотрел на девушку. Ее глаза расширились от испуга; она отшатнулась от Фафхрда, но потом, придав лицу твердое выражение, сказала боязливо-дерзким голосом:

— Если ты изнасилуешь меня по дороге, я скажу Хасьярлу.

— Я собираюсь не насиловать, а спасти тебя, Фриска, — торопливо заверил ее Фафхрд. — Весь этот разговор о том, что Хасьярл послал меня привести тебя, был обыкновенной уловкой. Тут есть какое-нибудь тайное место, где бы я мог спрятать тебя на несколько дней? Пока мы не сможем убежать из этих затхлых склепов навсегда! Я принесу тебе еду и питье.

При этих словах лицо Фриски стало гораздо более испуганным.

— Ты хочешь сказать, что Хасьярл не приказыв-

вал этого? И что ты мечтаешь бежать из Квормолла? О незнакомец, Хасьярл только повыкручивал бы мне руку еще немного; возможно, не очень бы меня искалечил; только осыпал бы меня оскорблениями; без сомнения, пощадил бы мою жизнь. Но если он хотя бы заподозрит, что я пыталась бежать из Квормолла... Отведи меня назад в камеру пыток!

— Этого я не сделаю, — раздраженно сказал Фафхрд, бросая взгляды в оба конца коридора. — Приободрись, девочка. Квормолл — это еще не весь огромный мир. Квормолл — это не звезды и не море. Где здесь тайная комната?

— О, это безнадежно, — пробормотала Фриска. — Мы никогда не сможем убежать отсюда. Звезды — это миф. Отведи меня обратно.

— И выставить тебя на посмешище? Нет, — резко возразил Фафхрд. — Мы спасем тебя от Хасьярла и из Квормолла тоже. Примиришься с этим, Фриска, поскольку мое решение непреклонно. Если ты попытаешься закричать, я заткну тебе рот. Где эта тайная комната?!!

В отчаянии он чуть было не вывернул девушке руку, но вовремя опомнился и только придвинул свое лицо к ее лицу, прохрипев:

— Думай!

От нее пахло вереском, и этот аромат не заглушался запахом пота и слез.

Ее глаза стали отрешенными, и она сказала тихим голосом, почти как во сне:

— Между Верхними и Нижними Уровнями есть огромный зал, к которому примыкает множество маленьких комнат. Говорят, что некогда это была шумная и многолюдная часть Квормолла, но теперь эту территорию оспаривают друг у друга Хасьярл и Гваэй. Оба претендуют на нее, ни один не хочет поддерживать ее в порядке, даже подметать там пыль. Это место называют Залом Призраков.

Ее голос стал еще тише.

— Паж Гваэя однажды попросил меня встретиться с ним там, чуть ближе к нашей стороне, но я не осмелилась.

— Ха, это то, что нам нужно, — ухмыльнулся Фафхрд. — Веди нас туда.

— Но я не помню дорогу, — запротестовала Фри-

ска. — Паж Гваэя объяснил мне, но я попыталась забыть...

Фафхрд еще раньше заметил в одном из темных ответвлений коридора спиральную лестницу. Теперь он решительно шагнул туда, увлекая за собой Фриску.

— Мы знаем, что для начала нужно спуститься вниз, — сказал он, грубовато подбадривая ее. — Твоя память улучшится при движении, Фриска.

* * *

Серый Мышелов и Ививис утешились такими поцелуями и ласками, которые, как им казалось, можно было себе позволить в Гваэевом Зале Волшебства, или теперь уж скорее в Зале Спящих Волшебников. Потом — надо признать, что в основном поддавшись уговорам Ививис — они посетили близлежащую кухню, где Мышелов с готовностью выманил у бесформенной кухарки три больших тонких ломтя не вызывающей никаких сомнений довольно редкой здесь говядины и поглотил их с величайшим наслаждением.

Удовлетворив по крайней мере один из своих appetитов, Мышелов согласился продолжить маленькую прогулку и даже остановился посмотреть на грибное поле. Очень странно было видеть между грубо отесанными каменными столбами сужающиеся, сходящиеся в бесконечность и исчезающие в пахнущей аммиаком темноте ряды белых шампиньонов.

К этому моменту Мышелов и Ививис начали поддразнивать друг друга; он обвинял ее в том, что у нее было чересчур много любовников, привлеченных ее вызывающей красотой, она же стойко отрицала это, но в конце концов призналась, что из-за некого Клевиса, пажа Гваэя, ее сердце пару раз начинало биться быстрее.

— И тебе, Серый Гость, лучше его остерегаться, — предупредила она, погрозив тонким пальчиком, — потому что он, без сомнения, самый свирепый и самый умелый из всех воинов Гваэя.

Затем, чтобы сменить тему разговора и вознаградить Мышелова за терпение, с которым тот осматривал грибное поле, она увлекла его — теперь они

шли, держась за руки — в винный погреб. Там она очень мило выпросила у немолодого раздражительного дворецкого большую кружку янтарной жидкости для своего спутника. К восхищению Мышелова, это оказалось чистейшее и очень крепкое виноградное вино без всяких горьких примесей.

После того как Мышелов удовлетворил два своих желания, третье вернулось к нему с еще большим пылом. Соприкосновение рук стало внезапно просто мучительным, а бледно-зеленая туника Ививис перестала быть объектом восхищения и предлогом для комплиментов и превратилась в препятствие, от которого следовало избавиться как можно быстрее, с соблюдением лишь минимально необходимых приличий.

Мышелов перехватил инициативу и повел Ививис самой прямой дорогой, какую мог вспомнить, почти без разговоров, к тому чулану, который он предназначил для своей добычи, на два Уровня ниже Гваэева Зала Волшебства. Наконец он нашел тот коридор, который искал — увешанный по обеим сторонам толстыми пурпурными коврами и освещенный немногочисленными медными канделябрами, каждый из которых свисал с каменного потолка на трех цепях и поддерживал три толстые черные свечи.

До сих пор Ививис следовала за Мышеловом, лишь слегка игриво упираясь и задавая — с невинным взглядом — минимум недоуменных вопросов по поводу того, что Серый собирается делать и почему нужна такая спешка. Но теперь ее колебания стали убедительными, в глазах появилось непритворное беспокойство или даже страх, а когда Мышелов остановился перед прорезью в ковре, за которой была дверь в его чулан, и с самой вежливой из похотливых ухмылок, на которую только был способен, дал ей понять, что они достигли цели, она резко отшатнулась и зажала рукой рот, подавляя готовое вырваться восклицание.

— Серый Мышелов, — торопливо прошептала она со страхом и в то же время с мольбой в глазах, — мне следовало признаться тебе раньше, а теперь я должна это сделать немедленно. По одному из тех зловещих и издевательских совпадений, которыми

полон весь Квормолл, ты выбрал для своего тайного убежища ту самую комнату, где...

Хорошо, что Мышелов серьезно воспринял взгляд и тон Ививис, ибо он был по своей природе недоверчив, его чувства были постоянно настороже и, самое главное, его щиколотки теперь отметили легкий, однако непривычный сквозняк, идущий из-под ковра. Безо всякого предупреждения кулак, заканчивающийся темным стилетом, метнулся сквозь прорезь в ковре к горлу Мышелова.

Ребром левой руки, поднятой, чтобы указать Ививис место, где будет их ложе, Мышелов отбил в сторону руку в черном рукаве.

Девушка воскликнула, не очень громко:
— Клевис!

Правой рукой Мышелов поймал пролетающую мимо конечность врага и вывернул ее, ударив одновременно растопыренной левой рукой нападавшего в подмышку.

Однако Мышелов слишком торопливо схватил руку противника, и поэтому захват вышел не очень надежным. Более того, Клевис не собирался сопротивляться, позволив таким образом Мышелову вывихнуть или сломать ему руку. Поэтому он умышленно крутнулся вместе с выворачивающим движением Мышелова, делая сальто вперед.

В итоге Клевис уронил стилет с крестообразной рукоятью, глухо звякнувший о покрытый толстым ковром пол, но невредимым вырвался из рук Мышелова и, сделав еще два сальто, легко опустился на ноги, после чего мгновенно обернулся, вытаскивая рапиру.

К этому времени Мышелов тоже вытащил Скальпель и кинжал Кошачий Коготь, но держал последний за спиной. Серый атаковал осторожно, пробными финтами. Когда Клевис начал мощную контратаку, Мышелов отступил, парируя каждый свирепый удар в самый последний момент, так что неприятельский клинок раз за разом, посвистывая, проносился совсем рядом.

Клевис ринулся вперед с особой свирепостью. Мышелов парировал удар, на этот раз сверху вниз и не отступая. Через мгновение они оказались прижаты-

ми друг к другу с поднятыми над головой, крепко сцепленными у рукоятей клинками.

Чуть повернувшись, Мышелов блокировал колено Клевиса, направленное ему в пах, и одновременно нанес противнику удар снизу кинжалом, который тот до сих пор не заметил; Кошачий Коготь вонзился как раз под грудной клеткой Клевиса, проткнув печень, желудок и сердце.

Отпустив кинжал, Мышелов отпихнул от себя тело и обернулся.

Ививис стояла лицом к сражающимся, готовая пустить в ход зажатый в руке стилет Клевиса.

Тело с глухим стуком упало на пол.

— Кого из нас ты собиралась проткнуть? — осведомился Мышелов.

— Я не знаю, — ответила девушка бесцветным голосом. — Тебя, наверное.

Мышелов кивнул.

— До того, как нас прервали, ты говорила: «Та самая комната, где...» что?

— ...где я часто встречалась с Клевисом, — ответила она.

Мышелов снова кивнул.

— Значит, ты любила его, и...

— Заткнись, идиот! — перебила она. — Он мертв?!

В ее голосе одновременно звучали боль и раздражение.

Мышелов, отступая, прошел вдоль трупа и остановился у головы. Взглянув вниз, он сказал:

— Мертвее не бывает. Он был красивым юношей.

В течение долгого мгновения они мерили друг друга взглядом, поверх трупа, словно два леопарда. Потом, чуть отвернув лицо, Ививис сказала:

— Спрячь тело, болван. Его вид терзает мне душу.

Кивнув, Мышелов нагнулся и закатил труп за ковер с противоположной от двери в чулан стороны коридора. Рядом с Клевисом он положил его рапиру, затем вытащил из тела Кошачий Коготь. Из раны вытекло совсем немного темной крови. Мышелов вытер кинжал о висящий на стене ковер, а потом отпустил тяжелую ткань, закрывая тело.

Выпрямившись, Серый выхватил стилет из руки погруженной в задумчивость девушки и резким дви-

жением кисти швырнул его так, что клинок тоже исчез под ковром.

Одной рукой он отвел в сторону ковер у входа в чулан. Другой взял Ививис за плечо и подтолкнул ее к двери, которую Клевис на свою погибель оставил открытой.

Девушка немедленно вырвалась, однако прошла в дверь. Мышелов последовал за ней. Глаза обоих все еще сохраняли выражение, напоминающее о повздоривших леопардах.

Чулан освещался одним-единственным факелом. Мышелов закрыл за собой дверь и задвинул засов.

Ививис, подводя итог, сказала сквозь зубы:

— Ты задолжал мне очень много, Серый Чужестранец.

Мышелов обнажил зубы в безрадостной ухмылке. Он не задержался, чтобы взглянуть, не трогал ли кто-нибудь украденные им безделушки. В ту минуту это даже не пришло ему в голову.

* * *

Фафхрд почувствовал облегчение, когда Фриска сообщила ему, что более темная щель в самом конце темного, длинного, прямого коридора, в который они только что вошли, и есть дверь в Зал Призраков. Это было торопливое, изматывающее нервы путешествие, во время которого приходилось то и дело выглядывать из-за угла и отскакивать назад, в темные альковы, если кто-нибудь проходил мимо; и спуститься вниз глубже, чем ожидал Фафхрд. Если сейчас они всего лишь достигли вершины Нижних Уровней, то тогда этот Квормолл должен быть бездонным. Однако настроение Фриски значительно улучшилось. Теперь она временами бежала почти вприпрыжку в своей белой, низко вырезанной сзади сорочке. Фафхрд целеустремленно шагал, держа в левой руке ее платье и туфли, а в правой — топор.

Облегчение, испытанное Северянином, ни в коей мере не уменьшило его настороженности, так что когда кто-то бросился на него из черного, как чернила, входа в тоннель, мимо которого они проходили, Фафхрд небрежно взмахнул топором, почувствовав, как лезвие наполовину погружается в чью-то голову.

Он увидел миловидного белокурого юношу, теперь как нельзя более печально мертвого; его миловидность была основательно подпорчена топором, все еще торчащим в ужасной ране. Красивая рука разжалась, и шпага упала на пол.

— Ховис! — услышал Фафхрд крик Фриски. — О боги! О боги, которых здесь нет! Ховис!

Фафхрд поднял ногу в тяжелом сапоге и искоса ударил ею в грудь юноши, одновременно высвободив топор и отбрасывая труп назад, в темноту тоннеля, из которого минуту назад еще живой человек выбежал так поспешно.

Быстро оглядевшись и прислушавшись к тому, что делается вокруг, Фафхрд повернулся к Фриске, стоящей с белым лицом и остановившимся взглядом.

— Кто этот Ховис? — спросил Северянин, слегка встряхнув девушку за плечо, когда она не ответила.

Дважды ее рот открывался и закрывался, в то время как лицо оставалось таким же безжизненным и невыразительным, как у слабоумной или у рыбы. Потом, слегка глотнув воздуха, она сказала:

— Я солгала тебе, варвар. Я встречалась здесь с Гваэевым пажем Ховисом. Не один раз.

— Тогда почему ты не предупредила меня, девчонка? — спросил Фафхрд. — Ты, что, думала, что я буду порицать тебя за твою безнравственность, словно какой-нибудь седобородый горожанин? Или ты совсем не ценишь своих мужчин, Фриска?

— О, не упрекай меня, — с несчастным видом попросила девушка. — Пожалуйста, не упрекай меня.

Фафхрд похлопал ее по плечу.

— Ну, ну, — сказал он. — Я забыл, что тебя недавно пытали, и ты вряд ли сейчас в состоянии помнить обо всем. Идем.

Едва они успели пройти дюжину шагов, как Фриска начала одновременно вздрагивать и всхлипывать в быстро нарастающем крещендо. Потом она повернулась и бросилась обратно с криком:

— Ховис! Ховис, прости меня!

Фафхрд поймал ее прежде, чем она успела сделать три шага. Он снова встряхнул девушку, а когда это не остановило ее всхлипываний, свободной рукой

закатил две пощечины, заставив ее голову слегка качнуться.

Она тупо уставилась на Северянина.

Он сказал ей, отнюдь не свирепо, а скорее угрюмо:

— Фриска, я должен сказать тебе, что Ховис сейчас находится там, где твои слова и слезы его никогда уже больше не тронут. Он мертв. Этому уже не поможешь. И я убил его. Этому тоже нельзя изменить. Но ты еще жива. Ты можешь спрятаться от Хасьярла. И наконец, веришь ты в это или нет, можешь бежать со мной из Квормолла. А теперь идем, и не надо оглядываться.

Она слепо повиновалась, и лишь самый слабый из всех стонов, какие только бывают, вырвался из ее груди.

* * *

Серый Мышелов с наслаждением потянулся на черной с проседью медвежьей шкуре, брошенной на пол чулана. Потом приподнялся на локте, нашел ожерелье из черных жемчужин, украденное им у Гваэя, и в бледном холодном свете висящего сверху единственного факела примерил его на грудь Ививис. Как и предполагалось, жемчужины выглядели прекрасно. Он начал застегивать ожерелье на шее у девушки.

— Нет, Мышелов, — лениво запротестовала она. — Это пробуждает неприятные воспоминания.

Он не стал настаивать, откинулся назад на шкуру и беспечно сказал:

— Ах, какой же я счастливый человек, Ививис. У меня есть ты, и у меня есть хозяин, который хоть и утомляет меня слегка своим колдовством и своими бесконечными тихими разговорами, однако кажется достаточно безвредным типом, и его, уж конечно, гораздо легче вынести, чем его брата Хасьярла, если хоть половина того, что я слышал об этом последнем, — правда.

Голос Ививис оживился.

— Ты считаешь Гваэя безвредным? И более добрым, чем Хасьярл? О-ля-ля, какие странные представления. Да ведь всего неделю назад он призвал к себе мою дорогую, ныне покойную, подругу, Дивис, которая была тогда его любимой наложницей, и,

сказав ей, что это ожерелье из соответствующих камней, повесил ей на шею изумрудную гадюку, укусы которой неизбежно приносят смерть.

Мышелов повернул голову и уставился на Ививис.

— А почему Гваэй сделал это? — спросил он.

В ответ она безучастно посмотрела на него и недоуменно сказала:

— Ну как же, да просто так, конечно. Все знают, что у него такая привычка.

Мышелов сказал:

— Ты имеешь в виду, что вместо того, чтобы объявить ей: «Ты мне надоела», он предпочел убить ее?

Ививис кивнула.

— Мне кажется, Гваэй так же не может оскорбить чувства человека, отвергнув его, как не может кричать.

— А что, лучше быть убитым, чем отвергнутым? — простодушно спросил Мышелов.

— Нет, но чувства Гваэя будут меньше оскорблены, если он убьет, чем если он отвергнет. Тут, в Квормолле, смерть повсюду.

Перед глазами Мышелова промелькнул образ Клевиса, коченеющего за ковром.

Ививис продолжала:

— Здесь, в Нижних Уровнях, нас хоронят еще до того, как мы рождаемся. Мы живем, любим и умираем погребенными. Даже когда мы раздеваемся, на нас остается невидимый покров из земли.

Мышелов сказал:

— Я начинаю понимать, почему в Квормолле необходимо воспитать в себе некоторую черствость, чтобы вообще быть в состоянии наслаждаться любым мгновением удовольствия, выхваченным из жизни, или, может быть, из смерти.

— Это как нельзя более верно, Серый Мышелов, — очень спокойно сказала Ививис, прижимаясь к нему.

* * *

Фафхрд начал было срывать паутину, соединяющую две покрытые слоем пыли половинки приоткрытой высокой двери, усаженной гвоздями, но потом

остановился и очень низко пригнулся, чтобы пройти, оставив наутину нетронутой.

— Ты тоже нагнись, — сказал он Фриске. — Лучше не оставлять никаких следов. Позже, если это понадобится, я позабочусь об отпечатках наших ног в пыли.

Они прошли вперед на несколько шагов и остановились, держась за руки, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Фафхрд все еще сжимал в руке платье и туфли Фриски.

— Это и есть Зал Призраков? — спросил Фафхрд.

— Да, — прошептала Фриска испуганным голосом. — Кое-кто говорит, что Гваэй и Хасьярл посылают своих покойников сражаться здесь. Некоторые говорят, что демоны, не подчиняющиеся ни тому, ни другому...

— Хватит, девочка, — мрачно приказал Фафхрд. — Если мне придется сражаться с демонами или с покойниками, то оставь мне мой слух и мое мужество.

После этого они немного помолчали, пока пламя последнего факела, висевшего в двадцати шагах по ту сторону полуоткрытой двери, медленно открывало им просторную комнату с низким сводчатым потолком, сделанным из огромных, грубо отесанных черных блоков, скрепленных светлым раствором. В комнате было немного мебели в чехлах, превратившихся в лохмотья, и много маленьких закрытых дверей. По обе стороны в нескольких футах над полом были установлены широкие кафедры, а в центре комнаты, как ни странно, находилось нечто, очень похожее на высохший фонтан с бассейном.

Фриска прошептала:

— Кое-кто говорит, что Зал Призраков был некогда гаремом владык-отцов Квормолла в течение нескольких веков, когда они жили под землей, между Уровнями, прежде чем отец нынешнего властителя, Квормала, поддавшись уговорам своей жены-русалки, вернулся в Главную Башню. Видишь, они ушли отсюда так внезапно, что новый потолок не был ни окончательно отполирован, ни полностью зацементирован, ни украшен рисунками, если таковые предполагались.

Фафхрд кивнул. Он не доверял этому не опирающемуся на колонны потолку и думал, что помещение выглядело значительно более примитивно, чем комнаты Хасьярла с отполированными и завешенными кожей стенами. Это подало Северянину одну идею.

— Скажи мне, Фриска, — попросил он. — Как получается, что Хасьярл может видеть с закрытыми глазами? Он что...

— Неужели ты не знаешь? — удивленно перебила она. — Ты не знаешь даже тайну его страшного подглядывания? Он просто...

Неясная, бархатистая тень с почти неслышно высоким писком пронеслась рядом с их лицами, и Фриска, тихо вскрикнув, спрятала лицо на груди Фафхрда, крепко прижимаясь к Северянину всем телом.

Перебирая пальцами ее пахнущие вереском волосы, чтобы показать ей, что там не пристроилась ни одна летучая мышь, и поглаживая вверх и вниз ладонями ее обнаженные плечи, чтобы продемонстрировать, что мышь не уселась и туда, Фафхрд начал полностью забывать о Хасьярле и о загадке его второго зрения — а также о своем беспокойстве, что на них может обрушиться потолок.

Следуя обычаю, Фриска дважды вскрикнула, очень тихо.

* * *

Гваэй томно хлопнул в свои белые, прекрасно ухоженные ладони и легким кивком показал ожидающим рабам, что они могут унести блюда с низкого стола. Принц лениво откинулся в глубоком, мягком кресле и из-под полуприкрытых век на мгновение взглянул на своего сотрапезника, прежде чем начать говорить. Его брат Хасьярл, сидевший по другую сторону стола, был далеко не в лучшем настроении. Но Хасьярл вообще редко испытывал что-либо, кроме раздражения или гнева, а чаще всего был просто угрюмым и злобным. Причиной этого служило, наверное, то, что Хасьярл был необыкновенно уродлив, и нрав уподобился телу; а возможно, все было как раз наоборот. Гваэю были безразличны обе теории: он знал только, что все, что его память говорила о Хасьярле, подтвердилось после одного-единственного

взгляда; и он снова осознал всю горечь того, как велика была его ненависть к своему брату. Однако Гваэй заговорил мягко, низким, приятным голосом:

— Ну что ж, Брат, может, нам сыграть в шахматы, эту дьявольскую игру, которая, как говорят, существует во всех мирах? Это даст тебе шанс снова восторжествовать надо мной. Ты всегда выигрываешь в шахматы, кроме тех случаев, когда сдаешься. Ну что, приказать, чтобы нам поставили доску?

Затем он вкрадчиво добавил: «Я дам тебе пешку форы!» и чуть приподнял руку, словно собираясь снова хлопнуть в ладоши, чтобы его предложение могло быть выполнено.

Хлыстом, который был привязан к запястью, Хасьярл стегнул ближайшего к нему раба по лицу и молча указал на массивную и богато украшенную шахматную доску, стоящую в другом конце комнаты. Это было очень типично для Хасьярла. Он был человеком действия и не любил произносить много слов, по крайней мере вдали от своей собственной территории.

Кроме того, Хасьярл был в отвратительном настроении. Флиндах оторвал его от наиболее интересного и возбуждающего развлечения: пытки! «И для чего?» — думал Хасьярл. Чтобы играть в шахматы с самодовольным братцем, сидеть и смотреть на его смазливое личико, есть пищу, которая, без всякого сомнения, расстроит желудок; ждать результатов составления гороскопа, которые он уже знал — знал уже в течение многих лет; и, наконец, чтобы быть вынужденным улыбаться, глядя в ужасные, с кровавыми белками глаза его отца, единственные в Квормолле, не считая глаза Флиндаха, и поднимать тост за правящий дом Квормолла, желая ему благополучия в следующем году. Все это было как нельзя более отвратительно, и Хасьярл недвусмысленно это показывал.

Раб, на лице которого быстро вздувался кровавый рубец, осторожно просунул шахматную доску между двумя братьями. Другой раб аккуратно расставил фигуры по клеткам, и Гваэй улыбнулся; ему пришел в голову план, как можно досадить брату. Как обычно, он выбрал черные фигуры и наметил гамбит, от которого, как он знал, его жадный соперник не в

силах будет отказаться; гамбит, на который Хасьярл согласится к своей гибели.

Хасьярл угрюмо откинулся назад в кресле и сложил руки на груди.

— Мне бы следовало заставить тебя играть белыми, — пожаловался он. — Я знаю те презренные штучки, которые ты можешь выделять с черными камешками — я видел, как ты, еще бледным, как девочка, ребенком швырял их по воздуху, чтобы напугать какое-нибудь рабское отродье. Как я узнаю, что ты не жульничаешь и не двигаешь свои фигуры без помощи пальцев, пока я сижу в глубокой задумчивости?

Гваэй мягко ответил:

— Моя презренная власть, как ты очень справедливо окрестил ее, Брат, простирается только на куски базальта, обломки обсидиана и другие камни вулканической природы, подходящие моему более низкому уровню. А эти шахматные фигурки сделаны из гагата, Брат, который, как ты несомненно знаешь благодаря своей великой учености, есть всего лишь сорт угля, растительный материал, спрессованный до черноты, и который даже не относится к тому же самому царству, что те, очень немногие материалы, подчиненные моим мелким чарам. Более того, Брат, если бы ты не разглядел даже ничтожнейший трюк своими глазами, искусно прооперированными рабом, то этому можно было бы очень удивляться.

Хасьярл что-то прорычал себе под нос. До тех пор, пока все не было готово, он не шевельнулся; потом стремительно, словно метнувшаяся для удара гадюка, схватил черную ладейную пешку с доски и, хихикая и брызгая слюной, рывкнул:

— Помнишь, Брат? Это та пешка, что ты мне пообещал! Ходи!

Гваэй сделал знак стоящему рядом рабу выдвинуть вперед королевскую пешку. Хасьярл ответил таким же ходом. Минутная пауза, и Гваэй предложил свой гамбит: пешка на d4. Хасьярл жадно ухватился за очевидное преимущество, и игра началась всерьез. Гваэй, на спокойном лице которого играла непринужденная улыбка, казалось, меньше интересовался игрой в шахматы, чем игрой теней от мигающих ламп на тисненой обивке из телячьей, ягнячьей

и змеиной кожи и даже из кожи рабов и более благородных людей; казалось, что он делает ходы экспромтом, без какого-либо плана, и в то же время уверенно. Хасьярл, с сосредоточенно сжатыми губами, не отрывал взгляда от доски, и каждый его ход был действием, тщательно продуманным как умственно, так и физически. Сосредоточенность заставила его на мгновение забыть о брате, забыть обо всем, кроме стоящей перед ним задачи; поскольку больше всего на свете Хасьярл любил выигрывать.

Это всегда было так; даже когда они еще были детьми, контраст между ними был очевидным. Хасьярл был старшим; старше всего на несколько месяцев, которые его внешность и поведение растянули на несколько лет. Его длинный, бесформенный торс был неуклюже посажен на короткие кривые ноги. Левая рука была заметно длиннее, чем правая, а пальцы, которые соединяла тянущаяся до первого сустава странная перепонка, были короткими, похожими на обрубки, и узловатыми, с ломкими, покрытыми бороздками ногтями. Хасьярл был похож на головоломку, так плохо собранную из отдельных фрагментиков, что все они располагались ужасно криво и не подходили друг к другу.

Это было особенно верно по отношению к чертам его лица. У него был нос отца, хотя более толстый и покрытый крупными порами; но этому носу противоречил рот с тонкими, плотно сомкнутыми губами, которые вечно были поджаты, так что в конце концов стали выглядеть постоянно сведенными судорогой. Волосы, прямые и без блеска, росли низко на лбу, а низкие, приплюснутые скулы добавляли еще одно противоречие.

Когда Хасьярл был еще подростком, он, движимый какой-то извращенной прихотью, подкупил, уговорил или, что вероятнее всего, запугал одного из рабов, разбирающегося в хирургии, и заставил его выполнить маленькую операцию на его верхних веках. Само по себе это было незначительным происшествием, однако его скрытый смысл и результаты неприятно повлияли на жизни многих людей и никогда не переставали восхищать Хасьярла.

То, что простое протыкание двух маленьких дырочек, которые при закрытых веках оказывались

прямо против зрачков, могло вызвать столько беспокойства у других людей, было невероятно; однако это было так. Легкие, как перышко, колечки из гладчайшего золота, нефрита или — как теперь — слоновой кости не давали дырочкам сомкнуться.

Когда Хасьярл глядел сквозь эти крошечные отверстия, это создавало впечатление засады и заставляло объект наблюдений чувствовать, что за ним следят; но это была наименее неприятная из многих, вызывающих раздражение привычек Хасьярла.

Хасьярл ничего не делал легко, но он все делал хорошо. Даже в фехтовании постоянные тренировки и необычно длинная левая рука помогли ему сравняться с атлетически развитым Гваэем. Его управление подчиненными ему Верхними Уровнями было прежде всего экономичным и спокойным; потому что худо приходилось тому рабу, который плохо выполнял хоть какую-то мельчайшую деталь своих обязанностей. Хасьярл видел и наказывал.

Хасьярл уже почти сравнялся со своим учителем в применении Искусства на практике; и он окружил себя сонмом волшебников, почти равных по калибру самому Флиндаху. Но столь тяжело доставшееся совершенство не доставляло ему радости, потому что между абсолютной властью, которой он жаждал, и осуществлением этой жажды стояло два препятствия: владыка Квормолла, которого он боялся больше всего на свете, и младший брат Гваэй, которого он ненавидел ненавистью, вскормленной на зависти и подкармливаемой его собственными ущемленными желаниями.

Гваэй, в противоположность брату, был гибким, хорошо сложенным, с приятной внешностью. Его глаза, бледные и широко расставленные, были обманчиво мягкими и добрыми, они маскировали волю такую же сильную и готовую к действию, как сжатая стальная пружина. Постоянное пребывание на Нижних Уровнях, которыми он правил, сообщило его бледной гладкой коже специфический восковой глянец.

Гваэй обладал завидной способностью — делать все хорошо без особых усилий и с еще меньшей практикой. В некотором роде он был гораздо хуже, чем его брат: если Хасьярл и убивал пытками и

медленной болью, явно получая от этого личное удовлетворение, он, по меньшей мере, придавал какое-то значение жизни, поскольку отбирал ее с такой педантичностью. В то время как Гваэй, мягко улыбаясь, убивал без повода, словно шутя. Даже группа волшебников, которую он собрал вокруг себя для защиты и потехи, не была свободна от его фатальных и быстрых припадков плохого настроения.

Некоторые думали, что Гваэю незнаком страх, но это было не так. Он боялся владыки Квормолла, и он боялся своего брата; или, скорее, боялся, что будет убит своим братом прежде, чем сам успеет его убить. Однако его страх и ненависть были спрятаны так хорошо, что он мог сидеть, расслабившись, меньше чем в двух ярдах от Хасьярла и весело улыбаться, наслаждаясь каждой минутой вечера. Гваэй тешил себя надеждой, что в совершенстве владеет всеми своими эмоциями.

Шахматная игра прошла начальную стадию, ходы стали занимать больше времени, и теперь Хасьярл со стуком поставил ладью на седьмую линию.

Гваэй мягко заметил:

— Твой воин с башней зашел глубоко на мою территорию, Брат. По слухам, ты нанял могучего бойца с севера. С какой целью, хотел бы я знать? В нашем-то, окутанном покоем, пещерном мире. Может, он что-то вроде живой ладьи?

Он помедлил, неподвижно держа руку над одним из своих коней.

Хасьярл хихикнул.

— А если его задача — перерезать хорошенькие глотки, то тебе-то что до этого? Я не знаю ничего об этом воине-ладье, но говорят — болтовня рабов, без сомнения, — что ты сам привез себе из Ланкмара искусного рубака. Может, мне стоит назвать его конем?

— Да, в эту игру могут играть двое, — с прозаической философией заметил Гваэй и, подняв коня, мягко, но твердо поставил его на е6.

— Меня ты в это не втянешь, — прорычал Хасьярл. — Тебе не удастся выиграть за счет того, что ты отвлечешь мои мысли.

И, нагнув голову над доской, он вновь погрузился в свои всепоглощающие расчеты.

На заднем плане двигались рабы, проверяя лампы и подливая в них масла. Для того, чтобы осветить комнату Совета, требовалось много ламп, поскольку в помещении был низкий потолок с массивными балками, увешанные коврами стены почти не отражали желтые лучи, а мозаичный пол был вытерт бесчисленными шагами прошлого до тусклого великолепия. Эта комната была вырублена в естественной скале; руки давно забытых мастеров установили массивные кипарисовые балки и хитроумно инкрустировали пол. Эти жизнерадостные, поблекшие от времени шпалеры были развешены рабами какого-то из древних властелинов Квормолла, захватившего проходивший мимо караван; таким же образом попали сюда все остальные богатые украшения. Шахматы и кресла, покрытые резьбой цоколи ламп и масло, питающее фитили, и рабы, присматривающие за ними: все это была добыча. Добыча многих прошедших поколений, когда властители Квормолла грабили страну вдоль и поперек и брали свою долю с каждого проходящего каравана.

* * *

Высоко над той теплой, роскошно обставленной комнатой, где Гваэй и Хасьярл играли в шахматы, владыка Квормолла закончил последние расчеты, которые должны были завершить его гороскоп. Тяжелые кожаные занавеси закрывали теперь звезды, только что смотревшие вниз и дарившие свое благословение или предвещавшие судьбу. Единственным светом в заполненной инструментами комнате был крошечный огонек тонкой восковой свечки. Обычай требовал, чтобы окончательный гороскоп был прочитан при таком скудном освещении, и Квормалу приходилось напрягать даже свое острое зрение, чтобы правильно разглядеть Знаки и Дома.

Пока он еще раз проверял окончательные результаты, его подвижные губы кривились в презрительной усмешке, в гримасе неудовольствия. *Сегодня или завтра*, думал он, чувствуя холод в груди. *Самое позднее, завтра к вечеру*. Да, у него действительно мало времени.

Потом, словно развеселившись какой-то тонкой

шуткой, он усмехнулся и кивнул, отчего его костлявая тень чудовищно заколыхалась на занавесях и прорезанной амбразурами стене.

Наконец, Квормал отложил в сторону карандаш и от единственной горящей свечи зажег еще семь, более толстых. Теперь стало светлее, и он заново перечитал гороскоп. На этот раз он никак не выразил свое удовольствие или какие-либо другие эмоции. Он медленно свернул покрытый сложными диаграммами и исписанный пергамент в тонкую трубочку и засунул за пояс; потом, потирая худощавые ладони, усмехнулся снова. На столе рядом с ним лежали все ингредиенты, которые требовались для удачи его плана: порошки, масла, тонкие кожи и другие материалы и инструменты.

Время поджимало. Он работал быстро; его сплюснутые на концах пальцы совершали чудеса ловкости. Один раз он кое за чем подошел к стене. Лорд Квормолла не делал ошибок и не мог позволить себе этого.

Через короткое время все было сделано к его удовлетворению. Погасив те свечи, что он зажег последними, Квормал, владыка Квормолла, расслабленно откинулся назад в кресле и при слабом свете единственной свечки призвал к себе Флиндаха, чтобы можно было огласить гороскоп тем, кто ждал внизу.

По своему обыкновению, Флиндах появился почти сразу же. Он предстал перед своим хозяином, сложив руки на груди и покорно склонив голову. Флиндах никогда не злоупотреблял своим положением. Его фигура была освещена только снизу до пояса, а поверх этого тень скрывала то выражение заинтересованности или скуки, которое могло бы появиться на его отмеченном бородавками и пятнами лице. Подобным же образом было скрыто и изрытое оспинами, но все же более гладкое лицо Квормала, и только его бледные радужки фосфоресцировали в полумраке, словно две миниатюрные луны в темном окровавленном небе.

Словно испытывая Флиндаха или будто увидев его в первый раз, Квормал медленно поднял взгляд от ступней до лба стоящей перед ним фигуры и,

глядя прямо в затененные глаза Флиндаха, так похожие на его собственные, заговорил:

— О Мастер Магов, в твоей власти оказать мне благодеяние сегодня ночью.

Флиндах хотел было заговорить, но Квормал поднял руку и быстро продолжил:

— Я наблюдал за тем, как ты из мальчика становишься юношей, и из юноши — мужчиной; я питал твои познания в Искусстве, пока они не стали уступать лишь моим собственным. Одна и та же мать выносила нас, хотя я был ее первенцем, а ты — ребенком ее последнего плодородного года; и это родство помогало нам. Твое влияние в Квормолле почти равно моему. Так что я чувствую, что твое усердие и верность заслуживают некоторой награды.

И снова Флиндах хотел заговорить, но жест Квормала помешал ему. Квормал говорил теперь более медленно, сопровождая слова отрывистым постукиванием пальцев по свитку пергамента:

— Мы оба прекрасно знаем и по слухам, и из непосредственных источников, что мои сыновья замышляют мою смерть. Правда также и то, что их планы должны быть каким-то образом расстроены, ибо ни один из двух не достоин стать владыкой Квормолла; и мне кажется невозможным, что кто-нибудь из них когда-нибудь достигнет подобной мудрости. В результате их склок Квормолл погибнет от запустения и небрежения, как погиб Зал Призраков. Более того, каждый из них, чтобы подкрепить действие своего колдовства, тайком нанял искусного рубаку из дальних краев — ты видел воина Гваэя — а это начало появления свободных наемников в Квормолле и верная гибель для нашей власти.

Он протянул руку к темным плотным рядам мумифицированных и восковых масок и задал риторический вопрос:

— Разве владыки Квормолла защищали и сохраняли наши, скрытые от глаз владения для того, чтобы капитаны-чужестранцы могли входить на наши советы, толпиться там и, в конце концов, захватить власть?

Он понизил голос и продолжал:

— А теперь гораздо более тайное дело. Наложни-

ца Кевисса носит в своем чреве мое семя: отпрыск мужского пола, согласно всем знамениям и пророчествам оракулов, — хотя это известно только Кевиссе и мне, а теперь и тебе, Флиндах. Если бы этот нерожденный побег достиг хотя бы отрочества, не имея братьев, я умер бы спокойно, оставив его под твое попечение с полным доверием и уверенностью.

Квормал помолчал, сидя бесстрастно, как статуя.

— Однако предупредить действия Хасьярла и Гваэя становится с каждым днем все труднее, ибо действия эти набирают силу и размах. Собственная врожденная порочность моих сыновей дает им доступ к областям и демонам, которых их предшественники могли лишь представлять в своем воображении. Даже я, уж на что сведущ в некромантии, часто чувствую отвращение.

Он умолк и загадочно посмотрел на Флиндаха. Тот заговорил, в первый раз с тех пор, как вошел в комнату. Его голос был голосом человека, привыкшего к произнесению магических формул, глубоким и звучным.

— Хозяин, то, что ты говоришь — правда. Однако как сможешь ты обойти их планы? Ты так же хорошо, как и я, знаешь тот обычай, который запрещает, пожалуй, единственное средство расстроить то, что они задумали.

Флиндах сделал паузу, словно собираясь сказать еще что-то, но Квормал резко вмешался:

— Я составил схему, которая может сработать, а может и нет. Ее успех зависит почти целиком от твоего сотрудничества.

Он понизил голос почти до шепота, жестом призывая Флиндаха подойти ближе.

— Даже у стен бывают уши, о Флиндах, а мне хотелось бы, чтобы этот план оставался в полной тайне.

Квормал снова сделал призывный жест, и Флиндах подошел еще ближе, пока не оказался на расстоянии вытянутой руки от своего хозяина. Пригнувшись, он встал в такую позу, чтобы его ухо оказалось вблизи от губ властителя. Это расстояние было самым близким из всех, на которые он когда-либо приближался к Квормалу, и странное беспокойство заполнило его мозг, возрожденное не-

былицами детства. Этот древний человек, не имеющий возраста, с перламутровой радужкой глаз, так похожих на его собственные, казался Флиндаху никаким не сводным братом, а неким странным, беспощадным сводным отцом.

Разрастающийся в нем ужас усилился, когда он почувствовал, как жилистые пальцы Квормала смыкаются на его запястье и мягко заставляют его придвинуться ближе, почти стать на колени рядом с креслом.

Губы Квормала быстро зашевелились, и Флиндах подавил в себе стремление вскочить и бежать, когда план начал разворачиваться перед ним. Свистящим голосом произнесена фраза, последняя фраза, Квормал замолчал, и Флиндах осознал всю чудовищность этого плана. В тот момент, когда это осознание проникло в его мозг, единственная свечка оплыла и погасла. Наступила полная тьма.

* * *

Шахматная игра была в разгаре; единственными звуками, не считая неумолчного шарканья босых ног и шипения фитилей в лампах, были глухое постукивание шахматных фигурок и отрывистое покашливание Хасьярла. Низкий стол, за которым сидели оба брата, стоял напротив широкой сводчатой двери — единственного видимого входа в комнату Совета.

Был и еще один вход. Он вел в Главную Башню Квормолла; и именно к этой, закрытой ковром двери наиболее часто обращались взгляды Гваэя. Принц был твердо уверен в том, что сообщение о гороскопе будет таким же, как обычно, но в этот вечер его охватило некое любопытство; он чувствовал смутное предзнаменование, возвещающее наступление какого-то неблагоприятного события; это было похоже на предвещающие шторм порывы ветра.

Сегодня боги даровали Гваэю знамение; знамение, которое ни его некроманты, ни его собственное искусство не смогли истолковать к его полному удовлетворению. Так что он чувствовал, что умнее будет подготовиться к развитию событий и не предпринимать лишних шагов.

Как раз в тот момент, когда Гваэй смотрел на

шпалеру, за которой, как он знал, скрывалась дверь, откуда выйдет Флиндах, чтобы объявить о результатах составления гороскопа, эта шпалера вздулась пузырем и задрожала, словно на нее подул какой-то ветерок или легко толкнула чья-то рука.

Хасьярл резко откинулся назад в кресле и воскликнул своим высоким голосом:

— Шах ладьей твоему королю и мат в три хода!

Он зловеще опустил одно веко и с торжеством посмотрел на Гваэя.

Тот, не отрывая взгляда от все еще колышавшейся шпалеры, сказал ясным, мягким голосом:

— Мой конь вмешивается, заметив шах, Брат. Я ставлю мат в два хода. Ты снова ошибся.

Но как раз в тот момент, когда Хасьярл с грохотом смел шахматы на пол, ковер заколыхался еще сильнее. Два раба раздвинули его посередине, и прозвучал резкий удар гонга, оповещающий о приближении какого-то высокого сановника.

Из-за завесы бесшумно выступила высокая худощавая фигура Флиндаха. Его, скрытое в тени лицо, несмотря на безобразное родимое пятно и три бородавки, было исполнено великого и торжественного достоинства. А своей мрачной невыразительностью — невыразительностью, которую странным образом высмеивал многозначительный блеск, затаившийся глубоко в черных зрачках глаз с перламутровой радужкой и алыми белками — оно, казалось, предвещало какие-то плохие новости.

Флиндах, стоящий в арочном проеме, обрамленном богатыми шпалерами, поднял одну руку в жесте, требующем молчания, и в длинном низком зале прекратилось всякое движение. Хорошо вышколенные рабы-прислужники застыли на своих местах, почтительно склонив голову; Гваэй остался сидеть, как и прежде, глядя на Флиндаха в упор; Хасьярл, который полуобернулся в тот момент, когда прозвучал гонг, также ждал сообщения. Они знали, что через мгновение их отец Квормал выступит из-за спины Флиндаха и, зловеще улыбаясь, объявит свой гороскоп. Процедура всегда была такой; и всегда, с тех пор как каждый мог вспомнить, Гваэй и Хасьярл в этот момент желали своему отцу смерти.

Флиндах начал говорить, подняв руку в драматическом жесте:

— Составление гороскопа было завершено, и заключение сделано. Судьба человека исполняется в тот самый момент, как ее предсказывают Небеса. И вот какие новости принес я Хасьярлу и Гваэю, сынам Квормала!

Быстрым движением Флиндах вытащил из-за пояса тонкий свиток пергамента и, смяв его ладонями, уронил к своим ногам. Продолжая то же самое движение, он протянул руку за свое левое плечо и, выступив из тени арки, натянул на голову острокопечный капюшон.

Широко раскинув руки, Флиндах заговорил голосом, который, казалось, шел издалека:

— Квормал, владыка Квормолла, окончил свое правление. Гороскоп исполнился. Пусть скорбят все, кто находится внутри стен Квормолла. В течение трех дней место владыки будет вакантным. Так требует обычай, и так будет. Утром, когда солнце войдет во двор замка, то, что осталось от того, кто был некогда великим и могущественным властителем, будет предано огню. А теперь я иду оплакивать своего хозяина и наблюдать за выполнением похоронных обрядов и постов, молитвами готовясь к его уходу. Делайте и вы то же самое.

Флиндах медленно повернулся и исчез в темноте, из которой пришел.

В течение десяти полных ударов сердца Гваэй и Хасьярл сидели неподвижно. Это сообщение прозвучало для обоих, как удар грома. Гваэю на секунду захотелось хихикать, как ребенку, который неожиданно избежал наказания и которого вместо этого поощрили; но в тайниках своего мозга он был наполовину убежден, что все это время он знал, каким будет результат гороскопа. Однако он поборол свое ребяческое ликование и сидел молча, с неподвижным взглядом.

Хасьярл, с другой стороны, прореагировал так, как и следовало от него ожидать. Он соорудил несколько диковинных гримас и закончил непристойным полузадушенным смешком. Потом он нахмурился и, повернувшись, сказал Гваэю:

— Разве ты не слышал, что сказал Флиндах? Я должен идти и подготовиться!

С этими словами он, пошатываясь, поднялся на ноги, молча зашагал через комнату и вышел в широкую сводчатую дверь.

Гваэй остался сидеть еще несколько мгновений, нахмурившись и сосредоточенно сощутив глаза, словно размышляя над какой-то темной проблемой, для разрешения которой требовались все силы. Внезапно он щелкнул пальцами, сделал знак своим рабам, чтобы они шли вперед, и стал готовиться к возвращению в Нижние Уровни.

* * *

Фафхрд едва успел покинуть Зал Призраков, когда услышал слабое дребезжание и позвякивание, какое издают осторожно передвигающиеся вооруженные люди. Его очарованное любованием прелестями Фриски тут же улетучилось, словно Северянина окатили ледяной водой. Он отпрянул в более густую тьму и подслушивал достаточно долго, чтобы выяснить, что это был патруль Хасьярла, охраняющий Верхние Уровни от вторжения из Гваэевых Нижних — а не выслеживающий его и Фриску, как Северянин опасался. Потом Фафхрд быстро направился к Хасьярлову Залу Волшебства, испытывая мрачное удовлетворение от того, что его память на ориентиры и повороты работала, казалось, так же хорошо в лабиринте тоннелей, как на лесных тропах и крутых зигзагообразных горных подъемах.

Странное зрелище, встретившее его, когда он достиг своей цели, заставило остановиться на каменном пороге. Полностью обнаженный Хасьярл стоял по колено в воде в окутанной паром мраморной ванне, сделанной в форме раковины-гребешка; он ругался и поносил людей, заполнявших огромную комнату. А они, все как один — волшебники, офицеры, надсмотрщики, пажи с большими, окаймленными бахромой полотенцами, темно-красными одеждами и другими предметами туалета в руках — стояли трепетно-неподвижно, с раболепным страхом в глазах. Исключением были только три раба, дро-

жащими, но ловкими руками намыливающие и поливающие своего хозяина.

Фафхрд был вынужден признать, что голый Хасьярл был каким-то более целостным — уродливым повсюду — злой дух, рождающийся из горячего источника. И хотя его гротескный по-детски розовый торс и разной длины руки дергались и извивались в припадке бешенства, порожденного страхом, все же в нем было какое-никакое достоинство.

Он рычал:

— Говорите, вы все, есть ли какая-нибудь предосторожность, о которой я забыл, правило, которое я упустил из виду, крысиная нора, которую я проглядел и через которую может пробраться Гваэй? О, почему именно в эту ночь, когда демоны подстерегают меня и я должен держать в уме тысячу вещей и одеться для похорон моего отца, именно в эту ночь меня должны обслуживать одни кретины? Вы, что, все оглохли и онемели? Где этот великий воитель, которому следовало бы защищать меня сейчас? Где мои алые колечки? Меньше намыливай здесь, ты... возьми это! Ты, Эссем, хорошо ли нас охраняют сверху? Я не доверяю Флиндаху. Иссим, достаточно ли у нас стражников внизу? Гваэй — это змея, которая может нанести удар сквозь любую щель. О Темные Боги, защитите меня! Иди в казарму, Иссим, возьми еще людей и усиль наши патрули внизу — и раз уж ты пойдешь туда, я сейчас припомнил, прикажи, чтобы они продолжали пытаться Фриску. Вырвите у нее правду! Она участвует в заговоре Гваэя против меня — сегодняшняя ночь меня в этом убедила. Гваэй знал, что смерть моего отца неизбежна, и разработал планы вторжения много недель назад. Все вы здесь можете быть шпионами у него на жалованье! О, где же мой воитель? И где мои алые колечки??!

Фафхрд, который продвигался вперед, ускорил шаги при упоминании о Фриске. Простые расспросы в камере пыток обнаружат ее побег и его участие в нем. Он должен как-то отвлечь Хасьярла. Поэтому он остановился почти перед лицом розового, мокрого принца, от которого шел пар, и смело сказал:

— Твой воитель здесь, владыка. И он советует тебе не вялую оборону, а быстрый удар по Гваэю!

Без сомнения, твой мощный ум уже разработал множество хитроумных планов атаки. Порази врага, как громом!

Фафхрду едва удалось договорить свою речь убедительно и не позволить своему голосу замолкнуть, потому что его внимание полностью поглотила проделываемая в это время странная операция. Пока Хасьярл стоял неподвижно, скрючившись и вывернув набок голову, раб-банщик с лицом пепельного цвета оттянул левое верхнее веко принца за ресницы и вставил в проделанную в нем дырочку крошечное алое колесико или колечко с двумя выступами вдоль ребра; по размеру оно было не больше зерна чечевицы. Колечко было насажено на конец прутика из слоновой кости, тонкого, как соломинка, а все действия раба выполнялись с таким напряженным вниманием, с каким человек берет яд у гремучей змеи, — если можно вообразить себе такое мероприятие чисто в целях сравнения.

Однако эта операция была быстро завершена — и с правым глазом тоже — и, по-видимому, к полному удовлетворению Хасьярла, поскольку он не ударил раба мокрым и покрытым мыльной пеной хлыстом, который все еще свисал с запястья, и поскольку, когда Хасьярл выпрямился, он широко ухмылялся Фафхрду.

— Твой совет хорош, воитель, — закричал он. — Все эти идиоты могут только трястись от страха. У меня действительно есть давно подготовленный план удара, который я испытаю сейчас; план, который не нарушит похоронных обрядов. Эссем, возьми рабов и принеси пыль — ты знаешь, что именно я имею в виду — и жди меня у вентиляторов. Девушки, смойте эту мыльную пену теплой водой. Мальчик, подай мне туфли и мой купальный халат! Те остальные одежды могут подождать. Следуй за мной, Фафхрд!

Но в эту минуту его взгляд за алыми колечками вспыхнул, остановившись на двадцати четырех бородастых, укрытых под капюшонами волшебниках, боязливо стоящих возле своих кресел.

— Немедленно возвращайтесь к своим чарам, вы, невежды! — взревел Хасьярл. — Я не говорил вам, что вы можете остановиться, пока я моюсь! Возвращайтесь к своим чарам и наслите все ваши болезни

на Гваэя — черную, красную, зеленую чуму, капель из носа и кровавое гниение — или я спалю ваши бороды до самых ресниц вместо вступления к еще более страшным пыткам! Торопись, Эссем! Идем, Фафхрд!

* * *

Серый Мышелов в эту минуту возвращался вместе с Ививис из своего чулана, когда Гваэй, в туфлях с бархатными подошвами и сопровождаемый босыми рабами, вышел навстречу им из-за угла в темном коридоре так быстро, что скрыться от него уже не было времени.

Молодой властитель Нижних Уровней казался неестественно спокойным и владеющим собой, однако создавалось впечатление, что под этим спокойствием не было ничего, кроме трепещущего возбуждения и мелькающих, как стрелы, мыслей — впечатление такое сильное, что Мышелов едва ли удивился бы, если б вокруг Гваэя засияла аура Голубой Стихии Молний. И действительно, Мышелов почувствовал, что его кожу начинает жечь и покалывать, словно именно такое воздействие незримо исходило от хозяина.

Гваэй метнул быстрый изучающий взгляд на Мышелова и красивую рабыню, проговорив торопливым, веселым, подрагивающим голосом:

— Ну, Мышелов, я вижу, что ты успел заблаговременно попробовать свою награду. Ах, юность, и сумрачные закоулки, и служащие подушкой мечты, и любовные встречи — что еще может придать жизни позолоту или сделать ее дешевле оплившей и закопченной свечки? Девушка показала тебе свое искусство? Прекрасно! Ививис, дорогая, я должен вознаградить твоё рвение. Я подарил Дивис ожерелье — может, ты тоже хочешь такое? Или у меня есть брошь в форме скорпиона, с рубиновыми глазами...

Мышелов почувствовал, как лежащая в его руке рука девушки затрепетала и похолодела, и быстро перебил:

— Мой демон говорит со мной, владыка Гваэй, и, по его словам, это та ночь, когда Судьба ходит по земле.

Гваэй рассмеялся.

— Твой демон подслушивал, спрятавшись за ковром. Он услышал разговоры о быстрой кончине моего отца.

Пока он говорил, на конце его носа, между ноздрями, образовалась капля. Мышелов зачарованно смотрел, как она растет. Гваэй хотел было поднять руку и стереть ее тыльной стороной ладони, но вместо этого стряхнул ее, дернув головой. В течение какого-то мгновения он хмурился, потом снова рассмеялся.

— Да, Судьба ступила сегодня на Главную Башню Квормолла! — сказал он, но только теперь его быстрый веселый голос был чуть хрипловатым.

— Мой демон шепчет мне еще, что этой ночью опасные силы бродят вокруг, — продолжил Мышелов.

— Ага, братская любовь и все такое прочее, — саркастически заметил в ответ Гваэй, но теперь его голос был похож на карканье. Выражение крайнего удивления расширило его глаза. Он вздрогнул, как от холода, и из его носа посыпались капли. Три волоска вылетело из его шевелюры и упало ему на глаза. Его рабы отпрянули от него.

— Мой демон предупреждает меня, что нам лучше побыстрее использовать против этих сил мое Великое Заклинание, — продолжал Мышелов, возвращаясь, как обычно, в мыслях к неиспытанным рунам Шеелбы. — Оно уничтожает только волшебников Второго Ранга и ниже. Твои, поскольку они все Первого Ранга, останутся невредимыми. Но волшебники Хасьярла погибнут.

Гваэй открыл рот, чтобы ответить, но из его горла вылетели не слова, а лишь кошмарный воющий стон, словно у немого. Нездоровый румянец ярко выступил на его скулах, и Мышелову казалось теперь, что по правой стороне подбородка принца расплзается красноватое пятно, в то время как на левой формируются черные прыщи. В воздухе разлилась ужасающая вонь. Гваэй пошатнулся, и его глаза наполнились зеленоватым гноем. Он поднял к ним руку, тыльная сторона которой была покрыта желтоватой коркой с красными трещинами. Рабы бросились бежать.

— Чары, насланные Хасьярлом! — прошипел Мышелов. — Волшебники Гваэя все еще спят! Я разбуджу их! Поддержи его, Ививис!

И, повернувшись, он со скоростью ветра понесся по коридору и вверх по пандусу, пока не добежал до Зала Волшебства. Войдя туда, он начал хлопать в ладони и резко свистеть сквозь зубы, потому что двенадцать тощих магов в набедренных повязках и правда все еще лежали, свернувшись клубочком в своих широких креслах с высокой спинкой, и храпели. Мышелов подскочил по очереди к каждому магу, выпрямляя и тряся их отнюдь не нежными руками и крича им прямо в уши:

— За работу! Противоядие! Охраняйте Гваэя!

Одиннадцать волшебников проснулись довольно быстро и вскоре уже глядели широко открытыми глазами в пустоту, хотя их тела еще в течение некоторого времени покачивались, а головы подергивались от встряски, заданной Мышеловом — словно одиннадцать маленьких суденышек, которые только что тряхнул шторм.

Мышелову пришлось немного повозиться с двенадцатым, хотя и этот уже начинал просыпаться и вскоре должен был взяться за свою долю работы, когда внезапно в арочном проеме появился Гваэй; Ививис стояла с ним рядом, но уже не поддерживала его. В темноте лицо юного властителя сияло тем же чистым серебристым блеском, что и его массивная серебряная маска, висящая в нише над аркой.

— Отойди в сторону, Серый Мышелов, я расшевелю этого лентяя, — воскликнул он ясным, журчащим голосом и, схватив небольшую обсидиановую чашу, швырнул ее в сторону сонного волшебника.

Чаша должна была упасть не больше чем на полдороге между ними. Мышелов подумал было, не хочет ли Гваэй разбудить старца грохотом, с которым она разобьется. Но тут Гваэй пристально взглянул на летящую по воздуху чашу, и она пугающим образом набрала скорость. Это было так, как если бы он подбросил мяч, а затем ударил по нему битой. Чаша метнулась вперед, словно снаряд, выпущенный вдаль из мощной катапульты, раздробила череп старца и забрызгала мозгами кресло и Мышелова.

Гваэй рассмеялся немного высоковатым смехом и беспечно воскликнул:

— Я должен сдерживать свое возбуждение! Я должен! Я должен! Внезапное выздоровление от двух дюжин смертей — или двадцати трех и Капели из Носа — это не повод для того, чтобы философ потерял над собой контроль. О, я словно пьян!

Ививис внезапно закричала:

— Комната плывет! Я вижу серебряных рыбок!

Мышелов и сам теперь почувствовал головокружение и увидел, как фосфоресцирующая зеленая ладонь тянется из-под арки к Гваэю — и за ней вытягивается тонкая рука, которая удлиняется до нескольких ярдов. Мышелов как следует проморгался, и рука исчезла — но теперь повсюду плавали пурпурные испарения.

Мышелов посмотрел на Гваэя и увидел, что тот, с угрюмым взглядом, сильно шмыгает носом, раз, и другой, хотя не видно было, чтобы новые капли образовывались на кончике носа.

* * *

Фафхрд стоял на три шага позади Хасьярла, который в своем мешковатом, с высоким воротником халате из бурой, как земля, ткани был похож на обезьяну.

Справа от Хасьярла по толстому, широкому, скользящему на катках кожаному ремню трусили рысцей три раба чудовищного вида: огромные, вывернутые внутрь ступни; толстые, как у слона, ноги; широкая, как кузнечные мехи, грудь; руки карликов и крошечные головы с широкими зубастыми ртами и ноздрями, которые были больше, чем глаза и уши, — существа, созданные для тяжелого бега и ни для чего больше. Движущийся ремень, перекрутившись на поворот, исчезал внутри вертикально поставленного, сложенного из камней цилиндра ярдов пяти в диаметре и появлялся под тем местом, где входил, но двигаясь уже в обратном направлении, чтобы пройти под катками и завершить петлю. Изнутри цилиндра доносилось глухое поскрипывание огромного деревянного вентилятора, который вращался с

помощью этого ремня и нагнетал поддерживающий жизнь воздух вниз, в Нижние Уровни.

Слева от Хасьярла в цилиндре была небольшая дверца на высоте головы Фафхрда. К этой двери по четырем узким каменным ступенькам поднималась, один за другим, колонна унылых гномов с большими головами. Каждый гном нес на плече темный мешок и, дойдя до дверцы, развязывал его и опустошал содержимое в гудящую шахту, очень тщательно вытряхивая его внутрь, а потом складывал мешок и прыгивал наземь, чтобы освободить место другому носильщику.

Хасьярл бросил косой взгляд через плечо на Фафхрда.

— Букет для Гваэя! — закричал он. — Я развеял по дующему вниз ветру баснословное богатство: порошок опийного мака, измельченные в пыль лотос и мандрагору, раскрошенную коноплю. Миллион приятных непристойных снов, и все для Гваэя! Это одержит над ним победу тремя способами: он проспит весь день и пропустит похороны моего отца, и тогда Квормолл мой по праву единственного присутствовавшего и без всякого кровопролития, которое омрачило бы обряды; его волшебники уснут, и мои чары, несущие заразу, прорвутся к нему и сразят его воючей студенистой смертью; его владения уснут, каждый раб и каждый проклятый паж, так что мы завоюем их, просто вступив в Нижние Уровни после того, как будет покончено с похоронами. Эй, вы там, быстрее!

И, выхватив у надсмотрщика длинную плетку, Хасьярл начал хлестать ей по сплюсненным конусообразным головам шагающих по ремню рабов, обжигать ей их широкие спины. Их рысь перешла в тяжеловесный галоп, вентилятор загудел на более высоких нотах, и Фафхрд ждал, что он вот-вот услышит, как лопасти с треском разлетятся; а, быть может, увидит, как лопнет ремень или катки слетят со своих осей.

Гном, стоящий у окошка шахты, воспользовался тем, что внимание Хасьярла было направлено в другую сторону, для того чтобы выхватить щепотку растертых трав из своего мешка, поднести к носу и, украдкой бросив на Хасьярла полный экстаза

взгляд, втянуть понюшку в ноздри. Однако Хасьярл увидел это и жестоко отхлестал его по ногам. Гном покорно опустошил свой мешок и вытряс его, слегка подпрыгивая от боли. Тем не менее он, казалось, не был особенно усмирен или встревожен полученной поркой, потому что Фафхрд заметил, что, выходя из комнаты, он натянул пустой мешок себе на голову и побрел дальше, глубоко вдыхая воздух сквозь ткань.

Хасьярл продолжал шелкать плеткой и кричать:

— Быстрей, я сказал! Дурманы́щий ураган для Гваэя!

Офицер Иссим вбежал в комнату и метнулся к своему хозяину.

— Девушка Фриска бежала! — выкрикнул он. — Палачи говорят, что этот твой воитель пришел с твоей печатью, сказал, что ты велел освободить ее, — и похитил! Все это произошло четверть дня назад.

— Стража! — завопил Хасьярл. — Схватить Северянина! Обезоружить и связать предателя!

Но Фафхрда уже и след простыл.

* * *

Мышелов, в сопровождении Ививис, Гваэя и колоритной толпы внушенных дурманом галлюцинаций, шатаясь, ввалился в помещение, очень похожее на то, из которого только что исчез Фафхрд. Здесь огромная цилиндрическая шахта заканчивалась, изгибаясь горизонтально под прямым углом. Вентилятор, который закачивал вниз воздух и выпускал его, чтобы освежить Нижние Уровни, был вертикально установлен в устье шахты, и видно было, как он там вращается.

Рядом с этим устьем висела большая клетка с белыми птицами; все они лежали на полу кверху лапками. Помимо этого явного свидетельства, на полу помещения было распростерто тело надсмотрщика, тоже побежденного одуряющим вихрем Хасьярла.

И наоборот, три раба с ногами-столбами, бегущие тяжеловесной рысью по своему ремню, казалось, вообще ничего не почувствовали. По-видимому, их крошечные мозги и чудовищные тела были вне досяга-

емости для любого дурмана, если только он не применялся в летальной дозе.

Гваэй подковылял к ним, ударил каждого по лицу и скомандовал: «Стой». После этого он сам свалился на пол.

Гудение вентилятора затихло, и, когда он остановился, стали отчетливо видны его семь деревянных лопастей (хотя для Мышелова они перемежались с чешуйчатыми галлюцинациями); слышалось только медленное, затрудненное дыхание рабов.

Распростертый по полу Гваэй таинственно улыбнулся им, пьяным жестом поднял руку и воскликнул:

— Повернитесь! Кругом!

Рабы-бегуны медленно повернулись, сделав для этого дюжину крошечных шагов, пока все трое не оказались лицом к противоположному концу ремня.

— Бегом! — быстро скомандовал Гваэй. Они медленно повиновались, и вентилятор неспешно загудел снова, но теперь он гнал воздух вверх по шахте, навстречу устремленному вниз потоку Хасьярла.

Гваэй и Ививис какое-то время оставались лежать на полу, пока их сознание не начало проясняться и последние галлюцинации не исчезли. Мышелову казалось, что эти видения втягиваются в шахту сквозь лопасти вентилятора: туманная орда синих и пурпурных призраков, вооруженных прозрачными копьями с зазубренными наконечниками и похожими на пилы абордажными саблями.

Потом Гваэй, улыбаясь глазами в крайнем возбуждении, сказал мягко и все еще немного задыхаясь:

— Мои волшебники... не были одурманены... я думаю. Иначе я бы сейчас умирал... Две дюжины смертей, насылаемые Хасьярлом. Еще минутку... и я пошлю рабов на другой конец Уровня... чтобы пустить в другую сторону вытяжной вентилятор. С его помощью мы получим свежий воздух. И поставлю еще рабов на этот ремень — может, мне удастся отогнать назад, к моему брату, посланные им кошмары. Потом омоюсь и обряжусь для огненных похорон моего отца и поднимусь, чтобы неприятно поразить моего братца Хасьярла. Ививис, как только сможешь ходить, разбуди рабынь, которые меня купают. Прикажи им все подготовить.

Он протянул руку над полом и крепко схватил Мышелова за локоть.

— Ты, Серый, — прошептал он, — приготовь к работе эти свои могущественные руны, которые поразят колдунов Хасьярла. Собери нужные ингредиенты, прочти свои демонические молитвы — но сначала посоветуйся с моими двенадцатью архимагами... если ты сможешь поднять двенадцатого из его темного ада. Как только труп Квормала запылает в огне, я пошлю тебе приказ произнести это смертоносное заклинание.

Он помедлил, и его глаза засверкали в темноте колдовским блеском.

— Пришло время для колдовства и мечей!

Послышалось тихое царapanie — одна из белых птиц, пошатываясь, вставала на ноги на дне клетки. Она издала чириканье, которое было похоже скорее на икоту.

* * *

Всю эту ночь напролет весь Квормолл не спал. В комнату Управления Главной Башни вбежал маг, крича:

— Лорд Флиндах! У надсмотрщиков за умами есть не вызывающие сомнений сведения о том, что два брата развязали войну друг против друга. Хасьярл посылает вниз по воздуховодам дурманящую пыль, а Гваэй гонит ее обратно.

Мастер Магов поднял обезображенное бородавками и пурпурным пятном лицо от стола, за которым он сидел, окруженный небольшой толпой, ожидающей приказаний.

— Они уже пролили кровь? — спросил он.

— Нет еще.

— Хорошо. Не сводите с них волшебных глаз.

Потом, строго глядя из-под капюшона по очереди на каждого, к кому он обращался, Мастер Магов отдал другие приказания.

Двум магам, одетым как его помощники: «Немедленно пойдите к Хасьярлу и Гваэю. Напомните им о похоронах и оставайтесь с ними до тех пор, пока они и их свита не окажутся на погребальном дворе».

Одному из евнухов: «Поторопись к своему хозяину

Брилле. Узнай, не требуются ли ему какие-то дополнительные материалы или помощь в сооружении погребального костра. Помощники будут отправлены к нему немедленно и в любом количестве».

Капитану пращников: «Удвой стражу на стенах. Сам делай обходы. Наступающим утром Квормолл должен быть особо надежно закрыт для внешних врагов и для тех, кто захочет бежать из него».

Богато одетой женщине средних лет: «В гарем Квормала. Пригляди за тем, чтобы его наложницы были идеально убраны, причесаны и покрашены, как будто их владыка собирается посетить их на рассвете. Успокой их опасения. Пошли ко мне илтмаритянку Кевиссу».

* * *

В Зале Волшебства властитель Хасьярл с помощью рабов облачался для похорон, не забывая в то же время направлять людей, разыскивающих его вероломного воителя Фафхрда; наставлять надсмотрщиков воздуховодов в том, какие предосторожности они должны предпринять на случай, если Гваэй попытается вернуть опийную пыль и, возможно, даже с процентами; и поучать своих волшебников, какие именно заклинания им следует использовать против Гваэя, как только тело Квормала будет поглощено огнем.

В Зале Призраков Фафхрд с Фриской пировали теми припасами и вином, что он принес с собой. Северянин рассказывал ей о том, как впал в немилость у Хасьярла и обдумывал планы, как бежать вместе с ней из владений Квормолла.

В Гваэевом Зале Волшебства Серый Мышелов совещался по очереди со всеми одиннадцатью костлявыми волшебниками в белых набедренных повязках, не рассказывая им ничего о заклинании Шеелбы, но получая от каждого твердые заверения в том, что тот является магом Первого Ранга.

В парилке купальни властелин Гваэй восстанавливал свою плоть и способности, потрясенные болезнетворными заклинаниями и дурманом. Его рабыни под присмотром Ививис принесли душистые масла и эликсиры и, следуя томным, но четким указаниям

принца, терли и намыливали его. Изящные фигурки, полускрытые и посеребренные клубами пара, двигались и замирали как в полном истомы балете.

* * *

Огромный погребальный костер был наконец сооружен, и у Бриллы вырвался вздох облегчения и удовлетворения от сознания хорошо исполненной работы. Он расслабленно опустил свое толстое, массивное тело на скамейку у стены и заговорил с одним из своих помощников высоким женственным голосом:

— За такой короткий срок, и в такое время; но нужно отдавать богам то, что им следует, ни один человек не может обмануть свои звезды. Однако я чувствую стыд при мысли о том, что Квормала будет сопровождать такая убогая свита: всего полдюжины ланкмарок, одна илтмаритянка и три минголки — к тому же одна из них с изъяном. Я всегда говорил, что ему следует держать лучший гарем. Однако рабы-мужчины в прекрасной форме и, возможно, возместят недостатки остальных. О, дорогу моему владыке будет освещать прекрасное пламя!

Брилла горестно покачал головой и, сморкаясь, смахнул ресницами слезы со своих поросячьих глазок; он был одним из тех немногих, кто искренне сожалел о смерти Квормала.

Место Бриллы как начальника евнухов было си-некурой и, кроме того, с тех пор, как он помнил себя, он всегда обожал Квормала. Когда-то Брилла, тогда еще маленький, пухленький мальчик, был спасен от издевательств группы более взрослых и более сильных рабов, которые отпустили его, когда Квормал просто прошел мимо. Именно этот незначительный случай, не замеченный или давно забытый Квормалом, породил почти звериную преданность Бриллы.

Теперь только боги могли знать, что таит в себе будущее. Сегодня тело Квормала будет сожжено, а что случится потом, об этом лучше не размышлять, даже в самых пстаенных мыслях. Брилла еще раз взглянул на дело рук своих, на погребальный костер. Сооружение этого костра всего за шесть коротких часов, даже несмотря на толпы находящихся в распоряжении Бриллы рабов, потребовало от евнуха

колоссального напряжения всех сил. Теперь костер возвышался в центре двора, превосходя своими размерами даже арку огромных ворот, имеющую в высоту три человеческих роста. Он был построен в форме усеченной на половине высоты пирамиды с квадратным основанием; а легко воспламеняющиеся поленья, из которых она была сложена, были полностью скрыты под темными тканями.

От земли через весь широкий двор к верхнему ряду поленьев шли четыре пандуса — по одному с каждой стороны; а на вершине пирамиды находилась солидных размеров квадратная платформа. Именно здесь будут поставлены носилки с телом Квормала, и здесь же будут принесены погребальные жертвы. Только рабам надлежащего возраста и таланта будет позволено сопровождать своего владыку в его дальнем путешествии по ту сторону звезд.

Брилл одобрил то, что он увидел, и, потирая руки, с любопытством огляделся по сторонам. Только в таких случаях, как этот, можно было осознать все необъятное величие Квормолла, и такие случаи были очень редкими; возможно, всего лишь раз в жизни человеку доводилось видеть подобное событие. Насколько доставал взгляд Брилла, вдоль стен двора были выстроены, ряд за рядом, небольшие группы рабов, а также его собственная группа евнухов и плотников. Здесь были мастера из Верхних Уровней, каждый из которых искусно работал по металлу и по дереву; здесь были крестьяне с полей и виноградников, коричневые от солнца и согнутые тяжелым трудом; здесь были рабы с Нижних Уровней, моргающие от непривычно яркого света, бледные, со странно деформированными фигурами; и все остальные, кто трудился в чреве Квормолла, по группе представителей с каждого Уровня.

Многолюдность этого собрания, казалось, опровергала разнесшиеся на заре тревожные слухи о тайной войне, начавшейся прошлой ночью между Уровнями; Брилла почувствовал себя успокоенным.

Наиболее важными и лучше всех размещенными гостями были два отряда оруженосцев Хасьярла и Гваэя — по одному слева и справа от пирамиды. Отсутствовали только волшебники обоих принцев —

как заметил с внезапным острым беспокойством Брилла, не решившись, однако, задуматься, почему.

Высоко над всей этой массой разнородных людей, на возвышающихся стенах замка, застыли вечно безмолвные, вечно бдительные стражи; они спокойно стояли на своих постах, держа пращи наготове. Никогда еще никто не штурмовал стены Квормолла, и никогда еще ни один раб, попавший в эти тщательно охраняемые стены, не вышел за их пределы живым.

С места, где стоял Брилла, можно было прекрасно видеть все происходящее. Справа от него из стены, окружающей двор, выступал балкон, с которого Хасьярл и Гваэй будут наблюдать за тем, как горит тело их отца; слева подобным же образом выступала платформа, откуда Флиндах будет руководить выполнением ритуалов. Брилла сидел почти рядом с дверью, сквозь которую будет вынесено подготовленное и освобожденное от внутренних тел Квормала для последнего огненного очищения. Евнух вытер пот со своих дряблых щек полой нижней туники и спросил себя, сколько еще пройдет времени, прежде чем все начнется. Солнце уже должно было быть недалеко от вершины стены, и с его первыми лучами начнутся обряды.

В тот самый момент, как он задавал себе этот вопрос, послышалось мощное, приглушенное гудение огромного гонга. Все начали вытягивать шеи; множество тел задвигалось, толкая друг друга; потом гомон стих. На левом балконе появилась фигура Флиндаха.

Мастер Магов был облачен в Капюшон Смерти и в одежды из тяжелой узорчатой парчи темных, тусклых тонов. На его поясе сверкал Золотой Символ Власти с расположенными по кругу в виде веера лезвиями; до тех пор, пока Трон Квормолла будет свободен, Флиндах как Верховный Управляющий должен будет свято хранить этот Символ.

Флиндах поднял руки к той точке, где через мгновение должно было появиться солнце, и начал произносить Приветственный Гимн; пока он нараспев читал его, первые золотистые лучи ударили в глаза тех, кто стоял по другую сторону двора. Снова приглушенное гудение, от которого вибрировали самые кости у тех, кто стоял ближе к нему — и напротив

Флиндаха, на другом балконе, появились Хасьярл и Гваэй. Оба были убраны одинаково, за исключением диадем и скипетров. На лбу Хасьярла был серебряный, с сапфирами, обруч, а в руке он держал скипетр Верхних Уровней, завершенный сжатым кулаком; на Гваэе была диадема, инкрустированная рубинами, а его скиперт был украшен червем, пригвожденным кинжалом. В остальном оба были одеты одинаково в церемониальные мантии темно-красного цвета, подпоясанные широкими черными кожаными поясами; оружия у них не было, никакие другие украшения тоже не были дозволены.

Пока братья усаживались на поставленных для них на возвышении стульях, Флиндах повернулся к той двери, которая была рядом с Бриллой, и начал петь. Его звучному голосу ответил скрытый где-то хор, и эхом отозвались некоторые группы людей во дворе. В третий раз прозвучал чудовищный гонг и, когда затихло эхо, появились носилки с телом Квормала. Их несли шесть ланкмарских рабынь, а сзади шли минголки; этот маленький отряд был всем, что осталось от множества наложниц, разделявших ложе Квормала.

Но где, спросил себя Брилла с внезапно сильно забившимся сердцем, илтмаритянка Кевисса, фаворитка старого владыки? Брилла сам распорядился о том, в каком порядке будут идти девушки. Она не могла...

Носилки медленно двигались между рядов распростертых тел по направлению к костру. Тело Квормала было закреплено в сидячем положении и покачивалось, создавая жуткое впечатление чего-то живого, когда рабыни спотыкались под непривычной тяжестью. На нем были одежды из пурпурного шелка, а его лоб украшали золотые обручи владыки Квормолла. Его художавые руки, некогда столь искусные в практике хиромантии и магических формул, теперь были чопорно сложены на Магической Книге. На его запястье сидел привязанный цепочкой кречет, голова птицы была накрыта колпачком; а у ног мертвого хозяина лежал его любимый гончий леопард, и его покой был покоем смерти. Некогда внушавшие ужас глаза Квормала были прикрыты

теперь похожими на восковые веками; эти глаза, так часто видевшие смерть, были теперь мертвы навеки.

Хотя мозг Бриллы все еще был занят Кевиссой, он сказал несколько ободряющих слов другим девушкам, когда они проходили мимо, и одна из них быстро и тоскливо улыбнулась ему; все они знали, что это большая честь — сопровождать хозяина в будущую жизнь, но ни одна из них особо не жаждала этой чести; однако они мало что могли сделать, кроме как исполнять указания. Брилле было жаль их всех; они были такими юными, у них были такие пышные тела, и они могли дать столько наслаждения мужчинам, потому что он хорошо обучил их. Но обычай должен быть исполнен. Однако, как же Кевисса?.. Брилла резко оборвал эти раздумья.

Носилки двигались вверх по пандусу. Пение ширилось и росло. Наконец они достигли вершины пирамиды, и лучи солнца, светящие теперь, когда носилки повернулись к нему, прямо в мертвое лицо Квормала, отразились от светлых волос и белой кожи ланкмарских рабынь, которые вместе со своими подругами бросились в ноги своему господину.

Внезапно Флиндах уронил руки, и наступила тишина, полная и всеобъемлющая тишина, поражающая по контрасту с размеренным пением и гулкими ударами гонга.

Гваэй и Хасьярл сидели неподвижно, пристально глядя на фигуру, которая была некогда владыкой Квормолла.

Флиндах снова поднял руки, и из ворот, противоположных тем, откуда было вынесено тело Квормала, выскочили восемь человек. У каждого в руке был факел, и все они были обнажены, если не считать пурпурных капюшонов, скрывавших лица. Под аккомпанемент резких ударов гонга они быстро подбежали к костру, по два с каждой стороны, и, сунув факелы в заранее подготовленные дрова, перепрыгнули через зажженное пламя, поднялись на верх пирамиды и бесполезным жестом обняли рабынь.

Пламя почти моментально охватило просмоленное

и пропитанное маслом дерево. В течение какого-то мгновения сквозь густой дым можно было разглядеть переплетенные корчащиеся фигуры рабов и худощавое тело мертвого Квормала, глядящего сквозь закрытые веки прямо в лицо солнцу. Затем огромный кречет, разъяренный жарой и едким дымом, закричал злобно и сердито и, хлопая крыльями, поднялся с запястья своего хозяина. Цепь держала крепко; но все увидели, как рука Квормала поднялась к небу в возвышенном, освобождающем жесте перед тем, как дым закрыл все. Пение взлетело в крещендо и потом внезапно умолкло, когда Флиндах подал знак, что погребальные обряды закончены.

* * *

Пока жадное пламя пожирало костер и поддерживаемую им ношу, Хасьярл прервал молчание, предписанное обычаем. Он повернулся к Гваэю и, трогая пальцами костяшки кулака на своем скипетре и злорадно ухмыляясь, заговорил:

— Ха! Гваэй, было бы весело посмотреть на то, как ты корчишься в пламени. Почти так же весело, как видеть нашего родителя, жестикулирующего после смерти. Иди же быстрее, Брат! У тебя еще есть шанс принести себя в жертву и таким образом завоевать славу и бессмертие.

И он захихикал, брызгая слюной.

Гваэй только что сделал неприметный знак стоящему рядом пажу, и юноша заторопился прочь. Молодого властителя Нижних Уровней ничуть не развеселила несвоевременная шутка брата, но, улыбнувшись и пожав плечами, он саркастически ответил:

— Я предпочитаю искать смерть на менее болезненных тропах. Однако идея недурна; я сохраняю ее.

Затем внезапно и более глубоким голосом он добавил:

— Было бы лучше, если бы мы оба оказались мертворожденными, чем растрачивать наши жизни в бессмысленной ненависти. Я забуду о твоей дурманящей пыли и опийных ураганах, и даже о твоём

смердящем колдовстве и заключу с тобой договор, о Хасьярл! Клянусь мрачными богами, которые правят под Квормоллским Холмом, и Червем, которого я избрал своим знаком, что для моей руки твоя жизнь священна; что ни заклятьями, ни сталью, ни ядами я не убью тебя!

Договорив, Гваэй поднялся на ноги и посмотрел прямо в лицо Хасьярлу.

Застигнутый врасплох Хасьярл пару секунд сидел молча; озадаченное выражение скользнуло по его лицу; потом глумливая усмешка исказила тонкие губы, и они выплюнули в лицо Гваэю:

— Ах так! Ты боишься меня даже больше, чем я думал. Да! И правильно делаешь! Однако кровь вон тех старых обугленных останков течет в жилах у нас обоих, и у меня тоже есть слабость по отношению к моему брату. Да, я заключу с тобой договор, Гваэй! Клянусь Древнейшими, что плавают в не знающих света глубинах, и Кулаком — моим символом, что твоя жизнь священна — пока я не выдавлю ее из тебя!

И с финальным злорадным смешком Хасьярл, как уродливый облезший горноста́й, сполз со своего стула и скрылся.

Гваэй тихо стоял, прислушиваясь, глядя на то пространство, которое только что занимал Хасьярл; потом, убедившись, что его брат действительно ушел, он крепко ударил себя по бедрам, скорчился в конвульсиях беззвучного смеха и задышающимся голосом сказал, не обращаясь ни к кому в особенности:

— Даже самого хитрого зайца можно поймать в простой силок.

И, все еще улыбаясь, повернулся, чтобы посмотреть на пляшущее пламя.

Пестрые группы людей медленно втянулись в те ворота, из которых недавно вышли, и двор снова опустел, не считая тех рабов и жрецов, чьи обязанности задерживали их здесь.

Гваэй некоторое время наблюдал за происходящим, потом тоже проскользнул с балкона во внутреннее помещение. Слабая улыбка все еще держалась в уголках его губ, словно какая-то приятная шутка все еще вертелась в уме принца.

«...И кровью того, на коего взирать приносит смерть...»

Так звучно и нараспев читал Мышелов, закрыв глаза и протянув вперед руки, — он произносил заклятие, которое было подарено ему Шеелбой Безглазым и должно было уничтожить всех волшебников ниже Первого Ранга на неопределенном расстоянии от места, где заклинание произносили; можно было надеяться, что уж на несколько-то миль его хватит — чтобы стереть в порошок колдунов Хась-ярла.

Работало Великое Заклинание или нет — в самой глубине души Серый сильно сомневался, что оно работает, — Мышелов был очень доволен устроенным им представлением. Он не думал, что даже сам Шеелба мог бы сделать лучше. Какие великолепные звуки, исходящие из глубины груди! Даже Фафхрд никогда не слышал, чтобы его друг так декламировал.

Мышелову очень хотелось открыть глаза хоть на минуточку, чтобы отметить тот эффект, который его представление производило на Гвазевых магов — он был уверен, что они глазеют на него с разинутыми ртами, несмотря на все свое чванливое хвастовство, — но в этом пункте наставления Шеелбы были тверже адаманта: плотно закрыть глаза, пока произносятся последние строки рун и великие запретные слова; стоит моргнуть хоть самую чуточку, и Великое Заклинание будет сведено к нулю. По-видимому, предполагалось, что у магов не должно быть ни тщеславия, ни любопытства — вот занудство!

Внезапно Мышелов почувствовал в темноте своего сознания контакт с другой, большей темнотой, злобой и могущественной темнотой, одно отсутствие которой уже создает свет. Мышелов содрогнулся. Волосы зашевелились на его голове. Капельки холодного пота начали покалывать лицо. Мышелов чуть было не начал заикаться в середине слова «слюэрисоф-нак». Но, собрав всю свою волю, он договорил его без запинки.

Когда последнее эхо его голоса перестало скакать

между полом и куполом потолка, Мышелов чуть приоткрыл один глаз и потихоньку огляделся.

Один взгляд, и второй его глаз распахнулся во всю ширь. Мышелов был слишком потрясен, чтобы говорить.

И с кем бы он заговорил, если бы не был так потрясен, это тоже был вопрос.

За длинным столом, у подножия которого он стоял, не было вообще никого. Там, где всего несколько мгновений назад сидели одиннадцать самых великих магов Квормолла — волшебники Первого Ранга, как поклялся каждый на своей черной Магической Книге, — было только пустое пространство.

Мышелов тихо позвал их. Было вполне возможно, что эти провинциальные ребята перепугались величия темных речей Ланкмара и заползли под стол. Однако ответа не последовало.

Мышелов позвал громче. Но слышен был только неумолчный гул вентиляторов, хоть и едва более уловимый после четырех дней, в течение которых Мышелов его слышал, чем журчание его собственной крови. Мышелов пожал плечами, опустил в свое кресло и пробормотал:

— Если эти старые болваны с хитрыми лицами сбежали, то что дальше? Предположим, что все оруженосцы Гваэя тоже удерут?

Начиная планировать в уме, какую стратегию изображения легкомысленного ничтожества ему следует выбрать, если это действительно произошло, Мышелов угрюмо глянул на широкое кресло с высокой спинкой, которое стояло рядом и в котором раньше сидел самый смелый с виду архимаг Гваэя. На кресле лежала только слегка скомканная белая набедренная повязка — но в ней было нечто, заставившее Мышелова застыть. Небольшая кучка пушистой серой пыли — и все.

Мышелов тихо присвистнул сквозь зубы и приподнялся, чтобы получше разглядеть остальные кресла. На каждом из них лежало одно и то же: чистая набедренная повязка, слегка смятая, словно ее недолго носили, и внутри — маленькая горка сероватого порошка.

На другом конце длинного стола одна из черных шашек, стоящая ребром, медленно скатилась с доски

для мысленной игры и с тихим «тук» ударилась о пол. Для Мышелова это прозвучало как самый последний звук в мире.

Он очень спокойно встал и бесшумно направился в своих сапогах из крысиной кожи к ближайшему арочному проему, который задернул плотными занавесками перед тем, как произнести Великое Заклинание. Серый спрашивал себя, на каком же расстоянии действовало это заклинание и где все-таки оно остановилось, если остановилось вообще. Предположим, например, что Шеелба недооценил его силу и оно уничтожило не только волшебников, но и..

Мышелов помедлил перед занавесом и бросил еще один, последний, взгляд через плечо. Потом пожал плечами, поправил пояс с мечом и, ухмыляясь гораздо более храбро, чем чувствовал себя, сказал в пространство:

— Но ведь они же уверяли, что они — самые-самые великие волшебники!

Он протянул руку к тяжелому занавесу, и в этот момент тот дрогнул и закачался. Мышелов застыл на месте с бешено колотящимся сердцем. Потом занавес чуть раздвинулся, и в образовавшуюся щель просунулось оживленное лицо Ививис с широко раскрытыми от возбуждения и любопытства глазами.

— Ну, что, твое Великое Заклинание сработало, Мышелов? — затаив дыхание, спросила она.

Серый позволил своему собственному дыханию вырваться вздохом облегчения.

— По крайней мере, ты его пережила, — сказал он и притянул девушку к себе. Ощущать ее стройное тело прижатым к себе было очень приятно. Правда в этот миг Мышелов приветствовал бы присутствие почти любого живого существа, но то, что это оказалась Ививис, было благом, которое он не мог не оценить.

— Дорогая, — искренне сказал он, — мне казалось, что я, возможно, последний оставшийся в живых человек на Земле. Но теперь..

— Ты ведешь себя так, словно я — последняя на Земле девушка, которую ты уже год как не видел, — колко ответила она. — Здесь не место и не время для любовных утех и интимных шуточек.

Она оттолкнула его, немного ошибаясь насчет мотивов поведения Мышелова.

— Ты убил волшебников Хасьярла? — задала она вопрос, глядя ему в глаза с легким трепетом.

— Я убил некоторое количество волшебников, — с благоразумной осторожностью признался Мышелов. — А вот сколько именно — это спорный вопрос.

— А где волшебники Гваэя? — спросила она, глядя мимо него на пустые кресла. — Он, что, взял их всех с собой?

— А разве Гваэй еще не вернулся с похорон своего отца? — вопросом на вопрос ответил Мышелов, увиливая от темы, но, поскольку Ививис продолжала смотреть ему в глаза, небрежно добавил:

— Его волшебники находятся в каком-нибудь благоприятном месте — надеюсь.

Ививис странно взглянула на Серого, протиснулась мимо него в комнату, подбежала к длинному столу и посмотрела на сиденья кресел по обе стороны от себя.

— О Мышелов!! — с упреком воскликнула она, но в том взгляде, который она на него бросила, было настоящее благоговение.

Он пожал плечами и, защищаясь, сказал:

— Они поклялись мне, что они — волшебники Первого Ранга.

— Не осталось даже фаланги пальца или осколка черепа, — торжественно произнесла Ививис, пристально вглядываясь в ближайшую крошечную кучку серой пыли и покачивая головой.

— И даже камня из желчного пузыря, — эхом отозвался Мышелов. — Мои руны были страшными.

— И даже зуба, — в свою очередь подхватила Ививис, с любопытством, хоть и довольно бессердечно, растирая пыль между пальцами. — Ничего, что можно было бы послать их матерям.

— Их матери могут взять эти подгузники и спрятать вместе с теми, что их сыновья носили в детстве, — раздраженно сказал Мышелов, чувствуя себя однако слегка неуютно. — О Ививис, у волшебников не бывает матерей!

— Но что случится с нашим владыкой Гваэем теперь, когда его защитники погибли? — задала Ививис более практичный вопрос. — Ты же видел,

как поразили его прошлой ночью насылаемые Хасьярлом заклятия, когда волшебники всего лишь задремали. А если что-нибудь случится с Гваэем, то что тогда случится с нами?

Мышелов снова пожал плечами.

— Если мои руны дошли до двадцати четырех чародеев Хасьярла и тоже их испепелили, то никакого вреда причинено не было — кроме как самим волшебникам, а они все знают, на что идут — когда они произносят свои первые заклинания, они подписывают себе смертный приговор; это опасное ремесло.

— В действительности, — продолжал он с неким подобием энтузиазма, — мы выиграли. Двадцать четыре убитых врага в обмен всего на дюжину — нет, одиннадцать волшебников общих потерь с нашей стороны — как, да это же сделка, за которую с радостью ухватится любой военачальник! И теперь, когда мы убрали с дороги всех волшебников — не считая самих Братьев и Флиндаха: с этим пятнистым бородавчатым типом надо держать ухо востро! — я встречусь с тем воителем Хасьярла и убью его, и мы преодолеем все препятствия.. И если..

Его голос умолк. Мышелову только что пришло в голову спросить себя, почему он сам не был испепелен собственным заклинанием. До сих пор он и не подозревал, что может быть волшебником Первого Ранга — поскольку несмотря на то, что в юности он обучался деревенскому колдовству, а потом только баловался магией. Возможно, дело было в каком-то метафизическом фокусе или логической ошибке... Если волшебник читает заклинание, которое во время его произнесения уничтожает *всех* волшебников *при условии, что произнесение завершено*, то этот волшебник испепеляет себя или...? Или, может быть, действительно, как начал хвастливо думать Мышелов, он неведомо для себя был магом Первого Ранга, или даже выше, или...

В тишине, сопутствовавшей его мыслям, он и Иви-вис слышали приближающиеся шаги, которые сначала были топотом множества ног, но потом быстро стали беспорядочным шумом. Мужчина в сером и девушка-рабыня едва успели обменяться опасливыми вопрошающими взглядами, когда сквозь занавеси, сдирая их по дороге, пронеслись восемь или девять

Гвазевых оруженосцев самого высокого ранга; их лица были мертвенно-бледными, а глаза — вытаращены, как у помешанных. Они промчались через комнату и выбежали в противоположную сводчатую дверь прежде, чем Мышелов смог сделать хоть шаг с того места, куда он отступил, чтобы не оказаться у них на пути.

Но шаги еще были слышны. Последняя пара ног приближалась по черному коридору странным неровным галопом, словно калека бежал дистанцию; и при каждом шаге слышался хлюпающий шлепок. Мышелов быстро шагнул к Ививис и обнял ее одной рукой. Ему тоже не хотелось стоять в такой момент в одиночестве.

Ививис сказала:

— Если твое Великое Заклинание не попало в Хасьярловых волшебников, и их болезнетворные чары пробились к Гваэю, который теперь беззащитен...

Ее шепот боязливо умолк, когда чудовищная фигура, облаченная в темно-алые одежды, шатаясь и то и дело останавливаясь, быстрыми конвульсивными движениями приблизилась к ним из коридора. Сначала Мышелов подумал, что это может быть Хасьярл Неравнорукий, судя по тому, что слышал об этом принце. Но потом он увидел воротник из серых грибов на шее чудовища; багровую правую щеку и черную левую; глаза, источающие зеленый гной и чистые, прозрачные капли, падающие из носа. В тот момент, когда это омерзительное существо сделало последний широкий шаг в комнату, его левая нога внезапно стала безкостной, как железобразный столб, а правая, которая жестко ударялась о землю, — хоть и с хлюпающим звуком, исходящим от пятки, — сломалась в середине голени, и кости с расщепленными концами высунулись сквозь мясо. Шелушащиеся руки, покрытые желтой коркой и красными трещинами, напрасно хватались за воздух, пытаясь найти в нем опору, а правая рука, коснувшись головы, смела с нее половину волос.

Ививис начала слабо хныкать и скулить от ужаса и прижалась к Мышелову, который сам чувствовал, будто кошмар поднимает свои копыта, готовый растоптать его.

Таким вот образом принц Гваэй, властитель Нижних Уровней Квормолла, вернулся домой с похорон своего отца, свалившись смердящей, непристойной, гнойной кучей на сорванные, богато вышитые занавеси прямо под своим собственным, сверкающим чистой красотой серебряным бюстом в нише над аркой.

* * *

Погребальный костер дымился еще долго, но единственным в этом огромном и разветвленном замке-королевстве, кто наблюдал за тем, как он догорает, был начальник евнухов Брилла. Потом он собрал несколько символических щепоток пепла на память; он взял их, руководствуясь некой смутной идеей о том, что они, возможно, смогут послужить ему чем-то вроде защиты теперь, когда его живой защитник ушел навсегда.

Однако эти пушистые и шелестящие серые памятки не особенно подбодряли Брилла, когда он, безутешный, забрел во внутренние помещения. Он был обеспокоен и по-евнуховски охвачен дрожью при мысли о войне между братьями, которая наверняка вспыхнет прежде, чем в Квормолле опять будет один хозяин. О, какая трагедия, что владыка Квормал был выхвачен Богами Судьбы из жизни так внезапно, что у него не было возможности сделать распоряжения о престолонаследовании! Хотя какими могли бы быть эти распоряжения, если учитывать жесткие требования обычаев. Квормолла, Брилла не знал. И все же Квормалу, казалось, всегда удавалось добиться невозможного.

Брилла был обеспокоен также, и гораздо более остро, осознанием своей вины в том, что наложница Квормала Кевисса избежала пламени. Его могут обвинить в этом официально, хотя он не видел, где он мог опустить хотя бы одну, требуемую обычаем предосторожность. А смерть в огне была бы практически безболезненной по сравнению с тем, что бедной девушке придется вынести теперь за свой проступок. Он сильно надеялся, что она покончила с собой при помощи кинжала или яда, хотя за это ее душе пришлось бы вечно скитаться в ветрах, дующих между звездами и заставляющих их мерцать.

Брилла осознал, что ноги привели его к гарему, и остановился, весь дрожа. Он вполне может найти там Кевиссу, а ему не хотелось бы быть тем человеком, который выдаст ее страже.

И однако, если он останется в этой центральной секции Главной Башни, он каждую минуту может налететь на Флиндаха — а Брилла знал, что не сможет утаить ничего, когда его пробуравит суровый, завораживающий взгляд этого архиволшебника. Брилле придется напомнить ему об отступничестве Кевиссы.

Так что Брилла придумал себе дело, которое заставило бы его спуститься в самую нижнюю часть Главной Башни, как раз над владениями Хасьярла. Там была кладовая, за которую он был ответственным и которую он не проверял уже целый месяц. Брилла не любил Темные Уровни Квормолла — и гордился тем, что принадлежит к элите, работающей при свете солнца или, по меньшей мере, недалеко от него, — но теперь Темные Уровни начали казаться евнуху более чем привлекательными.

Приняв такое решение, Брилла слегка воспрял духом. Он отправился в путь немедленно, двигаясь, несмотря на свою слоновью тушу, довольно быстро, с особой, присущей евнухам, энергией.

Он дошел до кладовой без всяких происшествий. Когда он зажег там факел, то первое, что увидел, была маленькая, похожая на девочку, женщина, которая, съезжившись, прижималась к тюкам тканей. Она была одета в блестящее свободное желтое платье; у нее было обаятельное треугольное личико, зеленые, как мох, волосы и ярко-голубые глаза ил-маритянки.

— Кевисса, — потрясенно, однако с материнской теплотой в голосе прошептал евнух. — Цыпленочек мой...

Она подбежала к нему.

— О Брилла, я так боюсь, — воскликнула она тихо, прижимаясь к его толстому животу и прячась под широкими рукавами обхвативших ее рук.

— Я знаю, я знаю, — бормотал он, издавая негромкие кудахтающие звуки, в то время как его руки приглаживали ее волосы и похлопывали ее по спине. — Я вспоминаю теперь, ты всегда боялась

огня. Ничего, Квормал простит тебя, когда вы встретитесь с ним по ту сторону звезд. Послушай, моя уточка, я подвергаюсь огромному риску, но я тебя очень люблю, потому что ты была фавориткой старого владыки. У меня есть яд, который не причиняет боли... всего несколько капель на язык, и потом — темнота и ветры, гудящие в проливах... Длинный прыжок, это правда, но гораздо лучше, чем то, что должен будет приказать Флиндах, когда он откроет...

Она вырвалась из его объятий.

— Это Флиндах приказал мне не следовать за моим господином к его последнему очагу! — широко раскрыв глаза, с упреком поведала она. — Он сказал мне, что звезды распорядились иначе, и еще, что такова была предсмертная воля Квормала. Я сомневалась, боялась Флиндаха — у него такое ужасное лицо и глаза, так страшно напоминающие глаза моего дорогого господина, — но я не могла не повиноваться... и должна признаться, мой дорогой Брилла, что даже немного была ему благодарна.

— Но по каким причинам на земле или под землей?.. — заикаясь, выговорил Брилла, мысли которого закружились вихрем.

Кевисса глянула в обе стороны, потом прошептала:

— Я ношу плод семени Квормала.

На какой-то миг эта новость только усилила смятение Бриллы. Как мог Квормал надеяться, что сможет добиться признания сына наложницы владыкой всего Квормолла, когда существовало два взрослых законных наследника? Или он так мало заботился о безопасности страны, что оставил в живых пусть даже еще не рожденного бастарда? Потом Брилле пришло в голову — и его сердце заколотилось при этой мысли — что Флиндах может пытаться захватить верховную власть, используя как предлог ребенка Кевиссы и выдуманную предсмертную волю Квормала, а также эти свои, похожие на Квормаловы, глаза. Дворцовые революции не были совершенно незнакомы Квормоллу. По правде говоря, существовала легенда, что нынешняя правящая линия много поколений назад поднялась к власти именно по этой дороге, с помощью кулаков и кинжалов, хотя повто-

рять эту легенду означало подписывать себе смертный приговор.

Кевисса продолжала:

— Я пряталась в гареме. Флиндах сказал, что я буду в безопасности. Но потом в отсутствии Флиндах пришли оруженосцы Хасьярла и начали обыскивать гарем в нарушении всех обычаев и приличий. Я убежала сюда.

Все продолжало сходиться самым пугающим образом, думал Брилла. Если бы Хасьярл заподозрил, что Флиндах непочтительно пытается захватить власть, он ударил бы инстинктивно, превращая ссору двух братьев в треугольник раздора, в который вошла бы даже — о, всем несчастьям несчастье! — залитая солнцем вершина Квормолла, которая до этого момента казалась так хорошо защищенной от тревог войны.

В этот самый миг, словно страхи Бриллы сами вызвали к жизни свое собственное воплощение, дверь кладовой широко отворилась, и на пороге вырос грубо сколоченный человек, который казался символом всех варварских ужасов битвы. Он был так высок, что его голова задевала за притолоку двери; его лицо было красивым, но суровым, а взгляд — испытующим; спутанные красновато-белокурые волосы спускались до самых плеч; одеждой ему служила усаженная бронзовыми украшениями туника из волчьей шкуры; с его пояса свисали меч и массивный топор с короткой рукояткой, а на самом длинном пальце его правой руки взгляд Бриллы — натренированный замечать все детали декора, а теперь еще обостренный страхом — увидел кольцо со сжатым кулаком — знаком Хасьярла.

Евнух и девушка, дрожа, приникли друг к другу.

После того как новоприбывший убедился, что эти двое были единственные, с кем ему предстояло иметь дело, его лицо расплылось в улыбке, которая могла бы быть ободряющей у менее громадного или экипированного с меньшей свирепостью человека. Потом Фафхрд сказал:

— Привет, дедуля. Мне нужно только, чтобы ты и твой птенчик помогли мне выбраться на дневной свет и к конюшням этого благословенного королевст-

ва. Идем, мы устроим все так, чтобы вы могли помочь мне с наименьшей опасностью для себя.

Он быстро шагнул к ним — бесшумно, несмотря на свои размеры — и его взгляд заинтересованно вернулся к Кевиссе, когда он заметил, что она не дитя, а женщина.

Кевисса почувствовала это и, хотя ее сердце трепетало, храбро заговорила:

— Не смей насиловать меня! У меня под сердцем ребенок от человека, который умер!

Улыбка Фафхрда слегка скисла. Возможно, сказал он себе, ему стоит чувствовать себя польщенным, что девушки начинали думать о насилии, как только их взгляд падал на него; и все же он испытывал легкое раздражение. Они, что, не считали его способным цивилизованно соблазнить женщину только потому, что он носил меха и не был карликом? Ну что ж, они быстро понимали свою ошибку. Но каким отталкивающим способом она пыталась запугать его!

В это время толстый как бочка дедуля, который, как дошло теперь до Фафхрда, вряд ли был приспособлен, чтобы быть таковым (и отцом тоже), жеманно-боязливо сказал:

— Она говорит истинную правду, о капитан. Но я буду как нельзя более рад помочь тебе в чем бы...

В коридоре слышались торопливые шаги и резкий скрежет стали о камень. Фафхрд повернулся, как тигр. В комнату, толкаясь, лезли два стражника в темных кольчугах, которые носила охрана Хасьяр-ла. Только что вытащенная шпага одного из них царапнула косяк двери, издав тот самый скрежет. Позади них был еще один стражник, который теперь резко воскликнул:

— Хватайте этого северного перебежчика! Убейте его, если он начнет сопротивляться. Я займусь наложницей старого Квормала.

Двое стражников хотели было подбежать к Фафхрду, но он, еще больше напоминая тигра, сам прыгнул на них в два раза быстрее. Выхваченный из ножен Серый Прутик взметнулся вбок и вверх, отбивая шпагу первого стражника, в то время как на подъем его ступни со всего размаха опустилась нога Фафхрда. Потом рукоять Серого Прутика наотмашь ударила стражника в челюсть, и тот качнулся на-

зад, на своего напарника. В это время топор Фафхрда оказался в его левой руке, и Северянин с близкого расстояния рубанул им по черепам своих врагов, потом оттолкнул их падающие тела плечом, отвел назад топор и швырнул его в третьего стражника, который как раз повернулся посмотреть, что случилось. Топор вонзился ему в лоб между глаз, и стражник упал мертвым.

Но вдалеке слышались бегущие шаги четвертого, а возможно, и пятого стражника. Фафхрд с ревом прыгнул к двери, остановился, топнув ногой, и так же быстро вернулся обратно, тыкая окровавленным пальцем в Кевиссу, которая, съезжившись, прижималась к массивной туше побледневшего Брилла.

— Девушка старого Квормала? Ребенок от него? — выпалил он и, когда она торопливо кивнула, с трудом проглатывая слюну, продолжал:

— Тогда ты идешь со мной. Сейчас же! Кастрат тоже.

Он спрятал Серый Прутик в ножны, вырвал топор из черепа сержанта, схватил Кевиссу за руку над локтем и с диковатым рычанием шагнул к двери, делая головой знак Брилле следовать за ним.

Кевисса закричала:

— О, пощади, господин! Из-за тебя я потеряю ребенка.

Брилла повиновался знаку Фафхрда, однако зашебетал при этом:

— Добрый капитан, мы не принесем тебе никакой пользы, только будем обременять тебя при...

Фафхрд внезапно обернулся снова и бросил ему несколько торопливых слов, для убедительности потрясая окровавленным топором:

— Если ты думаешь, что я не понимаю ценность даже нерожденного претендента на престол как объекта для выкупа или заложника, то в твоем черепе так же мало мозгов, как в твоих чреслах — семени. Что же касается тебя, девочка, — сурово добавил он, обращаясь к Кевиссе, — то если под твоими зелеными кудряшками есть еще что-нибудь, кроме бараньего блеяния, то ты сообразишь, что с чужестранцем ты будешь в большей безопасности, чем с головорезами Хасьярла, и что лучше пусть у тебя

будет выкидыш, чем твой ребенок попадет к ним в руки. Пошли, я понесу тебя.

Он подхватил девушку на руки.

— Следуй за мной, евнух; и если ты любишь жизнь, шевели своими толстыми бедрами.

И Фафхрд зашагал по коридору; Брилла тяжело-весно трусил сзади и благоразумно делал глубокие судорожные вдохи в предвидении грядущих усилий. Кевисса обвила руками шею Фафхрда и глядела на него снизу вверх с восхищением знатока. Сам он теперь дал выход двум замечаниям, которые, очевидно, приберегал для свободной минутки.

Первое, горько-саркастическое: «...если он будет сопротивляться!»

Второе, со злобой, направленной против себя самого: «Эти чертовы вентиляторы, должно быть, оглушили меня, потому что я не слышал их приближения!»

Сделав сорок гигантских шагов, Фафхрд прошел мимо ведущего наверх пандуса и свернул в более узкий и темный коридор.

За самой его спиной Брилла тихо и торопливо проговорил задышающимся голосом:

— Этот пандус ведет в конюшню. Куда мы идем, мой Капитан?

— Вниз! — не замедляя шага, резко ответил Фафхрд. — Не паникуй, у меня есть тайник, где можно спрятать вас обоих — и еще подружку для этой маленькой зеленовласой Мамы Принца.

Потом он проворчал, обращаясь к Кевиссе:

— Ты не единственная девушка в Квормолле, которую надо спасать, и даже не самая любимая.

* * *

Мышелов, напрягая всю свою волю, опустился на колени и оглядел смердящую кучу, которая некогда была принцем Гвазем. Вонь была ужасающе сильной, несмотря на разбрызганные Мышеловом духи и на фимиам, которым он окуривал помещение меньше часа назад. Мышелов прикрыл всю омерзительность Гваэя шелковыми простынями и меховыми одеждой, оставив только его, разъеденное чумой лицо.

Единственной чертой этого лица, избежавшей явного окончательного разрушения, был узкий красивый нос, с конца которого медленно, капля за каплей, стекала прозрачная жидкость; это было похоже на звук, издаваемый водяными часами. А откуда-то из-под носа исходили непрерывные, тихие, омерзительные звуки, которые напоминали отрыжку и были единственным знаком, с достаточной достоверностью указывающим на то, что Гваэй еще не умер совсем. В течение некоторого времени Гваэй издавал слабые натуженные стоны, похожие на шепот немого, но теперь и они прекратились.

Мышелов подумал, что, по правде говоря, очень трудно служить хозяину, который не может ни говорить, ни писать, ни жестикулировать — особенно во время борьбы с врагами, теперь переставших казаться тупыми и достойными презрения. По всем расчетам, Гваэю уже несколько часов следовало быть мертвым. Вероятно, только его стальная воля волшебника и всепоглощающая ненависть к Хасьярлу удерживали его душу от бегства из того страдающего ужаса, в котором она ютилась.

Мышелов поднялся и, вопросительно пожав плечами, повернулся к Ививис, которая в эту минуту сидела у длинного стола, подшивая две черные свободные мантии с капюшонами, какие носили волшебники; она выкроила их под руководством Мышелова для него и для себя. Мышелов считал, что поскольку он теперь не только воитель Гваэя, но и вроде как единственный оставшийся у него волшебник, то ему следует подготовиться и появиться одетым согласно своей второй роли и иметь хотя бы одного прислужника.

В ответ на его пожатие плечами Ививис только сморщила носик, зажала его двумя изящными пальчиками и пожала плечами в ответ. И правда, подумал Мышелов, вонь становится сильнее, несмотря на все попытки как-то ее замаскировать. Серый подошел к столу, налил половину кубка густого кроваво-красного вина, которое понемногу и против его воли — начало Мышелову нравиться, хотя он уже знал, что его действительно делают из алых грибов. Серый сделал маленький глоток и суммировал происходящее:

— Перед нами дьявольски запутанный клубок проблем. Гваэевы волшебники испепелены — хорошо, я признаю, что в этом был виноват я. Его оруженосцы и солдаты бежали — в самые нижние, отвратительные, сырые, темные тоннели, как я думаю; или же перешли на сторону Хасьярла. Его девушки исчезли — все, кроме тебя. Даже его доктора боятся подойти к нему — тот, которого я притащил, свалился в глубоком обмороке. Его рабы ни к чему не пригодны, так они напуганы — только тот шагающий скот у вентиляторов не теряет головы, и то только потому, что у них ее нет! На наше послание Флиндаху с предложением объединиться против Хасьярла не последовало ответа. У нас нет пажей, с которыми можно было бы отправить еще одно послание — и нет ни одного патруля, который предупредил бы нас, если Хасьярл начнет атаку.

— Ты бы мог сам перейти на сторону Хасьярла, — указала Ививис.

Мышелов обдумал это.

— Нет, — решил он, — в таком безнадежном положении, как наше, есть что-то слишком зачаровывающее. Мне всегда хотелось покомандовать в таких условиях. А предавать интересно только богатых победителей. И все же, какую стратегию я смогу применить, не имея даже скелета армии?

Ививис нахмурилась.

— Гваэй часто говорил, что так же, как война мечей — это всего лишь средство продолжения дипломатии, так и волшебство — это всего лишь средство продолжения войны мечей. Война заклинаний. Так что ты можешь еще раз попробовать свое Великое Заклинание, — заключила она без особого убеждения.

— Только не я! — отказался Мышелов. — Оно даже не коснулось двадцати четырех волшебников Хасьярла, иначе болезнетворные заклинания против Гваэя прекратились бы. Либо они — волшебники Первого Ранга, либо я читаю это заклинание задом наперед — и в этом случае, если я попробую прочесть его снова, то, может быть, на меня обвалится потолок тоннеля.

— Тогда используй другое заклинание, — предложила сообразительная Ививис. — Выпусти против

Хасьярла армию из настоящих скелетов. Сведи его с ума или наложи на него заклятие, чтобы он спотыкался на каждом шагу и ушибал пальцы. Или преврати мечи его солдат в сыр. Или заставь их кости исчезнуть. Или преврати всех его девушек в кошек и подожги им хвосты. Или...

— Прости, Ививис, — торопливо перебил Мышелов, видя, как нарастает ее энтузиазм. — Я не сознался бы в этом никому другому, но... это было мое единственное заклинание. Мы должны полагаться только на нашу смекалку и оружие. И я снова спрашиваю тебя, Ививис, какую стратегию применяет генерал, когда его левый фланг разбит наголову, правый обращен в бегство, а в центре десять раз истреблен каждый десятый?

Мышелова прервал тихий нежный звук, словно где-то звякнул серебряный колокольчик, или кто-то задел высокую серебряную струну арфы. Несмотря на то, что звук был очень слабым, он, казалось, на мгновение заполнил всю комнату воспринимаемым на слух светом. Мышелов и Ививис изумленно огляделись вокруг, а потом в один и тот же момент посмотрели на серебряную маску Гваэя в нише над арочным проемом, перед которым разлагались прикрытые шелком бранные останки Гваэя.

Сверкающие металлические губы статуи улыбнулись и раздвинулись — насколько можно было разглядеть в полумраке — и раздался тихий голос Гваэя, говорящий самым оживленным тоном:

— Ответ на твой вопрос: он нападает!

Мышелов моргнул. Ививис уронила иголку. Статуя — ее глаза, казалось, поблескивали — продолжала:

— Приветствую тебя, мой капитан без войска! Приветствую тебя, дорогая девочка. Прости, что исходящая от меня вонь оскорбляет тебя — да-да, Ививис, я заметил, как весь последний час ты зажимала нос, поворачиваясь к моим бедным останкам — но ведь весь мир кишит отвратительными вещами. Это, случайно, не смертоносная черная гадюка скользит сейчас сквозь черную мантию, которую ты шьешь?

Ививис, у которой от ужаса перехватило дыхание, быстро, как кошка, вскочила на ноги и отшат-

нулась от материала, лихорадочным движением стряхивая что-то со своих ног.

Статуя засмеялась естественным серебристым смехом, а потом быстро сказала:

— Я прошу у тебя прощения, моя нежная девочка, это была всего лишь шутка. У меня слишком хорошее, слишком хорошее настроение — возможно, потому, что моему телу так плохо. Нам нужно начать составлять планы — тогда я смогу обуздать это странное возбуждение. А теперь тихо! Тихо!

* * *

В Хасьярловом Зале Волшебства двадцать четыре чародея отчаянно — неподвижным взглядом — смотрели на огромный магический экран, установленный параллельно их длинному столу; они изо всех сил пытались сделать так, чтобы изображение на нем стало четким. Сам Хасьярл, зловещий в своих темно-красных погребальных одеждах, смотрел на экран поочередно открытыми глазами и сквозь расширенные колечками отверстия в верхних веках — словно это могло сделать изображение более резким — и, заикаясь, бранил волшебников за их неуклюжесть; время от времени он отрывистым тоном говорил что-то своим военачальникам.

Экран был темно-серым, двенадцать футов в высоту и восемнадцать в ширину, и образы проявлялись на нем в бледно-зеленом колдовском свете. Каждый чародей отвечал за определенный квадратный ярд экрана, проектируя на него свою часть ясновидческого зрения.

Картина представляла Гвазев Зал Волшебства, но лучшим, достигнутым до сих пор результатом было повсеместно смазанное изображение, на котором можно было разглядеть стол, пустые кресла, низкую кучу на полу, точку серебристого света высоко на стене и две движущиеся фигуры — эти последние представляли собой просто похожие на саламандр цветные пятна с руками и ногами, так что нельзя было определить даже их пол (если они вообще были людьми и к тому же еще мужчиной и женщиной).

Время от времени один из квадратных ярдов изо-

бражения становился отчетливым, словно клумба в солнечный день, но всегда это был ярд, на котором не было ни фигур, ни вообще чего-либо более интересного, чем пустое кресло. В таких случаях внезапное взлаивание Хасьярла немедленно приказывало остальным чародеям поступать таким же образом или удачливому чародею поменяться участками с тем, на чьем квадратном ярде были фигуры; картинка неизменно ухудшалась, и Хасьярл начинал вопить и брызгать слюной, и тогда изображение становилось совершенно отвратительным и полностью покрывалось рябью, или же квадраты путались и наползали один на другой, словно несоставленная головоломка, и двадцати четверем волшебникам приходилось снова отсчитывать квадраты и начинать все сначала, в то время как Хасьярл учил их дисциплине с помощью ужасающих угроз.

Интерпретации образов Хасьярлом и его подручными существенно разнились. Отсутствие Гвазевых волшебников казалось хорошим предзнаменованием до тех пор, пока кто-то не предположил, что их могли послать для внедрения в Верхние Уровни Хасьярла и последующей чародейной атаки с близкого расстояния. Одному из лейтенантов досталась ужасающая взбучка за предположение о том, что два пятна-фигуры могут быть демонами, изображение которых на самом деле не было размыто, поскольку они находились в своем истинном обличьи; однако после того как Хасьярл дал выход своему гневу, стало казаться, что он все же слегка напуган этой идеей. Высказанная с надеждой догадка, что все Гвазевы волшебники уничтожены, была отброшена, когда выяснилось, что ни одно чародейное заклинание не было в последнее время направлено на них ни Хасьярлом, ни кем-либо из его волшебников.

Одно из пятен-фигур теперь совершенно исчезло с экрана, и точка серебристого света погасла. Это вызвало дальнейшие размышления, которые были прерваны появлением нескольких палачей Хасьярла, выглядящих довольно пришибленно, и дюжины охранников. Охранники, приставив обнаженные шпаги

к его груди и спине, окружали безоружного человека в тунике из волчьей шкуры, руки пленного были крепко связаны сзади. На нем была маска, похожая на красный шелковый мешок с прорезями для глаз, натянутый на голову и волосы, а сзади за ним волочилась черная мантия.

— Мы схватили Северянина, владыка Хасьярл! — радостно отрапортовал старший из двенадцати стражников. — Мы загнали его в угол в твоей комнате пыток. Он переоделся в одного из этих и пытался пробраться сквозь наши линии, сгорбившись и передвигаясь на коленях, но рост все равно его выдал.

— Молодец, Иссим — я вознагражу тебя, — одобрил Хасьярл. — Но что известно о вероломной наложнице моего отца и толстом кастрате, которые были с ним, когда он убил троих твоих людей?

— Они все еще были с ним, когда мы заметили его неподалеку от владений Гваэя и пустились за ним в погоню. Мы потеряли их, когда Северянин вернулся по своим собственным следам в камеру пыток, но охота продолжается.

— Тебе лучше найти их, — мрачно приказал Хасьярл, — или сладость от моей награды будет полностью омрачена муками от моего недовольства.

Затем он обернулся к Фафхрду.

— Итак, предатель! Теперь я поиграю с тобой в отжимание рук — да, и еще в сотню других игр, пока тебе не надоедят эти забавы.

Фафхрд громко и отчетливо ответил из-под своей красной маски:

— Я не предатель, Хасьярл. Мне просто надоело смотреть, как ты дергаешься и как ты пытаешь девушек.

Оттуда, где стояли волшебники, слышался шипящий крик. Повернувшись к ним, Хасьярл увидел, что одному из них удалось отчетливо показать низкую кучу на полу, так что теперь было видно, что это свалившийся наземь человек, укрытый так, что на виду оставалась только опирающаяся на подушки голова.

— Ближе! — закричал Хасьярл — с жадным интересом, не с угрозой — и каждый из волшебников — возможно, потому, что они не были напуганы и им ничто не грозило — в совершенстве исполнил свою работу, так что на экране появилось бледно-зеленое лицо Гваэя, величиной с телегу с упряжкой; различные виды чумы выдавали свое присутствие если не цветом, то наличием огромных бубонов, засохших корок и грибовидных образований, глаза были похожи на гигантские бочки, переполненные гноем, рот — на сотрясающуюся выгребную яму, а каждая капля, падающая с кончика носа, казалось, вмещала в себя галлон жидкости.

Хасьярл воскликнул хрипло, словно человек, захлебывающийся крепким вином:

— Радость, о радость! Мое сердце разорвется!

Экран стал черным, в комнате наступила мертвая тишина, и в эту тишину из дальнего сводчатого проема бесшумно скользнула по воздуху крошечная, серая, как кость, тень. Она парила на неподвижных крыльях, словно ястреб, высматривающий добычу, высоко над шпагами, которые пытались ее достать. Потом, беззвучно развернувшись по плавной дуге, она спикировала прямо на Хасьярла и, выскользнув из его рук, которые метнулись к ней слишком поздно, ударилась о его грудь, и упала на пол к его ногам.

Это был планер, сложенный из пергамента, на котором под разными углами виднелись строчки букв. Всего-навсего планер — не более того.

Хасьярл схватил его, с хрустом развернул и прочитал вслух:

«Дорогой Брат. Предлагаю тебе немедленно встретиться в Зале Призраков и уладить дело с престолонаследием. Приводи своих двадцать четыре волшебника. Я приведу одного. Приводи своего воителя. Я приведу своего. Приводи своих оруженосцев и охранников. Приводи самого себя. Меня принесут. Или, возможно, ты предпочтешь провести вечер, пытая девушек. Подпись (по указанию): Гваэй».

Хасьярл смял пергамент в кулаке и, задумчиво-зловеще глядя поверх него, отрывисто выпалил:

— Мы пойдем! Он надеется сыграть на моей брат-

ской жалости — это будет мило. Или же заманить нас в ловушку, но я перехитрю его!

Фафхрд смело заявил:

— Ты, может быть, и одолеешь своего насмерть прогнившего братца, о Хасьярл, но как насчет его воителя? Хитрого, как Зобольд, более свирепого в бою, чем слон-убийца! Такой может перерезать твоих хилых охранников так же легко, как я один одолел пятерых в Главной Башне, и добраться до твоей шумной глотки! Я тебе понадоблюсь!

Хасьярл подумал в течение удара сердца, потом, повернувшись к Фафхрду, сказал:

— Я не гордый. Я приму совет и от дохлой собаки. Ведите его с нами. Не развязывайте его, но захватите его оружие.

* * *

По широкому низкому тоннелю, медленно поднимающемуся вверх и освещенному настенными факелами, синее пламя которых горело не ярче, чем болотный газ, и которые, казалось, были расположены так же далеко один от другого, как прибрежные маяки, — по этому тоннелю быстро, но крайне осторожно шагал Мышелов в сопровождении странного короткого кортежа.

На Мышелове была черная мантия с остроконечным черным капюшоном, который, если его надвинуть вперед, полностью скрывал лицо. Под мантией на поясе висели меч и кинжал, но в руках Мышелова был тонкий черный жезл с серебряной звездой на верхушке, который должен был напоминать ему, что его основная роль в текущий момент — это роль Чрезвычайного и Полномочного Волшебника Гваэя.

За Мышеловом попарно трусили четыре раба-бегуна с огромными ногами и крошечными головами, очень похожие на темные ходячие конусы, особенно когда их силуэт вырисовывался на фоне только что пройденного факела. Они несли на плечах — каждый сжимал обеими карликовыми ручками конец шеста — носилки, искусно украшенные резьбой по красному и черному дереву; на матрасе, укрытые мехами, шелками и богато вышитыми тканями, воз-

лежали смердящая, беспомощная плоть и неукротимый дух юного властителя Нижних Уровней.

Сразу же за носилками шло нечто, выглядящее как чуть меньшая по размеру копия Мышелова. Это была Ививис, переодетая его подручным. Она закрывала рот и нос складкой капюшона, словно щитом, и часто подносила к носу платок, чтобы вдохнуть запах камфоры и нашатыря, которыми он был пропитан. Под мышкой она несла серебристый гонг в шерстяном мешке и — в другом мешке — странную тонкую деревянную маску.

Вывернутые мозолистые ступни рабов-бегунов ударялись о каменный пол со слабым шуршанием, на которое накладывалась через долгие равномерные интервалы булькающая отрыжка Гваэя. Других звуков слышно не было.

Стены и низкий потолок кишели рисунками, сделанными в основном желтой охрой и изображающими демонов, странных животных, девушек с крыльями летучей мыши и другие красоты ада. Их медленное проявление, нависание и исчезновение во мраке несло в себе отпечаток кошмара, однако кошмара легкого. Если брать все в целом, это было одно из самых приятных путешествий, которые мог вспомнить Мышелов, такое же приятное, как то, что он проделал однажды при лунном свете по крышам Ланкмара, чтобы повесить увядший венок на всеми забытую, стоящую на вершине башни статую Бога Воров и зажечь перед ней при помощи коньяка маленький голубой костер.

— В атаку! — насмешливо бормотал он себе под нос. — Вперед, моя большеногая фаланга! Вперед, моя наводящая ужас боевая колесница! Вперед, мой изящный арьергард! Вперед, мое войско!

* * *

Брилла, Кевисса и Фриска сидели тихо, как мышки, в Зале Призраков рядом с бассейном высохшего фонтана, однако поближе к открытой двери комнаты, где, как было условлено, они должны были спрятаться. Девушки шептались о чем-то, склонив друг к другу головы, но эти звуки, как и вырывающийся

по временам у Бриллы тоненький вздох, были не громче мышиного писка.

За фонтаном находилась большая полуоткрытая дверь, сквозь которую пытливо проникал единственный слабый лучик света, и через которую Фафхрд привел их сюда, прежде чем вернуться в камеру пыток и, таким образом, увести за собой погоню. Часть паутины, натянутой между половинками двери, была сорвана, когда там проходил массивный Брилла.

Если принять эту дверь и дверь в комнату-убежище за два противоположных конца комнаты, то два оставшихся противоположных конца занимали широкая черная арка и еще одна, узкая; перед каждой был большой участок каменного пола, поднятый на три ступеньки над еще большим участком вокруг высохшего бассейна. Кроме этого, в стенах виднелось множество маленьких дверей — каждая из которых была закрыта — ведущих, без сомнения, к бывшим спальням. И над всем этим нависали скрепленные светлым известковым раствором огромные черные блоки, образующие пологий купол потолка. Все это глаза троих беглецов, уже привыкшие к темноте, легко могли различить.

Брилла, догадавшийся, что некогда это место служило приютом для гарема, меланхолично размышлял о том, что теперь оно снова стало чем-то вроде крошечного гарема, в котором был евнух — он сам — и беременная девушка — Кевисса — сплетничающая с оживленной отважной девушкой — Фриской — беспокоящейся о своем высоком возлюбленном-варваре. Старые времена! Брилле хотелось подмести здесь немного и найти какие-нибудь ковры, пусть даже прогнившие, чтобы повесить их на стены и расстелить по полу, но Фриска указала ему, что они не должны оставлять следов своего пребывания здесь.

Из-за огромной двери послышался слабый звук. Девушки перестали шептаться, а Брилла — вздыхать и даже думать, каждый из них прислушался всем своим существом. Потом раздались еще звуки — шаги и удары мечей в ножнах о стену тоннеля — и трое беглецов бесшумно вскочили, быстро скрылись в своем убежище и неслышно затворили за

собой дверь — а Зал Призраков ненадолго снова остался один со своими призраками.

Охранник в шлеме и в кольчуге Хасьярловой гвардии появился в проеме огромной двери и, остановившись, огляделся вокруг со стрелой на тетиве короткого лука, который он держал горизонтально перед собой. Потом он сделал знак плечом и, крадучись, вошел в зал; за ним последовали еще трое стражников и четверо рабов, державших высоко над головами пылающие желтым огнем факелы; охранники оглядывали зал, ища малейшие намеки на ловушку или засаду, а факелы отбрасывали их чудовищные тени на пыльный пол и на изогнутую дальнюю стену.

Несколько летучих мышей покружились рядом, спасаясь от света факелов, и исчезли в арочных проемах.

Потом первый стражник обернулся назад, к коридору, свистнул, махнул рукой, и в зал вошли две группы рабов, каждая из которых взялась за одну из половинок огромной двери; дверь громко затрещала, заскрипели петли, и рабы широко отворили ее, хотя один из них конвульсивно подпрыгнул, когда из рвущейся паутины на него упал паук — или когда рабу это показалось.

В зал вошли еще несколько охранников — каждого из которых сопровождал раб с факелом — и начали расхаживать взад и вперед, тихо перекликаясь, дергая все запертые двери, и долго с подозрением вглядываясь в черное пространство между узкой и широкой арками; но все достаточно быстро вернулись к большой двери, образовав около нее защитный полукруг, в который вошла большая часть центрального участка Зала Призраков.

Потом в это отгороженное пространство шагнул окруженный своими оруженосцами Хасьярл, за которым по пятам следовали тесным строем две дюжины волшебников. Вместе с Хасьярлом вошел и Фафхрд, все еще со связанными руками и в своей красной маске-мешке; окружающие его охранники угрожали ему обнаженными клинками. Вошло еще и несколько рабов с факелами, так что Зал Призраков оказался залитым ослепительным светом вокруг

большой двери, хотя в дальних углах представлял собой смесь яркого сияния и черных теней.

Поскольку Хасьярл молчал, молчали и все остальные. Вообще-то нельзя было сказать, что властитель Верхних Уровней не издавал абсолютно никаких звуков — он постоянно кашлял, сухим лающим кашлем, и сплевывал мокроту в платок, украшенный тонкой вышивкой. После каждой короткой конвульсии он спирепом и подозрительно оглядывался вокруг, зловеще опуская одно продырявленное веко, чтобы подчеркнуть свою бдительность.

Потом послышался тихий дробный топоток и кто-то воскликнул: «Крыса!» Кто-то другой выпустил стрелу в тень, сгустившуюся вокруг бассейна; стрела царапнула камень, а Хасьярл громко спросил, почему забыли взять его хорьков — и, если уж на то пошло, больших гончих псов и филинов, защитивших бы его от летучих мышей с отравленными зубами, которых мог бы напустить на него Гваэй, — и поклялся, что сдерет кожу с правой руки тех, кто пренебрег своими обязанностями.

Звук послышался снова, это быстрое цоканье крошечных коготков по гладкому камню, и еще несколько стрел тщетно улетело в темноту, скользя по полу, и охранники нервно задвигались, а посреди всего этого переполоха Фафхрд воскликнул:

— Поднимите щиты, кто-нибудь из вас, и встаньте стеной по обе стороны от Хасьярла! Вы не подумали, что на этот раз стрела, а не планер, может бесшумно вылететь из любой арки и пронзить горло вашего дорогого владыки и навек остановить его бесценный кашель?

Несколько охранников виновато бросились выполнять этот приказ, и Хасьярл не остановил их взмахом руки, а Фафхрд рассмеялся и заметил:

— Если ты надеваешь на воина маску, это делает его более грозным, о Хасьярл, но тот факт, что его руки связаны за спиной, вряд ли будет способен так же впечатлить противника и к тому же имеет кучу других изъянов. Если сейчас сюда внезапно ворвется этот, более хитрый, чем Зобольд, и более грузный, чем обезумевший слон, да как начнет валить и расшвыривать твоих, впавших в панику стражников...

— Разрежьте веревки! — рявкнул Хасьярл, и

кто-то начал пилить кинжалом путы у Фафхрда за спиной. — Но не давайте ему ни меч, ни топор! Однако держите их наготове для него!

Фафхрд подвигал плечами и начал сгибать и разгибать свои массивные предплечья и массировать их, снова рассмеявшись под маской.

Хасьярл немного покипятился, а потом приказал еще раз проверить все закрытые двери. Фафхрд приготовился действовать, когда охранники подошли к той двери, за которой прятались Фриска и двое других беглецов, потому что знал, что на ней нет ни щеколды, ни засова. Однако дверь не поддавалась никакому напору. Фафхрд представил себе, как Брилла подпирает ее своей широкой спиной, а обе девушки, возможно, нажимают на его живот, и усмехнулся под красным шелком.

Хасьярл еще немного покипятился, ругая своего брата за опоздание, и поклялся, что раньше собирался пощадить его прихлебателей и рабынь, но теперь этого не сделает. Потом один из оруженосцев Хасьярла предположил, что послание-планер Гваэя могло быть хитростью, чтобы убрать их с дороги, пока противник атакует снизу через другие тоннели или, может, даже сквозь воздухопроводные шахты; Хасьярл схватил оруженосца за шиворот, встряхнул его и осведомился, почему, заподозрив это, он не высказался раньше.

В этот момент прозвучал гонг, высокий, нежно-серебряный звон, и Хасьярл отпустил оруженосца, удивленно оглядевшись вокруг. Еще один серебряный удар гонга, и сквозь более широкий черный проем арки в зал медленно вступили две чудовищные фигуры, каждая из которых несла передний шест украшенных резьбой черно-красных носилок.

Всем собравшимся в Зале Призраков была знакома внешность рабов-бегунов, но увиденные где-нибудь, кроме как на ремнях вентиляторов, они были столь же совершенно невероятными и гротескными, словно увиденные в первый раз. Казалось, их появление предвещало ломку обычаев и зловещие перемены, так что многие забормотали что-то, а кое-кто отшатнулся.

Рабы-бегуны продолжали тяжелошапно шагать вперед, и позади них показались их сотоварищи. Все

четверо подошли почти к самому краю невысокой платформы, поставили носилки наземь, сложили, как могли, на гигантской груди свои коротенькие ручки, сцепив их пальцами, и остались стоять неподвижно.

Затем сквозь ту же самую арку быстро прошла фигура довольно невысокого волшебника в черной мантии и капюшоне, скрывающем лицо, а по пятам за ним, как его тень, следовала еще меньшая фигура в такой же точно одежде.

Черный Волшебник занял место сбоку от носилок и чуть впереди — его помощник встал позади него справа — поднял, почти касаясь капюшона, жезл, украшенный на вершине сверкающим серебром, и сказал громко и выразительно:

— Я говорю от имени Гваэя, Повелителя Демонов и владыки всего Квормолла — что мы вам и докажем!

Мышелов говорил своим самым глубоким чародейным голосом, который никто, кроме него самого, никогда не слышал, не считая того случая, когда он испепелил Гваэевых волшебников — и если как следует подумать, то это закончилось тем, что все равно его никто не слышал. Мышелов развлекался вовсе, сам необычайно удивляясь своей собственной смелости.

Он выдержал паузу, как раз необходимо долгую, затем медленно указал жезлом на невысокую горку на носилках, выбросил вверх другую руку в повелительном жесте, ладонью вперед, и приказал:

— Все на колени, черви, и поклонитесь своему единственному законному правителю, владыке Гваэю, имя которого заставляет отступать демонов!

Несколько болванов из тех, что стояли впереди, действительно повиновались ему — по-видимому, Хасьярл запугал их даже слишком хорошо — в то время как остальные в передних рядах, боязливо выпучив глаза, уставились на закутанную фигуру на носилках; по правде говоря, то, что Гваэй лежал распростертым без движения и был похож на ужаснейшее воплощение Смерти, было преимуществом: это делало его более таинственной угрозой.

Разглядывая зал поверх голов стражников из пещеры своего капюшона, Мышелов заметил человека,

который, как он догадался, был воителем Хасьярла — боги, ну и громадиной же он был, ростом с Фафхрда! И к тому же сведущ в психологии, если эта красная шелковая маска-мешок была его собственным изобретением. Мышелов не был в восторге от идеи сразиться с таким типом, но, если все будет хорошо, то до этого не дойдет.

Потом сквозь ряды охваченных благоговейным ужасом стражников, разметая их в стороны ударами короткой плетки, прорвалась горбатая фигура в темно-алых одеждах — Хасьярл. Наконец! И впереди своих войск, как того и требовал замысел.

Уродство и бешенство Хасьярла превзошли все ожидания Мышелова. Властитель Верхних Уровней выпрямился, стоя лицом к носилкам, на протяжении тревожного мгновения только дергаясь, заикаясь и брызгаясь слюной, как самый настоящий идиот. Потом внезапно к нему вернулась речь, и он залаял как нельзя более внушительно и, без сомнения, громче, чем любой из его огромных псов:

— По праву смерти — уже свершившейся или долженствующей свершиться: свершившейся с моим отцом, который был поражен звездами и сгорел дотла; долженствующей свершиться с моим нечестивым братом, который был поражен моим волшебством и который не осмеливается говорить сам за себя, а потому вынужден платить шарлатанам — я, Хасьярл, объявляю себя единственным владыкой Квормолла... И всего сущего в его стенах... демонов или людей!

Потом Хасьярл начал поворачиваться, скорее всего для того, чтобы приказать нескольким охранникам выступить вперед и схватить Гваэя и его свиту, а может быть, для того, чтобы сделать знак своим волшебникам уничтожить противников магическим способом; но в этот момент Мышелов громко хлопнул в ладоши. По его сигналу Ививис, шагнувшая между ним и носилками, отбросила назад капюшон, распахнула мантию и уронила их за спину в одном плавном движении — и открывшееся зрелище заставило всех замереть в ошеломлении, как и рассчитывал Мышелов.

На Ививис была надета прозрачная туника из черного шелка — не более чем черное опаловое сия-

ние вокруг бледной кожи и по-юному гибкой фигуры — но лицо ее было скрыто белой маской, изображающей лицо ведьмы; женское лицо, однако с открытыми в ухмылке клыками и свирепым пристальным взглядом глаз с красными белками и белой радужкой (Мышелов быстро перекрасил эти глаза, следуя указаниям Гваэя, говорящего из своей серебряной статуи). Длинные зеленые с проседью волосы спадали с маски на спину Ививис, а несколько тонких прядей лежало у нее на плечах. В правой руке она, словно выполняя ритуал, держала вертикально перед собой большой садовый нож.

Мышелов указал прямо на Хасьярла — к которому уже были прикованы глаза маски — и скомандовал своим самым глубоким голосом:

— Приведи ко мне вот этого, о Мать-Ведьма!

Ививис быстро выступила вперед.

Хасьярл сделал шаг назад и, скованный ужасом, уставился на приближающуюся немезиду — воплощение материнского каннибализма сверху, изящная, как эльф, снизу; глаза его отца, взгляд которых обескураживал Хасьярла, и жуткий нож, который, казалось, выносил ему приговор за всех тех девушек, которых он с наслаждением довел до смерти или искалечил на всю жизнь.

Мышелов понял, что успех уже у него в руках, и остается только сжать пальцы.

В этот миг с другого конца комнаты раздался мощный, глухой удар гонга — настолько же глубокий, насколько высоким был звук гонга Гваэя; сотрясающий кости своей вибрацией. Потом по обе стороны узкого темного сводчатого проема, расположенного на противоположной от Гваэевых носилок стороне зала, с глухим ревом поднялись к потолку два столба белого огня, приковывая к себе все взгляды и разрушая чары Мышелова.

Первой реакцией Мышелова было выругать про себя такие великолепные сценические эффекты.

Дым за клубился, скрывая огромные черные квадраты потолка, столбы опали и превратились в бьющие на высоту человеческого роста белые струи, и между ними выступила вперед фигура Флиндаха в богато вышитых одеждах и с Золотым Символом Власти у пояса; но Капюшон Смерти был отброшен

назад, открывая покрытое пятнами и бородавками лицо и глаза, похожие на те, что сверкали на маске Ививис. Верховный Управитель широко раскинул руки жестом, выражающим гордую мольбу, и глубоким, звучным голосом, заполняющим Зал Призраков, произнес следующее:

— О Гваэй! О Хасьярл! Во имя вашего отца, сгоревшего и ушедшего по ту сторону звезд, и во имя матери вашего отца, чьи глаза унаследовал и я, прошу: подумайте о Квормолле! Подумайте о безопасности вашего королевства и о том, как раздирают его ваши войны. Забудьте о своей вражде, откажитесь от ненависти и вытащите сейчас жребий, чтобы определить порядок престолонаследия — выигравший будет здесь Верховным Владыкой, проигравший немедленно отправится с большой свитой и сундуками, полными сокровищ, в путешествие через Горы Голода, пустыню и Море Востока, и проживет свою жизнь в Землях Востока с полным комфортом и достоинством. Или, если вы не хотите тянуть обычный жребий, то пусть ваши воители бьются насмерть, чтобы решить это; а все остальное — как было предложено раньше. О Хасьярл, о Гваэй, я сказал.

И он сложил руки на груди, стоя между двумя столбами бледного пламени, все еще пылающими вровень с его головой.

Фафхрд воспользовался тем преимуществом, которое давало ему всеобщее потрясение, чтобы выхватить меч и топор у вяло держащих оружие стражников и протолкнуться вперед мимо Хасьярла, словно для того, чтобы лучше защитить его, стоящего одиноким и безоружным перед своим воинством. Теперь Фафхрд слегка подтолкнул Хасьярла локтем и прошептал сквозь свою маску-мешок:

— Тебе лучше всего поймать его на слове. Я выиграю тебе твое душное, мерзкое подземное королевство — да; а после того, как ты меня вознаградишь, я исчезну отсюда еще быстрее, чем Гваэй!

Хасьярл скорчил сердитую гримасу и, повернувшись к Флиндаху, прокричал:

— Верховный Владыка здесь — я, и нет никакой нужды тянуть жребий, чтобы определить это! Да — и у меня есть мои архимаги, которые повергнут в

прах любого, кто осмелится угрожать мне волшебством! И есть мой великий воитель, который изрубит в фарш всякого, кто бросит мне вызов мечом!

Фафхрд выпятил грудь и свирепо оглядел зал сквозь окаймленные красным прорези для глаз, чтобы поддержать Хасьярла.

Тишина, которая последовала за похвалой принца, была разрезана словно острейшим ножом, когда пронзительно-сладкий голос донесся со стороны неподвижной низкой кучи на носилках, окруженной четырьмя бесстрастными рабами-бегунами, — или из точки, находящейся прямо над этой кучей.

— Я, Гваэй, властитель Нижних Уровней, являюсь Верховным Владыкой Квормолла — а вовсе не мой несчастный брат, чью обреченную душу мне искренне жаль. И у меня есть чары, спасшие мою жизнь от самых зловредных его чар, и у меня есть воитель, который сотрет его воителя в порошок!

Все были слегка уstraшены этим, как казалось, магическим голосом, — все, кроме Хасьярла, который хихикнул, брызнув слюной, дернул рукой, а потом, словно он и его брат были детьми и один на один в комнате для игр, воскликнул:

— Лгун и лживая пискля! Женоподобный хвостун! Ничтожный шарлатан! Где же этот твой великий воитель?! Пусть он выйдет вперед! Прикажи ему показаться! Или признайся сразу, что он — всего лишь плод твоего скудного воображения! Ах-ха-ха-ха!

При этих словах все начали с любопытством оглядываться по сторонам, кое-кто задумчиво, а кое-кто — с опасением. Но когда ни одна фигура, и, уж конечно, ни одна воинственная фигура не появилась, некоторые из людей Хасьярла начали хихикать вместе с ним. Остальные последовали их примеру.

У Мышелова не было желания рисковать своей шкурой — по крайней мере, не с Хасьярловым воителем, который с каждой минутой выглядел все более страшным врагом, был вооружен топором, как Фафхрд, а теперь, по-видимому, выступал еще и в роли советника своего властелина — возможно, что-то вроде закулисного главнокомандующего, каким сам Мышелов был для Гваэя; однако у Мышелова

возникло почти непреодолимое искушение увенчать свою победу главным сюрпризом.

В этот момент снова прозвучал потусторонний голос-колокольчик Гваэя, исходящий не из его голосовых связок, потому что они уже полностью сгнили, но созданный силой его бессмертной воли, выстраивающей в определенном порядке невидимые атомы воздуха:

— Из самых темных глубин, невидимый для всех, в самом центре зала... Появись, мой воитель!

Это было слишком для Мышелова. Пока Флиндах говорил, Ививис снова натянула свою черную мантию с капюшоном, понимая, что ужас, вызванный ее маской ведьмы и девичьими формами, был мимолетным; теперь она снова стояла рядом с Мышеловом как его помощник.

Одним церемонным жестом, не глядя на нее, он вручил ей свой жезл и, подняв руки к вороту мантии, отбросил ее вместе с капюшоном назад, на пол; после этого он выхватил из ножен свистнувший в воздухе Скальпель и прыгнул вперед, пристукнув каблуками, на верхнюю из трех ступенек; пригнувшийся и свирепо озирающийся по сторонам, с поднятым над головой мечом, в серых шелковых одеждах с серебряными украшениями, он выглядел устрашающе, несмотря на маленький рост и на то, что на его поясе рядом с кинжалом висел еще и мех с вином.

В это время Фафхрд, который стоял раньше лицом к Хасьярлу, чтобы обменяться с ним последними перед боем словами, сорвал с головы свою красную маску-мешок, выхватил лязгнувший Серый Прутик из ножен и прыгнул вперед, так же устрашающе топнув при этом.

Потом приятели увидели и узнали друг друга.

Последовавшая за этим пауза была для зрителей еще одним свидетельством грозности каждого противника: один такой ужасающе высокий, другой — превратившийся в воителя из волшебника. Очевидно, они наводили друг на друга ни с чем не сравнимый страх.

Фафхрд отреагировал первым, возможно, потому, что все это время ему чудилось что-то навязчиво знакомое в манерах и речи Черного Волшебника. Он

захохотал было смехом Гаргантюа, но в самый последний момент умудрился превратить этот смех в ревущий вопль:

— Обманщик! Болтун! Маг-недоучка! Вынюхиватель заклинаний! Бородавка! Ничтожная жаба!!!

Мышелов, который, возможно, был больше удивлен как раз потому, что отметил и отбросил сходство замаскированного воителя с Фафхрдом, теперь последовал примеру своего приятеля — и как раз вовремя, потому что он тоже чуть было не расхохотался — и загремел в ответ:

— Хвастун! Неумелый уличный забияка! Неуклюжий обхаживатель девушек! Бревно! Деревенщина! Большеногий!!!

Напрягшимся в ожидании зрителям эти колкости показались слегка слабоватыми, однако энтузиазм, с которым они преподносились, больше чем искупал эту слабость.

Фафхрд с топотом продвинулся еще на шаг, выкрикивая:

— О, я мечтал об этом мгновении. Я изрублю тебя от твоих толстых ногтей на ногах до твоего сжатого мозга!

Мышелов отскочил от наступающего Фафхрда, чтобы, спускаясь по ступенькам, не потерять преимущества в высоте; при этом он пронзительно выкрикивал:

— Вот лучший выход для моей ярости! Я выпущу из тебя вместе с кишками каждое твое лживое слово, особенно те, насчет твоих северных путешествий!

Потом Фафхрд воскликнул:

— Вспомни об Ул-Хруспе!

А Мышелов ответил:

— Вспомни о Литквиле!

И они сошлись.

Для большинства жителей Квормолла, Литквил и Ул-Хрусп могли быть и, без сомнения, были местами, где оба героя раньше встречались в бою, или полями сражений, где они дрались на противоположных сторонах, или даже девушками, из-за которых они вступали в поединок. Но на самом деле Литквилом звали Безумного Герцога города Ул-Хруспа; однажды, чтобы ублажить его, Фафхрд и Мышелов поставили крайне реалистичную и тщательно отрепетиро-

ванную дуэль, которая длилась добрых полчаса. Так что те квормоллы, которые ожидали увидеть долгую и зрелищную схватку, не были ни в коей мере разочарованы.

Сначала Фафхрд нанес Мышелову три мощных рубящих удара, каждого из которых было бы достаточно, чтобы перерезать Серого пополам; но Мышелов парировал их в последний момент сильным и искусным ударом Скальпеля, так что Серый Прутик со свистом пронесся в дюйме над головой, исполняя резкую хроматическую песню стали, ударяющейся о сталь.

Потом Мышелов сделал три выпада в сторону Фафхрда, сопровождая их скользящим, как у летучей рыбы, прыжком и каждый раз уводя меч из-под ответного удара Серого Прутика. Но Фафхрду все время удавалось уклониться в сторону со скоростью, почти невероятной для такого большого тела, и тонкое лезвие, не причинив вреда, проносилось мимо него.

Этот обмен ударами и выпадами был всего лишь прологом к дуэли, которая теперь перенеслась к бассейну высохшего фонтана и начала казаться по-настоящему бешеной — зрители были вынуждены не раз отступить назад; а Мышелов симпровизировал, выдавив небольшое количество своего густого кроваво-красного вина, когда они с Фафхрдом оказались на мгновение прижатыми друг к другу в свирепой атаке, так что оба приятеля казались теперь серьезно раненными.

В Зале Призраков было три человека, которых не интересовал этот кажущийся шедевр дуэльного искусства и которые практически не смотрели на него. Ививис не была одной из них — она вскоре отбросила назад капюшон, сорвала с себя маску с ведьминым лицом, пробралась поближе и наблюдала за схваткой, криками подбадривая Мышелова. Ими не были и Брилла; Кевисса и Фриска — потому что, услышав удары мечей, девушки настояли на том, чтобы немножко приоткрыть дверь, несмотря на заботливые опасения евнуха; и теперь они все глядели в щель, одна голова над другой; Фриска, которая была посередине, испытывала настоящую агонию

при мысли об опасностях, которым подвергался Фафхрд.

Глаза Гваэя были полны сгустков гноя, залежившего ресницы, и сухожилия, с помощью которых принц мог бы поднять голову, уже разложились. Не пытался он и исследовать то направление, откуда доносился шум схватки, своими колдовскими чувствами. Он был привязан к существованию только нитью своей огромной ненависти к брату; однако в этой ненависти содержались для него все чудо, вся сладость и все радостное восхищение жизни — этого было достаточно.

Зеркальное отображение этой ненависти в душе Хасьярла было в тот момент достаточно сильным, чтобы полностью подчинить себе все инстинкты и весь голод его здорового тела, все замыслы и образы в его потрескивающих мыслях. Он увидел первый удар схватки, увидел, что носилки Гваэя остались без охраны, а потом, словно перед его глазами полностью встала выигрышная шахматная комбинация, которая загипнотизировала его, сделал свой ход без дальнейших раздумий.

Обойдя место схватки широким полукругом и передвигаясь среди теней быстро, как хорек, он поднялся на три ступеньки у стены и направился прямо к носилкам.

В его мозгу не было ни одной мысли, лишь какие-то туманные искаженные образы, словно увиденные с большого расстояния — один из них был образом самого Хасьярла, маленького мальчика, ковыляющего ночью вдоль стены к колыбели Гваэя, чтобы оцарапать его иголкой.

Хасьярл даже не удостоил взглядом рабов-бегунов, а их мозги были настолько рудиментарными, что сомнительно, увидели ли они принца вообще или, по крайней мере, осознали ли, что они его увидели.

Стоя между двумя рабами, Хасьярл нетерпеливо наклонился и с любопытством оглядел своего брата. Ноздри сузились, почувствовав смрад, а рот сжался сильнейшей судорогой, но тем не менее продолжал улыбаться.

Хасьярл вытащил из ножен широкий кинжал вороненой стали и занес его над лицом брата, которое было настолько обезображено болезнями,

что его уже практически нельзя было назвать таковым. На отточенных краях кинжала были небольшие зазубрины, направленные в противоположную от острия сторону.

Звон мечей внизу достиг одной из своих кульминаций, но Хасьярл этого не заметил.

Он тихо сказал:

— Открой глаза, брат. Я хочу, чтобы ты заговорил — один раз, прежде чем я убью тебя.

Ответа Гваэя не последовало — ни движения, ни шепота, ни даже булькающей отрыжки.

— Ну хорошо, — грубо сказал Хасьярл, — тогда умри с чопорно сжатым ртом.

И опустил кинжал.

Кинжал резко остановился в волоске от скулы Гваэя, и мускулы направляющей его руки Хасьярла пронзила острая парализующая боль от полученного толчка.

Теперь Гваэй открыл глаза. Зрелище это было не из приятных, поскольку в глазницах не было ничего, кроме зеленого гноя.

Хасьярл немедленно закрыл свои глаза, но продолжал подглядывать сквозь отверстия в веках.

Потом он услышал над ухом голос Гваэя, похожий на звон комара.

— Ты кое-что упустил из виду, дорогой братец. Ты выбрал не то оружие. После сожжения нашего отца ты поклялся мне, что моя жизнь будет для тебя священной — если ты не раздавишь меня насмерть. «Пока я не выдавлю ее из тебя», — сказал ты. Боги слышат только наши слова, Брат, а не наши намерения. Если бы ты подошел ко мне, таща с собой каменную глыбу, как потешный гном, каким ты и являешься в действительности, ты мог бы добиться своей цели.

— Тогда я раздавлю тебя! — отпарировал разъяренный Хасьярл, ближе придвигая лицо и почти крича. — Да! И я буду сидеть рядом и слушать, как трещат твои кости — те, которые у тебя остались! Ты такой же болван, как и я, Гваэй, потому что ты тоже после похорон нашего отца пообещал не убивать меня. Да! И ты еще больший болван, чем я, потому что ты только что выболтал мне свой маленький секрет — то, как я могу убить тебя.

— Я поклялся не убивать тебя заклинаниями, или сталью, или ядом, или своей рукой, — ответил звонкий комариный голос Гваэя. — В отличие от тебя, я абсолютно ничего не сказал о раздавливании.

Хасьярл почувствовал странное покалывание во всем теле, а его ноздри наполнились едким запахом, похожим на запах озона, смешавшимся со смрадом разложения.

Внезапно ладони Гваэя высунулись из-под роскошного покрывала. Плоть сползала с костей пальцев, которые торчали вертикально вверх, в призывном жесте.

Хасьярл чуть было не отскочил назад, но сдержался. Лучше умереть, сказал он сам себе, чем бежать в страхе перед своим братом. Он почувствовал вокруг себя скопление мощных сил.

Послышался приглушенный скребущий звук, а потом странные, слабо похрустывающие снежинки начали падать на покрывало и на шею Хасьярла... редкие снежинки из светлого зернистого вещества... крупинки известкового раствора...

— Да, ты раздавишь меня, дорогой братец, — спокойно признался Гваэй. — Но если ты хочешь знать, как именно ты меня раздавишь, припомни мои ничтожные специфические способности... или же посмотри вверх!!!

Хасьярл повернул голову, и огромная черная базальтовая плита размером с носилки рухнула вниз, и тот единственный момент жизни, что еще оставался у Хасьярла, был потрачен на то, чтобы услышать слова Гваэя:

— Ты ошибся, снова ошибся, мой друг.

* * *

Услышав грохот, Фафхрд остановил удар меча на полпути, и Мышелов чуть было не проколол Северянина своей отрепетированной защитой. Они опустили клинки и, как и все остальные в центре Зала Призраков, всмотрелись в темноту.

Там, где раньше стоял паланкин, была теперь только толстая базальтовая плита с пятнами засохшего известкового раствора, и из-под нее торчали шесты носилок; а наверху, в потолке, зияла прямо-

угольная белая дыра. Мышелов подумал: «Такую большую штуку гораздо труднее сдвинуть мыслями, чем шашку или чашу, однако это то же самое черное вещество».

Фафхрд подумал: «Почему не упал весь потолок? Вот что странно».

Возможно, самым удивительным в этот момент были четыре раба-бегуна, которые все еще стояли по углам носилок с устремленными вперед глазами и со сцепленными на груди пальцами, хотя падающая плита пролетела в каких-нибудь дюймах от них.

Потом некоторые из Хасьярловых оруженосцев и волшебников, видевшие, как их властитель пробрался к носилкам, поспешили к плите, но отпрянули, увидев, как плотно она прилегает к полу, и заметив вытекающий из-под нее тоненький ручеек крови. Их разум дрогнул при мысли о братьях, которые ненавидели друг друга так страстно и тела которых были теперь слиты в непристойном взаимопроникающем и смешивающем объятии.

А в это время Ививис подбежала к Мышелову, а Фриска — к Фафхрду, чтобы перевязать их раны; девушки были очень удивлены, а возможно, даже чуть-чуть раздражены, когда узнали, что никаких ран не было. Кевисса и Брилла тоже вышли из укрытия, и Фафхрд, обнимая одной рукой Фриску, протянул другую, испачканную красным вином, и мягко обвил ею талию Кевиссы, дружески улыбаясь девушке.

Потом снова прозвучал могучий приглушенный удар гонга, и два столба белого пламени на мгновение взметнулись к потолку по обе стороны от Флиндаха. В их свете стало видно, что вслед за ним по узкому коридору вошло множество людей, которые теперь стояли вокруг него: надежные охранники из рот Главной Башни, с оружием наготове, а также некоторые из личных волшебников Флиндаха.

Когда столбы пламени быстро опустились, Флиндах повелительно поднял руку и заговорил звучным голосом:

— Звезды, которые нельзя обманывать, предсказали судьбу владыки Квормолла. Все вы слышали, что эти двое, — он указал на раздробленные носил-

ки, — объявили себя владыками Квормолла. Так что звезды удовлетворены вдвойне. И боги, которые слышат все наши слова, вплоть до каждого тишайшего шепота, и по ним определяют нам судьбу, — эти боги довольны. Остается только, чтобы я назвал вам следующего владыку Квормолла.

Он указал на Кевиссу и проговорил:

— *Следующий через одного владыка Квормолла* спит и растет в чреве этой женщины, жены Квормала, так недавно почтенного сожжением, погребальными жертвами, и похоронными обрядами.

Кевисса отпрянула, и ее синие глаза расширились. Потом ее лицо засияло.

Флиндах продолжал:

— Мне все еще остается назвать вам *следующего владыку Квормолла*, который будет наставником ребенка королевы Кевиссы, пока тот не достигнет зрелости, став совершенным королем и всеведущим волшебником, при котором наше подземное королевство будет отличаться постоянным внутренним покоем и простирающимся за его пределы процветанием.

С этими словами Флиндах завел руку за левое плечо. Всем показалось, что он собирается натянуть на голову, лоб и изуродованные пятном и бородавками щеки Капюшон Смерти, чтобы его речь стала еще более торжественной. Но вместо этого он схватил себя за короткие волосы на затылке и подтянул их вверх и вперед, и вместе с ними поднялся весь его скальп, а потом, по мере того, как он опускал руку вниз и вбок, вместе со скальпом слезла и кожа его лица, и под ней открылись слегка блестящее от пота, не имеющее никаких изъянов лицо, выступающий нос и полные, подвижные, улыбающиеся губы Квормала; ужасные, кроваво-красные с белым глаза мягко глядели на всех присутствующих.

— Я был вынужден ненадолго посетить Преддверие Ада, — объяснил он с торжественной, однако неподдельной отцовской фамильярностью, — пока другие были вместо меня владыками Квормолла и пока звезды посылали вниз свои стрелы. Это было лучшее, что я мог сделать, хотя при этом я потерял двух своих сыновей. Только так могла наша земля быть спасена от опустошительной междоусобной войны.

Он поднял для всеобщего обозрения обмякшую маску с пустыми, окаймленными ресницами отверстиями для глаз, пурпурным пятном на левой щеке и треугольником бородавок на правой и сказал:

— А теперь я прошу вас всех почтить великого и могущественного Флиндаха, самого верного Мастера Магов, который когда-либо был у короля и который одолжил мне свое лицо для этой необходимой военной хитрости и свое тело для сожжения вместо моего; восковая маска, изображающая мое лицо, закрывала переднюю часть его бедной головы, которая принесла мне в жертву все. Торжественно руководя своими собственными огненными похоронами, я отдавал дань уважения только Флиндаху. Для него были сожжены мои женщины. Вот это его лицо, сохраненное моим собственным искусным свеживанием и быстрым дублированием, будет вечно висеть на почетном месте в наших залах, пока дух Флиндаха будет держать для меня мое место в Темном Море по ту сторону звезд, Верховный Владыка там до моего прихода и вечно Герой Квормолла.

Прежде чем в толпе могли начаться аплодисменты или крики одобрения — что произошло бы не сразу, поскольку все были крайне изумлены, — Фафхрд воскликнул:

— О хитроумнейший король, я чту тебя и твое дитя столь высоко — а также королеву, которая носит его во чреве, — что я буду охранять ее каждую минуту, не отходя от нее ни на шаг, пока я и вот этот мой маленький приятель не окажемся далеко за стенами Квормолла — скажем, в миле от него — вместе с лошадьми, которые повезут нас, и с сокровищами, которые были обещаны нам двумя покойными королями.

И он, как и Квормал, сделал жест в сторону раздавленных носилок.

Мышелов собирался было бросить Квормалу несколько тонко запугивающих замечаний о своем собственном волшебном мастерстве и об испепелении Гвазевых одиннадцати волшебников. Но теперь он решил, что слова Фафхрда были достаточными и хорошо сказанными — если не считать оскорби-

тельного замечания в его, Мышелова, адрес — и он промолчал.

Кевисса начала было вытягивать свою руку из руки Фафхрда, но тот совсем чуть-чуть усилил хватку, и она понимающе посмотрела на него. И действительно, она звонко обратилась к Квормалу:

— О господин мой муж, этот человек спас жизнь мою и твоего сына от злодеев. Хасьярла в кладовой Главной Башни. Я доверяю ему.

Брилла, вытирающий рукавом сорочки радостные слезы со своих глаз, поддержал ее:

— Мой дражайший повелитель, она говорит чистейшую правду, чистую, как новорожденное дитя или новобрачная.

Квормал чуть приподнял руку, упрекающе, словно подобные слова были излишними и немного не к месту, и, тонко улыбаясь Фафхрду и Мышелову, сказал:

— Все будет так, как ты сказал. Меня нельзя назвать скупым или непроницательным. Знайте, что это была не совсем случайность, что мои покойные сыновья в тайне друг от друга наняли вас, двух друзей, — которые тоже ничего не знали друг о друге — себе в защитники. Знайте также, что мне кое-что известно о любопытстве Нингобля Семиглазого или о заклятиях Шеелбы Безглазого. У нас, волшебников-гроссмейстеров, есть... но продолжать эту речь значило бы лишь разжигать любопытство богов, оповещать троллей и привлекать внимание беспокойной голодной Судьбы. Хорошего понемногу.

Глядя в суженные глаза Квормала, Мышелов почувствовал, что радуется тому, что не стал лишний раз хвастаться; и даже Фафхрд слегка вздрогнул.

* * *

Фафхрд щелкнул кнутом над четверкой лошадей, чтобы заставить их быстрее протащить доверху нагруженный фургон по черному, покрытому липкой грязью участку дороги, отмеченному глубокими колеями от тележных колес и следами бычьих копыт и удаленному от Квормолла на милю. Фриска и Иви-вис, сидящие рядом с Северянином, обернулись, чтобы как можно дольше помахать на прощанье Кевис-

се и евнуху Брилле, которые стояли у края дороги с четырьмя бесстрастными стражниками из Квормолла, в чьи руки они теперь были переданы.

Серый Мышелов, растянувшийся на животе поверх груза, тоже махал, но только левой рукой — в правой он держал взведенный арбалет, а его глаза обшаривали деревья в поисках засады.

Однако на самом деле Серый не очень опасался. Он думал, что Квормал вряд ли будет склонен применять какие-то штучки против такого испытанного воина и волшебника, как он, Мышелов, — и против Фафхрда тоже, конечно. За последние несколько часов старый владыка показал себя как нельзя более гостеприимным хозяином — он потчевал друзей редкими винами и нагрузил их богатыми подарками, которые превосходили то, о чем просили приятели, и то, что Мышелов стащил заранее; и даже предложил им других девушек в добавление к Ививис и Фриске — любезный дар, который Фафхрду и Мышелову, не без тайного сожаления, пришлось отвергнуть, после того, как они заметили свирепые взгляды обеих вышеупомянутых дам. Два или три раза улыбка Квормала становилась слишком по-тигриному дружелюбной, но в таких случаях Фафхрд чуть ближе придвигался к Кевиссе, подчеркивая ту слабую, но неумолимую хватку, которой он сжимал ее талию, чтобы напомнить старому властелину, что она и тот принц, которого она носила в чреве, были заложниками их с Мышеловом безопасности.

Расквашенная дорога свернула и начала немного подниматься вверх, и над вершинами деревьев показались башни Квормолла. Взгляд Мышелова переместился на них; Серый задумчиво изучал кружево шпилей, гадая, увидит ли он их еще раз. Внезапно его охватило желание немедленно вернуться в Квормолл — да, соскользнуть с поклажи назад и бежать туда. Что во внешнем мире было хоть в половину таким прекрасным, как чудеса этого подземного королевства? Его лабиринты тоннелей со стенами, расписанными фресками, тоннелей, в которых человек мог проблуждать всю свою жизнь... его погребальные восторги... даже зло там было прекрасным... его восхитительная, бесконечно изменчивая чернота... его гонимый скрытыми вентиляторами воздух... Да, пред-

положим, что вот как раз сейчас он бесшумно спрыгнет...

На самой высокой башне что-то вспыхнуло, мелькнула сверкающая искорка. Мышелова словно ужалило, он разжал руки и соскользнул назад с поклажи. Но как раз в это мгновение дорога повернула и стала твердой, и деревья поднялись выше, закрыв башню, и Мышелов пришел в себя, снова ухватился за повозку, прежде чем его ноги успели коснуться земли, и повис там; колеса весело стучали, а Мышелов обливался холодным потом.

Потом фургон остановился, и Мышелов соскочил наземь, три раза глубоко вдохнул воздух, а потом поспешил вперед, туда, где Фафхрд, который тоже успел слезть, возился с упряжью и постромками.

— Скорее вскакивай на повозку, Фафхрд, и подхлестни лошадей! — закричал он. — Этот Квормал — более хитрый колдун, чем я думал. Я боюсь, что если мы потеряем время по дороге, то наша свобода и наши души окажутся в опасности!

— Это ты говоришь мне? — парировал Фафхрд. — Дорога постоянно вьется, и на ней еще будут участки с жидкой грязью. Доверять скорости повозки? Пф! Мы распряжем всех четырех лошадей, возьмем только самые необходимые припасы и самые маленькие и дорогие подарки; а потом проскачем галопом через болота по прямой, прочь от Квормола. Таким образом мы должны уклониться от засады и обогнать погоню. Фриска, Ививис! Быстро, вперед!

ЗАТОНУВШАЯ ЗЕМЛЯ

— Я родился с серебряной ложкой во рту! — радостно заорал Фафхрд Северянин и подпрыгнул так, что утлый шлюп сильно качнулся, несмотря на выступающие с бортов аутригеры. — Поймал рыбу посреди океана, вспорол ей брюхо, и глянь, малыш, что я нашел!

Серый Мышелов уклонился от сунутой ему прямо под нос вымазанной рыбьей кровью руки. Брезгливо сморщившись и подняв левую бровь, он пригляделся. Штуковина явно не казалась маленькой даже на широкой ладони Фафхрда, налипшая густой бахромой слизи не могла скрыть, что предмет золотой. Это было кольцо и ключ одновременно. Ключ, приделанный под прямым углом, располагался вдоль пальца, когда кольцо надевалось. На кольце виднелась какая-то резьба.

Инстинктивно предмет не понравился Серому Мышелову. Каким-то образом он олицетворял смутную тяжесть, которую Мышелов испытывал уже несколько дней.

Прежде всего Серый не любил этот огромный соленый океан, и только напор и самоуверенность Фафхрда, помимо его собственного стремления в Ланкмар, побудили Мышелова пуститься в это длинное, по общему признанию, рискованное путешествие через полные неизведанных опасностей пучины. Не по душе ему было и то, что косяк рыбы вспенивал воду так далеко от берега. Даже тихая погода и благоприятные ветры беспокоили его, так как, казалось, они предвещали соответственно большие несчастья впереди, подобно разрастающейся грозовой туче в спокойном небе. Слишком хорошо — всегда опасно.

И теперь это кольцо, добытое без усилий, по удивительно счастливому случаю.

По мере того, как Фафхрд медленно поворачивал находку, друзья всматривались в нее все пристальнее. Насколько можно было разобрать, резьба на кольце представляла морское чудовище, утаскивающее судно на глубину. Изображение было сильно стилизовано, однако была в нем небольшая особенность, которая могла сбить с толку кого угодно. Мышелова, много путешествовавшего и повидавшего дальние страны, больше всего поразила необычность этого стиля.

В Фафхрде же вещь всколыхнула странные воспоминания. В памяти всплывали какие-то легенды, рассказывавшиеся долгими северными вечерами вокруг огня из собранного на берегу плавника; сказания о великих морских походах и дальних набегах древних времен; отблески пламени на том, что сохранилось от добычи, награбленной необозримо далекими предками, и что традиционно считалось слишком значительным для обмена, продажи или просто подарка: припоминались смутные угрозы и предостережения мальчикам, склонным заплывать или уходить на лодке в море слишком далеко. На миг зеленые глаза Северянина затуманились, обветренное лицо стало серьезным, но только на миг.

— Согласись, замечательная вещь, — сказал он, смеясь. — Как ты думаешь, чью дверь этот ключ открывает? Я бы сказал — возлюбленной какого-нибудь короля. По величине оно вполне подойдет для королевского пальца. — Фафхрд подбросил, поймал и вытер кольцо грубой тканью своей туники.

— Я не стал бы носить его, — произнес Мышелов. — Возможно, оно с руки утопленника и отравлено ядами морского ила. Выброси его обратно.

— И вытащить покрупнее? — спросил Фафхрд, ухмыляясь. — Нет, для меня хорошо и это. — Он напялил кольцо на средний палец левой руки, согнул кулак, оглядел его оценивающе и заявил: — В драке тоже может пригодиться.

Большая рыба, выпрыгнув из воды, чуть не шлепнулась в кокпит. Фафхрд быстро вскинул свой лук,

приладил к тетиве стрелу без оперенья, с утяжеленным наконечником и стал вглядываться в воду за бортом, упершись одной ногой в аутригер. Светлый вощенный линь был прикреплен к стреле.

Мышелов наблюдал за Северянином не без зависти. Фафхрд — большой, мускулистый, казалось, он обретал неизвестно откуда взявшуюся гибкость и уверенность движений всякий раз, когда ступал на борт судна. Здесь он становился таким же ловким, каким Мышелов был на берегу.

Мышелов не был новичком в морском деле и умел плавать не хуже Фафхрда, но он всегда начинал испытывать что-то вроде легкого беспокойства, когда изо дня в день в поле его зрения была одна только вода.

А Фафхрду наоборот было тяжело в городах, хотя таверны и уличные драки были для него неизменно притягательны. На борту судна Мышелов становился предусмотрительным и его не оставляли дурные предчувствия. Он настороженно следил за слабыми протечками, расползающимся костром, портящейся пищей и прогнившими снастями. Он не одобрял это постоянное стремление Фафхрда опробовать неиспытанные снасти и убирать паруса только в самый последний момент. Серого слегка раздражало, что он не мог относиться к этому только как к безрассудной храбрости.

Фафхрд, между тем, продолжал пристально вглядываться в накатывающие валы. Его длинные медно-рыжие волосы, заправленные за уши, были стянуты в тугий узел. На нем были грубая потемневшая туника и штаны. Обут он был в кожаные башмаки, легко спадавшие с ноги. Пояс, меч и прочее оружие Северянин снял. Они были завернуты в промасленное полотно, защищающее их от ржавчины. Не было на Фафхрде также никаких украшений, кроме кольца.

Мышелов перевел взгляд туда, где на горизонте в просвете между носом шлюпа и правым бортом начинали собираться облака. Почти с облегчением он подумал, не предвещают ли они ненастья. Стянув на горле свою серую тонкую тунику, он слегка повернул

румпель. Заходящее солнце отбросило согнутую тень Мышелова на небеленый парус из сурового полотна.

Лук Фафхрда зазвенел, и стрела ушла в воду. Линь с шипением стал раскручиваться с катушки, которую Северянин держал в руке вместе со стрелой. Он прижал лить большим пальцем. Тот ослаб чуть-чуть, затем дернулся по направлению к корме. Нога Фафхрда заскользила вдоль аутригера, пока не уперлась в поплавок, расположенный за бортом на расстоянии почти в три раза большем длины вытянутой руки. Он подтянул вторую ногу и улегся там, болтая в воде ногами, со смехом и удовлетворенным мычанием забавляясь рыбой.

— Ну и как тебе, повезло на этот раз? — спросил, спустя некоторое время, Мышелов, когда Фафхрд раскладывал дымящиеся белые нежные куски рыбы, зажаренной над ящиком с огнем в укрытии на носу. — Не добыл ли ты подходящие к твоему кольцу браслет и ожерелье?

Фафхрд ухмыльнулся набитым ртом и не ответил, как будто ничего важнее еды на свете не было. Но позднее, когда друзья растянулись под звездным, время от времени скрываемым несущимися облаками темным небом, под крепчающим ветром, который подгонял судно все быстрее, Северянин сам начал разговор.

— Кажется, они называли землю Симоргия. Она опустилась на дно давным-давно. А до этого мои соплеменники делали на нее набеги, несмотря на дальность пути туда и изматывающий переход обратно. Я плохо помню. Слышал только обрывки разговоров об этом, когда был совсем маленьким. Но я видел несколько безделушек, на которых было вырезано что-то слегка напоминающее рисунок на этом кольце. Легенды, по-моему, рассказывали, что люди далекой Симоргии были могущественными колдунами, обладавшими властью над ветрами, волнами и морскими тварями. И за это море в конце концов поглотило их. Теперь они там. — Повернув ладонь, Фафхрд указал большим пальцем на дно лодки. — Как передают легенды, наши люди как-то летом отправились в поход против них, но ни одна из

лодок не вернулась. Одна, правда, спаслась, она появилась, когда всякая надежда была уже потеряна. Люди в ней были полумертвыми от жажды. Они рассказывали, что плыли и плыли без конца, но так и не достигли Симоргии и нигде не обнаружили скалистого берега с приземистыми многооконными башнями. Только пустое море. Много охотников за наживой уходило в море в следующее лето и еще после того, но никто из них никогда не находил Симоргию.

— В таком случае, — резко спросил Мышелов, — разве не может быть, что мы сейчас плывем над этой затонувшей землей? И не доводилось ли той рыбе, которую ты поймал сегодня, всплывать и выплывать из окон тех самых башен?

— Кто знает? — отвечал Фафхрд мечтательно. — Океан велик. Если мы находимся там, где предполагаем — то есть на полпути к дому — это вполне может быть. Хотя нет. Я не знаю, была ли вообще когда-нибудь Симоргия. Сказители легенд в большинстве случаев ввали. В любом случае эта рыба вряд ли такая старая, чтобы кормиться мясом обитателя Симоргии.

— Несмотря на это, — сказал Мышелов тихим, ровным голосом, — Я выбросил бы кольцо.

Фафхрд хохотнул. Его воображение разыгралось вовсю, и он уже видел сказочную землю Симоргию не погруженной в темноту и занесенной мощным слоем морского ила, а ожившей со всеми ее древними ремеслами и торговой славой, с ее неведомыми колдовскими чарами. Затем картина изменилась, и взору Северянина предстала длинная узкая двенадцативесельная галера, подобная тем, что делали люди его народа, отправляясь в дальние путешествия по бурному морю. Золото и сталь мерцали на капитане, стоящем на полуюте, а мускулы рулевого вздувались, когда он налегал на весло. Лица воинов-гребцов были полны страстной решимости к действию, всепобеждающего желания столкнуться с неведомым. Весь корабль был подобен наконечнику нацеленного копья. Фафхрд изумился живости видения. Смутные отголоски мечтаний и устремлений далеких времен

будоражили его кровь. Он ощутил кольцо на руке, провел пальцем по вырезанному чудовищу и кораблю и снова хохотнул.

Мышелов достал сильно оплывший огарок свечи из укрытия и вставил его в небольшой фонарь из рога, который защищал пламя от ветра. Подвешенный на корме, фонарь лишь слегка раздвигал темноту, освещая совсем незначительное пространство. До полуночи на вахте должен был стоять Мышелов. Фафхрд спал.

Северянин проснулся с ощущением, что погода изменилась и нужно срочно что-то предпринимать. Мышелов звал его. Шлюп накренился так, что поплавок с правого борта чертил только по гребням волн. Ветер нес ледяные брызги. Пока Мышелов ставил шлюп по ветру, а Фафхрд убирал часть парусов, уменьшая их площадь почти в три раза, волны бились в нос судна, а отдельные перекатывали через него.

Когда судно вновь легло на прежний курс, Фафхрд не сразу присоединился к Мышелову, а постоял, размышляя и прикидывая, выдержит ли шлюп испытание штормом, потому что это была его первая серьезная проверка. На своей далекой северной родине Фафхрд привык строить совсем иные лодки, но это была лучшей из тех, что можно было выбрать. Он законопатил и просмолил шлюп очень старательно, заменил некоторые деревянные части, которые выглядели подгнившими, поставил треугольный парус вместо квадратного, и слегка утяжелил нос. Чтобы сбалансировать шлюп и придать ему устойчивость, он добавил аутригеры, сдвинув их немного от мачты к корме. При этом он использовал самое крепкое дерево для длинных крестообразно прилаженных и заботливо подогнанных поперечин. Он был уверен, что сделал все возможное, но это не меняло сути: у лодки был неуклюжий, громоздкий остов и множество скрытых недостатков. Фафхрд стоял, вдыхая сырой соленый воздух и, сощутив глаза, вглядывался против ветра, пытаясь оценить погоду. Он понял, что Мышелов что-то говорит ему и, повернув голову, услышал:

— Выброси кольцо, пока не начался ураган!

Фафхрд улыбнулся и сделал жест, означавший «Нет». Затем он обернулся назад, чтобы обозреть дикий хаос темноты и волн, гонимых ветром. Мысли о лодке и погоде оборвались, и Северянина охватило желание раствориться в трепетном страхе перед стихией, для которой время не существовало. Раскачиваясь, чтобы сохранить равновесие, чувствуя каждое движение лодки, он ощущал в то же время первозданную волю природных сил, как будто был единым целым с ними.

Вслед за тем случилось то, что, как по волшебству, лишило Фафхрда сил двигаться. Из колышавшейся стены мрака возник нос галеры с головой дракона. Он увидел черное дерево бортов, блеск весел, блики мокрого металла. Это было так похоже на корабль, который Фафхрд видел в мечтах, что он онемел от удивления, не понимая, было ли это только еще одно видение, или он уже тогда мельком видел его, а может быть ему дано было вызывать чудесный корабль из глубин силой своего воображения. Корабль угрожающе рос в размерах, становясь все выше, выше, выше.

Мышелов закричал и налег на румпель, его тело выгнулось дугой в мощном усилии. Шлюп едва успел увернуться из-под оснащенного драконьей головой носа. А Фафхрд все стоял, уставившись на него как на привидение. Он не слышал предупреждающего крика Мышелова, когда парус внезапно наполнился ветром с другой стороны, резко заплескался и стремительно стал разворачиваться. Укосяна подцепила Северянина под колени и отшвырнула прочь, но не в море, так как его ноги нащупали узкий понтон и он неустойчиво забалансировал там. В то же мгновение весло галеры прихлопнуло Фафхрда сверху и он опрокинулся в сторону, инстинктивно хватаясь за лопасть. Волны окатывали и крутили его, но он цеплялся изо всех сил и карабкался по веслу вверх, перебирая руками.

Его ноги окоченели от холода. Он боялся, что не сможет плыть. Столбняк от того, что он увидел, все еще продолжался. На минуту Фафхрд вообще забыл о Мышелове и шлюпе. Вынырнув из алчных волн, он

добрался до борта галеры и ухватился за отверстие для весла. Тут он оглянулся и в каком-то ошалелом изумлении увидел удаляющуюся корму шлюпа и вырванное из тьмы светом раскачивающегося фонаря серое лицо Мышелова.

То, что случилось потом, положило конец передышке. Рука, сжимающая нож, нанесла удар. Фафхрд увернулся и вцепился в запястье противника, затем ухватился за борт галеры, встал на весло, просунул ногу в отверстие, в которое оно было вставлено, и подался вперед. Нападавший выронил нож слишком поздно, он попытался уцепиться за что-нибудь, но неудачно, и его рвануло за борт. В тщетном ужасе, хватаясь за что попало, он изрыгал ругательства. Фафхрд, инстинктивно перейдя в наступление, прыгнул на скамью для гребцов, которая была последней из расположенных под кормовой палубой. Он обшарил глазами пространство, уткнулся взглядом в стойку с составленными мечами и выхватил один из них, угрожая двум неясным фигурам, поспешно приближающимся к нему: одна от передней скамьи, а другая — от кормы. Они атаковали стремительно, но молча, что было странно. Покрытое брызгами оружие поблескивало, когда мечи скрещивались.

Фафхрд бился с оглядкой, ожидая удара сверху, согласуя выпады с качкой. Он увернулся от сильного удара и отразил неожиданный обратный выпад сплеча. Прокисшим винным перегаром дохнуло в лицо. Кто-то вытащил весло и двинул им как большим копьем; оно угодило между Фафхрдом и двумя рубящимися с ним, тяжело ударившись о стойку с мечами. Перед Фафхрдом промелькнуло зубастое, напоминающее крысиную морду лицо с бусинами глаз, уставившихся на него из еще более глубокой тьмы под кормой. Один из нападавших широко замахнулся, поскользнулся и упал. Другой отступил, затем приготовился к новой атаке, но застыл с занесенным мечом, глядя поверх головы Фафхрда, как будто увидел нового врага. Гребень громадной волны ударил его в грудь, скрывая под собой.

Фафхрд почувствовал тяжесть воды на плечах и

вцепился в корму, чтобы удержаться. Палуба рискованно накренилась. Вода хлынула через отверстия для весел с противоположной стороны. В смятении Фафхрд осознал, что галера попала в провал между волнами и набрала воды. Она была построена явно не так, чтобы выдержать подобное испытание. Он прыжком увернулся от другой сокрушительной волны, обрушившейся на корму, и кинулся на помощь рулевому, боровшемуся со стихией. Они вместе налегали на огромное рулевое весло, которое, казалось, входило в камень, а не в воду. Дюйм за дюймом они отвоевывали пространство, смещая рукоять поперек узкой палубы. Тем не менее галера казалось была обречена.

Затем что-то — мгновенное ли затишье ветра и волн или возможно удачный рывок переднего гребца — решили дело. Медленно, с трудом, как набравшее воды старое корыто, галера поднялась, начала выравниваться и ложиться на нужный курс. Фафхрд и рулевой напрягались в колоссальном усилии, чтобы удержать каждый завоеванный фут. И только когда галера выровнялась по ветру, они взглянули вверх. Фафхрд увидел два меча, направленные ему прямо в грудь. Северянин взвесил свои шансы и замер, не пытаясь сопротивляться.

Нелегко было поверить, что можно сохранить огонь в этой ужасной сырости, но тем не менее, один из нападавших держал шипящий смоляной факел. В его свете Фафхрд увидел, что окружавшие его были северяне, как и он сам. Крупные худые парни, такие светловолосые, что казались почти безбровыми. На них были проклепанные военные доспехи и тесно облегающие головы бронзовые шлемы. Выражения их лиц представляли нечто среднее между свирепой гримасой и ухмылкой. Снова Фафхрд ощутил запах перегара. Взгляд Фафхрда блуждал по сторонам. В передней части галеры три гребца вычерпывали воду ведром и ручной помпой.

Кто-то большими шагами приближался к корме — предводитель, насколько можно было судить по золоту, драгоценностям и по уверенному виду. Он перемахнул трап с гибкостью кошки. По-видимому

он был моложе остальных, и черты его лица можно было назвать тонкими. Прекрасные светлые шелковистые волосы прилипли ко влажным щекам. Но была какая-то кошачья алчность в его крепко сжатых улыбающихся губах, и безумие проглядывало в сверкающих, как драгоценные камни глазах. Лицо Фафхрда окаменело под их изучающим взглядом. Один вопрос мучил Северянина. Почему даже в самый разгар неразберихи и борьбы не было слышно ни криков, ни воплей, ни даже команд? С тех пор, как Фафхрд оказался на борту, не было произнесено ни слова.

Молодой предводитель, кажется, пришел к какому-то заключению по поводу Фафхрда, так как его улыбка стала чуть шире, тонкие губы дрогнули, и он показал жестом в сторону палубы для гребцов. Тогда Фафхрд прервал молчание, его голос прозвучал хрипло и неестественно:

— Что ты намерен делать? Прими во внимание, что я спас твой корабль.

Он напрягся, ощущение близости стоящего сзади рулевого придавало ему сил, как будто разделенное с ним напряжение связало их единой нитью. Улыбка сошла с лица предводителя. Он приложил палец к губам и затем нетерпеливо повторил свой первый жест. На этот раз Фафхрд понял. Он должен заменить гребца, которого толкнул за борт. Ему ничего не оставалось, как подчиниться — была некоторая, хоть и издевательская справедливость в этой идее. Приходилось признать, что возобновление борьбы в таком невыгодном положении приведет к скорой смерти, медленная же смерть ожидает его, если он прыгнет за борт с сумасшедшей надеждой найти шлюп в завывающей, вздымающейся и опадающей тьме. Руки, сжимающие копья, напряглись. Фафхрд коротко кивнул головой, покоряясь. По крайней мере это были люди его племени.

С первым гребком, как только Фафхрд ощутил тяжесть бунтующей воды лопастью весла, его охватило новое чувство, которое впрочем не было таким уж незнакомым ему. Казалось, Фафхрд стал частью судна, разделяющей его цели, каковы бы они ни

были, будто в душу вошел настоенный годами дух галерной скамьи. Когда мускулы разогрелись для работы, а нервы привыкли к ритму, Фафхрд обнаружил, украдкой поглядывая на гребцов вокруг, что как будто знал их раньше. Общие усилия накладывали соответствующий отпечаток на их лица, делая их похожими.

Нечто, замотанное в многочисленные лохмотья, выползло из маленькой пристройки, запрятанной в самой глубине кормовой части галеры, и приложило кожаную флягу к губам сидящего напротив гребца. Создание выглядело комично приземистым среди таких высоких мужчин. Когда оно повернулось, Фафхрд узнал глаза-бусинки, которые мельком видел раньше, а когда оно подошло ближе, различил под тяжелым капюшоном морщинистое, хитрое, бледно-коричневое лицо пожилого мингола.

— Так ты новенький, — глумливо проквашал мингол. — Мне понравилось, как ты бьешься. Выпей теперь как следует, поскольку Лавас Лаерк может решить бросить тебя в жертву морским богам еще до того, как наступит утро. Смотри, не упусти ни капли.

Фафхрд жадно присосался и почти тут же, закашлявшись, стал отплевываться, когда струя крепкого вина опалила горло. Спустя некоторое время мингол отобрал флягу.

— Теперь ты знаешь, чем кормит Лавас Лаерк своих гребцов. Немного судовых команд на этом или на том свете гребут на одном вине. — Он захихикал издевательски, но с определенной долей ликования, затем сказал: — Но ты, должно быть, удивляешься, почему я говорю громко. Да, молодой Лавас Лаерк может наложить обет молчания на всех своих людей, но не на меня, поскольку я всего лишь раб и поддерживаю огонь — как заботливо — ты знаешь, разношу вино, готовлю мясо и произношу заклинания о благополучии корабля. Существуют вещи, которые ни Лавас Лаерк, ни какой-нибудь другой человек, или даже дьявол не могут потребовать от меня.

— А что Лавас Лаерк?

Жесткая ладонь мингола прихлопнула рот Фафхрда, обрывая начатый шепотом вопрос.

— Ш-ш! Ты так мало заботишься о своей жизни? Помни, ты служишь Лавасу Лаерку. Но я скажу тебе, что тебе следует знать. — Он присел на мокрую скамью позади Фафхрда, напоминая теперь кучу темного, набросанного кем-то тряпья.

— Лавас Лаерк поклялся совершить набег на далекую Симоргию и наложил обет молчания на себя и на своих людей до тех пор, пока они не увидят землю. Ш! Ш! Я знаю, говорят, что Симоргия под водой или что ее вообще не было. Но Лавас Лаерк дал великую клятву своей матери, которую он ненавидит еще больше, чем своих друзей, что найдет эту страну. И он убил человека, который вздумал подвергать сомнению его решение. Так что, именно Симоргию мы и ищем, хотя бы только для того, чтобы выгрести жемчужины из раковин или ограбить рыб. Пригнись и гребь полегче, а я открою тебе секрет, который совсем не секрет, и предскажу то, что не нуждается в предсказании.

Он притиснулся ближе.

— Лавас Лаерк ненавидит трезвенников, так как верит — и справедливо, — что только пьяницы, хоть немного, похожи на него. Сегодня ночью команда будет грести хорошо, хотя прошел уже день с тех пор, как они ели мясо. Сегодня вино заставит их увидеть хотя бы отблеск видений, которыми живет Лавас Лаерк. Но на следующее утро останутся лишь ломота в спинах, ноющие внутренности и боль, стучащая молотком в черепах. И тогда поднимется мятеж, и даже безумие Лаваса Лаерка не спасет его.

Фафхрд удивился, почему мингол содрогнулся, слабо кашлянул и издал захлебывающийся звук. Он потянулся к нему, и что-то теплое оросило руку. Тут Лавас Лаерк выдернул кинжал из шеи мингола, и тот скатился со скамьи лицом вниз.

Ни одного слова не было сказано, но весть о том, что свершилось нечто отвратительное, прокатилась от гребца к гребцу сквозь штормовую темноту, пока не достигла скамьи на носу. Затем постепенно началось что-то вроде еле сдерживаемого волнения, кото-

рое возрастало вместе с уверенностью в особой гнусности содеянного преступления — убийстве раба, следившего за огнем, чьи колдовские силы, хоть и часто подвергавшиеся насмешкам, были единым целым с судьбой самого корабля. Никаких вразумительных слов так и не было произнесено — только глухой ропот и бормотание, между тем скрип весел стал стихать, пока не прекратился совсем. А невнятный гул, в котором были смешаны страх, ужас, гнев, нарастал, прокатываясь взад и вперед между носом и кормой, подобно волне в лохани.

Наполовину захваченный этим Фафхрд готовился к прыжку, хотя и не знал еще, в каком направлении: к настороженно неподвижной фигуре Лаваса Лаерка или назад в сторону относительно безопасной кабины на корме. Определенно Лавас Лаерк был обречен, или вернее был бы обречен, если бы рулевой в этот момент не заорал во всю глотку треснувшим голосом:

— Земля! Симоргия! Симоргия!

Этот дикий крик, подобно когтистой руке скелета, завладел взбудораженной командой и взвинтил ее возбуждение до почти невыносимой степени. Судорожный вздох пронесся над кораблем. Затем последовали крики удивления, вопли ужаса, проклятия, наполовину смешанные с молитвами. Два гребца стали тузить друг друга без всякой причины, только потому что внезапный болезненный взрыв чувств требовал какого угодно выхода — не важно какого. Другой дико налег на свое весло, хриплыми криками побуждая остальных последовать его примеру и развернуть галеру на другой курс, чтобы избежать этого ужасного места. Фафхрд вскочил на свою скамью и стал вглядываться вперед.

Что-то смутно вздымалось, подобно горе, в опасной близости от корабля. Большое темное пятно неясно вырисовывалось на фоне чуть более светлого ночного неба, частично скраденное полосами тумана и рваных облаков, между которыми в разных местах и на разном расстоянии были видны тускло освещенные квадраты. Судя по их правильному расположению, они не могли быть ничем другим, как только

окнами. С каждым ударом сердца рев прибоя и шум разбивающихся волн становились все громче.

В одно мгновение корабль оказался в полосе прибоя. Фафхрд увидел огромную нависающую стену утеса, так близко, что последнее весло на противоположной стороне затрещало, задев ее. Когда волна взметнула галеру вверх, Фафхрд в трепетном страхе попытался заглянуть в окна в скале — если только это была скала, а не наполовину затопленная башня — но не увидел ничего, кроме призрачного желтого свечения. Затем он услышал вопли Лаваса Лаерка, отдававшего команды резким пронзительным голосом. Несколько человек неистово работали веслами, но было слишком поздно что-либо исправлять, хотя галера, кажется, все же оказалась за защитным барьером скал, в относительно спокойных водах. Ужасный скрежет раздался по всей длине киля. Шпангоуты стонали и трещали. Наконец, волна подняла их, и разрушающей силы удар, сопровождаемый жутким грохотом, повалил всех с ног. После этого галера внезапно застыла без движения, и единственным звуком оставался рев прибоя, пока не раздался ликующий крик Лаваса Лаерка:

— Раздать оружие и вино! Готовиться к нападению!

Слова прозвучали дико в этой более чем опасной обстановке, когда галера оказалась разбитой вдребезги о скалы, так что о починке нечего было и думать. Тем не менее люди оправлялись, шутили, собирались с силами и, кажется, даже начинали в какой-то мере заражаться звериным пылом своего хозяина, который доказал им, что мир не менее безумен, чем он.

Фафхрд наблюдал, как они приносили факел за факелом из кабины в трюме, пока вся корма потерпевшего крушение судна не наполнилась дымом и не осветилась языками коптящего пламени. Фафхрд смотрел, как они закусывали и сосали вино из мехов, прикидывали вес розданных мечей и кинжалов, сравнивая их и разрезая воздух, чтобы почувствовать их боевые качества. Затем кто-то из них загра-

бастал Северянина и стал подталкивать к подставке для мечей со словами:

— Сюда, Рыжий, ты тоже должен иметь оружие.

Фафхрд пошел, не сопротивляясь, предчувствуя однако, что должна возникнуть какая-нибудь помеха — не могут же они вооружить того, кто так недавно был их врагом. И оказался прав, так как Лавас Лаерк остановил помощника, который собирался передать Фафхрду меч, и стал с нарастающим интересом приглядываться к его левой руке.

В замешательстве Фафхрд поднял руку, и Лавас Лаерк закричал:

— Хватайте его!

И в тот же миг содрал что-то со среднего пальца Фафхрда. Это было кольцо, о котором Фафхрд совсем забыл.

— Мастерство этой работы не вызывает сомнений, — сказал Лавас Лаерк, с хитрым выражением вглядываясь в Фафхрда, при этом его блестящие голубые глаза производили странное впечатление, как будто они были расфокусированы или слегка косили. — Этот человек — шпион Симоргии или, возможно, ее демон, который принял вид Северянина, чтобы усыпить наши подозрения. Он появился из морской пучины в разгар бури, не так ли? Кто из вас видел какую-нибудь лодку?

— Я видел лодку, — торопливо осмелился вставить рулевой. — Станный шлюп с треугольным парусом. — Но Лавас Лаерк заставил его заткнуться одним взглядом, брошенным искоса.

Спиной Фафхрд почувствовал острие кинжала и напряг мускулы.

— Убьем его?

Вопрос прозвучал у самого уха Фафхрда.

Лавас Лаерк криво усмехнулся в темноту и помедлил с ответом, как бы прислушиваясь к совету некоего невидимого духа бури. Затем тряхнул головой.

— Оставим его жить пока. Он может показать нам, где спрятана добыча. Охранять его с обнаженными мечами!

После этого все покинули галеру, цепляясь за

веревки, свисающие с носа судна, и перебираясь на скалы, которые то покрывал, то обнажал прибой. Один или два гребца просто спрыгнули, хохоча. Выроненный факел зашипел и погас в морской воде. Было много крика. Кто-то начал петь пьяным голосом, который резал слух, как ржавый нож. Затем Лавас Лаерк кое-как построил команду, собрав в подобие колонны, и они замаршировали вперед. Половина из них несла факелы, некоторые продолжали обнимать меха с вином. Люди скользили и спотыкались, проклинали острые скалы и раковины, которые резали им руки, когда они падали, без всякого чувства меры посылая угрозы в темноту, туда, где светились странные окна. Сзади, подобно мертвому жуку, осталась лежать галера; весла, торчащие из отверстий, были раскиданы в разные стороны вкривь и вкось.

Отряд прошел совсем немного, и шум бурунов стал менее оглушительным, когда их факелы высветили портал в огромной черной каменной стене, которая больше напоминала крепость, чем утес с пещерой. Портал был квадратным, высота его была равна длине весла. Три истертые каменные ступени, покрытые мокрым песком, вели к нему. Люди смутно могли различить на колоннах и на тяжелом карнизе сверху резьбу, частью стертую, затянутую липким илом и покрытую всякого рода наростами, но безусловно Симоргийскую в своей загадочной символике.

Команда приумолкла и сгрудилась теснее, разглядывая все это. Процессия превратилась в плотную группу. И тогда Лавас Лаерк издевательски позвал:

— Где твои стражи, Симоргия? Где твои защитники?

И стал подниматься прямо по каменным ступеням. После минутного колебания люди последовали за ним.

На массивном пороге Фафхрд невольно запнулся, ошеломленный до онемения источником слабого желтого свечения, которое он еще раньше заметил на высоких окнах. Дело в том, что этот источник был везде: потолок, стены, вязкий, скользкий пол — все флуоресцировало переливающимся мерцающим све-

том. Даже изображения, вырезанные на камне, слабо поблескивали. Смесь благоговейного страха и отвращения охватила Северянина. Но толпа стиснула его со всех сторон и понесла вперед. Вино и воля вожака притупили чувствительность, и когда люди устремились вниз по длинному коридору, казалось, до их сознания не доходил весь ужас представшего взору зрелища.

Вначале некоторые держали оружие наготове на случай нападения или встречи с возможной засадой, но вскоре они опустили мечи и даже стали прикладываться к винным мехам и отпускать шуточки. Неуклюжий, неповоротливый гребец со светлой бородой, заляпанной желтой пеной прибоя, грянул чан-ти — матросскую песню, и остальные подхватили, пока сырые мокрые стены не загрохотали в ответ. Все глубже и глубже проникал отряд не то в пещеру, не то в крепость, вдоль широкого, выстланного липкой, дурно пахнущей грязью коридора.

Фафхрда несло вперед, как потоком. Когда он замедлял шаг, остальные пихали его, и он вынужден был поторапливаться. Послушными его воле оставались только глаза, и он переводил взгляд из стороны в сторону, впиваясь в детали с любопытством, смешанным со страхом. Бесконечный ряд смутных изображений, где морские чудовища, неведомые уродливые фигуры, напоминающие людей, и неопределенно человекообразные гигантские скаты или рыбы, казалось, оживали и шевелились в переливах фосфоресцирующего свечения. Множество высоких окон или каких-то отверстий другого происхождения, из которых свешивались вниз темные скользкие водоросли. Лужи тут и там. Еще живая, ловящая ртом воздух рыба, которую растоптали или отшвырнули ногами в сторону. Скопища обросших водорослями раковин, лепившихся по углам. Впечатление внезапно нарушенного, выведенного из привычного состояния порядка вещей. Все громче и громче в черепе билась мысль: очевидно другие должны осознавать, где они находятся. Совершенно определенно они должны понимать, что фосфоресцирование могло быть только морского происхождения, а, значит перед ними — убежище сокровеннейших, доселе неведомых созданий

морских глубин. Наверняка, они тоже догадались, что Симоргия действительно затонула и поднялась со дна моря только вчера — или... час тому назад. Но матросы продолжали шагать за Лавасом Лаерком и все еще пели, кричали и, обливаясь, жадно лакали вино крупными глотками, запрокидывая головы под поднятыми на ходу кожаными мешками. Фафхрд не мог проронить ни слова. Его плечи свело, как будто море уже давило на них всем своим весом. Его сознание было поглощено и подавлено зловещими признаками подводного существования Симоргии. В памяти всплывали легенды. Он представлял себе темные столетия, в течение которых неизвестные морские создания медленно ползали, извивались, плавали сквозь лабиринты комнат и коридоров, пока не замерли в виде скоплений в каждой трещине и щели, и Симоргия осталась один на один с тайнами океана. В глубоком гроте, который открывался в коридор, он обнаружил массивный стол из камня с крупными каменными же сидениями вокруг; и, хотя Фафхрд не был точно уверен, ему показалось, что он различил осьминога, свисающего в виде уродливой пародии на хозяина, с щупальцами, обвившими сидение, таращившего на проходивших немигающие блестящие глаза.

Постепенно пламя дымящихся факелов побледнело, так как фосфоресцирование стало сильнее. И когда люди оборвали пение, уже не было слышно звуков прибоя.

Затем за крутым поворотом коридора раздался торжествующий вопль Лаваса Лаерка. Остальные поспешили за ним; спотыкаясь, пошатываясь, перекликаясь в нетерпении.

— О Симоргия! — ликовал Лавас Лаерк. — Мы нашли твою сокровищницу!

Помещение, которым заканчивался коридор, было квадратным, и потолок в нем был значительно ниже. Тут и там стояло множество черных на вид, пропитанных водой, тяжеловесных, обитых железом сундуков. Под ногами было еще больше грязи и луж. Свечение было сильнее.

Пока другие колебались, светлобородый гребец выскочил вперед и попытался взломать крышку бли-

жайшего сундука. Угол остался у него в руках; дерево — мягкое, как сыр, истлевший металл, черный вязкий ил. Он схватился за него снова и снял большую часть верха, обнаружив поверхность тускло-по-блескивающего золота и покрытых слизью драгоценных камней. Над этим слоем сокровищ, избегая опасности, через дыру в задней стенке, стремительно спасалось бегством крабоподобное создание.

С неистовыми алчными криками остальные бросились к сундукам, толкая, пиная и даже пытаясь разрубить трухлявое дерево мечами. Двое, подравшихся из-за того, кому взломать сундук, упали на него, и он распался под ними на куски, так что матросы остались барахтаться в илистой грязи среди драгоценностей.

Все это время Лавас Лаерк оставался на том же месте, откуда он издал свой первый торжествующе-насмешливый клич. Фафхрду, который стоял, всеми забытый, подумалось, что Лавас Лаерк тронулся рассудком из-за того, что его поиски, по-видимому, пришли к концу. Казалось, он отчаянно искал что-нибудь еще, что в большей мере, чем драгоценные камни и золото, могло удовлетворить его безумные желания.

Вдруг он заметил, что Лавас Лаерк пристально разглядывает что-то — квадратную, покрытую слизью, но, очевидно, золотую дверь в дальнем конце помещения напротив выхода в коридор; на ней была резьба с изображением неведомого плоского, подобно волнообразно извивающемуся покрову, морского чудовища. Фафхрд услышал гортанный хриплый смех Лаваса Лаерка и увидел, как он направился большими шагами прямо к двери. В руках Лаваса Лаерка что-то блеснуло. Внезапно Фафхрда озарило: он узнал вещь — это было отнятое у него кольцо. Фафхрд видел, как Лавас Лаерк толкнул дверь, она не шелохнулась. Лавас Лаерк повертел в руках кольцо, сунул ключ в замочную скважину и повернул его. Дверь подалась немного вперед.

Фафхрда пронзила жуткая догадка, и это произошло внезапно, как обрушившаяся стена воды — ничто не происходит случайно, с того момента, когда его стрела поразила рыбу, все было задумано кем-то или чем-то, кто хотел, чтобы дверь открылась.

Фафхрд повернулся и помчался по коридору, спасаясь, как будто приливная волна настигала его и лизала его ноги.

Коридор без света факелов был тусклым и призрачным, как ночной кошмар. Фосфоресценция казалась ползучей и колеблющейся как нечто живое, в каждой нише высвечивались и пропадали ранее незамеченные существа. Фафхрд спотыкался, оступался, падал, растягиваясь во всю длину, поднимался и мчался дальше. Его самые стремительные движения казались замедленными, как в дурном сне. Фафхрд старался смотреть только вперед, но мимоходом краем глаза отмечал каждую подробность виденного ранее: свисающие растения, изображения чудовищ, раковины, опутанные водорослями, угрюмо пляшущие глаза осьминога. Он заметил без удивления, что его ноги и тело светились там, где они были забрызганы или вымазаны липким илом.

Впереди показался маленький квадрат темноты в вездесущей флюоресценции, и Северянин пустился со всех ног по направлению к нему. Квадрат увеличивался в размере. Это был портал пещеры. Фафхрд нырнул через порог во тьму и услышал голос, зовущий его по имени.

Это был голос Серого Мышелова. Голос доносился со стороны, противоположной той, где находилась разбитая галера. Фафхрд побежал на голос через предательские рифы. Вновь появившиеся на небе звезды осветили черный провал у его ног. Фафхрд прыгнул, приземлился, сильно ударившись, на противоположной стороне расселины и, еле удержавшись на ногах, ринулся дальше. Впереди показалась верхушка мачты и небольшая фигура, устремившаяся навстречу Фафхрду, которую он почти сбил с ног, налетев с разбегу. Мышелов схватил Северянина за плечо, подтащил к краю рифа и толкнул вниз. Они плыли, рассекая воду, прочь, к шлюпу, стоящему на якорь в защищенном месте. Мышелов начал выбирать якорь, но Фафхрд перерезал веревку ножом, сорванным с пояса Мышелова, и резкими быстрыми движениями поставил парус.

Шлюп начал медленно отходить. Постепенно рябь превратилась в мелкие волны, а те в свою очередь, —

в шумно плещущие валы. Лодка проскользнула мимо черного, покрытого пеной острозубого выступа скалы и, наконец, оказалась в открытом море. Фафхрд все еще ничего не говорил, но предпринимал все, чтобы идти на полном ходу, выжимая наибольшую скорость из потрепанного штормом шлюпа. Подчиняясь загадочности происходящего, Мышелов также молча помогал ему.

Они плыли совсем недолго, когда за кормой раздался страшный грохот. Оглянувшись, Мышелов издал хриплый возглас изумления. Волна, быстро настигающая их, была выше мачты. Какая-то сила засасывала шлюп обратно. Мышелов поднял руки, защищаясь. Затем шлюп начал взлетать выше, выше, выше, пока не достиг вершины, забалансировал там и, наконец, перевалил вниз на противоположный скат волны. За первой волной последовала вторая, третья и четвертая, каждая почти такой же высоты. Более крупную лодку, конечно, должно было захлестнуть. В конце концов волны уступили место мятущемуся, пенному хаосу, и друзьям потребовались все силы до последней капли, чтобы удержать шлюп на плаву.

Когда началась слабая носовая качка, лодка легла на курс к дому. Небольшой парус, который удалось наскоро смастерить, сменил изодранный во время шторма. Пришлось вычерпать достаточное количество воды из трюма, чтобы вернуть шлюпу его мореходные качества. Фафхрд, ошеломленно наблюдающий восход солнца, чувствовал себя немощным, как слабая женщина. Он только урывками слышал рассказ Мышелова о том, как тот потерял из виду галеру, но следовал курсом, которым, по его предположениям, она должна была идти, пока шторм не стих. Здесь он обнаружил неизвестный остров, к которому он и пристал, ошибочно считая его родным портом галеры.

Мышелов принес разведенное вино и соленую рыбу, но Фафхрд оттолкнул их и сказал:

— Я должен знать одну вещь. Я не оглядывался назад. Но у тебя был такой изумленный вид, когда ты пялил глаза на что-то за моей спиной. Что это было?

Мышелов передернул плечами.

— Я не знаю. Расстояние было слишком большое,

да и свет был странный. То, что мне показалось, было довольно нелепо. Я бы многое отдал, чтобы быть поближе. — Он нахмурился и снова передернул плечами. — Если хочешь, я скажу тебе, что мне привиделось. Толпа мужчин в больших черных плащах, выглядевших подобно северянам, выскочила из какого-то непонятого отверстия в скале. Было что-то странное в их виде — казалось, они издают особое свечение. Потом они стали размахивать своими большими черными покрывалами и запахиваться в них, как будто боролись с ними или исполняли какой-то танец... Я говорил тебе, это было очень нелепо... потом они опустились на четвереньки, покрылись своими плащами и поползли обратно в то место, откуда появились. Теперь скажи мне, что я все это выдумал.

Фафхрд покачал головой.

— То были вовсе не плащи, — сказал он.

До Мышелова начало доходить, что увиденное было еще фантастичнее, чем он себе представил.

— Что же это было тогда? — спросил он.

— Я не знаю, — сказал Фафхрд.

— Но тогда, что это за место, я имею в виду остров, который, затонув, чуть не поглотил нас?

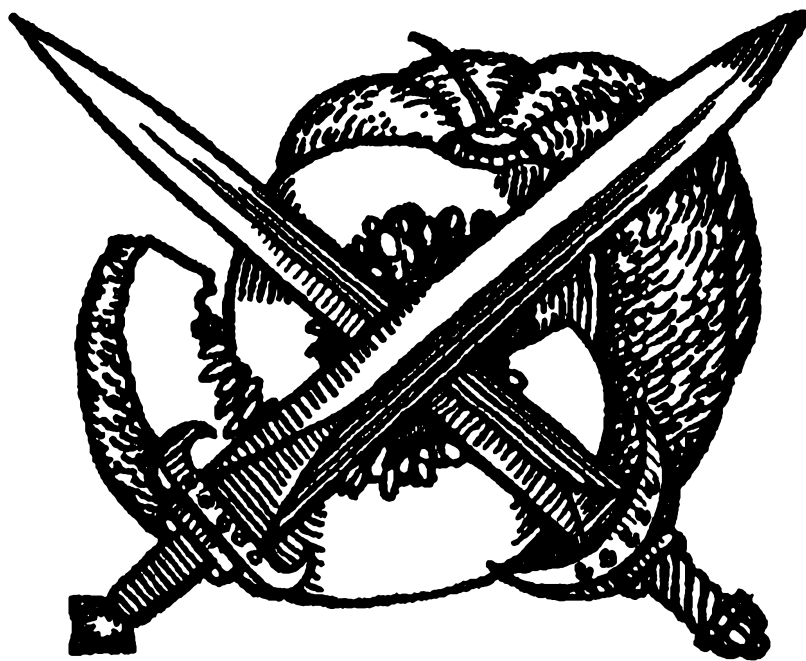
— Симоргия, — сказал Фафхрд и, подняв голову, со взглядом, полным дикого безумия, оскалил зубы в ужасной холодной усмешке, которая заставила Мышелова отпрянуть назад.

— Симоргия, — повторил Фафхрд и перегнулся за борт, вглядываясь в несущуюся мимо воду.

— Симоргия.

— И теперь она затонула вновь. И да пребудет она там навечно и пусть разлагается, пока все, что ни есть в ней отвратительного и порочного, не превратится в грязь. — Фафхрд подергивался и весь дрожал от гнева и возбуждения, произнося свое страстное проклятие. Затем без сил откинулся назад. На востоке вдоль кромки неба начинал разгораться восход.

ДЕМОН ИЗ ТЫКВЫ

the first of these is the fact that the
the second is the fact that the
the third is the fact that the
the fourth is the fact that the
the fifth is the fact that the
the sixth is the fact that the
the seventh is the fact that the
the eighth is the fact that the
the ninth is the fact that the
the tenth is the fact that the
the eleventh is the fact that the
the twelfth is the fact that the
the thirteenth is the fact that the
the fourteenth is the fact that the
the fifteenth is the fact that the
the sixteenth is the fact that the
the seventeenth is the fact that the
the eighteenth is the fact that the
the nineteenth is the fact that the
the twentieth is the fact that the
the twenty-first is the fact that the
the twenty-second is the fact that the
the twenty-third is the fact that the
the twenty-fourth is the fact that the
the twenty-fifth is the fact that the
the twenty-sixth is the fact that the
the twenty-seventh is the fact that the
the twenty-eighth is the fact that the
the twenty-ninth is the fact that the
the thirtieth is the fact that the
the thirty-first is the fact that the
the thirty-second is the fact that the
the thirty-third is the fact that the
the thirty-fourth is the fact that the
the thirty-fifth is the fact that the
the thirty-sixth is the fact that the
the thirty-seventh is the fact that the
the thirty-eighth is the fact that the
the thirty-ninth is the fact that the
the fortieth is the fact that the
the forty-first is the fact that the
the forty-second is the fact that the
the forty-third is the fact that the
the forty-fourth is the fact that the
the forty-fifth is the fact that the
the forty-sixth is the fact that the
the forty-seventh is the fact that the
the forty-eighth is the fact that the
the forty-ninth is the fact that the
the fiftieth is the fact that the
the fifty-first is the fact that the
the fifty-second is the fact that the
the fifty-third is the fact that the
the fifty-fourth is the fact that the
the fifty-fifth is the fact that the
the fifty-sixth is the fact that the
the fifty-seventh is the fact that the
the fifty-eighth is the fact that the
the fifty-ninth is the fact that the
the sixtieth is the fact that the
the sixty-first is the fact that the
the sixty-second is the fact that the
the sixty-third is the fact that the
the sixty-fourth is the fact that the
the sixty-fifth is the fact that the
the sixty-sixth is the fact that the
the sixty-seventh is the fact that the
the sixty-eighth is the fact that the
the sixty-ninth is the fact that the
the seventieth is the fact that the
the seventy-first is the fact that the
the seventy-second is the fact that the
the seventy-third is the fact that the
the seventy-fourth is the fact that the
the seventy-fifth is the fact that the
the seventy-sixth is the fact that the
the seventy-seventh is the fact that the
the seventy-eighth is the fact that the
the seventy-ninth is the fact that the
the eightieth is the fact that the
the eighty-first is the fact that the
the eighty-second is the fact that the
the eighty-third is the fact that the
the eighty-fourth is the fact that the
the eighty-fifth is the fact that the
the eighty-sixth is the fact that the
the eighty-seventh is the fact that the
the eighty-eighth is the fact that the
the eighty-ninth is the fact that the
the ninetieth is the fact that the
the ninety-first is the fact that the
the ninety-second is the fact that the
the ninety-third is the fact that the
the ninety-fourth is the fact that the
the ninety-fifth is the fact that the
the ninety-sixth is the fact that the
the ninety-seventh is the fact that the
the ninety-eighth is the fact that the
the ninety-ninth is the fact that the
the hundredth is the fact that the

Если, к примеру, пяточок свиньи ткнется в свежие помои, то не произойдет ничего, разве что прозвучит громкое «хлюп!». И все.

Но когда небольшая парусная лодка по крутой волне врежется в каменистый берег, происходит нечто другое.

Во-первых, у тех, кто сидит в лодке и делает вид, будто прекрасно разбирается в делах судовождения, щелкают челюсти и воет от боли прикушенный язык. Звук этот явно не похож на нежное, смачное поросячье «хлюп!», о котором упоминалось выше. Это скорее напоминает вой волкодава, которого переехала груженная кирпичом телега.

Во-вторых, все содержимое лодки, как макароны из дуршлага в руках неопытной стряпухи, летит частично в воду, частично прямоком на прибрежные камни. Сама же лодка подобно пьянице, угодившему в сточную канаву, судорожно взмахнув в воздухе сморщенной ладошкой паруса, заваливается на бок самым невероятным образом.

Далее следуют несколько минут тишины, если конечно не брать в расчет размеренного плеска волн. Затем над берегом, сначала тихо, потом становясь все громче, набирая силу, переливаясь всевозможными оттенками как звука, так и смысла, разносится отборнейшая брань, украшенная явственно северным колоритом.

Сначала было непонятно — откуда летит брань. То ли ожил какой-нибудь из валунов, потревоженный ударом лодки и теперь скандалящий по этому поводу. То ли сам воздух, доселе прозрачный и спокойный, вдруг каким-то образом сгустился, приобрел очертания и плотность огромного рта и принялся на чем свет стоит крыть все, за что можно было заце-

питься: море с его волнами, солью, рыбами и водорослями; жгучее солнце, что стояло в зените и неимоверно палило; серые, покрытые слизью скалы, да мало ли чего еще может обругать сгустившийся вдруг воздух.

Однако постепенно все прояснилось. Зычный голос, столь щедро раздающий комплименты всему окружающему, принадлежал ни камню, ни, тем более, воздуху. На берег, отфыркиваясь и мотая башкой, вылезло некое существо. Казалось, что из недр моря выполз какой-то древний дух в тщетной надежде испугать кого-нибудь на этом пустынном берегу. Существо было сплошь покрыто водорослями. Растения налипли так густо, что их вполне спокойно можно было принять за естественный покров существа, которое передвигалось на четырех конечностях. Чудовище с трудом преодолело прибрежные камни и выбралось на песок. Издавая утробные звуки, напоминающие икоту голодного людоеда, чудовище принялось стаскивать с себя водоросли. При этом оно не стояло на месте, а как-то криво подпрыгивало, двигаясь боком и выписывая совершенно невероятные геометрические фигуры. Сторонний наблюдатель, не лишенный конечно воображения, принял бы эту фигуру на берегу за дикую гориллу, которая в отчаянии рвала на себе волосы, исполняя погребальный танец в память ушедшего безвременно партнера.

Но вот часть водорослей была в конце концов содрана и, о чудо, мелькнуло человеческое лицо. На берегу, на желтом песке, ворча и ругаясь, стоял человек. Освобожденные от налипшей грязи, мелькнули огненно-рыжие лохмы.

Человек с трудом поднялся на ноги, постоял так немного, потом содрал с себя остатки водорослей. Открылась куртка из кренкой, плотной материи, широкий пояс. К поясу был пристегнут устрашающих размеров меч. Да и сам хозяин меча на малый рост явно не жаловался — это был крепко сбитый, высокий молодой человек с шапкой рыжих, спутанных волос. Черты лица выдавали в нем северянина.

Человек проверил, на месте ли меч, потом огляделся по сторонам и крикнул:

— Эй, Мышелов, ты жив?

Тут из-за камней выползло еще одно существо. По сравнению с рыжеволосым гигантом, оно проигрывало во всех отношениях: и ростом было не велико, и комплекцией помельче, да и отборной бранью не сыпало, только шипело на манер кота, которого секунду назад прищемили дверью.

Рыжеволосый бросился к выползшему существу, поднял его на ноги и, работая своими широкими, как лопаты, ладонями в мгновение ока содрал всю налипшую грязь.

— Живой! — усмехнулся рыжеволосый.

Перед ним, покачиваясь, все еще не придя в себя, стоял человек невысокого роста, с черными, аккуратно подстриженными волосами, одетый в серую куртку, серые штаны и сапоги из крысиной кожи. На поясе у коротышки висел длинный, узкий меч.

— Послушай, Фафхрд, — с трудом проговорил черноволосый, — оказывается, терпеть кораблекрушение не так уж приятно, как это расписывают забулдыги в портовых кабаках.

Великан Фафхрд опять усмехнулся:

— Только один человек на свете, секунду назад заглянувший в глаза облезлой старухе в саване, может шутить. Этот человек — ты, Серый Мышелов!

И Северянин хлопнул Мышелова по плечу. Явно не ожидавший столь бурного излияния дружеских чувств, Мышелов шлепнулся на песок. А Фафхрд, рассмеявшись пуще прежнего, повернулся и побрел, оскальзываясь на камнях, к перевернутой лодке.

Возвращаясь к самому началу повествования, надо заметить, что легенды и предания умалчивают, откуда, собственно, приплыли на этот пустынный берег двое друзей. Некоторые летописцы, будучи явно под воздействием винных паров, утверждают, что приятели чудом спаслись, успев в последний момент отчалить от острова, который по злому умыслу колдовских сил погрузился в морскую пучину. На острове было полно всяких драгоценных безделушек, и друзья долго забавлялись, рассовывая их по сумкам и карманам. Так же там имелся значительный запас вин столь длительной выдержки, что при откупоривании бутылки пробка совершала головокружитель-

ный полет, становясь опаснее, чем арбалетная стрела. Из горлышка же вырывался сноп синего пламени. Написанные с дикими грамматическими ошибками хроники утверждают, что приятели за неделю уничтожили все винные запасы острова, общим количеством сто бутылей. Но это явная ложь. Фафхрду и Мышелову на это число бутылей хватило бы и трех дней.

Один бродячий актеришка, худосочный малый с бегающими глазками, клялся, что Фафхрд, встретив его в одном из кабаков, рассказал историю о морском змее, который двое суток гнался за суденышком и, в конце концов, настиг. Фафхрду и его верному другу Мышелову пришлось вступить в неравный бой. Все дело осложнялось тем, что у змея самым неожиданным образом выросли огромные стрекозиные крылья. Это затруднило схватку. Змей порхал над лодкой и плевался вниз какой-то зловонной слизи, от соприкосновения с которой мечи двух друзей моментально расплавились. Естественно, Фафхрд, будучи от природы изворотливым и сообразительным, схватил якорь и заарканил змея. Подтянув упирающееся чудовище к самому борту, Фафхрд кулаком вышиб змею его единственный, посаженный посередине лба глаз. Чудовище с воем нырнуло в глубину и больше его никто не видел.

Однако вечно пьяная портовая потаскушка, как бы опровергая историю врунишки-актера, рассказывала подливающим ей вино матросам, что после нескольких сладостных часов интимной близости, Серый Мышелов, разомлевший от изощренных ласк, поведал ей удивительную историю. Мол, странствуя под парусом, друзья наткнулись на спящего спрута. Спрут был огромен и страшен. И надо же было болвану Фафхрду шутки ради треснуть монстра веслом. Спрут пробудился ото сна, открыл свои глазоблюдца и в один миг разглядел обидчиков. Из воды, как гигантские змеи, поднялись шупальца. Каждая присоска на шупальце была размером с пивную бочку. Друзья схватились за мечи. Чтобы спрут не уволок лодку под воду, Мышелов метнул гарпун, а веревку от гарпуна намертво закрепил на корме. Хрупкое суденышко трещало в объятиях чудовища.

Спрут уносил лодку все дальше и дальше в бескрайние просторы океана. Друзья принялись рубить шупальца, но на месте обрубленного тут же выросло новое, еще длиннее прежнего. И тут Мышелову в голову пришла безумная мысль. В лодке имелось ведерко со смолой. Мышелов оторвал от плаща кусок ткани, обмотал им острие меча и обмакнул его в ведерко со смолой. Как только Фафхрд с гримасой отчаяния, в очередной раз обрубил шупальце, Мышелов мазнул открытую рану смолой. И шупальце больше не выросло! Так, работая что есть мочи, друзья за пару минут лишили чудовище всех его жутких змеевидных конечностей. Спрут забеспокоился. Увидев, что ему нечем хватать добычу, он разинул свой огромный, костяной клюв и вознамерился проглотить лодку целиком. Но тут случилось неожиданное. Щупальца снова стали прорастать. Только внутрь. Они, как гигантские осино-вые колья, пробили тушу спрута, и чудовище на какой-то миг стало похоже на разросшегося морского ежа. А потом оно с жутким треском лопнуло...

Теперь уже не важно, кто лжет — летописцы, актеришка или пьяная потаскушка из замызганного кабака. Важно другое. Друзья оказались выброшенными на неведомый, пустынный берег.

Подобрав кое-что из уцелевшего снаряжения, приятели с большим трудом взобрались по крутым, почти отвесным береговым скалам и к своему ужасу обнаружили, что находятся на острове. Перед ними расстилалась небольшая, зеленая долина, кое-где заросшая лесом. В центре долины поблескивало небольшое озерцо, а по другую сторону, за грядой серых, поросших мхом скал синело море.

— Поздравляю, это — остров, — пробормотал Мышелов.

— Что мы островов не видали, — отвечивал Фафхрд и уверенно зашагал вперед.

Друзья спустились в долину.

— Станный, однако, лес, — заметил Фафхрд, оглядываясь по сторонам. Приятели вступили под сень невысоких, с редкой кроной, деревьев. — Птиц не

слышно. Деревья, как старые метелки у слепой хозяйки. Не нравится мне здесь.

Мышелов презрительно усмехнулся:

— Это потому, что ты существо необразованное и дремучее. Тебе выпал редкий случай наблюдать клочок земли, где явственно присутствует флора при полном отсутствии фауны.

— Ну и жуй свою флору, — буркнул Фафхрд. — А что касается меня, то я долго не протяну без куска жареного мяса.

Приятели какое-то время шагали молча.

Вдруг путь им преградил огромный валун. Это был чудовищных размеров серый камень странной конусообразной формы. Больше всего он напоминал окаменевший нос великана, который был оторван в драке и брошен хозяином за явной ненужностью. Вряд ли бы у кого нашлась охота проверить, каких именно размеров достигает сам бывший обладатель оторванного носа.

Фафхрд и Мышелов осторожно обошли валун.

— Смотри, какая штуковина, — с ноткой уважения в голосе проговорил Северянин.

— Да, занятный камешек, — ответил Мышелов. — И что удивительно — стоит он как-то странно.

Действительно, камень стоял странно, опираясь на землю узкой своей частью, что противоречило всем законам природы, и по логике вещей валун должен был давным-давно рухнуть. Однако же, он стоял незыблемо.

Фафхрд набрался смелости и толкнул камень своим могучим плечом. С тем же успехом он мог бы вычерпывать ложкой море.

— Не нравится мне все это, — проворчал Фафхрд, потирая плечо. — Здесь пахнет колдовством.

Мышелов ничего не ответил, только пожал плечами, тронул ладонью рукоять меча и двинулся дальше.

Лес поредел, деревья стали еще более голыми и какими-то более растрепанными и измочаленными, похожими на громадные, использованные зубочистки.

Приятели вышли на поляну. И увидели небольшой домик. Строение издали напоминало изготовившуюся к прыжку жабу. Крыша дома была по-

катой, причем один край ниже другого. По краям дверного проема, черного, как зрачок ведьмы, были прорезаны два круглых окна, затянутых бычьим пузырем. С двух сторон вдоль стен прилепились поленницы дров.

— Домик, — констатировал Фафхрд. — Жилье.

— Желательно, чтобы оно было человеческим, — отозвался Мышелов. — Судя по виду, в нем скорее всего обитает какая-нибудь нечисть.

При слове «нечисть» лицо Северянина словно бы окаменело. Он медленно вытащил из ножен меч и, как медведь на улей, двинулся к хижине. Мышелов хотел было что-то крикнуть, но потом махнул рукой, тоже обнажил меч и устремился вслед за Фафхрдом.

Тем временем Северянин обходил вокруг хижины, каждое мгновение ожидая атаки. Однако никто не собирался нападать.

— Прячутся, — процедил сквозь зубы Фафхрд.

Он крутанул над головой меч, всем видом показывая, что человек он бывалый и запугать его не так-то просто.

Из-за поленницы скользнула чья-то тень. Фафхрд зарычал и, подняв меч, ринулся вперед. Как назло, из земли торчал неразличимый из-за густой травы корень. Падение Северянина вряд ли можно было назвать изящным. Так, наверное, падает с моста подвода, груженная мешками с солью, погребая под собой и коней, и возничих.

Кое-как поднявшись, сверкая налившимися кровью глазами, Фафхрд лихорадочно огляделся. За спиной раздался чей-то смех. Фафхрд развернулся, готовый нанести удар.

Смеялся Мышелов.

— Одного раза тебе мало, — потешался Серый. — Я думал, достаточно того, что по твоей вине мы очень мило причалили к берегу, чуть не переломав себе ребра. Теперь ты решил всерьез научиться летать. Поздравляю. Первую попытку можно считать удавшейся.

Северянин опустил меч в ножны и насупился.

— Смейся сколько тебе угодно. Все равно на этом проклятом острове без колдовства не обошлось. Я это нутром чувствую.

Мышелов скроил выразительную гримасу и махнул рукой:

— Ладно. Пойдем посмотрим, чем можно поживиться в этой убогой лачуге.

С этими словами Мышелов скрылся в черном проеме низенькой двери.

Фафхрд немного потоптался на месте, как бы размышляя, стоит ли следовать примеру своего безрассудного напарника, однако чувство солидарности взяло верх, и Северянин, согнувшись в три погибели, шагнул через порог.

Когда глаза привыкли к полумраку, Фафхрд разглядел убогое нутро хижины. Грубый, сколоченный из плохо оструганных досок стол, два табурета, колченогих, как судьба уличного попрошайки, полка, прибитая до невозможности криво, и бездарно сложенная печь. Вот, впрочем, и все.

Мышелов сновал из угла в угол, как кот, которому, наконец-то, посчастливилось пробраться в чулан, но тот, к великому огорчению, оказался пуст.

— Странно, ничего нет, — бормотал Мышелов, заглядывая во все темные углы, под стол, отодвигая табуреты. Он наклонился к печке и вдруг удовлетворенно замурлыкал.

— Что там? — бросил из полумрака Фафхрд, услышав, как заурчал приятель. Значит, нашел что-то. Северянин разглядел, как Мышелов крутит в руках какой-то сверток.

— Что там? — нетерпеливо повторил Фафхрд, переминаясь с ноги на ногу.

— Огниво и трут, — весело откликнулся Мышелов. — Можно считать, что нам повезло. Хватит стоять, принеси-ка скорее дров.

Фафхрд шагнул за дверь и в мгновение ока вернулся с огромной охапкой дров.

— По-моему, ты перестарался. Таким количеством растопки можно спалить даже Ланкмар, — заметил Мышелов. Он высек искры, и не прошло минуты, как в печке загудело пламя.

Только теперь до Фафхрда дошло, что он вымок до нитки и основательно продрог. Северянин расстегнул пояс с мечом, стянул мокрую куртку, скинул хлюпавшие при каждом шаге сапоги. Мышелов по-

следовал его примеру. Друзья пристроили мокрую одежду поближе к горячим камням печурки, а сами уселись на голые доски и молча глядели на пляшущие за дверцей печки языки пламени.

— Как ты думаешь, — нарушил тишину Мышелов. — Лодку удастся починить?

Фафхрд промычал что-то нечленораздельное.

— Да, — продолжил Мышелов. — Без инструментов нашу посудину не отремонтировать. Хотя около поленницы я увидел нечто, напоминающее топор, и...

— Ты имеешь в виду вот эту штуковину, — перебил приятеля Фафхрд и, пошарив рукой вокруг себя, вытащил на свет чудовищных размеров колун. — Захватил вместе с дровами. На всякий случай.

Мышелов с опаской посмотрел на огромный тупоносый топор, будто перед ним неожиданно поднялась в своем чарующем танце смерти болотная гадюка.

— Нет, этот кусок железа нам не поможет, — вздохнул Мышелов.

И снова в лачуге воцарилось молчание. В печке трещали дрова. От мокрой одежды поднимался едкий пар.

Вдруг эту идиллию мирных посиделок у огонька нарушил странный звук. Его можно было сравнить разве что с рыком только что проснувшегося после долгой спячки и страшно голодного дракона. Мышелов беспокойно завертел головой.

— Ты слышал? — спросил он Фафхрда.

Северянин сидел с самым невозмутимым видом и, казалось, дремал.

Звук повторился, став гораздо громче. Дракон проснулся окончательно и теперь мотал своей уродливой башкой, обзревая окрестности в поисках добычи.

— Кажется, к лачуге подбирается какое-то чудовище, — еще больше забеспокоился Мышелов.

Фафхрд и бровью не повел. Он напоминал теперь восточного факира, впавшего в транс. Мышелову это показалось подозрительным. Он вскочил на ноги, поднял пояс с оружием и обнажил меч.

Рычание повторилось снова. На этот раз звук раздался так близко и громко, что, казалось, дракон вот-вот должен просунуть голову в дверь лачуги.

Мышелов подскочил к двери и изготовился вонзить узкий, длинный клинок своего меча в драконью морду, если та, конечно, появится. Неожиданно из полумрака хижины раздался жуткий, леденящий душу вой. Мышелова пробил холодный пот. Он круто развернулся и хотел было ринуться в бой, решив, что на его друга Северянина напали злые духи и рвут на части. Однако, каково же было его удивление, когда он обнаружил, что воет сам Фафхрд.

Рыжеволосый великан тянул одну единственную фразу:

— Есть хочу!

Что ж, теперь все прояснилось. Никакой дракон, конечно же, не рыскал у стен ветхого домика. Это просто у Северянина от голода бурчало в животе. Мышелов, выронив меч, без сил опустился на пол.

— О боги, зачем вы послали мне в напарники эту прожорливую скотину, — только и смог выговорить он.

Перестав выть, Фафхрд довольно долго пялился в полумрак ничего не понимающим взглядом. Потом резко поднялся на ноги.

— Хватит, — рявкнул Северянин. — Мне совсем не улыбается подохнуть на этом убогом острове голодной смертью, — Фафхрд извлек из ножен меч. — Мышелов, добрый друг, посиди немного в одиночестве, поддерживай огонь. Я пойду поброжу вокруг. Не может быть, чтобы здесь совсем не было дичи. В конце концов, можно спуститься к морю и наловить рыбы.

Северянин тряхнул шапкой своих рыжих волос и выбрался из лачуги наружу. Мышелов услышал, как, громко топая, Фафхрд быстрым шагом удаляется прочь.

Опять наступила тишина.

От горячей печки тянуло теплом. Мышелов согрелся и успокоился. Стала подступать дрема. Мышелов по своему обыкновению погрузился в сладкие грезы. Правда, они носили какой-то странный оттенок. Мышелов представил себе, как он перелезает через ка-

кую-то высокую стену. Сидя на широком зубце, выступающем из стены, Мышелов вглядывался в растилающийся у его ног огромный сад. В глубине сада, едва различимый за деревьями, стоял узорчатый, великолепно украшенный щедрой рукой неведомого архитектора небольшой дворец. Высокие стрельчатые окна горели теплым манящим светом. До слуха Мышелова доносились звуки нежной музыки — чьи-то умелые, осторожные пальцы перебирали струны арфы. Мышелов, не долго думая, прыгнул со стены вниз, в темную прохладу сада. Едва ноги Мышелова, обутые в сапоги из крысиной кожи, коснулись земли, из-за ближайших деревьев послышалось грозное рычание, а также топот бегущих людей.

Мышелов изготовился к бою.

Прямо на него неслась диковинная тварь, представляющая собой омерзительную помесь пса и многоножки: лохматое, поросшее черной шерстью туловище, десять пар суставчатых, щипастых лап, жуткая морда с длинными клыками, сплошь усеянная зелеными бородавками.

Тварь оттолкнулась от земли всеми лапами и прыгнула на Мышелова. Мышелов отскочил, казалось бы в последний момент в сторону, и чудовище со всего размаху врезалось оскаленной мордой в стену. Мышелов с победоносным кличем вонзил меч зверю в загривок. Клинок вошел по самую рукоять. Зверь дернулся и затих.

Теперь внимание Мышелова сосредоточилось на выбегавших из темноты людях. Это были высокие, в черных одеждах воины, вооруженные широкими ятаганами. Грудь каждого воина была закрыта железной кирассой.

Нападающих было четверо.

Мышелов крепче сжал меч, а в левую руку взял кинжал. Два воина атаковали Мышелова, яростно работая своими ятаганами. По логике вещей, сад должен был наполниться звоном стали, со скреещающихся клинков должны были лететь искры. Однако же, ничего подобного не произошло. Гибкое тело Мышелова метнулось прямо под рассекающие воздух клинки, мелькнуло длинное, узкое лезвие, и один из воинов, успев только тихо промычать, рух-

нул на траву. Меч Мышелова угодил воину прямо между глаз. В ту же секунду второй воин, тщетно пытавшийся уловить слишком быстрые движения противника, почувствовал, как холодная сталь полоснула по горлу. Это был кинжал Мышелова.

Схватка закончилась чересчур быстро. Мышелов атаковал со скоростью молнии. Ударом ноги он заставил третьего воина согнуться пополам, вонзив в следующее мгновение ему в шею кинжал. Последний воин, будучи явно не храброго десятка, увидев, что приключилось с его товарищами, повернулся к Мышелову спиной и хотел было дать деру, но Серый, перехватив меч на манер копья, метнул оружие прямо в незащищенную кирасой спину противника. Воин захрипел, зашатался и упал, как подкошенный.

Мышелов вытащил из мертвого тела меч, аккуратно вытер от крови лезвие и промурлыкал, обращаясь к мечу:

— Ну, вот, мой верный Скальпель, мы сегодня поработали на славу...

Договорить Мышелов не успел. Крепкие челюсти сомкнулись на его левой руке.

К своему ужасу Мышелов увидел, что заколотая в самом начале боя тварь вдруг неведомым образом ожила. Ее зубы вцепились в руку Мышелова, передние лапы, увенчанные острыми когтями, рвали одежду на груди, пытаясь добраться Мышелову до горла.

Скальпель остался лежать на траве. Мышелов только и успел, что перехватить кинжал свободной правой рукой и теперь что есть силы колот напавшее чудовище. Однако, зверь никак не реагировал на удары острого клинка, хотя кровь так и хлестала из многочисленных ран.

Мышелов пришел в отчаяние. Еще секунда, и он упадет. Тогда зверь моментально разорвет его на части, пустив в ход все десять пар когтистых лап. В последней попытке хоть как-то ослабить хватку зверя, Мышелов со всего маху ударил рукоятью кинжала по одной из мерзких зеленых бородавок, покрывавших, как лишайник лесной камень, череп чудовища.

И тут произошла странная вещь. Зверь момен-

тально разжал челюсти. Из его пасти вместо жуткого рыка, вырвался и надолго повис в воздухе приятный музыкальный звук. Этаким чисто взятый музыкантом аккорд.

Как только звук затих, зверь с новой силой навалился на Мышелова. Серый стукнул по другой бородавке. Зверь опять разжал челюсти. Вновь прозвучала нота, но уже в другой тональности.

— Что же это такое, — прошептал в смятении Мышелов. — Живой ксилофон? Тогда зачем ему зубы и паучьи лапы?

Однако, другого способа освободиться не было. Мышелов, взяв кинжал за лезвие и ударяя рукоятью по бородавкам, бочком двинулся в глубь сада. Зверь, издавая диковинные, приятные на слух звуки, как зачарованный, последовал за Мышеловом, выпустив, наконец, его руку.

— В конце концов, — рассуждал Мышелов. — Это даже удобно. Музыкальный инструмент повсюду следует за тобой. И не надо опасаться, что его кто-нибудь украдет.

Двигаясь по саду, извлекая из черепа зверя удивительные звуки, Мышелов настолько вошел во вкус, что, уловив закономерность нот и аккордов, принялся выстукивать известные ему мелодии. Дело дошло до того, что Мышелов замурлыкал:

Обещанное — сбудется,
Расставшиеся — встретятся.
Придет корабль в гавань,
Милая, вон парус
На горизонте виден.
Спешит к тебе любимый,
Чтоб на рассвете снова
Уйти, не попрощавшись.

Слова знакомой песенки вернули Мышелову веселое расположение духа. Он с наслаждением вдыхал ароматы темного, прохладного сада. Желтые огни сказочного дворца манили к себе. Но, для начала, нужно было избавиться от музыкального чудовища. Но как?

Вдруг Мышелов заметил раскидистую куртину.

«Что, если попробовать защемить зверюгу между стволами?» — подумал Мышелов. Он медленно двинулся к намеченной цели. Зверь, как автомат, шел

за ним, оглушенный, видимо, музыкальными способностями Мышелова.

Мышелов подобрался к куртине, выбрал два самых близко растущих друг к другу ствола и осторожно завел к ним зверя, протиснувшись для начала между стволов сам.

Как и ожидал Мышелов, зверь кое-как просунул между деревьев голову, однако серпообразные лопатки и, тем более, паучьи ноги меж стволов явно не пролезали. Мышелов, продолжая наигрывать какой-то веселый маршик, лихорадочно думал, чем бы поплотнее заклинить башку зверя.

Рядом росло невысокое, с гладким стволом деревце. Мышелов попробовал бить по бородавкам кулаком. Звуки стали немного фальшивыми, однако зверь продолжал спокойно стоять. Взяв свободной рукой кинжал, Мышелов стал методично спиливать деревце. В конце концов ему это удалось. Сунув кинжал за пояс и перейдя с марша на лирические откровения, Мышелов просунул импровизированный клин между черепом чудовища и одним из стволов. Деревце, срезанное Мышеловом, оказалось в достаточной мере и гибким, и прочным. Выбрав нужный угол, Мышелов проволоч клин под ушами зверя, завел гибкое деревце за другой ствол и, перестав играть, двумя руками сильно нажал вниз. Башка зверя скользнула меж стволов и уперлась в корни. Клин прочно держал чудовище в рогатке куртины. Путь был свободен.

Мышелов бегом вернулся к месту боя, отыскал Скальпель и спрятал его в ножны. Потом двинулся по замеченной им еще раньше тропинке. Тропинка вела напрямиком ко дворцу.

Вблизи дворец казался еще прекрасней. Стены украшала причудливая лепка, на высоких окнах были узорчатые, золоченые ставни. В нескольких окнах горел мягкий желтоватый свет. К приятному удивлению Мышелова, одно из горящих окон было открыто. Серый крадучись приблизился к окну и, приподнявшись на цыпочки, заглянул внутрь.

Взору предстала богато обставленная комната. В золотых канделябрах горели свечи, сотни белых, тонких, как ножки танцовщицы, свечей. На стенах ви-

сели зеркала в золоченых, тяжелых рамах. Посреди комнаты стояла большая, великолепной работы арфа. Над арфой склонилась девушка. Она сидела к Мышелову спиной, и тот никак не мог разглядеть ее лица. Он видел только изящную, стройную фигурку в белой, полупрозрачной накидке и огненно-рыжие, падающие волной на плечи, кудри.

Сердце Мышелова учащенно забилося. Сладкие звуки арфы завораживали. Белая фигурка девушки тянула к себе, как магнит. Перемахнув одним прыжком через окно, Мышелов ступил на разноцветный паркет сказочной комнаты. Подобно бесплотной тени, Мышелов приближался к играющей на арфе девушке. Серый долго стоял, не решаясь нарушить сладкозвучную мелодию, но, однако не утерпел и, прочистив горло, нежнейшим голосом проговорил:

— О, моя госпожа, я искренне прошу простить меня за столь неожиданное вторжение в ваш дивный сад. Мне показалось, что...

Девушка, по-видимости, сильно испугалась. Мышелов прервал свою многообещающую речь. Да, девушка испугалась. С ужасом Мышелов увидел, как рыжие кудри, волной спадающие на хрупкие девичьи плечи, вдруг расплелись и встали дыбом, превратившись сразу в огненные спутанные лохмы. Мышелов от горя готов был перерезать самому себе горло. Девушка медленно повернулась к непрошеному гостю. И...

Мышелов вытаращил глаза, как кот, который по ошибке решил полакать вместо молока разведенную водой известь.

На изящных, будто вышедших из-под руки гениального скульптора, плечах девушки покоилась мужская голова. На Мышелова, ухмыляясь, смотрело довольное лицо характерного северного типа. Вглядевшись пристальнее, Мышелов чуть не закричал. Это была рожа Фафхрда. Открыв рот, оборотень проговорил:

— Ты ведь сейчас сгоришь, дурень. Хоть бы от печки отодвинулся.

Сказочная комната поплыла, растворилась. На ее месте проступили ветхие стены лачуги. Мышелов полулежал возле горящей печки. Выстреливший из открытой дверцы уголек попал на голую руку Мы-

шелова и на месте ожога уже расплывалось красное пятно. Вот тебе и челюсти чудовища!

Над Мышеловом склонился ухмыляющийся Северянин. В руках он сжимал какой-то большой, круглый предмет.

— Смотри, что я раздобыл, — гудел Фафхрд. — Это же настоящая тыква. Вышел я из леса и хотел было направиться к озеру, которое мы с тобой видели, и вдруг, представь себе, наткнулся на тыквенное поле. Никак не возьму в толк, кто здесь посадил тыкву?

Мышелов поморщился и махнул рукой:

— Не кричи ты так громко. Я только что видел странный сон. Даже не сон, а, скорее, видение. Я сражался с чудовищем и огромными черными воинами. Потом проник в дивной красоты дворец. Потом...

— Потом пришел я, — перебил Мышелова Северянин, — принес тыкву и сказал, что через минуту помру, если не поджарю себе кусочек. Вот только где бы раздобыть какую-нибудь посудину?

Фафхрд принялся шарить в полумраке лачуги, бормоча что-то себе под нос.

Мышелов продолжал говорить, не обращая внимания на шум, производимый Фафхрдом, которому явно не хватало места в тесной хибаре:

— Очень странное видение. За все время наших странствий жизнь приучила меня чутко относиться к различного рода тайным знамениям и предчувствиям. Ничего просто так не происходит. Возможно, ты, Фафхрд, был прав — на этом острове явно не обошлось без колдовства. Черные воины, представшие во сне, могут означать скопление колдовских сил. Чудовище... Да, с чудовищем проблема. Зло и красота одновременно... Этакая невообразимая гармония уродства с великим искусством. Мне кажется, я нашел...

— Нашел! — заорал вдруг пыхтевший в самом темном углу Фафхрд. — Нашел, разрази меня гром!

Северянин метнулся к печке, уронив по дороге колченогий табурет, и сунул Мышелову под нос что-то, тускло блеснувшее металлом. Это была грубая крестьянская сковорода.

Оторвавшись от своих размышлений, Мышелов

раздраженно потрянул головой, но сдержал гнев и флегматично проговорил:

— Эту сковородку какой-то болван, наверное, тоже северянин, пытался уже использовать как пищу.

— Да, посудина немного подкачала, — согласился, улыбаясь, Фафхрд.

Действительно, создавалось впечатление, что кто-то, обладающий огромным ртом, невообразимо крепкими зубами и недюжинной силой пытался в нескольких местах надкусить тяжелую металлическую сковороду. Правда, попытки эти не увенчались успехом. И теперь сковорода напоминала некую загадочную фигуру, какие можно иногда встретить в заброшенных, древних храмах уже навсегда забытых божеств.

Фафхрд не терял оптимизма:

— Ладно. И такая сойдет.

Одним ударом Северянин своротил жестяную трубу от печки. По краям образовавшегося отверстия тут же заплясали веселые язычки пламени. Фафхрд поставил на импровизированную плиту сковородку. Потом вытащил кинжал, поднял с пола увесистую, желтую, спелую тыкву и со смачным хрустом принялся крошить ее на раскалившуюся на огне посудину. Тесная лачуга наполнилась аппетитным запахом.

Теперь и Мышелов, все еще с досадой вспоминая так бесцеремонно прерванный Северянином сон почувствовал, что дьявольски голоден. В животе у Мышелова заурчало, однако не так громко и страшно, как давеча у Фафхрда.

Северянин продолжал колдовать над своей стряпней, приговаривая:

— Сейчас, сейчас. Вот мы уже подрумяниваемся. Нам, кстати, наплевать, что нет у нас кувшинчика доброго вина. Ничего, обойдемся. Сейчас мы покроемся корочкой... Вот так... Теперь можно...

Фафхрд протянул руку с кинжалом, желая зацепить клинком кусочек побольше и поподжаристее. Вдруг раздался легкий шлепок. Северянина кто-то хлопнул по руке.

Фафхрд недовольно покосился на поднявшегося

на ноги и давно уже маячившего за спиной Северянина Мышелова:

— Дай мне снять пробу, я ведь все не съем.

Фафхрд снова потянулся к сковороде. Шлепок на этот раз был сильнее. Северянин гневно повернулся к приятелю, который переминался с ноги на ногу сзади. При этом Фафхрд заметил, что Мышелов скинул один сапог, позабыл снять другой, и было слышно, как в сапоге хлюпает вода. Увидя это забавное зрелище, Фафхрд унял гнев и улыбнулся:

— Я всегда знал, что ты торопыга, каких свет еще не видывал.

Мышелов смущенно пожал плечами.

Фафхрд вернулся к уже начинающему подгорать жареву и снова нацелился подцепить кусочек ароматно пахнущей тыквы.

Третий удар был во сто крат сильнее предыдущих. Он пришелся Северянину прямо в нос. Рыжеволосый гигант, будто дерево, с корнем вырванное мощным порывом бури, с грохотом и протяжным стоном отлетел к противоположной стене и рухнул.

На некоторое время воцарилась тишина. Ничего не понимающий Мышелов переводил взгляд от печки на лежащего неподвижно Северянина. Даже в полутьме было видно, что нос Фафхрда моментально распух от удара и готов вот-вот вспыхнуть как праздничный бумажный фонарик.

Шипя и потрескивая, на сковороде подгорала тыква. Лачуга наполнилась вонью.

Фафхрд очухался и открыл глаза. В расширившихся зрачках, которые уставились на растерянно стоящего Мышелова, Серый явственно различил голую пустыню, песчаные жгучие вихри и свой собственный сморщенный, высохший под горячим солнцем труп. Фафхрд сжал кулаки, которые, если их многократно размножить и превратить в камень, вполне могли бы сойти за материал для мощения дорог в труднопроходимых местах.

— Если ты думаешь, что я... — начал было Мышелов, но тут же умолк, так как увидел, что взгляд Фафхрда стал еще безумнее. Северянин молча поднял руку и указал пальцем на печь. Подобным образом муж указывает любимой жене на медленно

выползающего посреди ночи из-под супружеского ложа голого мужчину.

Мышелов обернулся и тоже глянул на печку. Там творилось что-то неладное. Вокруг уродливой сковороды вспыхнуло и не угасало оранжево-желтое сияние. Валил густой дым, который загадочным образом тут же рассеивался и исчезал.

— Что это? — прохрипел Фафхрд, тщетно пытаясь подняться, хлюпая разбитым носом.

— Не знаю, — ответствовал Мышелов.

Видимо, сказанное Мышеловом вполне удовлетворило Северянина, и он остался сидеть на полу, прижавшись спиной к стене и зачарованно наблюдая за странными процессами, происходящими с печкой.

Сковорода несколько раз со звоном подпрыгнула. Обуглившиеся куски тыквы взлетели в воздух, да так и остались висеть, будто скрепленные невидимыми нитями детали некой марионетки.

— Насколько я понимаю, — выдавил из себя озадаченный Мышелов, — сон мой оказался вещим. Колдовство на этом проклятом острове действительно присутствует. Теперь осталось только подождать ятаганы и зеленые бородавки.

Однако, ни того, ни другого не появилось. Случилось нечто совсем иное. Дым сгустился так, что, казалось, его можно было черпать пригоршней, как кисель. Потом он стал менять цвет с грязно-бурого на оранжево-желтый. Затем этот огромный сгусток начал принимать вполне конкретные очертания и формы. Не прошло и минуты, как на совершенно обалдевших приятелей мрачно смотрело жуткого вида существо. Оно имело огромный, невероятно широкий мужской торс. Вместо кожи торс покрывали, будто чешуя, большие тыквенные семечки. Голова монстра напоминала сплюснутую с двух сторон тыкву, украшенную лопаухими ушами, большим, безобразным ртом с торчащими наружу клыками, а также двумя круглыми, будто пробитыми острым круглым предметом, глазами. Две черные, пустые впадины уставились на притихших приятелей. Руки чудовища больше всего походили на огромные узловатые корни и заканчивались широкой ладонью с тремя длинными пальцами, каждый из которых вен-

чался кривым желтым когтем. Ног чудовища друзья сначала не разглядели, так как конечности до колен находились в печке. Но неожиданно печка, как гнилой орех, раскололась, рассыпалась по камешку, и в отблеске пламени приятели увидели, что демон опирается на два одеревеневших, толстенных стебля. Подошвами ног демону служили два больших, непомерно толстых и мясистых тыквенных листа.

В лачуге от рассыпавшихся углей и разлетевшихся в разные стороны головней должен был вспыхнуть самый натуральный пожар. Но этого не произошло. Демон открыл свою безобразную пасть и издал звук, напоминающий нечто среднее между шипением и свистом. Огонь тут же погас, угли потухли, головни подернулись пеплом. Затем демон распрямился во весь свой рост, и крыша ветхой лачуги с легким хрустом слетела, как слетает от ветра шляпа с головы бесцельно слоняющегося по городу зеваки. Солнечный свет на мгновение ослепил привыкших уже к полумраку приятелей. Мышелов, сам не сознавая, как это получилось, оказался сидящим рядом с Фафхрдом.

Демон опять открыл пасть и торжествующе зарычал, подняв к небу руки-корни:

— Свободен! Опять свободен! Клянусь силами Ада, это самый прекрасный день в моей долгой жизни!

Он заворочался, несколько раз переступил своими ногами-стеблями, своротив мимоходом одну из стен лачуги.

Мышелов первым преодолел оцепенение. Отыскав взглядом лежащий среди потухших углей и обломков досок Скальпель, Мышелов решил завести отвлекающий разговор с демоном:

— Нельзя ли поинтересоваться, о какой свободе вы только что говорили, — вкрадчивым голосом спросил Мышелов, продвинувшись при этом чуть-чуть вперед.

Демон опустил руки и снова вперил свой темный взгляд в двух друзей.

— О, человек! Ты хочешь узнать, почему вместо долгожданного обеда появился такой крепкий парень, как я?

— Было бы любопытно послушать, — отозвался

Мышелов. Приостановив свои поползновения, он незаметно ткнул Северянина в бок. От резкого толчка Фафхрд вернулся к действительности. И действительность была явно не из самых приятных, если не сказать хуже. Лицо Фафхрда стало суровым и жестким, с таким лицом воины Севера, оставшись один против сотни, скидывают с себя кольчуги, бросают щиты и, славя богов, бросаются навстречу смерти. Этого Мышелов больше всего и опасался. С демоном надо было действовать хитростью, иначе не успеешь и глазом моргнуть, как чудовище подцепит тебя, как рыбку на крючок, своим огромным кривым когтем.

Демон продолжал вещать:

— Тебе любопытно, человечек! Что ж, я могу рассказать, торопиться мне некуда. Пусть ваши маленькие сердца трепещут от страха. А потом я съем сначала тебя, рыжего же здоровяка оставлю на ужин. Ваши души будут корчиться в аду, вспоминая, что я сотворил с принадлежащими им когда-то телами. Это говорю вам я, Демон-Пожиратель, Демон-Причмокиватель, Демон-Падальщик, Демон Бесконечного Пиршества. Я настолько...

— Вернемся к сути вопроса, — сухо бросил Мышелов, полуобернувшись к Фафхрду, и скорчил приятелю гримасу, которая должна была подвигнуть Северянина на предельное внимание и готовность действовать быстро и решительно.

Демон, прерванный на полуслове, злобно скрипнул зубами, наклонился и легонько ткнул пальцем в грудь Мышелова. Серый почувствовал себя дощатым заборчиком, к которому привалился решивший слегка передохнуть слон.

— Ты, человечек! В оставшиеся несколько минут своей жизни не обрывай меня глупыми речами. Особенно когда я себя восхваляю. Я начну свой рассказ.

«А он упрям и тщеславен. И, скорее всего, непроходимо туп. Этим надо воспользоваться», — подумал Мышелов.

Демон вновь выпрямился. При этом рухнула еще одна стена лачуги.

— Очень долго, может, тысячу лет, может, больше, я спокойно обретался в адских пределах, где царствуют только зло и тьма. Но вот однажды я

почувствовал зов. Далекий, но властный. И вместе с зовом пришел запах пищи. Ведь я Демон Бесконечного Пиршества, надеюсь, ты это не забыл, человечек. Я откликнулся на зов и поднялся к самой границе, разделяющей адские пределы и ваш мир, о глупая букашка. И здесь меня ждала западня. Бездарный колдун, обкурившийся каких-то пакостных трав, заключил меня в магическую фигуру, сковы которой разорвать мне было не под силу. Жалкий колдун, перепутав заклинание, ждал совсем другого демона, он ждал того, чье имя на вашем языке звучит как Демон Сгибающий Спину, Демон — Вечный Раб. В адских пределах его еще величают Мастер-На-Все-Руки. Глупый чародей ошибся, произнося заклинание. В придачу, он зажарил себе на обед кусок сочного мяса. Вот что выманило меня, а не его жалкие бормотания. Меня, Демона-Пожирателя! Я оказался скованным магической фигурой и священными огнями, которые запалил чародей. Но глупый колдунишка не обрел надо мной власти. Куда ему! Он стоял на своих трясущихся ножках и с ужасом взирал на меня. Мне стоило только слегка щелкнуть его по лбу, и он бы окочурился. Но я не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Однако выход нашелся. Колдун затеял свое бездарное чародейство на тыквенном поле, которое сам же и засеял. Я тут же учуял, что в земле зреют тыквенные зерна. А тыква — это будущая пища! И значит, я вновь могу возродиться, если на время перенесусь внутрь тыквенного зернышка. Так я и сделал. Видели бы вы глупую рожу колдуна, — демон ослабился и, не в силах сдержаться от расправшего его самодовольства, захохотал. От этого хохота у Мышелова заложило уши и заныли зубы. Фафхрд сидел с каменным лицом, рукой нащупывая меч.

Нахохотавшись всласть, демон продолжал:

— Бедняга никак не мог взять в толк, куда же это я подевался. Потом он упал на колени и долго восхвалял богов за то, что они избавили его от неминуемой гибели. Глупец! Он и не догадывался, что я нахожусь рядом, и мести моей ему все равно не избежать. Помолившись, он подхватил вещички,

все свое колдовское барахло и с тех пор носу на остров не кажет.

— Да, потрясающая история, — ввернул Мышелов. — Почему же вы только сейчас обрели свободу?

Демон хлопнул себя по тем местам, где, по всей видимости, должны были быть колени:

— Эх, ты, насекомое! Этого часа я ждал с нетерпением. Я все правильно рассчитал. На остров рано или поздно кого-нибудь занесет, а глупец-колдун своим чародейством повывел здесь всю живность. Захотят людишки есть, наткнутся на тыквенное поле, тут-то я и объявлюсь. Ведь моя тыква будет всегда самой большой, спелой и красивой, не то что остальная мелюзга. Главное, чтобы ее стали жарить. Огонь! Вот что мне надо было. Однако, это полдела. Даже взяв силы у огня, я не обрел бы, кроме свободы, и десятой доли своей прежней мощи. Но чудо свершилось! Твой рыжий идиот-приятель вместо сковороды поставил на огонь магический предмет. Он предназначен для сжигания волшебных трав и вызывания древних духов. Понял? Сегодня ночью, закусив рыжим недоумком, я сквозь эту вашу сковородку — ха-ха — снова вернусь в родную обитель. Вот так-то, букашка!

И демон опять разразился своим чудовищным хохотом.

Мышелов приуныл. Ему совсем не улыбалось быть съеденным этим тыквенным пугалом. Он лихорадочно соображал:

«У демона должны быть какие-то свои слабости. Что? Жадность? Жажда власти? Чрезмерное любопытство? Надо каким-нибудь образом вывести у него о том, что любят и чего не любят демоны».

В это время Фафхрд с шумом выдохнул воздух и, подняв меч, бросился на демона. С таким же успехом он мог бритвой спиливать баобаб. Нежным толчком демон вернул Северянина на прежнее место. Затем он как-то странно зашипел, на губах его запузырилась слюна, с нижней губы вниз потекла струя тягучей, липкой жидкости. Жидкость застывала на лету, и, в мгновение ока, как заправский паук, демон произвел изрядный моток крепкой паутины. В воздухе резко запахло тыквенным соком.

«Если он нас свяжет — наши шансы спастись равны нулю», — промелькнуло у Мышелова в голове. Серый торопливо проговорил:

— Прежде, чем предстать в качестве бифштекса, мне хотелось бы узнать, что больше всего любят демоны. К примеру, такие, как вы. Надо сознаться, я раньше демонов ни разу не встречал.

Чудовище самодовольно осклабилось:

— Ага, червячок, ты уже проникся благоговейным почтением к Великому Пожирателю, к Славному Падальщику. Я тебя предупреждал! Ладно, отвечу. Демоны, вроде меня... Кстати, таких немного... очень любят есть. Еще... Еще они любят спать. Вот, пожалуй, и все. Нет, забыл. Во мраке адских пределов бывает скучно, и мы, порой, забавляемся тем, что загадываем друг другу загадки.

«Гениально!» — чуть не выкрикнул Мышелов. Его разум тут же подсказал путь к спасению.

Демон разглагольствовал:

— Мы очень умные и хитрые. Наши загадки отличаются коварством и неожиданными поворотами. Вам, насекомым, этого не понять.

— Почему это! — вдруг проговорил доселе сохранявший гробовое молчание Фафхрд. Казалось, до него только сейчас дошел смысл разговора.

Боясь, что Северянин все испортит, Мышелов торопливо проговорил:

— Перед смертью мне бы очень хотелось услышать хоть одну, самую простенькую, загадку из уст Великого Пожирателя и Несравненного Причмокивателя.

Демон умиротворенно хмыкнул, присел на корточки и сказал:

— Хорошо, козявка. Я загадаю тебе загадку. Но не простенькую, как ты выразился, а лютую, зловещую загадку демона. Чтоб твоя душа, покинув хилое тело, которое я скоро буду пережевывать, еще долго мучалась, не в силах найти правильный ответ. Ха-ха! Раскрой пошире уши и слушай. — Демон снизил голос до уровня, который, наверное, ему самому казался пророческим. Для Мышелова же это был скрип жерновов старой ручной мельницы.

— Назови мне имя одной штуки. Очень большой, очень твердой, очень серой и очень холодной.

Мышелов глубокомысленно поднял глаза к небу, делая вид, что погрузился в размышления, не забыв при этом локтем толкнуть Северянина. Фафхрд изобразил на лице некое подобие сосредоточенности. Правда, это можно было также принять за гримасу старого пропойцы, который, проснувшись утром с дикой головной болью, обнаружил, что единственный, оставленный про запас кувшинчик вина разбит, а в карманах нет ни гроша.

После нескольких минут молчания Мышелов скорбно произнес:

— Очень трудная загадка. Не может мой бедный разум постигнуть ее тайны.

Демон радостно загоготал:

— Вот видишь, мокрица! Каждое мое слово — истина. А ответ загадки прост. Это — скала. Огромная, серая, холодная скала.

Мышелов развел руками и печально склонил голову, всем видом показывая, насколько он ничтожен и глуп. Фафхрд попытался повторить тот же жест, но сторонний наблюдатель расценил бы это таким образом, будто рыжеволосый детина хочет облапить пышнотелую красавицу.

А демоном, по всей видимости, овладел азарт.

— Попробуй-ка, таракашка, отгадать другую загадку. Красное, трепещет, дерево пожирает. Назови имя!

Опять длительная тишина, нарушаемая только усердным пыхтением Фафхрда. Опять закатывание глаз к небу и печальное покачивание головой.

Демон довольно потирает корявые ладони и хихикает на удивление тонким голоском:

— Хи-хи! Жалкие порождения землеройки. Не можете отгадать. А ведь отгадка проста. Это всего лишь огонь. Хи-хи!

Пока демон купается в теплых волнах собственного величия, Мышелов всячески пытается показать Северянину, что у него давно уже созрел план бегства и что Фафхрд должен быть готов делать все то, что будет делать сам Мышелов.

Демон поднял с земли обломок доски и поковырял им в зубах.

— Ладно. Загадаю последнюю загадку, уж больно

потешно вы пыжитесь, как крысы в капкане. А потом надо позавтракать, точнее, пообедать. Слушайте. Маленькое, мерзкое, глупое и на ножках. Что это?

Мышелов решил немножко поиграть с демоном. Лицо его просветлело, будто на Мышелова снизошло озарение. Казалось, слезы радости вот-вот потекут по его щекам.

Идиотским голоском Мышелов пролепетал:

— Это, наверное, табурет. Правильно?

— Нет. Не правильно, вошь, — зарычал чуть не лопающийся от смеха демон. — Не табурет. Это ты, человек. Ты и весь твой человеческий род. Жалкие, ничтожные твари. Иди сюда, закуска. Хватит болтать.

Мышелов покорно встал, сделав знак Фафхрду сидеть на месте. Носком сапога Мышелов незаметно придвинул лежащий Скальпель в ножнах.

Вдруг Серый поднял голову и, улыбаясь глупой улыбкой, проговорил:

— Последнее безумное желание умирающего. Разреши загадать тебе, о демон, убогую человеческую загадку. Хочу напоследок убедиться в величии и силе твоего разума.

Демон махнул рукой, сжимающей обломок доски, которой монстр только что ковырял в зубах.

— Валяй, загадывай. Еще раз докажешь свое убожество.

Мышелов картинно приставил палец ко лбу и с мимикой великого мудреца изрек:

— Какого цвета станет листва на деревьях и трава на лугу, если закрыть глаза и сосчитать до десяти?

Произнеся эту тираду, Мышелов снова опустил как плети руки и склонил голову, всем видом показывая свою покорность неизбежной судьбе.

Демон на минуту растерялся. Затем стал почесываться и бормотать:

— Какими... листва... будет... закрыть глаза... десять сосчитать... цвета...

Мышелов на мгновение поднял глаза, и в его взгляде промелькнул лихорадочный огонек, какой можно встретить во взоре рыбака, обнаружившего косяк рыбы.

Демон перестал бормотать и ухмыльнулся, обнажив свои длинные, белые клыки:

— Глупый муравей! То, что ты называешь загадкой, на самом деле загадкой быть не может. Поскольку ее легко проверить.

«Наживку заглотил. Скоро надо подсекать», — злорадно подумал Мышелов.

— Что это за загадка, которую можно решить одним движением рук. Ха! Какого цвета листва? Сейчас проверим!

И демон со смехом поднес свои уродливые ладони к черным глазным впадинам. Зычным голосом чудовище принялось считать до десяти.

— Один... Два... Три...

Неуловимым движением Мышелов подхватил свой пояс с мечом, что есть мочи пнул Фафхрда и серой тенью метнулся в сторону леса. Северянин ринулся следом.

Наверное, даже взбесившийся жеребец не смог бы развить такой скорости. Приятели сами не заметили, как очутились на берегу озера. Тут они остановились на минуту отдышаться.

— Надо где-нибудь спрятаться до темноты, — проговорил, переведя дыхание, Мышелов, — а потом пробраться по берегу к лодке. Может, удастся отчалить. Насколько я помню, наше суденышко не так уж сильно пострадало. Во всяком случае, другого выхода у нас нет. Тем более, что на берег он и не сунется. Демоны пуще любых заклинаний боятся соленой воды. Будем надеяться, что это так.

— А где ж нам от него укрыться? — спросил Фафхрд, оглядевшись по сторонам. — В этом дурацком лесу одни голые стволы. Даже хороших зарослей, таких, чтоб не продраться, нет. Я уже успел заметить. Давай лучше прямо сейчас двинем к берегу. Там, может быть, найдется какая-нибудь укромная пещерка.

Друзья обошли озерцо и снова углубились в лес.

— Может, он нас и не учует, — без особой надежды в голосе проговорил Фафхрд.

— Скорее всего... Ай!

Мышелов вскрикнул от боли и запрыгал на одной ноге, обхватив руками голую пятку.

— Наткнулся на какую-то колючку, — прохрипел Серый и привалился к ближайшему дереву, пытаясь вытащить занозу из пятки.

Фафхрд потоптался возле скорчившегося приятеля, потом вдруг рассмеялся, указывая пальцем на ветви дерева, к которому прислонился Мышелов:

— Гляди-ка! Дикая яблоня. И яблоки уже созрели. А этот дубина-демон говорил, что на острове, кроме тыквы, ничего из съедобного не растет. Я же говорю, — добавил Фафхрд решительно, — он нас не учует, если мы хорошо спрячемся. Тем более, что и носа-то у него нет.

— А я воспользуюсь чужим носом, — раздался рядом скрипучий голос. В двух шагах от дикой яблони стояло тыквенное чудовище.

Фафхрд разинул изумленно рот, и Мышелов мгновенно забыл о своей занозе.

Демон покачивался на толстых ногах-стеблях и глумливо вещал:

— В случае надобности я возьму нос великана Глурху. Вы наверняка его видели, когда шли через лес к лачуге колдуна. Большущий такой камень. — Демон взмахнул руками, показывая, насколько велик валун. — Когда-то великан на этом острове Глурху схлестнулся с одним древним божеством, имени которого я не помню. Знаю только, что божество держало в руках Лунный Серп. Этим-то серпом оно и откромсало великану нос. Представляю, что это была за битва... Вот с тех пор лес на острове такой чахлый. А нос окаменел. Правда, мы, демоны, можем использовать многие вещи так, как нам угодно. — Демон сжал кулаки и зыркнул на друзей своими черными глазницами. — Обмануть захотели? Ах, вы, плесень неразумная. Неужели вы и впрямь надумали убежать от Великого Пожирателя? Я быстр, как ветер, и скрыться от меня невозможно.

С этими словами демон шагнул вперед, подняв одну лапу и целясь желтым когтем в Мышелова.

— Еда! Приказываю не разбегаться. Не люблю обедать впопыхах, — рывкнуло чудовище.

Тут с Фафхрдом приключилась странная штука. Как он сам потом объяснял за кружкой вина одному ветерану-наемнику, которого в бесчисленных сраже-

ниях лишили почти всех конечностей, обеих глаз, языка и еще кое-чего важного, но который при этом сохранял бодрость духа, боевую выправку и опрокидывал уцелевшей рукой себе в глотку неимоверно огромное количество спиртного, при этом совершенно не пьянея, — Северянин завелся. Причем, в прямом смысле этого слова. Когда он на мгновение представил, что в глазах лопоухого монстра он всего лишь бутерброд или необглоданная куриная ножка, его пробил озноб. Потом бросило в жар. Потом на глаза упала кровавая пелена, и больше Северянин ничего не помнил. Подобное с ним случилось давным-давно, когда он с Мышеловом ворвался в Дом Воров, чтобы отомстить за погибших возлюбленных.

Зато Серый Мышелов помнил все прекрасно и отчетливо. Он увидел, как лапа демона с кривым желтым когтем тянется к нему. Потом он услышал рычание. Это рычал Северянин. Лицо Фафхрда сравнялось по цвету с его огненно-рыжей шевелюрой. Великан-варвар выхватил из ножен свой широкий меч и в мгновение ока стал похож на ветряную мельницу в штормовой ветер. Сверкала и гудела сталь. От неожиданности демон растерялся. Потом просто отмахнулся от распоясавшейся пищи. При этом чудовище лишилось одного пальца. Из раны стала сочиться тягучая жидкость. Резко запахло свежеразрезанной тыквой. Демон рассвирепел не на шутку, но было поздно. Северянин, все наращивая обороты меча, вплотную подступил к чудовищу. Раздался зловещий хруст. Полетели в разные стороны тыквенные чешуйки. Демон заревел, замолотил кулаками, один точный удар которых мог расплющить Фафхрда в лепешку. Но не расплющил. Северянин с удивительной легкостью уходил от ударов, ни на секунду не прекращая рубить мечом.

Мышелов понял, что долго в таком бешеном темпе Северянину не продержаться, и бросился на демона с другого бока. Скальпель принялся без устали кромсать тугую, тыквенную плоть.

Поднялась страшная вонь.

Если демон не мог как следует припечатать рыжеволосого варвара, то юркого, быстрого, как сама

смерть, Мышелова ему было и в помине не достать. Чудовище отчаянно взревело. В последний раз судорожно взметнулись вверх когтистые лапы. А когда друзья на мгновение остановились, то увидели, что там, где только что возвышался монстр, растилается зловонная лужа. И только две ноги, два толстых стебля с подошвами-листьями, стоят подрагивая, на земле, начисто отделенные от туловища. Повсюду валялись куски тыквенной плоти. Как мертвые личинки какого-то неведомого насекомого, тут и там лежали кучки тыквенной чешуи.

— Был демон, и нет его, — как-то чересчур философски изрек Фафхрд. Затем, шатаясь, отошел от зловонных останков, упал на траву и тут же захрапел. Мышелов вытер лезвие верного Скальпеля, прилег рядом с Фафхрдом и тоже моментально уснул.

Ни Фафхрду, ни Мышелову ничего не снилось. Они будто провалились в бездонную черную яму, наполненную неким невесомым, неосязаемым веществом, дурманящим, стирающим память о прошлом и не дающим ни намека на грядущее. Это был тяжелый сон усталых воинов, когда измученным членам нужен покой и отдых. Сон без сна.

Друзья проснулись только под вечер. Начало уже смеркаться. Легкий ветер дул с моря и приятно освежал.

Мышелов глянул на заспанного приятеля и рассмеялся:

— О, мой могучий, неотесанный варвар. Что бы я делал без твоей дурацкой привычки очертя голову бросаться в битву! Скорее всего я бы сейчас переваривался в желудке этого тыквенного выродка.

— Может быть, — проговорил Фафхрд, сладко зевнув, если, конечно, может кому-то показаться сладким зевок глотки, которая распахнулась, как двери веселого дома во время весеннего праздника.

— Это точно! — подтвердил слова Серого Мышелова еще чей-то голос, донесшийся со стороны дикой яблони.

Друзья, как по команде, повернули на звук головы.

Прислонясь к согнувшейся до земли яблоне, перед взорами приятелей предстал демон. Только теперь у

него было чуть другое обличье. Широкий могучий торс был, казалось, слеplен из тысячи зеленых, крупных яблок, голова тоже напоминала непомерно раздувшийся плод, только черные дыры глаз и жуткий, клыкастый рот остались прежними. Демон опирался на две ноги, очень похожих на яблоневые стволы. Руки же были точь-в-точь как ветви, только толще и длиннее.

— Хорош сюрприз! — ухмыльнулся демон, делая шаг вперед. — Вы, наверное, и думать обо мне забыли. Не тут-то было! Вот он, я! Великий Пожиратель, Демон Бесконечного Пиршества собственной персоной! Убитый и вновь воскресший. Ваши жалкие мечи разрушили лишь мою оболочку, но адскую сущность демона простым оружием убить нельзя. Я вовремя переселился в яблоко. Создать новое тело без помощи благословенного огня, признаюсь, было трудновато. Иначе бы я вас еще спящих сожрал. Эх, кто оценит мое великое искусство...

У Мышелова мелькнула мысль:

«Вот оно, совмещение прекрасного и уродливого. Мерзкий демон с черной душой способен совершать диковинные метаморфозы. Зеленые прыщи и дивная музыка...»

Фафхрд со стоном поднялся на ноги, но Мышелов заранее знал, что ни Северянин, ни он сам, не способны больше на сумасшедшую атаку. Не успевшее как следует отдохнуть тело ныло и болело. Да и демон, кажется, приобрел более крепкое вместилище. Однако Фафхрд поднял меч и медленно двинулся на демона. Чудовище захохотало своим отвратительным смехом и взмахнуло рукой. Рука-ветка на лету стала расти, удлиняться, превращаясь в гибкий, упругий хлыст. Хлыст громко щелкнул, зашипел рассекаемый воздух. Фафхрд охнул от боли. Меч Северянина отлетел далеко в траву.

С губ демона закапала зеленая слюна. Он взмахнул другой рукой. Гибкая, древесная плеть обвилась вокруг шеи Северянина. Фафхрд побагровел, стал упираться ногами в землю, пальцами тщетно пытаясь порвать удавку.

— Иди сюда, кусочек мяса, — нараспев говорил

демон, подтаскивая все ближе и ближе упирающегося, брыкающегося Фафхрда.

Мышелов не знал, что предпринять. Броситься рубить демону лапу? Нет. Он может другой лапой таким же образом поймать Мышелова. Почему Фафхрд не отрубит удавку кинжалом? Ах, да, он выронил его еще в лачуге колдуна. Серый лихорадочно соображал, ерзая, будто сидел на раскаленных углях.

Вдруг Фафхрд, стараясь перекрыть довольный смех демона, прохрипел надсадно:

— Сапог... Вода... Сними сапог...

До Мышелова моментально дошла мысль Северянина. Ведь Серый так и не снял второй промокший сапог.

«Только бы там осталось хоть немного морской воды», — мысленно взмолился Мышелов. Северянин был уже почти рядом со скалящимся демоном. Еще несколько мгновений, и чудовище откусит Фафхрду голову.

В сапоге что-то булькнуло. Мышелов молниеносно стащил сапог. Морская вода еще высохла не вся, немножко осталось. Мышелов с диким криком бросился вперед, увернулся от взлетевшей плети и взмахнул сапогом. Несколько капель соленой морской воды упали прямо на оскаленную морду монстра.

На этот раз демон не зарычал. Он зашипел, как шипит кобра, угодив в крепкие челюсти мангуста. Рука-плеть пожухла и рассыпалась. Северянин с хрипом отшатнулся и сразу же схватил лежащий в траве меч. Но рубить уже было не надо. Демон как-то весь осел, сморщился и с хрустом рассыпался на мелкие кусочки. Облачко бурого дыма повисло в воздухе. Северянин закашлялся.

— Ну и вонь, — с трудом проговорил Фафхрд. — Пойдем отсюда, и поскорее.

Странно, но Мышелов никакой вонючки не чувствовал. Однако, спорить не стал и двинулся вслед за Фафхрдом.

Друзья долго бродили по лесу, отыскивая домик колдуна. Точнее не домик, а то, что от него осталось.

Стемнело. Приятели с большим трудом разыскали руины лачуги, практически на ощупь подобрали

свои кинжалы и одежду, причем Мышелов очень долго, проклиная все на свете, отыскивал второй сапог. Несмотря на усталость и подступающий сон, Фафхрд вволю повеселился, слушая тихую ругань Серого, улыбаясь во весь рот, благо что Мышелов в темноте ничего не заметил. Вместе с сапогом Мышелов нашарил среди обломков хижины и сверток с огнивом и трутом. Вот это находка так находка! Каждый из друзей захватил по охапке сломанных досок, и после недолгой ходьбы по ночному лесу приятели выбрались, наконец, на берег. Уютно устроившись между двух больших валунов, они развели костер, согрелись и постепенно их сморил сон.

Рассвет еще только-только высунул розовый клювик из-за темной полосы горизонта, когда Мышелов проснулся от странного чувства. Костер давно прогорел, и было довольно зябко. Мышелов долго не мог понять, что же его разбудило. Он решил было уже снова улечься, как вдруг заметил, что Северянин тоже не спит. Фафхрд сидел, скрючившись в странной позе, и пристально, не отводя взгляда и даже не мигая, смотрел на Мышелова. Этот взгляд, пронзающий, как игла льняную тряпицу, и разбудил Мышелова. Теперь Серый это понял. Он встал на колени и участливо спросил Фафхрда:

— Ты что, заболел?

Северянин молчал, продолжая сверлить Мышелова взглядом.

— Может, тебя демон поранил? Жара у тебя нет? — Мышелов хотел было дотронуться до Фафхрда, чтобы проверить, здоров ли тот, но вдруг отдернул руку. Он увидел, что глаза Северянина светятся в темноте зловещим багровым светом, как будто в черепе Фафхрда горит дьявольский огонь. Не даром говорят, что глаза — зеркало души.

«В него вселился демон, — с ужасом подумал Мышелов, — успел-таки, подлец. То-то мне показалось странным, что Северянин чувствует вонь, а я нет. Облачко дыма... Дьявольская сущность...»

И еще Мышелову припомнился давешний сон: сказочная комната и оборотень. Хрупкая девушка с головой Фафхрда.

Вдруг неподвижно сидящий Северянин открыл

рот и из его глотки донеслись скрипучие звуки. Мышелов явственно разобрал ставший уже до боли знакомым голос тыквенного чудовища, Великого Пожирателя.

— Наконец-то я нашел для себя удобное вместилище. До меня в последний момент дошло, что человек — тоже пища в самом широком смысле. Хищные звери не брезгают человечинкой. Хе-хе! Почему же я должен отказываться? Как жаль, что проклятый колдун был под защитой заклинания! Я бы не провел столько времени на этом убогом острове, где и пожить-то нечем. Ничего. Сейчас я прикончу тебя, глупое насекомое по кличке «человек». Потом поймаю рыбу, воплощусь в нее, переплыву море и отомщу чародею. После этого можно будет вернуться в дорогую адскую обитель. Там, наверное, обо мне все забыли. Хе-хе!

Мышелову было дико слышать, как с уст его верного, испытанного друга слетают зловещие фразы, наполненные лютой злобой.

Вдруг скрипучий голос демона стал сбиваться и затихать. Фафхрд проговорил своим обычным голосом:

— Что это, Мышелов? У меня такое ощущение, что внутри моей головы кто-то сидит. Мне кажется, я только что потерял сознание и...

Фафхрд захрипел. И вновь зазвучал скрипучий голос:

— Жалкая душонка. Смотри-ка, сопротивляется. Мне, Демону Бесконечного Пира. Ничего, я ее усмирю. Это сильное тело будет повиноваться. Сейчас эта рука возьмет меч и прикончит тебя, мерзкое животное.

И действительно, рука Фафхрда вытащила из ножен меч. Мышелов вскочил. Он отчаянно старался что-то придумать, будучи уверен, что не сможет поднять меч на своего друга.

Мышелов бросился к воде, на ходу стягивая сапог. Зачерпнув воды, Мышелов метнулся обратно к двум большим камням. Фафхрд все так же сидел на месте, зловеще улыбаясь. Глаза его горели безумным, дьявольским огнем. Мышелов окатил Северянина соленой влагой. Демон устами Фафхрда саркастически заметил:

— В этом прекрасном теле есть за что зацепиться! Так что не трать понапрасну сил. Иди сюда, я тебя зарежу, поджарю и съем.

Мышелов завыл от бессилия.

Северянин поднялся. Мышелов с удивлением заметил, что рыжеволосый варвар стал еще выше ростом и шире в плечах. Гигант поднял меч.

— Пора с тобой, букашка, кончать. Тело этого лохматого олуха прекрасно натренировано, ему знаком твой стиль боя, все твои финты и увертки.

Мышелов бросился бежать. Сердце его бешено колотилось и готово было выпрыгнуть из груди. Сзади раздавался тяжелый топот Северянина. Он настигал Мышелова, удесяттеренный злобной силой демона.

Вдруг Мышелова осенила простая, даже примитивная идея. Убивать никого не надо. Мышелов резко остановился. Отпрыгнул в сторону. Фафхрд, тоже пытаясь затормозить, по инерции пронесся чуть вперед. Этих секунд опережения Мышелову вполне хватило для того, чтобы отыскать небольшой камень и аккуратно бросить его в Северянина. Камень звонко треснул Фафхрда по затылку. Гигант замер, пошатнулся и упал. Закатив глаза, он успел прохрипеть нормальным голосом Фафхрда:

— Мышелов, я что-то не пойму...

И на этом затих.

Мышелов сочувственно склонился над распростертым телом друга и пробормотал:

— Хоть начинка у тебя и дьявольская, зато котелок, хвала богам, человеческий.

Мышелов снял с себя пояс, потом снял пояс с Фафхрда и крепко связал Северянина, ожидая, что тот вот-вот очнется. Связав приятеля, Мышелов вскарабкался по крутому склону берега и быстрым шагом углубился в лес. Забравшись поглубже в чащу, Мышелов отыскал достаточно высокое дерево, наломал веток с ближайшего куста, сунул под куртку первый подвернувшийся под руку булыжник и полез наверх. Лезть на дерево было крайне неудобно. Одной рукой Мышелов прижимал меч в ножнах, другой ветви кустарника. Одеревеневшие от постоянной беготни ноги плохо слушались, но Мышелов карабкался наверх с упорством одержимого.

Добравшись почти до самой верхушки, Мышелов в считанные минуты свил себе меж ветвей уютное гнездышко, замаскировавшись самым тщательным образом. Убедившись, что укрытие достаточно надежное, Мышелов с облегчением перевел дух и позволил себе немного расслабиться.

Вновь Мышелов погрузился в черный колодец сна. Сна без сновидений. Снова черные тени порхали вокруг него, кружились в своем зачарованном танце.

Из забытья Мышелова вывели громкий топот и рычание. Серый осторожно выглянул из своего убежища — внизу, между деревьев, рыскал Северянин, точнее, его непомерно разросшееся тело. Он без устали вертел головой, зыркал по сторонам глазами, выискивая Мышелова.

А Мышелов, тем временем, притаился в гнезде на верхушке дерева, вытащив на всякий случай из-под куртки булыжник. Однако, Фафхрд, покружившись напрасно, устремился дальше в лес, рыча и выплевывая грязные ругательства.

Мышелов вытер выступивший на лбу пот. Надо было что-то срочно предпринять. Нельзя же вечно торчать в этом дурацком гнезде. Мышелов перебирал в памяти все известные, малоизвестные, а также совсем не известные методы борьбы с демонами. Однако, ни один из вариантов, каким бы соблазнительным он ни казался, осуществить Мышелову не удалось бы. Естественно, по причинам, совершенно не зависящим от него. Мышелову было до слез жалко бедного Северянина. Серый приуныл.

Вдруг вновь слышались чьи-то шаги. Мышелов насторожился. По звуку шагов было ясно, что это движется явно не здоровяк Фафхрд. Кто же это? Мышелов раздвинул ветви и глянул вниз.

По лесу пробирался какой-то сгорбленный старик с посохом в руке и в темном, расшитом странными узорами балахоне.

«Похож на колдуна», — подумал Мышелов.

Он извлек из ножен Скальпель и до пояса высунулся из своего гнезда, крикнув при этом:

— Приветствую тебя, почтенный старец!

Старик в балахоне дернулся, будто его огрели палкой. Увидев Мышелова, он поднял посох, как бы

защищаясь. Некоторое время они смотрели друг на друга молча, старик — снизу, а Мышелов — сверху.

Но вот старец успокоился, опустил посох и, пожевав губами, спросил неожиданно густым, низким голосом:

— Кто ты, незнакомец?

— Бедный странник, потерпевший кораблекрушение у этих берегов из-за ротозейства приятеля, — отвечивал Мышелов.

Видимо, тембр голоса Мышелова окончательно успокоил старца, и он подошел поближе к дереву, где расположился Мышелов.

— А что вы делаете на дереве, молодой человек?

— Прячусь, — последовал ответ.

— От кого?

Наверху помолчали немного, потом проговорили:

— От демона.

Старец с досадой ударил посохом об землю и воскликнул:

— Я так и знал. О боги, что я за растяпа, зачем нужно было творить заклинание на тыквенном поле. Позор на мою седую голову.

Мышелов моментально сообразил, что перед ним стоит тот самый чародей, о котором рассказывал демон и по вине которого сам Мышелов, как ворона, сидит на дереве, а его друг Фафхрд с выпученными глазами бегают по лесу и рычат на манер дикого зверя. Злоба перехватила горло Мышелова. Он решил сейчас же спуститься и пристукнуть мерзкого старикашку. Однако, здравый смысл подсказал Мышелову: раз чародей сумел вызвать демона, значит ему ничего не стоит водворить его обратно, и тем самым спасти несчастного Северянина.

Мышелов выбрался из гнезда, быстро спустился на землю и с некоторой опаской приблизился к колдуну. Старик улыбнулся:

— Вам нечего бояться, мой юный друг. Я не причиню вам зла. Тем более, что со мной рядом вы можете совершенно не бояться демона.

Мышелов, еще раз подавив острое желание снести чародею голову, галантно поклонился.

— Кстати, — продолжал колдун. — Вы упомяну-

ли о своем приятеле, по оплошности которого очутились на этом острове. Где же он?

Мышелов помялся, пожал плечами и ответил:

— Он где-то здесь, рядом бродит. Только встреча с ним не сулит нам ничего хорошего.

— Почему же? — удивился колдун. — Он что, пьян?

— Нет, — вздохнул Мышелов. — Если бы он был пьян, мы бы сейчас обнимались друг с другом, а не бегали бы, как дети, играя в догонялки. С ним приключилась беда. Демон вселился в него и нашептывает ему всякие гадости.

Сморщенное лицо старика вспыхнуло гневом:

— Это исчадь ада осмелилось вселиться в человека? Ему даром такие шутки не пройдут. Веди, мой юный, к своему приятелю.

Мышелов досадливо хмыкнул:

— Если б я знал, где он сейчас.

Но колдун уверенно двинулся вперед, бросив Мышелову:

— Ничего, мы его быстро отыщем.

Мышелову ничего не оставалось, как последовать за удаляющимся чародеем.

Они долго бродили по острову. Солнце уже клонилось к закату, когда Мышелову послышалось, что где-то рядом раздался голос Фафхрда. Так и есть! Колдун и Мышелов одновременно увидели сидящего на камне Северянина. Великан понуро опустил плечи, руки безвольно висели, будто Фафхрд только что бросил некую непосильно тяжелую ношу. Казалось, что Северянин разговаривает сам с собой, однако, внимательно прислушавшись, Мышелов догадался, что говорит не только Фафхрд, но и вселившийся в него Великий Пожиратель.

— Убирайся из моего тела вон! — твердил Северянин. Демон же скрипел:

— Упрямая скотина, поднимайся и иди искать своего дружка. Во-первых, я желаю отомстить за оскорбление, во-вторых, жутко хочу есть.

— Не пойду! — упрямо говорил Фафхрд. — Мышелов мой друг, и тебе, адское отродье, не удастся сломить мою волю.

— Удастся, еще как удастся. Ты собственноручно

выпотрошишь этого коротышку. Я заставлю твою жалкую душонку трепетать при одном звуке моего голоса, не будь я Великим Пожирателем.

— Ты Великий Слизняк и безобразный сын гие-ны, — неожиданно громко крикнул стоявший рядом с Мышеловом чародей и выступил вперед так, чтобы демон мог сразу его увидеть.

Северянин вскочил. На его лице отразились одновременно два чувства — радость и смятение человека и злоба демона. Из горла Фафхрда вырвалось низкое рычание, и демон, на мгновение подавив волю Северянина, проговорил:

— Ага! Сам пришел, не нужно плыть через море. Тем лучше, сейчас я раскрою твой облезлый череп.

Колдун даже бровью не повел. Он одной рукой высоко поднял посох, пальцы же другой руки сложил в замысловатую фигуру и прижал к груди. Затем властным голосом произнес:

— Повелеваю тебе, человеческое тело, стой и не двигайся. Стой и не двигайся! Демон из глубин преисподней, демон, которого зовут Великий Пожиратель, внимай мне. Я, колдун Зархабал, силою, данной мне богами, приказываю — покинь тело человека и изыди в адские пределы. Изыди!

Тут колдун запел заклинание на каком-то неизвестном Мышелову языке. Рычание демона усилилось, однако, усилился и голос колдуна. Казалось, противники состязаются в том, кто кого перекричит. Но Мышелову было не до смеха. Он увидел, как зашатался Северянин, как из глаз его брызнули слезы. Крик стоял ужасный. Демон рычал, колдун завывал свои заклинания. Мышелов не вытерпел, зажал уши и упал на землю. Последнее, что он увидел, была вспышка яркого, ослепительного света и тень Фафхрда, поднявшего вверх руки.

Мышелов пришел в себя, когда жуткие звуки давно уже прекратились. Он поднял голову и огляделся. Колдун сидел на камне и беседовал с Северянином. Этакая идиллия: убеленный сединами старец ведет неторопливый разговор с внимающим, затаив дыхание, учеником. Мышелов поднялся и осторожно подошел к говорящим. Вполне возможно, что демон победил

колдуна, подчинил его себе, и теперь они вдвоем только и ждут, чтобы наброситься на Мышелова.

Серый вслушался в разговор.

Фафхрд своим обычным голосом рассказывал чародею о недавних злоключениях на острове, о битве с демоном, о бегстве, о своем перевоплощении. Мышелов придвинулся ближе. Первым его заметил колдун:

— А, мой юный друг. Теперь уже все позади. Демон низринут в ад, и бояться больше нечего.

Чародей говорил таким ласковым, мягким голосом, что у Мышелова сразу улетучились все подозрения, и он пристроился рядом с Северянином.

Колдун вещал:

— Я совершил две ошибки, разложив магические фигуры на тыквенном поле и оставив в своей лачуге волшебный поднос для вызывания древних духов корней и трав. Тот самый, что Северянин принял за сковородку.

Фафхрд усмехнулся и ткнул сидящего рядом Мышелова в бок. Мышелов тоже улыбнулся. Спокойная, размеренная речь чародея настраивала душу на веселый лад.

— Ваше счастье, что я вовремя подоспел. Некое чувство подсказало мне, что демон не вернулся в преисподню, а спрятался где-нибудь. Скорее всего, в тыквенное зерно. И если зерно прорастет, и если на острове в это время окажутся люди, то жди беды. Тогда я быстро снарядил лодку, вложил в нее заклинание Тугого Паруса, и она стрелой домчала меня до острова. Что ж, впредь это послужит мне уроком. Надо быть внимательным и осторожным... Кстати, — обратился колдун к блаженно улыбающемуся Мышелову, — Фафхрд упомянул о каком-то вещем сне, который ты видел за несколько часов до появления Великого Пожирателя. Расскажи о нем подробнее.

Мышелов с удовольствием, в деталях и красках, описал увиденное им. Чародей слушал внимательно, Фафхрд же саркастически усмехался, тряс своими рыжими лохмами и только один раз, когда речь шла о том, как Мышелов обезвредил многоногое чудовище, казалось, заинтересовался.

— Я обдумаю этот сон на досуге. В нем есть

масса любопытных деталей, — произнес колдун, когда рассказ был закончен.

А Фафхрд ни с того ни с сего спросил:

— Скажите, на вашу лодку и сейчас действуют чары?

Колдун понимающе кивнул:

— Конечно, заклинание Тутого Паруса можно снять лишь другим, более сильным заклинанием Полного Штиля. Давайте не будем больше сидеть, а поскорее покинем этот злополучный остров. И все случившееся забудем, как ночной кошмар.

— Попробуемся... — как-то невнятно проговорил Северянин, и в глазах его мелькнул подозрительный огонек.

Выбравшись на берег, приятели и впрямь увидели небольшую, аккуратную шхуну с мачтой и опущенным парусом.

— Вот он, мой славный «Обгоняющий Ветер», — торжественно произнес чародей, указывая на судно.

— А как им управлять? — будто между прочим поинтересовался Фафхрд.

— Очень просто. Нужно только сказать «Вперед!», и судно само отправится в плавание. Ему не страшны ни бури, ни ураган, ни огромные волны.

— Понятно, — хмыкнул Северянин.

И вдруг, хлопнув себя по лбу, завертелся на месте и запричитал.

— Ах, я глупая голова! Ах, я разиня. Забыл, совсем забыл.

Мышелов отшатнулся от приятеля, решив, что демон опять вернулся из темной бездны. Колдун же участливо спросил:

— О чем вы забыли? Что-нибудь случилось?

Фафхрд в досаде топнул ногой и объяснил причину своего поведения:

— Когда я бегал по лесу, будучи одержимый демоном, то в момент просветления заметил на поляне, между камней деревянную статуэтку какого-то неизвестного божества. Теперь я вспомнил об этом и подумал, может быть, она вам пригодилась бы, эта статуэтка. Вот только возвращаться плохая примета!

На чародея было страшно смотреть. Он весь аж затрясся от возбуждения, будто жеребец, учуявший

в соседнем стойле незнакомую еще, молодую лошадку.

— Что ж ты молчал! Идем скорее, покажешь мне, где она лежит.

Фафхрд упрямо повторил:

— Возвращаться плохая примета.

Колдун нетерпеливо дернул Северянина за рукав.

— Идем. Я сотворю заклинание, отводящее беду, и все будет в порядке.

Фафхрд беспомощно посмотрел на Мышелова. Тот пожал плечами, как бы говоря — сам заварил кашу, теперь сам и расхлебывай. Северянин махнул рукой:

— Ладно, пойдем. Только вот еще что. Там колючий кустарник, а моя куртка изрядно поистрепалась. Не найдется ли у вас какой-нибудь накидки?

— Конечно, найдется, — засуетился колдун. Он метнулся к лодке и тотчас же вернулся обратно, протянув Северянину широкий плащ с капюшоном.

— Подойдет?

Северянин утвердительно кивнул и сунул плащ под мышку. Чародей, выказав неожиданную для старца его лет прыть, уже карабкался по склону, крикнув только:

— Мышелов, друг мой, подождите нас немного. Мы быстро вернемся.

Мышелов опять пожал плечами. Когда чародей и Фафхрд скрылись из виду, Мышелов от нечего делать забрался на судно, проверил снасти, тронул рулевое весло: все было на первый взгляд надежно пригнано, крепко сколочено, аккуратно увязано. Мышелов уселся на борт лодки, свесил ноги и замурлыкал песенку. В песенке говорилось, как воин, раненный в бою, был принят своими товарищами за убитого и оставлен на поле брани. Он долго лежал под бездонным ночным небом и ждал смерти. Но вот спустилась к нему златоликая богиня, омыла раны чудодейственным бальзамом, и воин поднялся на ноги. «Иди, — сказала ему богиня, — дома ждет твоя любимая.» Воин преклонил перед богиней колени и отправился домой. Нелегко был путь. В лесах на отважного рыцаря нападали чудовища, в болотах тянули в зыбкую бездну безобразные водяные, а когда...

Зашуршал песок. Мышелов встрепенулся и увидел возвращающегося Фафхрда. Северянин шел один.

— Эй! — крикнул Мышелов. — Где ты потерял старика?

Северянин как-то странно улыбнулся, но промолчал. Так же молча он забрался в лодку, сел рядом с Мышеловом и притих. Мышелов почуял неладное.

— Что случилось? — спросил Серый обеспокоенно, легонько толкнув молчащего Фафхрда. — Где колдун?

Северянин лениво поднял руку и махнул в сторону склона:

— Там...

— Где там? — не понял Мышелов.

— В лесу, — отозвался Фафхрд.

Мышелов подскочил так, будто ему на колени плеснули ведро крутого кипятка.

— Ты убил его! — закричал Серый, распаляясь. — Сознайся честно, убил? Мне тоже вначале пришла в голову такая мысль, но потом я вспомнил про тебя и отказался от мести. А ты, тупоголовый варвар, решил единолично стать и судьей, и палачом.

Фафхрд опять криво улыбнулся:

— Успокойся, не убивал я колдуна. Дело в том, что когда демон выскочил из моего тела, я было решил тут же расправиться с мерзким старикашкой. Как ни крути, это он виноват во всех наших бедах. И вообще, не люблю колдунов, ты же знаешь. Однако, чародей заговорил меня. Голосок у него был такой добрый, приветливый, что я сразу раскис. И только когда ты рассказывал свой сон, у меня созрел неплохой план. Помнишь, как ты расправился со псом-сороконожкой? Так же я поступил и с чародеем. Тюкнул я его рукоятью меча, наделал из плаща, который он мне дал, веревок и спеленал старикашку, как младенца, чтобы ни рукой, ни ногой не мог пошевелить, а рот заткнул кляпом. Потом подыскал подходящую рогулину, сунул колдуна туда башкой и расклинил, как полагается. Пусть теперь подумает на досуге, как выпускать на свет, не разобравшись, всякое отродье.

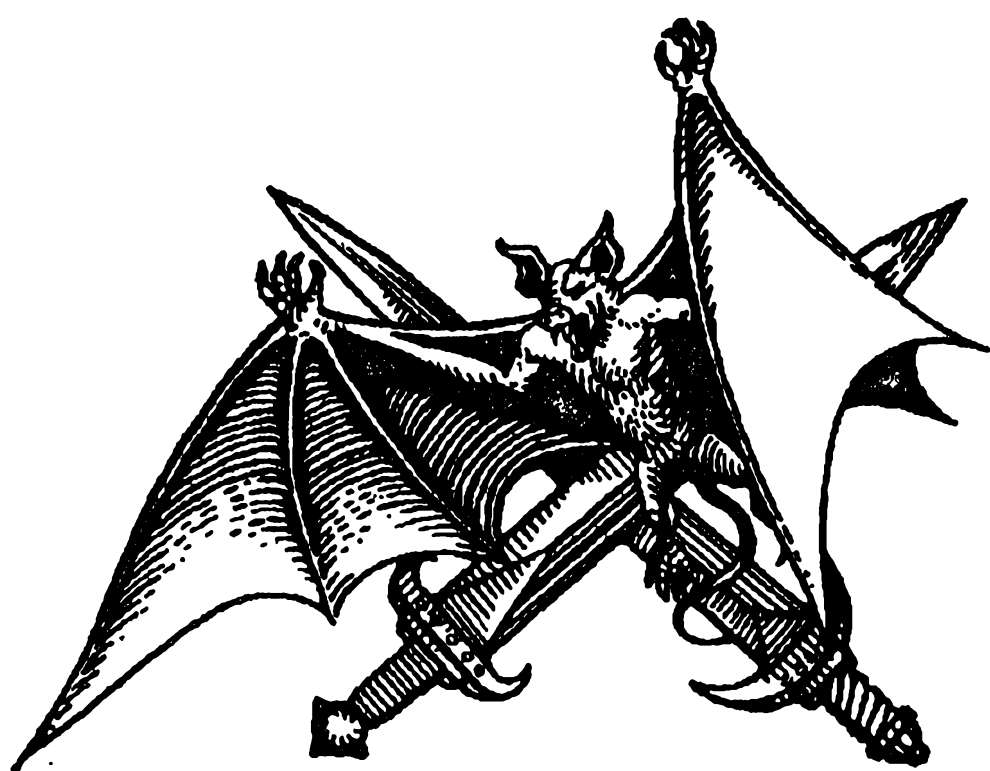
Мышелов долго молчал, потрясенный услышанным. Потом горько усмехнулся:

— Как же мы отчалим? Не собираешься же ты идти и снова освобождать чародея! Он тотчас превратит нас в какую-нибудь мерзость.

Северянин хлопнул приятеля по плечу:

— Ты забыл, что сказал колдун. Стоит только судну приказать «Вперед!», и оно донесет нас, куда мы сами пожелаем. Это называется Заклинание Тугого Паруса. А вообще... — Фафхрд смутился и сделал паузу. — Вообще-то мне хотелось сделать тебе приятное. Чтобы твой сон действительно стал пророческим. До конца.

ГАМБИТ ПОСВЯЩЕННОГО

1. Тир

Так уж случилось, что в тот момент, когда Фафхрд и Серый Мышелов развлекались в винной лавке вблизи сидонийского порта Тира, где все винные лавки имеют сомнительную репутацию, долговазая желтоволосая галатийская девица, сидевшая в развязной позе на коленях у Фафхрда, внезапно превратилась в громадную свинью.

Такое произошло впервые и было невероятно даже для Тира.

Брови Мышелова полезли вверх, когда галатийские груди, выставленные напоказ в вырезе критского наряда, превратились в гигантскую пару обвисших белых сосков, и Серый наблюдал все происходящее с неподдельным интересом. На следующий день четверо погонщиков верблюдов, которые пили только воду, дезинфицированную кислым вином, и два красноруких красильщика — дальние родственники хозяина, клялись, что никакого превращения не было вовсе и что они ничего сверхъестественного не видели, разве только чуть-чуть. Но три пьяных солдата Царя Антиохии и четыре их женщины, также как совершенно трезвый армянский фокусник расписывали событие во всех подробностях. Египетский контрабандист, торговавший мумиями, ненадолго привлек внимание заявлением, что необычно наряженная свинья была только видимостью или фантомом, и делал смутные намеки на видения божественных животных его родной земли, посещавшие людей, но, поскольку и года не прошло, как Селюсиды выбили Птолomeев из Тира, контрабандиста быстро заставили умолкнуть. Нищий странствующий пропо-

ведник из Иерусалима понес еще большую околесицу о видении видимости свиньи.

Однако у Фафхрда не было времени на такие метафизические тонкости. Когда, не думая о том, была ли свинья свиньей или только видением, он с воплем отвращения, смешанным с ужасом, отшвырнул пронзительно визжащее чудовище на середину помещения, так что оно шумно бухнулось в водоем, подняв множество брызг, и вновь обратилось в долговязую галатийскую девицу, притом очень сердитую, так как тухлая вода, в которой секунду назад барахталась свинья, промочила насквозь одеяния девицы, желтые волосы распустились и слиплись, а тесный кретанский лиф лопнул пополам, обнажив свободный от корсета бюст.

— Афродита, — только и смог пробормотать Мышелов.

Полуночные звезды заглядывали в отверстие в потолке над водоемом, а винные чаши наполнялись неоднократно, прежде чем ее гнев рассеялся. Затем, когда Фафхрд вновь запечатлевал предваряющий дальнейшее ухаживание поцелуй на ее жарких губах, он опять почувствовал, как губы подруги стали слюнявыми, а между ними Фафхрду померещились клыки. На этот раз девица вскочила сама, с достоинством амазонки прошествовала прочь, протиснувшись между двумя винными бочонками, не обращая внимания на пронзительные крики, возбужденные возгласы и одурманенные взгляды, всем своим видом показывая, что это просто часть грубой мистификации, которая зашла слишком далеко. Она задержалась только на миг на темном замызганном пороге и стремительно метнула оттуда в Фафхрда маленький кинжал, который Северянин рассеянно отбил вверх своим медным кубком, так что клинок угодил прямо в рот деревянного сатира на стене, придав ему вид сосредоточенно ковыряющего в зубах.

Что-то похожее на задумчивость появилось в зеленоватых, цвета морской воды глазах Фафхрда. Он не торопясь рассматривал одного за всегда винной лавки за другим, исподволь изучая лица. В некоторой неуверенности его взгляд задержался на высокой темноволосой девушке, сидевшей за водоемом, и, наконец, обратился к Мышелову. Здесь он остано-

вился, и в нем определенно появилось выражение явной подозрительности.

Мышелов скрестил руки, вздернул свой курносый нос и парировал взгляд со всей насмешливой обходительностью партийского посла. Внезапно он обернулся, обнял и поцеловал косоглазую греческую девушку, сидящую рядом, ни слова не говоря, ухмыльнулся Фафхрду, стряхнул со своей одежды из грубоотканого серого шелка сурьму, ссыпавшуюся с век девицы, и снова скрестил руки.

Фафхрд начал мягко постукивать дном своей чашки по ладони. Его широкий туго затянутый кожаный пояс, мокрый от пота, который также пятнами расплывался по белой полотняной тунике, слегка поскрипывал.

Между тем, передаваемые приглушенными голосами предположения по поводу личности того, кто наслал порчу на галатийку, клубились вокруг столов и, хоть и неопределенно, но стали вертеться вокруг высокой темноволосой девушки, возможно потому, что она сидела одна поодаль и не могла присоединиться к подозрительному шушуканью.

— Она странная, — шептала Мышелову косоглазая гречанка по имени Хлоя. — Ее называют Молчаливой Саламациейкой, но мне удалось узнать, что ее настоящее имя Ахура.

— Персиянка? — спросил Мышелов.

Хлоя пожала плечами.

— Она здесь уже несколько лет, хотя никто не знает точно, где она живет и чем занимается. Она была веселой болтливой малышкой, хотя никогда не имела обыкновения уходить с мужчинами. Однажды она дала мне амулет, чтобы он защитил меня от кого-то, как она сказала — я ношу его до сих пор. Но потом она на какое-то время исчезла, — словоохотливо продолжала Хлоя, — и когда вернулась обратно, то была уже в точности такой, какой ты ее видишь сейчас, — молчаливой, со стиснутыми, как створки раковины, ртом и выражением глаз, как у тех, кто выглядывает из пролома в стене публичного дома.

— О, — сказал Мышелов.

Он рассматривал темноволосую девушку с одобрением и сочувствием и продолжал это занятие, даже

когда Хлоя стала теребить его за рукав. Хлоя мысленно выругала себя за то, что по глупости привлекла внимание мужчины к другой.

Фафхрда не отвлек этот эпизод. Он продолжал внимательно рассматривать Мышелова с каменной пристрастностью целой аллеи Египетских колоссов. Котел его гнева дошел до кипения.

— Подонок, отягощенный разумом культуры, — сказал он, — я считаю верхом предательства то, что ты решил испытывать твое тошнотворное колдовство на мне.

— Помягче, ты, ублюдок, — промурлыкал Мышелов. — Такие неприятности приключались до тебя и с другими. Среди них были пылкий ассирийский военачальник, чья любовница обернулась в постели пауком. А бурный эфиоп, который обнаружил себя болтающимся в воздухе в нескольких ярдах от земли и целующим жирафа? Воистину для того, кто знает литературу, нет ничего нового в анналах магии и чудес.

— Кроме того, — упрямо продолжал Фафхрд приглушенным голосом, отчетливо слышным в тишине, — я считаю добавочным предательством то, что ты занимался своими свинскими проделками в тот момент, когда я получал удовольствие и ни о чем не мог больше думать.

— Даже если бы я захотел чинить препятствия твоему разврату колдовскими чарами, — рассуждал Мышелов, — я не думаю, что стал бы превращать женщин неизвестно во что.

— Кроме того, — продолжал Фафхрд, наклонившись вперед и положив руку на большой меч в ножнах, лежавший на скамье, — я считаю неумным и оскорбительным для себя то, что ты выбрал для своих шуток галатийскую девушку, принадлежащую к расе, которая родственна моей собственной.

— Это не в первый раз, — заключил Мышелов напыщенно, со значением, запустив пальцы в складки своей одежды, — когда я вынужден бороться с тобой из-за женщины.

— Но это будет первый раз, — подтвердил напористо Фафхрд даже с еще большей напыщенностью, — когда тебе придется бороться со мной из-за свиньи!

С минуту он сохранял воинственную позу, привычавшись, с выдвинутой вперед челюстью и сощуренными глазами. Затем он начал смеяться.

О смехе Фафхрда надо говорить отдельно. Это было нечто.

Смех Фафхрда — явление особое. Он начинался с шумного фыркания, затем прорывался через стиснутые зубы и переходил в серию сотрясающих все тело сдавленных всхлипываний, быстро разрастающихся в хохот, который понуждал Северянина искать опоры, широко расставляя ноги и закидывая голову назад, как будто он стоял против штормового ветра. Это был смех волнуемого бурей леса или моря, смех, который вызывал в воображении всевозможные видения, казалось, принесенные из буйных первобытных времен. Это был смех древних Богов, обзирающих свое создание — человека, и не знающих еще своих просчетов, упущений и ошибок.

Губы Мышелова начали судорожно подергиваться. Его лицо исказила гримаса, он старался не заразиться этим смехом. Затем он присоединился к нему.

Фафхрд остановился, тяжело отдуваясь, схватил кувшин с вином и осушил его.

— Свинячья проделка! — проревел он, и все началось сначала.

Подонки общества Тира таращили на двух приятелей глаза с удивлением — пораженные, охваченные благоговейным страхом. Их воображение смутно будоражилось происходящим.

Однако среди них была одна, чью реакцию следовало отметить особо. Это была темноволосая девушка, которая пристально рассматривала Фафхрда с выражением странной смеси голода, отстраненного любопытства и расчета.

Мышелов заметил ее и прервал смех, наблюдая. Хлоя мысленно как следует шлепнула себя по подошвам обнаженных, переплетенных ремешками сандалий ног.

Смех Фафхрда постепенно затих. Северянин выдал его остатки беззвучно, выровнял дыхание и засунул большие пальцы рук за пояс.

— Появились предрассветные звезды, — прокомментировал он Мышелову, задрав голову, чтобы

взглянуть в отверстие в потолке, — нам пора отправляться на дело.

Без лишней суеты он и Мышелов покинули лавку, отпихнув со своего пути вновь прибывшего и очень пьяного купца из Пергама, который в замешательстве тупо смотрел им вслед, как будто пытаясь решить, были ли они высоким богом и его щуплым служителем, или маленьким колдуном и мускулистым гигантским, таким управляемым автоматом, слепо выполняющим приказания.

Если бы этим и кончилось, Фафхрду не понадобилось бы и двух недель, чтобы прийти к убеждению, что случившееся в винной лавке было всего лишь пьяным видением, которое привиделось, правда, сразу нескольким людям — совпадение, казавшееся ему, между прочим, очень странным. Но это было не так.

«Дело» обернулось намного более запутанным, чем ожидалось, так как разрослось из простой аферы сидонийских контрабандистов в блестящую интригу, связанную с цилисийскими пиратами, похищением Каппадокийской принцессы, поддельным кредитным письмом от имени сиракузского ростовщика, сделкой с торговцем женщинами, встречей, обернувшейся засадой, несколькими бесценными драгоценностями из Египетских гробниц, которых никто никогда не видел, и бандой идумийских разбойников, которые прибыли верхами из пустыни, чтобы расстроить расчеты всех и каждого.

Фафхрд и Серый Мышелов вернулись в мягкие объятия и сладкое многоязычие портовых обольстительниц. И свинячья проделка повторилась с Фафхрдом опять. Но на этот раз она закончилась поножовщиной с теми, кто думал, что спасают хорошенькую битинийскую девушку от смерти в соленом растворе на руках кровожадного рыжеволосого гиганта — Фафхрд настоял на погружении девушки после ее превращения в большую бочку раствора, оставшегося от солонины.

Происшествие подсказало Мышелову план, которым он так никогда и не поделился с Фафхрдом. План заключался в следующем: нанять добродушную девушку, пусть Фафхрд превратит ее в свинью, тут же продать ее мяснику, затем перепродать влюбчивому купцу, когда она разозленная покинет сбитого

с толку мясника, после этого Фафхрд должен прокрасться к купцу и снова превратить ее в свинью (на этот раз это должно быть сделано просто взглядом), затем продать ее другому мяснику и начать все сначала. Низкие цены, быстрая нажива.

Какое-то время Фафхрд упрямо продолжал подозревать Мышелова, который дилетантски занимался черной магией и постоянно носил серую кожаную сумку, наполненную причудливыми инструментами из карманов чародеев, и заумными книгами, награбленными из халдейских библиотек. Правда, долгий опыт общения показал Фафхрду, что Мышелов редко читал систематически и не шел в своих изысканиях дальше предисловий большинства своих книг, хотя часто разворачивал последние, особенно вновь добытые, под аккомпанимент острых насмешек и пытливых взглядов. Знал Фафхрд и то, что Мышелов никогда не был способен получить одинаковые результаты дважды, проводя свое колдовство. То, что ему удалось превратить двух любезных Фафхрду особ подряд, было маловероятно; и совсем уже было немислимо, что он смог получить каждый раз именно свинью. Кроме того, такое случилось уже более двух раз и ни разу не сорвалось. Главное же было в том, что Фафхрд в действительности не верил в магию и меньше всего — в магию Мышелова. Если у Северянина и оставались какие-то сомнения, то они рассеялись, когда черная с атласной кожей египетская красавица превратилась в гигантскую улитку в тесных объятиях Мышелова. Отвращение Серого к еле различимым следам слизи на его шелковой одежде не могло быть фальшивым и не уменьшилось, когда два свидетеля — странствующие лошадиные лекари — принялись уверять, что не видели никакой улитки — ни гигантской, ни обыкновенной. Они пришли к заключению, что Мышелов страдает каким-то неясно проявленным видом белой горячки, которая явилась причиной галлюцинации животных, посещающих свои жертвы. Кстати, лекари готовы были предложить редкое мидийское лекарство по договорной цене девятнадцать драхм за кувшин.

Ликование Фафхрда по поводу замешательства его друга продолжалось недолго, так как после ночи безудержного экспериментирования, которое, по

чьим-то словам, можно было проследить от сидонийского порта до Храма Мелкара в виде целой полосы следов улилок, поставившей на следующее утро в тупик всех жен и половину мужей в Тире, Мышелов обнаружил нечто, что он подозревал все время, но надеялся, что это не было полной правдой, а именно: одна только Хлоя не поддавалась странному колдовству, которое несли его поцелуи.

Нет необходимости говорить, что это чрезвычайно понравилось Хлое. Высокомерное самоуважение за-сверкало, подобно двум скрещенным мечам, в ее раскосых глазах, и она приложила не что-нибудь, а дорогостоящее душистое масло к своим бедным мысленно кровоточащим ступням — и не только в переносном смысле, так как она быстро сделала капитал из своего положения путем вымогательства достаточного количества золота из Мышелова, чтобы купить раба, обязанности которого были совсем не обременительны. Она больше не старалась отвлекать внимание Мышелова от других женщин, более того, она наслаждалась, поступая наоборот. Поэтому в следующий раз, когда они неожиданно встретились с темноволосой девушкой, которую называли по-разному: то Ахурой, то Молчаливой Саламациейкой; столкнувшись с ней у входа в таверну под названием «Морская Раковина Марекс», Хлоя по собственной воле выдала полную информацию.

— Знаешь, Ахура не так уж невинна, несмотря на то, что она из себя строит. Однажды она пошла с одним стариком — это было еще до того, как она подарила мне амулет, а раз, я слышала, как разодетая персидская госпожа кричала на нее: «Что ты сделала со своим братом?» Ахура не отвечала, но посмотрела на женщину так холодно, как змея, и немного погодя персиянка убежала. Брр! Видел бы этот взгляд!

Но Мышелов притворился, будто бы его это не интересует.

Фафхрд несомненно мог так же пользоваться услугами Хлои, вежливо попросив ее об этом, и та была бы рада таким образом расширить и укрепить свой контроль над обоими. Но гордость Фафхрда не позволила ему принять подобную любезность от своего друга. В последние дни он редко пользовался

такой возможностью, более того, он бранил Хлою как ущербную неаппетитную особу, не видящую дальше своего носа.

Поэтому он волей-неволей вел монашескую жизнь и сносил презрительные женские взгляды за столом в питейных заведениях, а также разгонял раскрашенных мальчиков, которые ошибочно понимали его женоненавистничество. При этом он очень негодовал на разрастающийся слух о том, что он стал евнухом и тайным служителем Сивиллы. Сплетни и предположения уже фантастически исказили истинную причину того, что случилось, и этому помогало то, что девицы, которые подвергались превращению, отрицали это из страха навредить своему промыслу. Некоторые считали, что Фафхрд совершил отвратительный грех скотоложества, и настаивали на его публичном обвинении в суде. Другие считали его счастливым, которого посетила богиня любви в образе свиньи, и Северянин после этого отвергал всех земных девушек. В то же время находились такие, кто шептал, что он брат Цирцеи и что он имел обыкновение пребывать на плавающем острове в Тиррейском Море, где содержал целое стадо прекрасных загубленных девственниц, безжалостно превращенных им в свиней. Его смеха уже не было слышно, и темные круги появились у него под глазами. Он начал осторожные расспросы среди колдунов и заклинателей в надежде найти какой-нибудь целительный амулет.

— Думаю, я нашел средство от твоего постыдного нездоровья, — сказал беспечно Мышелов однажды ночью, лежа с потертым коричневым папирусом. — Взгляни на этот, никому не известный трактат, — «Наука о демонах Исаяи бен Эльшаз». Кажется, какие бы изменения ни происходили во внешнем виде женщины, которую ты любишь, ты должен продолжать это делать, полагаясь на то, что сила твоей страсти вновь придаст ей прежний вид.

Фафхрд перестал точить свой громадный меч и спросил:

— Тогда почему ты не пробовал целовать улиток?

— Это было бы противоестественно, к тому же, для того, кто свободен от варварских предрассудков, всегда есть Хлоя.

— Ба! Ты ходишь с ней, чтобы сохранить самоуважение. Я знаю тебя. В течение семи дней ты думаешь только об этой девушке — Ахуре.

— Милая крошка, но не в моем вкусе, — сказал Мышелов холодно. — Это на твой взгляд она яблоко раздора. Однако, ты действительно должен испытать мое лекарство. Я уверен, тебе станет так хорошо от него, что все свиноматки в мире будут визжать по тебе.

После чего Фафхрд треснул Мышелова и последовала драка, которая не кончилась, пока Серый не был полузадушен, а одна из рук Фафхрда не была вывернута способом, известным выходцам из стран, расположенных где-то далеко на Востоке.

Однако Фафхрд зашел так далеко, что решил держать на расстоянии вытянутой руки следующую свинью, которую создала его загнанная внутрь страсть. Северянин угощал ее пойлом в надежде достигнуть чего-нибудь добротой. Но в конце концов, был вынужден признать поражение и успокоить рассерженную до истерики скифскую девушку, у которой разболелся желудок, серебряными дидрахмами с изображением совы. Плохо осведомленный о происходящем, любознательный молодой греческий философ сказал Северянину, что душа или внутренняя форма вещей, будучи любимой, становится единственной ценностью, в то время как внешняя форма в конечном счете не имеет никакого значения.

— Ты принадлежишь школе Сократа? — мягко спросил Фафхрд.

Грек кивнул.

— Сократ был философ, который мог выпить неограниченное количество вина, не моргнув глазом?

Снова быстрый кивок.

— Это было возможно, потому что его рациональная душа возобладала над животным духом?

— Ты эрудит, — отвечал Грек, сопровождая слова более уважительным и быстрым кивком.

— Не совсем так. Следуешь ли ты во всем своему учителю?

На этот раз быстрая реакция Грека сыграла с ним дурную шутку. Он кивнул и...

Через два дня друзья выносили его из винной

лавки. Они нашли философа спящим, словно в колыбели, в разбитой винной бочке, — этаким появившийся необычным образом новорожденный. В течение тех дней, когда Грек оставался пьяным, было достаточно времени, чтобы возникла маленькая секта верующих в новое перевоплощение Диониса. Секта распалась, когда философ наполовину протрезвел и получил предсказание своего оракула, который предупреждал его от греха пьянства.

В утро, после обожествления неосторожного философа, Фафхрд проснулся, когда первые горячие солнечные лучи коснулись плоской крыши, которую он и Мышелов выбрали, чтобы провести ночь. Без звука, подавляя желание стонами воззвать к кому-нибудь, умоляя купить ему мешок снега у покрытых белыми головными уборами ливанцев (над которыми солнце щурилось даже в столь ранний час), чтобы охладить голову, которая трещала от боли, Северянин приоткрыл один глаз и увидел то, что по своему опыту и ожидал увидеть: Мышелова, сидящего на корточках и смотрящего на море.

— Сын колдуна и ведьмы, — сказал Фафхрд. — Кажется, мы снова должны прибегнуть к нашему последнему средству.

Мышелов не повернул головы, а только через силу кивнул один раз.

— В первый раз мы чуть не потеряли свои жизни, — продолжал Фафхрд.

— Во второй раз мы отдали свои души Неким Созданиям, — вступил Мышелов, как будто приятели пели утреннюю песнь Изис.

— И в последний раз мы провалились в Дыру.

— Он может втравить нас в такую пьянку, что мы не проснемся следующие пятьсот лет.

— Он может послать нас на смерть и мы не воплотимся вновь в течение следующих двух тысяч лет, — продолжал Фафхрд.

— Он может показать нам Пана или предложить нас Старым Богам, или послать нас назад в Ланкмар, — заключил Мышелов.

В течение нескольких минут они молчали.

Затем Серый Мышелов прошептал

— Тем не менее, мы должны навестить Нингобля Семиглазого.

И он говорил искренне, поскольку, как предполагал Фафхрд, его душа парила над морем в мечтах о темноволосой Ахуре.

2. Нингобль

Итак, они пересекли снежный Ливан и украли трех верблюдов, добродетельно выбрав для ограбления богатого землевладельца, который заставлял своих арендаторов извлекать выгоду из скал и заседал побережье Мертвого моря. Ведь было бы неблагоразумным появляться перед Болтуном и Посредником Богов с чрезмерно грязной совестью. После семи дней мотания вверх-вниз по пустыне, днях, проведенных как в топке и заставивших Фафхрда проклинать богов огня Муспельхейма, в которых он не верил, друзья достигли Песчаных Волн и Великих Песчаных Смерчей. Включившись в их ленивое вращение, они осторожно сползли вслед, и, наконец, вскарабкались на Скалистый Островок. Мышелов, любящий города, держал напыщенные речи по поводу предпочтения, отдаваемого Нингоблем «захолустной дыре в пустыне», хотя он подозревал, что Сплетник и его агенты передвигались по более гостеприимной дороге, чем та, что была предусмотрена для визитеров, и хотя, также как Фафхрд, Серый знал, что Собиратель Слухов (особенно лживых, которые чрезвычайно ценны) должен жить в такой же близости к Индии и безграничным, покрытым садами, землям Желтых Людей, как к варварской Бретании и марширующему Риму, также близко к затуманивающим небеса испарениями транс-Эфиопским джунглям, как к тайне одиноких плато и достигающих звезд гор за Каспийским Морем.

Предвкушая самое необычное, они привязали своих верблюдов, взяли факелы и бесстрашно вошли в Бездонные Пещеры, так как любая опасность при посещении Нингобля не была столь велика, как мучительное очарование его советов, дразнящих лож-

ными надеждами и завлекающих каждого следовать по любому пути для их осуществления.

Тем не менее Фафхрд сказал:

— Землетрясение поглотило дом Нингобля, и он застрял у него в глотке. Ему теперь и не икнуть.

В то время, когда они переходили Колышущийся Мост, перекинутый через Яму Окончательной Правды, которая могла поглотить свет десять тысяч факелов и остаться ничуть не менее черной, они встретили и медленно двинулись за невозмутимым человеком в шлеме, в котором они узнали посыльного мингола, путешествующего с дальними поручениями. Благополучно перейдя мост, они гадали, был ли он тоже гостем Сплетника или шпионом — у Фафхрда не было веры в ясновидение семи глаз. Он утверждал, что это было просто мошенничеством, бутафорией, чтобы внушать благоговение дуракам, и что информированность Нингобля объяснялась тем, что сведения собирались целой армией разносчиков, в том числе и сплетен, сводников, рабов, мальчишек, евнухов и повивальных бабок, численность которых превышала великие армии дюжины королей.

Наконец они увидели слабый отблеск на сталактитовом потолке. Источник света располагался где-то высоко над их головами. Немного погодя они уже взбирались по направлению к нему по Лестнице Ошибок, представляющей скопление крупных каменных глыб. Фафхрд одолевал подъем крупными шагами, Мышелов — прыгая по-кошачьи. Маленькие создания суетились у их ног, задевали их плечи в медленном полете или таращили желтые, полные жадного любопытства глаза из расщелин и с выступов скал. Их число увеличилось, это значило, что они приближались к Разорителю Архивов. И действительно вскоре, не потратив много времени на поиски, они уже стояли перед Великими Вратами, верхняя часть которых, обитая железными заклепками, отражала свет крошечного огня. Однако не это сооружение интересовало их, а находившийся при нем страж — чудовищно пузатое существо, сидящее на полу за обширной грудой черепков. Движения существа проявлялись лишь в потирании того, что с большой натяжкой можно было принять за руки. Он держал их под потрепанным просторным плащом.

капюшон которого скрывал голову. К плащу под капюшоном прицепились две крупные летучие мыши.

Фафхрд прочистил горло.

Движение под плащом прекратилось.

Затем сверху, извиваясь, появилось нечто, напоминающее змею, только на месте головы у нее был светящийся драгоценный камень с темным пятном в центре. Несмотря на сходство со змеей, это можно было принять также за экзотический цветок на толстом стебле, лениво раскачивающийся в своей изысканности. Он неустанно поворачивался в разные стороны, пока не устоялся на двух прищельцев. Тогда он укрепился, и его выпуклое окончание, казалось, засверкало еще более ярко. Послышалось низкое гудение, и еще пять таких же стеблей быстро вывернулось из-под капюшона и выстроилось в линию с первым. После этого шесть черных зрачков раскрылись.

— Толстопузый торговец слухами! — нервно приветствовал его Мышелов. — Ты никак не можешь обойтись без этих театральных представлений с прятками и подглядыванием.

Никто никогда не мог совершенно преодолеть некоторую первоначальную неловкость при встрече с Нингоблем Семиглазым.

— Неужели все-таки настало время, — голос из-под капюшона тонко вибрировал. — И вы перестали меня морочить, потому что, помнится, вы достали мне нерожденного упыря, чтобы я мог расспросить о его родителях. Служба мне не была обременительной, только развлекаться на мой счет; и клянусь именем Невидимого Бога, я переплатил за это в двадцать раз.

— Чепуха, Повитуха Секретов, — возразил Мышелов, выступая вперед по-свойски с обычной для него веселой дерзостью. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что в глубине твоего громадного брюха ты дрожишь от желания поймать шанс выложить твои познания двум таким почтительным слушателям, как мы.

— Это также далеко от истины, как я от Секрета Сфинкса, — отозвался Нингобль, при этом четыре его глаза следили за продвижением Мышелова, один наблюдал за Фафхрдом, в то время как шестой обернулся назад вокруг капюшона, чтобы выглянуть

с другой стороны, подозрительно рассматривая, что находится за ними.

— Но, Древний Сплетник, я уверен, ты был ближе к Сфинксу, чем любой из ее каменных любовников. Похоже, она получила свою пустяковую загадку из твоего великого запаса.

Нингобль заколыхался, как желе, на эту угодливую лесть.

— Как бы там ни было, — просвистел он, — сегодня я в веселом расположении духа и готов подставить ухо для ваших вопросов. Но помните, что почти наверняка это будет очень трудно для меня.

— Мы знаем твою великую изобретательность перед лицом непреодолимых препятствий, — ввернул в ответ Мышелов в подходящих к случаю успокоительных тонах.

— Почему твой товарищ не подходит ко мне? — спросил Нингобль, внезапно снова приходя в раздражение.

Фафхрд ожидал этого вопроса. Его природе всегда была противна необходимость делать вид, что они близкие свойственники с тем, кто называл себя Всемогушим Волшебником или Сплетником Богов. И то, что Нингобль позволил двум своим летучим мышам, которых он называл Хагин и Манин, неприкрыто пародировать воронов Одина, свешиваться со своих плеч, было уже слишком для Северянина. Здесь задевались не столько религиозные, сколько патриотические чувства Фафхрда. Он верил в Одина только в моменты сентиментальной слабости.

— Я подойду не раньше, чем ты убьешь этих летучих мышей или по крайней мере стряхнешь их, — решительно сказал Фафхрд.

— Сейчас я ничего не скажу тебе, — обидчиво ответил Нингобль, — поскольку, как все знают, мое здоровье не допускает перебранки.

— Но, учитель Лжи, — замурлыкал Мышелов, метнув убийственный взгляд на Фафхрда, — это действительно достойно сожаления, особенно потому, что я мечтал попотчевать тебя замысловатой скандальной историей, которую наложница сатрапа Филиппа, которую он посещает по пятницам, утаивала даже от своей рабыни, ухаживающей за ее телом.

— Ну ладно, — уступил Многоглазый, — все равно в это время Хагин и Манин должны кормиться.

Летучие мыши неохотно расправили крылья и лениво полетели в темноту.

Фафхрд встряхнулся и двинулся вперед под испытующими взглядами всех шести глаз, которые сам Северянин считал хитро управляемыми мирионеточными сферами. Седьмого глаза никто никогда не видел, во всяком случае не хвастался, что видел, за исключением Мышелова, который утверждал, что это был второй глаз Одина, украденный у прозорливого Мимира. И говорил он это не потому, что верил, а с целью поддразнить своего товарища Северянина.

— Приветствую тебя, Змеиные Глаза, — загремел Фафхрд.

— О, это ты, Махина? — сказал беззаботно Нингобль. — Садитесь оба и разделите со мной тепло моего скромного очага.

— Неужели нам не будет позволено переступить за Великие Ворота и насладиться легендарным комфортом вместе с тобой?

— Не смейся надо мной, Серый. Всем известно, что я бедный убогий Нингобль.

Пришлось Мышелову со вздохом устраиваться на корточках, так как он хорошо знал, что больше всего на свете Сплетник ценил репутацию нищеты, воздержанности, смирения и бережливости. Поэтому он и играл роль своего собственного привратника, за исключением определенных дней, когда Великие Врата приглушали звяканье нечестивых цитр, сладострастное завывание флейт и хихикание тех, кто позировал в представлениях теней.

Но сейчас Нингобль жалобно кашлял и, кутаясь в плащ, грелся у костра. Казалось, его била дрожь. Тени слабо трепетали на железе и камне, а маленькие создания сползались с тихим шорохом, тараща глаза и настораживая уши. Поверх этой копошащейся массы, ритмично раскачиваясь на извивающихся стеблях, пульсировали глаза. Время от времени Нингобль подбирал как будто наугад черепок из громадной кучи и бегло просматривал нацарапанное на нем замечание или высказывание, не нарушая при этом ритма раскачивания глазных стеблей, и, очевидно, не прерывая нити своих размышлений и наблюдений.

Как только Фафхрд заговорил, Нингобль быстро перебил его:

— Итак, дети мои, вы хотели рассказать мне что-то касающееся Наложницы по Пятницам.

— О да, Мастер Лжи, — торопливо прервал Мышелов, — касающееся не столько наложницы, как трех евнухов-жрецов Сивиллы и девушки рабыни из Самоса — афера в хорошем вкусе, удивительно сложная и запутанная. Ты должен дать мне отсрочку, чтобы я мог собраться с мыслями и переварить ее в уме. Я хочу подать ее тебе, сняв даже легчайшие следы жира преувеличений, со всеми пряностями истинных деталей.

— А пока мы ждем, чтобы котелок Мышелова вскипел, — между прочим сказал Фафхрд наконец, подключаясь к разговору, — ты можешь развлечься, если дашь нам совет по поводу одного пустякового затруднения. — И Северянин представил краткий отчет о мучающем двух друзей колдовстве с наведением порчи на девушек, становящихся свиньями или улитками.

— И ты говоришь, что Хлоя оказалась устойчивой перед колдовством? — осведомился Нингобль, в раздумьи метнув черепок в дальнюю часть кучи. — Это наводит на мысль...

— Чрезвычайно своеобразное замечание. Это из окончания четвертого послания Диотима к Сократу? — живо перебил Мышелов. — Я не прав, Отец?

— Нет, — холодно осадил Нингобль. — Я как раз собирался закончить, когда этот клещ интеллекта вцепился в шкуру моего разума. Должно существовать нечто, окутывающее Хлою защитным покрывалом. Не знаете ли вы какого-нибудь бога или демона, под особым покровительством которого она находится? Может быть, это какое-либо заклинание или руна, которую она обычно бормочет, или примечательный талисман — брелок или амулет, который она имеет обыкновение носить или рисует на своем теле?

— Она упоминала одну вещь, — неуверенно признался Мышелов, помедлив минуту. — Амулет, данный ей несколько лет назад одной Персиянкой или греко-персидской девушкой. Без сомнения это пустяк, не имеющий значения.

— Несомненно. Итак, когда случилось первое превращение в свинью, смеялся ли Фафхрд своим знаменитым смехом? Да? Это было неумно, как я предупреждал вас много раз. Для связи со Старыми Богами достаточно заявить о себе слишком громко. И тогда вы можете быть уверены, что какой-нибудь жадный, готовый на все ловец из преисподней...

— Но как мы можем быть связаны со Старыми Богами? — спросил Мышелов нетерпеливо, хотя не без надежды. Фафхрд только проворчал что-то насмешливо.

— Это дела, о которых лучше не говорить, — провозгласил Нингобль. — Был ли там кто-нибудь, кто проявил особый интерес к Фафхрдову смеху?

Мышелов колебался. Фафхрд кашлянул. Мышелов, побуждаемый таким образом, признался:

— О, там была девушка, которая возможно была чуть более внимательна к реву Северянина, чем другие. Девушка Персиянка. Действительно, как я теперь вспоминаю, та самая, что дала Хлое амулет.

— Ее зовут Ахурой, — сказал Фафхрд. — Мышелов влюблен в нее.

— Выдумка! — смеясь, возразил Мышелов, исподтишка буравя Фафхрда предостерегающим взглядом. — Я могу заверить тебя, Отец, что она очень скромная, застенчивая, глупенькая девушка, которая никоим образом не может быть связана с нашими неприятностями.

— Конечно, раз ты говоришь так, — заметил Нингобль ледяным тоном. — Однако я могу сказать вам не так уж мало: тот, кто вас так бесчестно околдовал, является, насколько он может быть причислен к роду человеческого, мужчиной...

Мышелов почувствовал облегчение. Ему было неприятно думать, что темноволосая гибкая Ахура могла быть подвергнута допросу особыми методами, которые, как известно, применял Нингобль. Серого раздражала его собственная неловкость в попытке отвлечь внимание Нингобля от Ахуры. Там, где была замешана она, его оставляли ум и остроумие.

— ...и Посвященным, — заключил Нингобль.

Мышелов вздрогнул. Фафхрд простонал:

— Снова?

— Снова, — подтвердил Нингобль. — Хотя почему, охраняемые своей связью со Старыми Богами, вы должны были вызвать интерес этих наиболее трудных для понимания и восприятия созданий, я не могу предположить. Это люди, которые всегда стараются оставаться в тени. Они ищут...

— Кто же они? — не вытерпел Фафхрд.

— Спокойнее, ты, Крушитель Риторики. Они ищут тени и воистину для хороших целей. Они великолепные дилетанты высокой магии, презирающие ее практическое завершение и заботящиеся только об удовлетворении своей ненасытной любознательности. И поэтому они опасны вдвойне. Они...

— Но как его зовут?

— Тихо ты, Попирающий Прекрасные Фразы. Они по своему неустрашимы, безбожно олицетворяя себя с неизбежностью и питая лишь презрение к Полубогине Случая, Бесенку Удачи и Демону Неизбежности. Короче, они враги, перед которыми вы определенно должны трепетать и чьей воле вам следует неукоснительно подчиняться.

— Но его имя, Отец, его имя! — не выдержал Фафхрд, а Мышелов с вновь вернувшейся к нему дерзостью пошел напролом, — это же Сабихун, не так ли, Отец?

— Не так. Сабихун невежественный рыбак, простолудин, который унаследовал близлежащий берег дальнего озера и поклоняется скотскому богу Вина, отрицая всех других.

Ответ развеселил Мышелова, так как кому как не ему было знать, что Сабихуна он выдумал сам тут же на ходу.

— Нет, его имя... — Нингобль сделал паузу и начал хихикать. — Я забыл, что не должен ни при каких обстоятельствах называть вам его имя.

Фафхрд разъяренно подпрыгнул.

— Что?

— Да, дети, — сказал Нингобль, внезапно делая свои стебли-глаза вызывающе жестокими, суровыми и непреклонными. — И более того, я должен сказать, что ни в коем случае не могу помочь вам в этом деле...

Фафхрд сжал кулаки.

— ...и я очень рад этому...

Фафхрд выругался.

— ...так как мне кажется, что не могло быть продумано более подходящего возмездия за ваше отвратительное распутство, которое я так часто оплакивал.

Рука Фафхрда потянулась к рукоятке меча.

— ...действительно, если бы от меня зависело подвергнуть вас наказанию за ваши многочисленные пороки, я бы выбрал то же самое колдовство...

Теперь он уже зашел слишком далеко, Фафхрд зарычал:

— О, так это ты сам стоишь за всем этим! — И вырвав из ножен меч, начал медленно подступать к закутанной в плащ фигуре.

— ...Да, дети мои, вы должны принять свой жребий без сопротивления или горечи.

Фафхрд продолжал надвигаться.

— Гораздо лучше вам было бы удалиться от мира, как я, и посвятить себя размышлениям и покаянию...

Меч, поблескивающий в свете огня, был на расстоянии всего лишь одного ярда...

— Гораздо лучше было бы вам жить без соблазнов и этих перевоплощений, каждому поодиночке, окруженному своим преданным стадом свиней или улиток...

Меч коснулся ветхого одеяния.

— ...посвящая оставшиеся вам годы развитию лучшего понимания между человечеством и низшими животными. Однако...

Нингобль вздохнул, и меч задержался...

— ...если ваше намерение бросить вызов этому Посвященному все еще твердо, что является безрассудной храбростью, то оно сопряжено с такими обязательствами, выполняя которые вы поседеете, и, между прочим, это будет причиной вашей смерти.

Фафхрд опустил меч. Тишина в черной пещере становилась гнетущей и угрожающей. Затем голосом, раздающимся как будто издалека и кроме того, резонирующим, подобно звукам, издаваемым статуями Мемнона в Фивах, когда первые лучи утреннего солнца падают на них, Нингобль заговорил:

— Какие-то смутные видения приходят ко мне в беспорядочном хороводе, как сцены в испорченном зеркале. Тем не менее они появляются и поэтому:

прежде всего, вы должны достать несколько пустяковых вещей. Покров Аримана из потаенной гробницы около Порсиполиса.

— А что ты скажешь о проклятых меченосцах Аримана, Отец? — вставил Мышелов. — Их двенадцать. Двенадцать, Отец, и они беспощадны.

— Не думаешь ли ты, что я ставлю проблемы для щенков, вроде команды «взять!» или «назад!»? — просипел Нингобль сердито. — Далее: во-вторых, вы должны добыть толченую мумию Фараона — Демона, который правил в течение трех не вошедших в историю полуночей после смерти Эхнатона.

— Но, Отец, — запротестовал Фафхрд, слегка краснея, — ты знаешь, кто владеет этой мумией, и что она потребует от любой пары мужчин, посетивших ее.

— Ш-ш. Я старше тебя на целую вечность, Фафхрд! В-третьих, вы должны заполучить чашу, из которой Сократ пил яд, в-четвертых, — сорвать побег с первого Древа Жизни, и наконец... — Он заколебался, как будто память изменила ему, вытащил какой-то обломок из кучи и прочел на нем: — И наконец вы должны найти женщину, которая придет, когда будет готова.

— Какую женщину?

— Женщину, которая придет, когда будет готова. — Нингобль швырнул назад обломок, вызвав небольшой оползень черепков.

— Пропадите же пропадом, кости Локи! — выругался Фафхрд.

А Мышелов сказал:

— Но, Отец, ни одна женщина не приходит, когда она готова. Она всегда ждет.

Нингобль, усмехнувшись, вздохнул:

— Не падайте духом, дети. Давал ли когда-нибудь ваш добрый друг Сплетник простые советы?

— Нет, — сказал Фафхрд.

— Итак, имея все эти вещи, вы должны пойти в Затерянный Город Аримана, который лежит где-то на востоке — даже шепотом не называйте его.

— Кхатти? — прошептал Мышелов.

— Нет, Мясная муха. В конце концов, почему ты прерываешь меня, когда должен заниматься тяжелой работой восстановления в памяти всех деталей

скандала Наложницы по Пятницам, трех жрецов-евнухов и рабыни из Самоса?

— О, действительно, Шпион Неупомянутого, я тружусь над этим до полного изнеможения, почти свихнулся, и все из любви к тебе.

Мышелов был рад вопросу Нингобля, потому что забыл о трех евнухах, что было очень опрометчиво, так как никто, будучи в здравом рассудке, не пытался обмануть Болтуна, лишив его даже самой малости из обещанной дезинформации.

Нингобль продолжал:

— Достигнув Затерянного Города, вы должны разыскать разрушенную черную гробницу и поставить женщину перед большим надгробием, закутать ее в саван Аримана и дать ей выпить толченую мумию из отравленной чаши, разбавив вином, которое вы найдете там, где возьмете мумию. Дадите женщине в руку ветку с Древа Жизни. После этого ждите.

— А потом? — недовольно прогромыхал Фафхрд.

— Тут зеркало становится грязно-рыжим, как будто оно покрылось ржавчиной. Дальше я ничего не могу различить, кроме того, что кто-то вернется из места, которое он покинет незаконно, и что вы должны опасаться женщины.

— Но, Отец, все это рытье в отходах колдовской мишуры слишком хлопотно, — возразил Фафхрд. — Почему бы нам не пойти сразу в Затерянный Город?

— Без карты на саване Аримана? — прожужжал Нингобль.

— Ты все еще не можешь назвать нам имя Посвященного, которого мы ищем? — отважился Мышелов. — Или хотя бы имя женщины? Действительно, щенячьи проблемы. Мы даем тебе суку, Отец, и ко времени, когда ты ее возвращаешь — она уже ощенилась.

Нингобль покачал головой так незаметно, как никогда, и шесть глаз втянулись под капюшон, став единым зловещим лучом. Мышелов почувствовал, как по спине побежали мурашки.

— Почему это, Торговец Загадками, ты всегда говоришь нам только половину того, что знаешь? — сердито выдавил Фафхрд. — Может, ты надеешься,

что наши клинки в последний момент ударят вполсилы?

Нингобль хихикнул.

— Это потому, что я знаю вас слишком хорошо, Дети. Если бы я сказал на одно слово больше, Махина, ты мог бы начать размахивать своим громадным мечом — и при том не против того, кого надо. А твой товарищ из породы кошачьих начал бы выдумывать всякие детские колдовские приемы — колдовство скверного мальчишки. Тот, кого вы так опрометчиво решились искать, не простое существо, но тайна, не целостная личность, а мираж, камень, присвоивший кровь и плоть жизни, ночной кошмар, вырвавшийся на волю из оков сна.

На минуту показалось, будто нечто, очень далекое от этой, погруженной во мрак пещеры и ожидающее неизвестно чего, дрогнуло. Затем все успокоилось.

Нингобль промурлыкал удовлетворенно:

— А теперь у меня есть свободная минутка, которую в угоду вам я проведу, подставив ухо, чтобы послушать одну забавную историю. Мышелову, я вижу, не терпится рассказать ее мне.

Выхода не было, и Мышелов начал, объяснив вначале, что только на первый взгляд история касается наложницы, трех жрецов и девушки-рабыни. Глубинная же суть в основном, хотя и не в целом, относится к четверем имеющим дурную репутацию служительницам Иштар, а также карлику, который был облагодетельствован ими с избытком как бы в компенсацию за его ущербность.

Огонь стал угасать, и маленькое, похожее на лемура создание вползло медленно и незаметно, чтобы подбросить дров.

И потянулись часы, так как Мышелов всегда воодушевлялся своими рассказами. Были моменты, когда глаза Фафхрда вылезали из орбит от удивления, или когда пузо Нингобля колыхалось, как маленькая гора при землетрясении. Вдруг, внезапно, и по всей видимости, где-то в середине повествования, рассказ иссяк, подобно иноземным музыкальным шедеврам.

Затем прозвучали слова прощания, последние воп-

росы остались без ответов, и два страждущих посетителя отправились в обратный путь той же дорогой, которой пришли. А Нингобль начал сортировать в уме детали истории Мышелова, оценивая их еще выше оттого, что знал — это импровизация, а его любимая пословица была: «Тот, кто лжет артистично, подбирается к истине ближе, чем он может представить».

Фафхрд и Мышелов почти достигли дна лестницы из валунов, когда услышали слабое постукивание и, повернувшись, увидели Нингобля, вглядывавшегося вниз через край и подпирающего себя чем-то напоминающим трость. Постукивал он второй такой же палкой.

— Дети, — позвал он, и его голос был тонким, как нота одинокой флейты в Храме Ваала, — мне пришло в голову, что некто в отдаленных пространствах испытывает потребность в вас. Вы должны тщательно охранять то, что обычно не нуждается в защите.

— Слушаем, Отец Мистификаций.

— Вы позаботитесь об этом? — донесся проказливый голосок эльфа. — Ваше существование зависит от этого.

— Да, Отец.

Нингобль махнул палкой и заковылял прочь. Маленькие порождения вечной тьмы сопровождали его, то ли для того, чтобы отчитаться и получить приказания или только с целью доставить хозяину удовольствие своими тихими ласковыми прикосновениями. Впрочем, об этом можно только гадать. Некоторые говорили, что Нингобль был создан Старыми Богами, чтобы люди хоть иногда вспоминали о них. Тем самым, видимо, они хотели возбудить людское воображение для раздумий над еще более сложными загадками. Никто не знал, обладал ли Нингобль даром предвидения, или просто устанавливал место и время будущих событий с такой сбивающей с толку ловкостью, что только Эфрит или Посвященный мог уклониться от игры и той роли, которая ему навязывалась.

3. Женщина, которая пришла

После того, как Фафхрд и Серый Мышелов выбрались из Бездонной Пещеры на поверхность, залитую слепящим солнечным светом, их след теряется. Материал об этом путешествии растерян летописцами, так как друзья были героями, имевшими слишком дурную репутацию даже для классического мифа. Кроме того, они были слишком независимыми, чтобы позволить себе ни с того, ни с сего войти в анналы истории, слишком изворотливы и хитры, чтобы доставлять удовольствие какому-нибудь борзописцу. Слишком часто друзья сталкивались с подонками общества, сущими дьяволами, к тому же лишенными духовного сана. Колдунами и развенчанными богами, — этакое «дно» сверхъестественного. И вдвойне трудно становится соединить в единое целое их происхождения в те дни, когда они занимались воровством. Здесь нужны осторожность, сохранение тайны, действия втихомолку и беззастенчивое запутывание следов. Однако время от времени можно натолкнуться на следы, которые друзья оставили за собой...

Например, спустя столетие жрецы Аримана воспевали, будучи, однако, слишком образованными, чтобы верить в это самим, чудо похищения Ариманом своего собственного священного и столь чтимого савана. Однажды ночью двенадцать проклятых меченосца видели, как грубо размалеванный каракулями саван поднялся, подобно снопу паутины, выше роста простого смертного. Однако то, что находилось внутри кокона, выглядело вполне человекообразно. Затем сам Ариман говорил из савана, и слуги воздали ему почести, преклонив колена. Колдун ответил невразумительной притчей и в конце концов удалился из тайной усыпальницы гигантскими шагами.

Проницательнейший жрец, живший веком позже, заметил:

— Я бы сказал, человек на ходулях, или еще иначе — один мужчина на плечах другого.

Затем произошли события, которые Никри — рабыня-массажистка, имеющая дурную репутацию Вероломной, пересказывала повару, ставя ему примочки на синяки и кровоподтеки, полученные во время последней взбучки. Разговор шел о двух незнаком-

цах, посетивших ее хозяйку, и о пирушке, которую хозяйка устроила им. Девушка рассказывала, как незнакомцы сбежали от черных турецких евнухов с кривыми саблями, призванных хозяйкой, чтобы убить гостей после попойки.

— Это были колдуны, причем оба, — утверждала Никри, — так как в самый разгар дела они превратили мою госпожу в отвратительную свинью с витыми рогами. Ужасную химеру улитки и свиньи. Но хуже всего было то, что они украли хозяйкин сундук с любовными, возбуждающими винами. А когда хозяйка обнаружила, что исчезла и мумия дьявола, с помощью которой она надеялась возбудить страсть Птолемея, бедная женщина завопила от ярости и принялась колотить меня своей спинной щеткой. А это, признаться, очень больно!

Повар хихикнул.

Что до того, кто посетил Иеронимуса, жадного откупщика и знатока Антиоха, или под какой личиной это произошло, нельзя сказать ничего определенного. Однажды утром Иеронимуса нашли в сокровищнице, с окоченевшими конечностями, как будто он был отравлен ядом из боли-голова, а на его жирном лице застыло выражение ужаса. Знаменитая же чаша, которой он часто пользовался на попойках, исчезла, хотя на столе перед ним остались круглые отпечатки. Позднее Иеронимус пришел в себя, но никогда не заговаривал о случившемся.

Жрецы, которые ухаживали за Древом Жизни в Вавилоне, были чуть более общительными. Однажды вечером, сразу после заката, они увидели, как затряслись ветви на верхушке Древа, и услышали звуки обрубающего ветви ножа. Вокруг простирался заброшенный город, в котором не осталось ни души после того, как три четверти века тому назад жители были изгнаны в близлежащую Селеуцию, и только жрецы в великом страхе пробрались назад, чтобы выполнять свои священные обязанности. Они сразу же изготовились действовать: одни — лезть на Древо, вооружившись закаленными золотыми серпами, другие — чтобы стрелять снизу стрелами с золотыми наконечниками в любого богохульника, который был бы согнан сверху. Вдруг что-то большое, серое, напоминающее летучую мышь, устремилось вниз и

скрылось за зубчатой стеной. Конечно, если подумать, это мог быть закутанный в серое покрывало человек, раскачивающийся на тонкой упругой веревке. Но слишком много шептали о созданиях, хлопающих крыльями по ночам над развалинами Вавилона, чтобы жрецы отважились на преследование.

Наконец, Фафхрд и Серый Мышелов вновь появились в Тире, а неделей позже они были готовы приступить к последней стадии своих поисков. В самом деле они были уже за воротами, медля на примыкающей к берегу части Александрийского мола, который представлял собой гребень образовавшегося когда-то здесь перешейка. Оглядывая мол, Фафхрд вспоминал, как однажды случайный прохожий рассказывал ему историю о двух легендарных искателях приключений, которые здорово помогли пусть и предрешенной, конечно, заранее, успешной защите Тира от Александра Великого более сотни лет тому назад. Чем больше тяжелых каменных глыб швыряли на атакующие корабли, тем меньше оставалось работы с подпиливанием якорных цепей, удерживающих суда. Имена героев, как сообщил незнакомец, были Фафхрд и Серый Мышелов. Северянин никак не прокомментировал это.

День клонился к вечеру — хорошее время для передышки. Можно предаться воспоминаниям о прошлых шальных проделках и погрузиться в смутные размышления о том, что ждет впереди.

— Я думаю, любая женщина сделала бы это, — продолжил начатый спор Мышелов. — Нингобль просто старался замутировать воду. Давай возьмем Хлою.

— Если только она придет, когда будет готова, — сказал Северянин, улыбаясь.

Красновато-золотое солнце садилось в покрытое рябью море. Купцы, раскинувшие торговые палатки в начале мола, чтобы первыми потрошить откупщиков и оптовых торговцев, прибывающих из глубинных частей острова в базарный день, собирали товары и складывали под тенты и балдахины.

— Любая женщина очевидно придет, когда она будет готова, даже Хлоя, — отпарировал Мышелов. — Нам только следовало бы достать для нее шелковую палатку и обустроить ее красиво и приятно всякими милыми вещами. Совсем не трудно.

— Да, — сказал Фафхрд, — возможно мы и устроили бы это, если б не понадобилось больше одного слона на эти штучки.

Большая часть Тира вырисовывалась темным силуэтом на фоне заката, хотя кое-где крыши еще поблескивали, и золоченый пик Храма Мелкарса своим отражением в воде сливался с более широким, сверкающим следом заходящего солнца.

Полуразрушенный Фоеницийский порт, казалось, замер в дремотных воспоминаниях о былой славе, едва прислушиваясь к новостям последних дней о неумолимом продвижении Рима на восток, о первом поражении Филиппа Македонского в Битве с Собачьими Головами и теперешнем приготовлении Антиоха ко второму сражению, которому суждено было произойти, несмотря на поддержку Ганнибала, подошедшего из-за моря от павшей великой сестры Тира Карсаги.

— Я уверен, Хлоя придет, если мы будем ждать до завтра, — продолжал Мышелов. — Мы должны ждать в любом случае, потому что Нингобль сказал, что женщина не захочет прийти, пока она не будет готова.

Прохладный слабый ветерок донес запахи опустошенной заброшенной земли оттуда, где располагался Старый Тир. Купцы заторопились, некоторые из них уже направлялись домой вдоль мола, сопровождаемые рабами, издали похожими на горбунов и других деформированных уродов из-за поклажи на плечах.

— Нет, — сказал Фафхрд, — мы двинем. И если женщина не придет, когда она будет готова, тогда она не та женщина, которая придет, когда она будет готова. А если это та, она должна сначала впасть в дурное настроение, чтобы потом поднять его и сообщить, что она готова...

Три лошади искателей приключений беспокоились и неустанно перебирали ногами, а лошадь Мышелова тихо заржала. Только большой верблюд, на котором были навешаны бурдюки с вином, разные ящички и тщательно завернутое оружие, стоял неподвижно и угрюмо. И тут, случайно бросив взгляд на мол, Фафхрд и Мышелов заметили фигуру, которая двигалась против общего потока расходящихся по домам людей.

Приятели не страдали особой подозрительностью, но за долгие годы своей бурной жизни привыкли замечать любую возможность появления преследователей, несущих смерть. Последние могли принимать облик проклятых меченосцев, или черных евнухов с кривыми турецкими саблями, а то и Вавилонских жрецов с золоченым оружием. Вероятность благоклонного внимания личностей, подобных Иерониму-су из Антиоха, также должна была приниматься во внимание.

— Хлоя пришла бы на время, если б ты только помог мне уговорить ее, — убеждал Мышелов. — Ты ей нравишься, и я уверен, что она должна быть той самой, которую имел в виду Нингобль. Ведь у нее есть амулет против Посвященного.

Солнце превратилось в слепящую чешуйку на поверхности моря, затем погрузилось совсем. Все маленькие отблески и мерцания на крышах Тира погасли. Храм Мелкарса неясно вырисовывался на фоне гаснущего неба. Последние навесы и тенты были убраны, и большинство купцов были уже более, чем на половине пути вдоль мола. Только одна фигура все еще двигалась по направлению к противоположному берегу.

— Хватит тебе семи ночей с Хлоей? — спросил Фафхрд. — Потому что не ее ты будешь желать, когда мы убьем Посвященного.

— Все может быть, — резко перебил Мышелов, — но помни, что мы должны сначала поймать нашего Посвященного. И не только компания Хлои может помочь в этом.

Слабый крик, донесшийся через темнеющую воду, привлек внимание. Торговое судно под треугольным парусом пробиралось в Порт. На минуту приятелям показалось, что ближайший к берегу участок мола опустел. Затем фигура, движущаяся прочь от города, резко выделилась черным силуэтом на фоне моря. Легкая фигура, ненагруженная ношей, подобно рабам.

— Еще один глупец покидает славный Тир в неурочное время, — заключил Мышелов. — Только подумай, что значила бы женщина в тех холодных горах, куда мы с тобой направляемся, Фафхрд. Женщина, которая готовила бы лакомства, а потом била бы по лбу.

— Не о своем лбе ты думаешь, Малыш, — ответил Северянин.

Прохладный ветер повеял вновь, и слежавшийся утоптаный песок закрипел под его порывами. Тир, казалось, припал к земле, подобно зверю перед угрожающей темнотой. Наконец, купец достиг берега, торопясь, вероятно, чтобы найти какую-то потерянную вещь.

Фафхрд потрепал своего коня.

— Давай.

Мышелов поставил последнюю точку:

— Не думаю, чтобы Хлоя настаивала на желании иметь рабыню для умащивания ног маслом. Это можно устроить, если мы возьмемся за дело как следует.

Затем друзья увидели, что глупец, покидающий славный Тир, направляется к ним, и что это на самом деле женщина, высокая и стройная, завернутая в ткани, которые, казалось, плавились в убывающем слабеющем свете. Фафхрд обнаружил, что его одолевает сомнение, действительно ли женщина пришла из Тира, или возникла из какого-то воздушного царства, чьи обитатели осмеливаются появляться на земле только на закате.

Она продолжала приближаться легкой раскачивающейся походкой. Друзья увидели, что лицо незнакомки было светлым, а волосы — цвета воронова крыла. Сердце Мышелова сильно забилося. Он почувствовал, что ожидания сбылись превосходнейшим образом и что он стал свидетелем рождения Афродиты не из пены, а из сумерек, поскольку перед ними действительно стояла темноволосая Ахура из винной лавки. Девушка не смотрела больше с холодным застенчивым любопытством. Она улыбалась открыто с выражением неприкрытого страстного желания.

Фафхрд, которого также не обошли подобные чувства, медленно произнес:

— Значит, ты женщина, которая пришла, когда стала готова?

— Да, — весело добавил Мышелов.

— И знаешь ли ты, что через минуту могла бы уже не застать нас на месте?

4. Затерянный город

В течение следующей недели, проведенной в путешествии вдоль края пустыни строго на север, приятели узнали не намного больше о своей таинственной компаньонке, чем получили в обрывках малодоверной информации от Хлои. Когда ее спрашивали, почему она пришла, Ахура отвечала, что Нингобль послал ее, что Нингобль не имеет ничего общего с этим и что вообще это случайность. Якобы, умершие Старые Боги явились ей во сне и повелели отыскать брата, пропавшего в поисках Затерянного Города Аримана. Часто же единственным ее ответом было молчание, которое иногда казалось коварным, а временами таинственным. Вместе с тем, девушка стойко переносила лишения, оказалась неутомимой наездницей и не жаловалась на необходимость спать на голой земле, завернувшись только в плащ. Как перелетная птица, она стремилась к движению и по-видимому, даже больше, чем Фафхрд и Мышелов горела желанием продолжать путешествие.

Мышелов пользовался любым удобным случаем, чтобы оказать ей знаки внимания. Единственное, что сдерживало его усердие, был страх опять понежить в объятиях улитку. Однако через несколько дней, проведенных в приятных волнениях и терзаниях, он обнаружил, что Фафхрд увлечен не менее его самого. Очень скоро два товарища стали соперниками, состязающимися в том, кому первому предложить Ахуре помощь в тех редких случаях, когда она в ней нуждалась. При этом они старались превзойти друг друга в бесстыдно хвастливых рассказах о неслыханных приключениях и неукоснительно следя, чтобы другой не улучил момента остаться с Ахурой наедине. Никогда раньше в своей бурной жизни приятели не знали такого наплыва галантных чувств и не имели опыта их излияний. Они оставались хорошими друзьями и были уверены в этом, однако друзьями они сделались довольно мрачными — и это также было очевидно. А молчание Ахуры — лукавое или застенчивое — только подстегивало их.

Они перешли вброд Евфрат к югу от руин Карчемиша и вскоре достигли истоков Тигра, отклоняясь

к востоку и таким образом не следуя пути Ксенофона и Десяти Тысяч.

К этому времени натянутость в отношениях двух друзей дошла до предела. Однажды Ахура, пустив свою лошадь пощипать траву, находилась в некотором отдалении. Мужчины уселись на камень и заспорили, шепотом пеняя друг другу. Фафхрд предлагал, чтобы они оба прекратили ухаживания за девушкой до тех пор, пока их поиски не придут к концу. Мышелов же упорно отстаивал свое преимущественное право. Их перебранка шепотом достигла такого накала, что они не заметили белого голубя, устремившегося к ним с неба и севшего, хлопая крыльями, на руку Фафхрда, которую тот вскинул, чтобы подчеркнуть свою готовность отказаться от своих прав на девушку, если только Мышелов делает то же самое.

Фафхрд заморгал, выпучил глаза, затем отцепил клочок пергамента с ноги голубя и прочел: «В девушке таится опасность. Вы оба должны отказаться от нее».

Крошечная печать изображала семь переплетенных глаз.

— Именно семь, — заметил Мышелов. — Ха. Ай да скромница!

С минуту он молчал, пытаясь представить гигантскую паутину неведомых нитей, с помощью которых Сплетник собирал свою информацию и дирижировал всем.

Но эта неожиданная поддержка аргументов Фафхрда в конце концов принудила Серого к мрачному согласию. Приятели торжественно пообещали друг другу не предпринимать попыток к осуществлению чаяний, которые каждый из них лелеял. По крайней мере до того дня, как найдут и поквитаются с Посвященным.

Теперь они находились в безлюдьи, где уже не встречались караваны, на земле, подобной землям Ксенофона, где восход прохладен и мглист, полдень ослепителен, а сумерки полны предательских теней осторожных и кровожадных обитателей гор, приводящих на память повсеместно известные легенды о «маленьких людях» — полукошках, полусобаках. Ахура, казалось, ничего не подозревала о внезапном

прекращении «военных действий» по отношению к ней, оставаясь соблазнительно застенчивой и таинственной как всегда.

Однако, отношение к ней Мышелова с той поры претерпевало постепенное, но глубинное изменение. Было ли это результатом брожения его подавленной страсти или следствием более трезвой оценки сути явлений, когда голова уже не забита стряпней комплиментов и острот, но Серый начал все сильнее чувствовать, что Ахура, которую он любил, была только слабым отблеском, почти терявшимся на черном фоне неизвестного существа, которое ежедневно становилось все более загадочным, сомнительным и даже — в конце концов — отталкивающим. Мышелов помнил, что Хлоя называла Ахуру еще и другим именем. Каким-то странным образом в его размышлениях, которым он предавался на вынужденном досуге, это связывалось с легендой о Гермафродите, купавшемся в Каирском Фонтане и слившимся в единое целое с нимфой Салмации. Теперь при взгляде на Ахуру Мышелов замечал только алчные глаза, которые как будто исподтишка вглядывались в окружающее из щелей, глазниц. Мышелов стал обращать внимание на ее беззвучные хихиканья по ночам по поводу обета умерщвления плоти, данного самим Мышеловом и Фафхрдом. Мышелов сделался одержимым, причем в самом разном смысле этого слова. Он принялся подглядывать за девушкой, изучать выражения ее лица, будто надеясь таким образом проникнуть в ее тайну.

Фафхрд заметил это и сразу же заподозрил, что Мышелов замышляет нарушить данное слово. Северянин с трудом сдержал свое негодование и взялся наблюдать за Мышеловом так же внимательно, как тот следил за Ахурой.

Когда возникала необходимость добывать провизию, никто из них не хотел отправляться на поиски добычи один. Естественные дружеские отношения и доверие были нарушены. Однажды после полудня в то время, когда они пересекали тенистое ущелье, с неба упал ястреб и впился когтями в плечо Фафхрда. Северянин прикончил это создание, еще не успев заметить, что птица также принесла послание.

«Наблюдай за Мышеловом», — гласило оно.

Фафхрду было не до этого, из-за жгучей боли, причиненной когтями. Поскольку лошадь Ахуры, испуганная внезапным шумом, понесла наездницу прочь, Фафхрд имел время высказать Мышелову все свои подозрения и предупредил его, что любое нарушение их соглашения сразу положит конец дружбе и приведет к ужасному столкновению.

Мышелов слушал как во сне, все еще с тревогой наблюдая за Ахурой. Он хотел бы рассказать Фафхрду об истинных мотивах своего поведения, но сомневался, что сможет сделать это достаточно вразумительно. Кроме того, его задевала несправедливость осуждения. Поэтому когда страшный взрыв негодования Северянина улегся, Серый не счел нужным объясняться. Фафхрд же, расценив молчание как признание вины, тут же снова впал в ярость.

Теперь они приближались к той гористой, удобной для укрытия местности, откуда мидийцы и персы нападали на Ассирию и Халдею и где, если верить географии Нингобля, путешественники должны были найти затерянное логовище Владыки Вечного Зла. Вначале архаичная карта на саване Аримана больше морочила их, чем помогала, но спустя некоторое время намеки и указания Ахуры, свидетельствующие о ее странной осведомленности, кое-что прояснили. Это, в свою очередь, внесло ощущение перевернутости изображения, поскольку там, где пройденная местность давала основание ожидать седловину гребня, карта показывала теснину, а на месте предполагаемой горы изображалась долина. Если доверять этой карте, путники должны были достигнуть Затерянного Города уже через несколько дней.

Все это время Мышелова не оставляла его навязчивая идея. Он только продолжал укрепляться в ней, и, наконец, расплывчатая идея приняла поразительно определенную форму: Мышелов был уверен теперь, что Ахура — ... мужчина.

Очень странно, что интимность походной жизни и рьяная слежка самого Мышелова не дали конкретных доказательств или опровержений этого столь четко определившегося предположения гораздо раньше. Тем не менее, Мышелов, перебирая в памяти события, с удивлением сознавал, что ничего этого нет. Конечно, было очевидно, что формы и движения

Ахуры были чисто женскими, однако Мышелов помнил раскрашенных, с подложными округлостями, баловней, привлекательных без жеманства, которые подражали женственности весьма искусно. Как ни абсурдно, но это было именно так.

С этого момента не оставлявшее Мышелова любопытство стало «идеей фикс». Это причиняло ему мучительные страдания, и он удвоил свои мрачные наблюдения. К большому неудовольствию и ярости Фафхрда, Северянин с непредсказуемыми интервалами принимался похлопывать по рукояти своего меча, хотя это никогда должным образом не пугало Мышелова и не принуждало его отводить глаза. Каждый по своему оставался угрюмым и замкнутым, подобно верблюду, проявлявшему все более и более непреклонное нежелание участвовать в этой нелепой прогулке, которая уводит от полезной для его здоровья пустыни.

То были кошмарные дни для Серого.

Путники подошли совсем близко по мрачным теснинам в скалистых гребнях к тому месту, где должна была находиться с доисторических времен усыпальница Аримана. Фафхрд выглядел зловеще-угрожающим, белолицым гигантом, отдаленно напоминающим кого-то, кого Мышелов знал в реальной жизни. Все их поиски казались теперь слепым топтанием по самым тайным закоулкам сна. У Мышелова еще оставалось желание высказать Северянину свои подозрения, но он никак не мог заставить себя сделать это из-за их чудовищности и еще потому, что великан тоже любил Ахуру. И все это время Ахура ускользала от него — фантом, трепещущий за пределами досягаемости. Правда, когда Мышелов побуждал себя к сравнению, то понимал, что поведение девушки ни в чем не изменилось, за исключением какого-то трепетного стремления вперед, подобного ускорению корабля, приближающегося к родному порту.

Наконец, наступила ночь, Мышелов не мог более выносить своего мучительного любопытства. Он метался под тяжестью гнетущих снов, от которых никак не мог отделаться и, наконец, очнувшись, приподнялся на локте и огляделся, совершенно как то существо, по имени которого он был назван.

Было бы довольно холодно, если б не безветрие.

Костер догорел. Скорее в лунном свете, чем в отсветах от углей, Мышелов увидел взъерошенную голову Фафхрда и его локоть, торчащий из-под косматого плаща из медвежьей шкуры. Особенно ярко лунный свет освещал Ахуру, распростертую за потухшим костром. Ее тонкое лицо с закрытыми глазами было направлено прямо в зенит и, казалось, что она едва дышала.

Мышелов ждал долго, затем без единого звука откинул свой серый плащ, подобрал меч, обошел костер и встал на колени над девушкой. Какое-то время он бесстрастно изучал ее лицо. Но оно оставалось все той же маской Гермафродита, которая мучала Мышелова все часы его бодрствования — если бы к тому же он мог различить бодрствование и сон. Внезапно Серый обхватил девушку и резко провел руками вдоль ее тела. После этого он вновь замер. Затем безошибочными, как у лунатика, движениями, только еще более бесшумными, он стянул шерстяное покрывало, вытащил маленький нож из чехла, приподнял платье у шеи и очень осторожно, чтобы не задеть кожи, разрезал его в длину вплоть до колен, сделал то же самое с хитоном.

Груды белизны слоновой кости, которых по логике Мышелова не должно быть, тем не менее оказались на месте. И все же, вместо того, чтобы прийти в себя от ночных кошмаров, настроение Мышелова еще больше упало.

Случилось нечто, уже не поддающееся объяснению. Стоя на коленях и угрюмо изучая пикантные подробности, Мышелов знал совершенно определенно, что это, будто выточенное из слоновой кости тело, также как и бесстрастная маска лица, были только искусным подобием, созданным в целях, пугающих своей непостижимостью.

Веки слоновой кости не дрогнули, но уголки губ выражали то, что казалось Мышелову нарочитой, чуть заметной улыбкой.

Никогда еще он не был так крепко убежден, что Ахура — мужчина.

Позади затрещали угли.

Обернувшись, Мышелов увидел только вспышку сверкнувшей стали над головой Фафхрда. Северянин застыл на мгновение, как будто со сверхчеловече-

ским терпением, Боги давали своему созданию шанс перед ударом.

Мышелов вырвал свой собственный меч вовремя, чтобы отразить могучий удар. Два клинка сошлись от рукоятки до острия и зазвенели.

И в ответ на этот звон или, как бы возникнув из него и постепенно нарастая, с запада, из абсолютной тишины и спокойствия пришел чудовищный порыв ветра. Он швырнул Мышелова вперед, Фафхрда крутанул назад, а Ахуру перекатил через то место, на котором минуту назад были угли от костра. Также внезапно ветер утих.

Мышелов почувствовал, как нечто, похожее на летучую мышь, задело его лицо. Мышелов поймал на лету загадочный предмет. Но это оказалось не мышью и даже не большим листом. Это было похоже на папирус.

Угли, сдутые в заросли сухой травы, подожгли ее кое-где. В неровном свете Мышелов держал тонкий клочок папируса, который прилетел откуда-то из беспредельных просторов запада.

Ничего не соображая, он двинулся к Фафхрду, который выкарабкивался из низкорослого сосняка.

На клочке, поверх путаницы неразборчивой печати было что-то нацарапано большими буквами.

«Во имя любых богов, которых вы почитаете, прекратите ссору. Шагайте вперед немедленно. Следуйте за женщиной.»

Друзья ощутили, что Ахура стоит прямо за их спинами, разглядывая написанное. Луна ярко осветила окрестности, выскользнув из-за маленького темного облака. Ахура смотрела на приятелей, запахнув хитон и платье на груди и подпоясав их своим покрывалом. Они собрали лошадей, высвободили верблюда, завалившегося в заросли колючего кустарника, которым он, не взирая ни на что, пытался утолить свой голод, и отправились в путь.

После этого Затерянный Город нашелся подозрительно быстро, он выглядел как западня, или творение иллюзиониста.

Ахура указала на усеянный камнями утес. В следующий момент друзья увидели внизу узкую долину, забитую неестественно наклонившимися глыбами, от-

ливающими серебром в лунном свете. Резкая тень тянулась от каждого валуна.

С первого взгляда было очевидно, что называть это место «городом» нельзя. Конечно, люди никогда не жили в тех массивных каменных шатрах и хижинах, хотя они могли совершать там богослужения. Это было обиталище для Египетских колоссов, для каменных автоматов. Но у Фафхрда и Мышелова было мало времени, чтобы обозреть все как следует, так как без предупреждения Ахура прищипорила своего коня и пустилась вскачь вниз по склону, не разбирая пути и оскальзываясь на крутом спуске.

После этого был сумасшедший, как в опьянении, галоп. Их лошади — рвущиеся впереди собственной тени; верблюды — накренившееся привидение; леса грубо высеченных колонн; кривые, одиноко стоящие плиты, достаточно крупные, чтобы быть стенами дворцов, под сводами, пригодными для слонов. Все время следуя за неуловимым стуком копыт и не настигая его, всадники внезапно выскочили на открытое место, залитое лунным светом. С одной стороны возвышался громадный саркофагоподобный блок, на самый верх которого вели ступени. С другой располагался огромный, грубо обтесанный, напоминающий человеческую фигуру монолит.

Не успели друзья осмотреться, как увидели, что Ахура нетерпеливо жестикулирует. Они помнили наставления Нингобля, которые теперь стали проясняться. Поэтому сняли узлы и сундуки с дрожащего, вставшего как вкопанный, верблюда. Фафхрд развернул темную паутину савана Аримана и накинул его на Ахуру. Девушка безмолвно склонилась перед гробницей, ее лицо напоминало теперь мраморное изображение воплощенной готовности, как будто она превратилась в камень, подобно всему, находившемуся вокруг.

Мышелов открыл сундук из черного дерева, который приятели украли у Фальшивой Лаодис. Умиравшая луна висела над каменной пустошью. Тяжело и неуклюже пританцовывая в подражание служке-евнуху, Мышелов со всяческими ужимками расставил на плоском камне маленькие кувшинчики, баночки и крошечные амфоры, которые находились в

сундуке. При этом он пел соответствующим роли фальцетом:

Велик Сельюс, и стол хорош,
Накрыто так, что не уйдешь.
А отвалившись, наконец,
Дыханье в ритм вгоняя,
Заявит, как обычно он,
И тут недоедает.

Затем Фафхрд передал ему чашу Сократа и, все еще дергаясь и пискливо припевая, Мышелов отсыпал в нее порошок мумий, подлил вина, перемешал и, пританцовывая, приблизился к Ахуре, протягивая ей чашу. Девушка не шелохнулась. Тогда Мышелов приложил чашу к ее губам, и она стала жадно глотать питье, не отводя глаз от гробницы.

Фафхрд подошел с веткой от Древа Жизни. Ветвь все еще была поразительно свежей, с твердыми на ощупь листьями, как будто Мышелов срезал ее только минуту назад. Фафхрд мягко разогнул стиснутые пальцы Ахуры и вложил ветвь в ее ладони, сжав ей пальцы вновь.

Итак, они были готовы и ждали. Небо покраснело с края и казалось, стало даже темнее на какое-то время, звезды побледнели, и луна стала гаснуть. Возбуждающие сладострастие ароматы из расставленных сосудов, охладившись, уже не разносились предутренним бризом. Девушка же продолжала вглядываться в гробницу, а за ней, казалось, устремив взор в ту же точку, на подобие фантастической тени, принявшей преувеличенно угрожающие размеры, стоял человекообразный монолит. Он давно уже привлекал тревожное внимание Мышелова. Серый поглядывал на монолит исподтишка через плечо, не решаясь определить, было ли это делом рук первобытного человека или чем-то, что люди старательно испортили из-за того зла, которое было воплощено в камне.

Небо побледнело, и Мышелов начал различать чудовищные изображения, высеченные на стенах саркофага — мужские фигуры, подобные каменным колоннам, и животные, похожие на горы. Фафхрд же различал уже цвета листьев на ветке в руках Ахуры.

Затем произошло нечто поразительное. Моментально листья увяли и исчезли, а ветвь превратилась в

искривленную, почерневшую палку. В тот же миг Ахура затрепетала и стала еще бледнее. Эту бледность можно было сравнить лишь со снегом, Мышелову показалось, что вокруг головы девушки появилось прозрачное темное облако, а загадочный незнакомец, которого он ненавидел, вырвался из ее тела, как джин из бутылки.

Толстая каменная крышка саркофага тяжело загрохотала и начала подниматься. Ахура двинулась прямо к саркофагу. Мышелову показалось, что прозрачное облако влекло ее, как черный парус.

Крышка поднималась все выше, как будто разевалась верхняя челюсть каменного крокодила. Мышелову привиделось, что черное облако устремилось по направлению к расширяющейся щели, затягивая за собой белую легкую фигуру.

Крышка открылась широко. Ахура достигла вершины и затем то ли заглянула внутрь, то ли, как показалось Мышелову, была почти втянута туда вслед за черным облаком. Девушка сильно задрожала. Потом ее тело обвисло, как пустое платье.

Фафхрд заскрежетал зубами. Суставы запястий Мышелова хрустнули. Рукоятки их мечей, за которые они бессознательно схватились, впились в ладони, оставляя кровоподтеки.

В этот момент, подобно бездельнику после дня развлечений, проведенного в будуаре, или Индийскому принцу, утомленному скукой двора, или философу после шутливой проповеди, — из гробницы поднялась стройная фигура. Ее конечности были покрыты чем-то черным, тело — серебристым металлом, шелковистые волосы и борода были цвета воронова крыла. Но то, что прежде всего притягивало взгляд, подобно эмблеме на щитке, прикрывающем лицо воина, было переливающееся мерцание молодой оливковой кожи, серебристое поблескивание, которое заставляло вспомнить о рыбьем брюхе и одновременно о проказе... Что-то определенно знакомое было в этом лице.

Вот оно! В лице этого черно-серебристого незнакомца явственно проступали черты Ахуры.

5. Анра Девадорис

Положив свои длинные руки на край гробницы, пришелец окинул друзей приветливым взглядом и кивнул, как будто они были близкие друзья. Затем он легко перепрыгнул через каменную стенку и зашагал вниз по ступеням, наступая на покров Аримана.

Мечи привлекли его взгляд.

— Вы предчувствовали опасность? — спросил он, учтиво поглаживая бороду, которая по мнению Мышелова нигде не могла бы отрасти такой густой и шелковистой, кроме как в гробнице.

— Ты Посвященный? — прервал бородача Фафхрд, немного заикаясь.

Незнакомец не обратил внимания на вопрос и остановился, привлеченный забавно выстроенным набором сосудов с возбуждающими средствами.

— Дорогой Нингобль, — пробормотал он, — он воистину Отец всех семиглазых Личеров. Я полагаю, вы знаете его достаточно хорошо, чтобы понять, что он заставил вас принести эти игрушки, так как сам желает их иметь. Даже в своем состязании со мной он не может воздержаться от искушения попутно извлечь выгоду. Но возможно на этот раз старый сводник нечаянно подыграл судьбе. По крайней мере, будем надеяться, что это так.

И с этими словами он отстегнул свой пояс, на котором висел меч, и беспечно положил его рядом. Меч был удивительно изящным.

Мышелов пожал плечами и вложил в ножны свое оружие, но Фафхрд только зарычал.

— Ты мне не нравишься, — прогремел Северянин. — Это ты наслал на нас свинячье проклятье?

Незнакомец разглядывал его насмешливо.

— Ты ищешь причину, — сказал он. — Ты желаешь знать имя посредника некоей силы, который, как ты считаешь, оскорбил вас. Ты рассчитываешь дать волю своему гневу, как только узнаешь его. Но за каждой причиной есть другая, а за последним посредником есть еще один. Даже бессмертный не смог бы убить и части из них. Поверь мне, тому, кто прошел дальше, чем многие живущие, и у кого есть некоторый опыт преодоления особых препятствий на пути стремления жить за пределами своего черепа,

такой субъект возбуждает невероятную неприязнь. Я умоляю тебя подождать немного перед тем, как начать борьбу, также как я повременю с ответом на твой второй вопрос. Однако, то, что я Посвященный — признаю открыто.

При этом заявлении Мышелов почувствовал полусознанное желание ступить за пределы реальности и попробовать себя в колдовстве. Перед ним было редкое создание, на котором он мог испытать руну против Посвященных — одну из тех, что он хранил в своем дорожном мешке. Мышелов хотел было пробормотать заклинание на смерть с полужакрытым ртом, махнуть рукой, как того требует ритуал коловских жестов, поплевать или побрызгать на Посвященного и крутануться трижды на левой пятке. Но он предпочел подождать.

— Всегда легко болтать всякий вздор, — угрожающе проворчал Фафхрд.

— Но этим я и отличаюсь от вас, — откликнулся Посвященный почти с воодушевлением. — О некоторых вещах просто невозможно говорить, а другие настолько сложны, что человек изнемогает и умирает до того, как отыщутся нужные слова. Иногда нужно занимать фразы у неба, слова — из потустороннего мира. Все остальное — просто невежественное, опутывающее вас притворство.

Мышелов уставился на Посвященного, внезапно осмыслив чудовищное несоответствие — как если бы кто-то усмотрел намек на двурушничество в изгибе губ Солона, или трусость и малодушие в глазах Александра Великого, или слабоумие в лице Аристотеля. Хотя было очевидно, что Посвященный эрудирован, самоуверен и силен, Мышелов не мог не думать о нем как о ребенке — болезненно жадном до жизненного опыта, робком, патологически любопытном маленьком мальчике. И еще Мышелова смущало чувство, что именно в этом заключался секрет его столь долгого подглядывания за Ахурой.

Жилы вздулись на руке Фафхрда, в которой Северянин держал меч. Казалось, что он готов к самому энергичному и краткому ответу. Но вместо этого, Фафхрд вложил меч в ножны, подошел к девушке, взял на минуту ее запястье, затем закутал ее в свой плащ на медвежьем меху.

— Ее душа ушла совсем недалеко, — сказал Северянин. — Она скоро вернется. Что ты сделал с ней, ты, черный с серебряным, попугай?

— Какое это имеет значение, что я сделал ей? — резко, почти раздраженно возразил Посвященный. — Вы — здесь. И у меня есть к вам дело. — Он выдержал паузу. — Вот вкратце мое предложение: я делаю вас Посвященными, делюсь с вами всеми знаниями, которые вы способны объять своим сознанием, но при одном условии, — вы продолжаете подчиняться заклятиям, которые я наслал на вас и могу наслать в будущем, чтобы углублять наши познания. Что вы скажете на это?

— Подожди, Фафхрд! — вскричал умоляюще Мышелов, хватая товарища за руку. — Не бей пока. Давай рассмотрим предложение со всех сторон. Почему, великодушный чародей, ты выбрал нас для своих опытов и почему затащил нас сюда вместо того, чтобы получить ответ в Тире?

— Посвященным! — рычал Фафхрд, оттаскивая Мышелова. — Предлагать сделать меня Посвященным? И за это я должен буду продолжать целовать свиней! Пойди, плюнь в глотку Фенрира!

— Что касается причины, по которой я привел вас сюда, — сказал Посвященный холодно, — существует определенный предел моих способностей к передвижению, или, по крайней мере, к полнокровному общению. Кроме того, есть особая причина, которую я открою вам, как только мы заключим наше соглашение, хотя если сознаться, сам до сих пор ее не знал — это уже вы мне поспособствовали.

— Но почему выбор пал именно на нас? Почему? — настаивал Мышелов, пытаясь устоять, несмотря на усилия Фафхрда оттащить его.

— Некоторые причины, если проследить их достаточно глубоко, уводят нас за пределы реальности, — ответил черно-серебряный. — Я искал знание за порогом грез обычных людей, я осмеливался посягать на то, что лежит в темноте, обнимающей и мысли, и звезды. Но сейчас, находясь в середине спирали, в крошечной тьме этого страшного лабиринта, я внезапно обнаружил себя на конце своей нити. Деспотичные силы, которые, ничего не ведая, стоят на страже тайны вселенной. Не имея понятия о том, что

это такое, они заподозрили меня и идут по моему следу. Это подлые низкие стражи, среди которых Нингобль — обычный исполнитель. И он, и даже туманный символ Ормандз, расставили свои ловушки и построили преграды. Мои лучшие факелы уже потушены или еле теплятся. Я вынужден искать новые пути познания.

Широко открытые глаза Посвященного казались двумя громадными дырами в занавесе.

— Есть нечто в вашей внутренней сути, что вы или другие до вас сохранили неприкосновенным в веках. Нечто позволяет вам смеяться так, как смеются Старые Боги. Нечто заставляет вас видеть смешное в ужасе, отчаянии и смерти. Очень полезно было бы понять природу этого «нечто». Много выгод можно было бы извлечь, распутав природу этого мудреного «нечто».

— Наверное, ты считаешь нас вязаными шарфиками, которые твои коленые пальцы смогут распустить, — прорычал Фафхрд. — И ты надставишь веревку, на конце которой ты болтаешься, и спустишься до самого Нифлунхейма, верно?

— Прежде чем распускать других, Посвященный должен до конца распустить самого себя, — провозгласил незнакомец без тени улыбки. — Вам и неведомо сокровище, которое хоронится в вас нетронутым и бесполезным, или расточается в бессмысленном смехе. В нем заключено очень многое, множество структур, нитей судьбы, что ведут за небеса в невообразимые царства. — Голос его стал вкрадчивым, он заговорил быстрее. — Неужели вы не страждете понять, неужто вас не привлекает настоящее приключение, перед которым все остальное покажется детской игрой? Последуйте за мной, и боги станут вашими врагами, звезды — вашим кладом. Люди превратятся в послушный вам скот, лучшие из них станут псами в вашей своре. Целовать улиток и свиней? Это только пролог. Вы будете величественнее Пана, вы будете устрашать народы, вы сможете сделать с миром, что угодно, Вселенная убоится вашего алкания, но вы овладеете ею и повергнете ее. Этот предвечный смех даст вам мощь.

— Блюющий грязью сводник! Коростою губы твои покрыты! Заткнись! — проревел Фафхрд.

— Подчинитесь мне и моей воле, — продолжал Посвященный восторженно, губы его двигались так, что черная борода периодически подергивалась. — Зная причину вещей, мы сможем пытаться их и вить из них веревки. Развратом богов будем мостить путь по ветреным пучинам, пока не найдем того, кто сокрывает себя в бесчувственном черепе Одина, кто дергает за струны, движущие вашими и моей жизнями. Все знание будет принадлежать нам троим. Только отдайте свои воли, подчинитесь мне!

На миг Мышелова ослепило сверкание этих страшных чудес. Он пощупал бицепсы Фафхрда, — те стали мягче, словно и Северянин стал соглашаться с Посвященным, но тут же снова напряглись. Мышелов услышал, как гулкая тишина наполняется словами, слетающими с его собственных уст.

— Вы считаете, что поэтические фигуры могут скрыть от нас ваше отвратительное возбуждение? Думаете, нам есть дело до вашего окрыленного копания в дерьме? Фафхрд, этот краснобай меня оскорбил всей той гадостью, которую творил исподтишка. Надо только понять, кто из нас будет с ним разбираться. Давно мечтаю посмотреть, что у него внутри.

— Наверное, вы не понимаете, что я вам предлагаю, не понимаете подлинного великого значения этого дара. Разве у нас нет ничего общего?

— Только поле боя. Слушай, колдун, или зови своих демонов, или доставай свое оружие.

Неземная страсть поутихла, экстаз отхлынул от глаз Посвященного, оставив в них мертвенный покой. Фафхрд подбросил вверх кубок Сократа, что должен был определить их жребий. Кубок под чертыхания Фафхрда подкатился к Мышелову. По-кошачьи проворная рука тут же взялась за рукоять узкого меча, носившего имя Скальпель. Наклонившись, Посвященный на ощупь нашел свой пояс с ножнами и вынул тонкий, гибкий, как игла, клинок.

В алых лучах восходившего солнца неподвижно стоял он, худой и мрачный. Черный монолит, черты которого напоминали черты человеческие, стоял у Посвященного за спиной и казался его двойником.

Мышелов бесшумно извлек Скальпель из ножен, нежно провел пальцем по лезвию и вдруг заметил

надпись, сделанную на клинке черным карандашом: «Не одобряю предпринятого вами шага. Нингобль». Зашипев от ярости, Мышелов стер надпись и сосредоточил внимание на Посвященном, совершенно не замечая трепетных взоров Ахуры.

— Итак, мертвый колдун, — спокойно сказал он, — меня зовут Серый Мышелов.

— Мое имя — Анра Девадорис.

И тут Мышелов стал воплощать свой тщательно разработанный план: сделать два резких выпада и броситься, защищая себя мечом, на меч Посвященного. Последний согнется, и тогда можно будет поразить врага ударом в горло. Мышелов уже явственно различал реки крови, когда вдруг — на втором выпаде — увидел клинок Посвященного, что подобно стреле летел прямо в глаз. Напрягши мышцы живота, Мышелов резко ушел в сторону и наудачу парировал удар. Клинок Посвященного жадно хлестнул по Скальпелю и только поцарапал Мышелову шею. Сгруппировавшись, Мышелов восстановил равновесие. Стойка его была открытой, и только резкий прыжок назад спас его от второго коварного удара Анры Девадориса. Внутренне собравшись для встречи новой атаки, Серый изумленно разинул рот — впервые в жизни он встретился с человеком, обладавшим лучшей, чем у него самого, реакцией.

Фафхрд побледнел. Ахура же, слегка подняв голову от меховой накидки, улыбалась, поддавшись слабой и злой радости, радости откровенно зловещей, совершенно не похожей на прежние неуверенные проявления жестокости.

Анра Девадорис расплылся в улыбке и с отеческой признательностью кивнул Мышелову; тут же последовала его атака.

Теперь уже игла устремлялась вперед, подобно молнии. Скальпель отчаянно оборонялся. Мышелов уходил назад резкими уклончивыми шагами; лицо его покрылось потом, в горле пересохло. Сердце же ликовало, ибо никогда прежде Мышелов не сражался так умело — то, что происходило в то душное утро, когда он с мешком на голове разбирался со странно жестоким египтянином, похищавшим детей, по сравнению с этим боем было детской забавой.

Станным образом Серый почувствовал, что дни,

проведенные в слежке за Ахурой, теперь возмещаются ему.

Игла вновь метнулась к нему, и какое-то время Мышелов не мог понять, с какой стороны Скальпеля пришел удар, ему не оставалось ничего другого, как только прыгнуть назад, однако и это не спасло его от укола в бок. Он попытался ударить противника в руку и едва успел отдернуть собственную из-под ответного удара.

Полным злобы голосом, столь тихо, что Фафхрд едва слышал ее, а Мышелов не слышал вовсе, Ахура заговорила:

— Анра, вечно будут пауки своими легкими ножками досаждать твоей плоти?

Посвященный то ли на миг замешкался, то ли что-то чуть поугасло в его глазах. Но, как бы то ни было, у Мышелова и теперь не было возможности, которой он так искал, начать контратаку и выйти из сулящего смерть отступления. Как он ни старался, он не мог найти ни единой бреши в том сплетении ударов клинка, которыми сыпал противник. Лицо врага также не выражало ни малейшей слабости, глаза не выдавали его планов: ни нос, ни губы не говорили даже о малейшей тревоге, чего нельзя было сказать о Мышелове. Лицо Посвященного было бесчеловечно, безжизненно, словно маска механизма, сработанного каким-нибудь Дедалом, или несущего с собой проказу серебряного монстра, вышедшего из мифа. Словно машина, Девадорис черпал скорость и силу из того ритма, который лишал сил Мышелова.

Мышелов понял, что он должен нарушить этот ритм контратакой, любой контратакой, иначе он падет жертвой этих молниеносных атак.

Серый понял и то, что удобного момента для контратаки не будет и впредь, нет смысла ждать ошибки противника, а стоит рискнуть и напасть на него самому.

Горло его пересохло, сердце словно пыталось выпрыгнуть из груди, все тело пронзала боль, казалось, некий яд сковывает члены.

Девадорис сделал ложный выпад, намереваясь затем поразить Серого в лицо.

Одновременно Мышелов услышал голос Ахуры:

— Они оплетут паутиной твою бороду, а черви —

слышишь, Анра? — черви наслаждаются твоими срамными местами.

Мышелов рискнул, сделав ответный выпад, пытаясь ударить противника в колено.

Либо он выбрал подходящий момент, либо что-то помогло ему и пронесло смертельный удар мимо его головы.

Посвященный легко парировал удар Мышелова, но ритм его движений был нарушен, и реакция стала не столь молниеносной.

Но тут же резкость движений вновь вернулась к нему, однако и на этот раз Мышелов угадал направление удара.

И снова Ахура вернулась к устрашающему глумлению:

— Личинки мух составят тебе ожерелье, и каждый проходящий мимо жук будет заглядывать тебе в глаза.

Одно и то же повторялось раз за разом, выпад, ответ, зловещее глумление, и каждый раз у Мышелова был только миг на передышку, а возможности начать контратаку не было. Его уклончивое отступление было непрерывным, ему казалось, что он угодил в водоворот. Одни и те же образы возникали перед ним: побледневшее, нервное лицо Фафхрда; громадный склеп; искаженный ненавистью образ глумящейся Ахуры; алый клинок восходящего солнца; покрытые кавернами мрачные, черные скалы с их каменными воинами и гигантскими каменными шатрами; и опять Фафхрд..

Мышелов почувствовал, что силы окончательно покидают его. Передышки после предпринимаемых им контратак становились все короче, выпады почти не смущали Посвященного. Образы стали темнеть и плыть. Мышелова словно засасывало в центр вихря. Черное облако, которое, казалось, плыло от Ахуры, жадно обволакивало его, лишая воздуха.

Мышелов знал, что сил у него хватит только на один выпад, и потому следовало поставить все на этот удар — удар в сердце.

Он приготовился к нему.

Но он слишком долго ждал. Серый не мог собраться с силами, не мог вернуть былую резвость.

Его выпад был подобен движению паралитика, слящегося подняться с кровати.

И тут Ахура захохотала.

Это был ужасный истерический смех, хихиканье, хохот. Мышелов смутно поразился ему. Однако, этот пронзительный смех вдруг отозвался эхом то ли в нем, то ли в Фафхрде.

К собственному изумлению, Мышелов увидел, что игла так и не пронзила его. Движения Девадориса становились все медленнее, словно ненавистный ему смех пеленал его, сковывал движения, словно каждый новый взрыв жуткого хохота цепью ложился на члены.

Мышелов направил меч в грудь противника и скорее успел, чем сделал выпад в его сторону.

И услышал хриплый вздох Фафхрда.

Тут только Мышелов заметил, что пытается вытащить Скальпель из груди Посвященного. Задача эта была не столь уж простой, хотя клинок вошел в тело Анры Девадориса с такой легкостью, словно тот был пуст внутри. Мышелов дернул меч еще раз, Скальпель выскользнул из тела Анры и выпал из онемевших пальцев Мышелова.

Потный Фафхрд смотрел на Посвященного. Крепкое тело Анры Девадориса покачивалось, словно каменная колонна, сродни монолиту, стоявшему рядом. Губы Девадориса застыли в некоем подобии улыбки. Посвященный раскачивался все сильнее, будто воплощая собою маятник смерти, но не падал. Наконец, он накренился слишком далеко вперед и упал плашмя, как каменный столп. Раздался страшный треск — голова Посвященного раскололась. Звук был таким, словно череп был пуст.

Истерический хохот Ахуры зазвучал с новой силой.

Фафхрд ринулся вперед, призывая Мышелова за собой. Северянин осторожно потряс его осевшее тело. В ответ ему раздался храп. Подобно фиванскому фалангисту, задремавшему, опершись на свою пику в конце боя, Мышелов, совершенно лишенный сил, крепко спал. Фафхрд подобрал серую накидку Мышелова, обернул его в нее и бережно положил на камни.

Ахура билась в конвульсиях.

Фафхрд посмотрел на поверженного Девадориса.

Тот лежал так картинно, что походил на статую, низринутую с пьедестала. Худоба мертвого Посвященного была худобой скелета. Крови из раны, нанесенной ему Скальпелем, почти не было, лоб же был разбит так, словно был сделан из скорлупы. Фафхрд дотронулся до Посвященного. Кожа была холодной, мышцы тверды, как камень.

Фафхрд и раньше видел людей, окаменевших сразу после смерти — македонцев, что слишком долго бились с неприятелем на бранном поле. Но перед концом те слабели и теряли контроль над своим телом. Анра Девадорис в отличие от них до последней секунды сражался с величайшими легкостью и ловкостью, пусть в его крови уже скапливался тот яд, что приводит к оцепенелости. В течение всего боя дыхание его было размеренным и спокойным.

— Клянусь Одином! — пробормотал Фафхрд. — Пусть он и Посвященный, но он все-таки мужчина!

На плечо Северянина легла чья-то рука. Он резко обернулся. Это Ахура подошла к нему. Белизна появилась в ее лице. Девушка криво улыбнулась, понимающе повела бровью, приложила палец к губам и внезапно упала на колени перед трупом Девадориса. Она осторожно коснулась атласной гладкой поверхности крохотной раны на груди Посвященного. Фафхрд, вновь поразившись странному сходству мертвого и живого лица, вздохнул. Ахура вскочила, как испуганная кошка.

Внезапно она замерла, словно танцовщица, и обернулась на Северянина. На ее лице вспыхнула мстительная злоба. Она поманила Фафхрда к себе, затем легко взбежала по ступенькам склепа, показала внутрь и вновь поманила Фафхрда. Мучимый сомнениями, Фафхрд приблизился к ней, глядя на ее напряженное неземное лицо, прекрасное, как лик Эфрита. Медленно поднялся Северянин по ступеням.

И заглянул внутрь.

Заглянув в склеп, Фафхрд почувствовал, что весь окружающий мир был всего лишь тонкой пленкой, покрывавшей первородную мерзость. Фафхрд понял — то, на что указывала Ахура, неким образом говорило о ее полной деградации, так же как и о деградации того, кто носил имя Анра Девадорис. Он вспомнил о странных насмешках Ахуры во время

дуэли. Он вспомнил ее смех, и в сознании его началась странная круговерть, связанная с подозрениями, всяческой неуместной сейчас ерундой и с грязными сценами соития. Северянин едва заметил, как Ахура перебралась через стенку гробницы: белые нежные руки девушки безжизненно повисли.

Фафхрд и не предполагал, что внезапно пробудившийся Мышелов смотрит на него.

Мысленно возвращаясь назад, Северянин вспомнил, что утонченность и торжественный облик Девадориса навели его на мысль: склеп являет собой потайной вход в некий необыкновенный подземный дворец.

Теперь же Фафхрд увидел, что в этой тесной клетушке не было никаких дверей, не было здесь и малейших примет тайного. То, что вышло отсюда, здесь и жило, здесь, где углы были заплетены паутиной, где пол кишел червями, жуками-навозниками и мохнатыми черными пауками.

6. Гора

Все это задумал или некий демон-шутник, или сам Нингобль. Отступив от края гробницы, Фафхрд запутался в саване Аримана и дико заревел (Мышелов сказал бы «заблеял»), прежде чем обнаружил причину своих затруднений, которые к этому времени уже порвались в клочья.

Возбужденная суматохой, Ахура в свою очередь испугала их, закричав, что черный монолит и его армия пробудились и ожили, чтобы растоптать их своими каменными ногами.

Почти тут же кубок Сократа покатился по кругу — отчего кровь стала стынуть в жилах — казалось, что бывший мудрый его владделец решил промочить глотку после долгих диспутов в подземном мире. Увядший побег Древа Жизни не подавал никаких признаков жизни. Правда, Мышелов отпрыгнул от него в испуге так проворно и ловко, как какой-нибудь его тезка из мира животных, когда увидел большое черное, похожее на трость, насекомое, ползущее прочь от того места, куда упала ветвь.

Но самый большой переполох учинил верблюд. Он принялся неуклюже гарцевать вокруг в самой не-свойственной ему манере. Он впал в какое-то исступление и скакал в экстазе на задних ногах, пока не подступил в страстном желании к кобыле, которая в испуге спаслась бегством, выражая протест громким ржанием. После этого стало очевидно, что верблюд, должно быть, нализался возбуждающего снадобья, так как горлышко одной из бутылей, похоже, было отбито копытом, и только пятно от вылизанной пены свидетельствовало о том, куда делось ее содержимое. Два маленьких глиняных кувшинчика были опустошены совсем. Фафхрд вскочил на одну из оставшихся лошадей и, крича как сумасшедший, поскакал за обезумевшими животными.

Мышелов, оставшись наедине с Ахурой, в полной мере испытал свои способности по части болтовни. Он старался спасти девушку от потери рассудка, оградив от всего происходящего глупыми рассказами — в основном пикантными Тирскими сплетнями. Однако он не удержался, чтобы не рассказать целиком неправдоподобную историю о том, как он, Фафхрд и пять эфиопских мальчуганов играли однажды в Майское дерево стеблями-глазами пьяного Нингобля и оставили его глядеть в самых странных направлениях. (Мышелов вообще-то удивлялся, почему их семиглазый ментор не давал о себе знать.) После победы Нингобль бывал особенно скор в выколачивании платежей по требованиям и очень придирчив при этом. Конечно, он будет настаивать на строгом отчете за три исчезнувшие сосуда с возбуждающим средством.

Можно было бы ожидать, что Мышелов воспользуется предоставившейся возможностью добиться благосклонности Ахуры, если бы он был полностью уверен, что уже свободен от улиточного заклятия. К тому же истеричное состояние девушки исключало какие-либо поползновения. И еще Серый испытывал страшную робость, потому что, хоть это и была Ахура, которую он любил, ему казалось, что он встретился с ней впервые. Сейчас это была совсем не та Ахура, с которой они проделали путешествие к Затерянному Граду, и воспоминания о том, как он относился к той, другой, смущало Мышелова. Поэто-

му он обхаживал и утешал ее, как будто имел дело с беспризорным ребенком из Тира. В конце концов, Мышелов вынул из своей сумки двух смешных маленьких куколок, надевавшихся на руку, и стал забавлять Ахуру. Ему доставляло удовольствие развлекать ее таким образом.

А девушка всхлипывала, дрожала и смотрела в одну точку. Казалось, она едва слышала, что за чепуху нес Мышелов. Тем не менее, она немного успокоилась и пришла в себя.

Вернулся Фафхрд, пригнавший все еще распаленного страстью верблюда и оскорбленную кобылицу. Не прерывая Мышелова, Северянин стал мрачно внимать ему. Взгляд его блуждал, — его влекли то мертвый Девадорис, черный монолит, каменный град, то уходящая вниз к северу долина. Высоко над их головами в том же направлении летела стая птиц.

Вдруг птицы стремительно разлетелись в разные стороны, будто на них камнями упал орел. Фафхрд нахмурился. Спустя мгновение, он услышал свист в воздухе. Мышелов и Ахура тоже обратили глаза к небу и тут же увидели нечто тонкое, со свистом несущееся вниз. Они съежились. Длинная, отливающая белизной стрела, едва не угодив в Фафхрда, с глухим ударом вонзилась в трещину мостовой.

Дрожащей рукой Фафхрд коснулся стрелы. Древко было покрыто ледяной коркой, оперение стрелы словно окаменело, — казалось, будто неким непостижимым образом стрела долгое время летела по студенным небесам. Нечто непонятное плотно облегалo древко. Фафхрд отделил это нечто от древка и развернул хрупкий лист папируса, который отмяк от теплого прикосновения. Фафхрд прочел следующее: «Вам надлежит идти дальше. Путь ваш еще не пройден. Верьте знамениям. Нингобль».

Все еще не в силах унять дрожь, Фафхрд огласил окрестности страшной руганью. Он скомкал папирус, выдернул стрелу, разломил ее надвое и гневно отшвырнул от себя обломки.

— Приблудное евнухово отродье! Сова и осьминог в придачу! — так закончил Северянин свои проклятья. — Вначале он пытался отвлечь нас от небес, теперь же заявляет, что мы еще не прошли путь до конца, — и это теперь, когда мы завершили его!

Мышелов, которому хорошо были известны приступы ярости, к которым Фафхрд был склонен после битв, особенно тех, в которых не мог принять участие, принялся спокойно рассуждать. Серый увидел, что гнев в глазах Фафхрда внезапно погас, однако безумные искорки в них не исчезали, и это не понравилось Серому.

— Мышелов! — Голос Фафхрда был преисполнен страсти. — Куда я швырнул эту стрелу?

— Конечно, на север, — тут же ответил Мышелов.

— Да, птицы тоже летели на север, а стрела была покрыта льдом! — Безумные искорки в глазах Фафхрда пылали неистовством. — Он говорил о знамениях, верно? Мы им поверим! Мы будем идти все дальше и дальше на север!

Мышелову стало плохо. Теперь будет особенно трудно бороться с давним желанием Фафхрда привести Серого в эту «поразительно холодную страну, где могут жить только сильные люди, чья кровь горяча, и жить они могут только убивая — убивая свирепых, покрытых шерстью зверей», — мрачная перспектива для любителя горячих купаний, солнца и южных ночей.

— Такое случается только раз, — продолжал Фафхрд, подвывая на манер скальда. — Представляешь, можно обтираться снегом или подобно моржу нырять в прорубь. Вокруг Каспия через горы, которые куда выше этих, проходит путь, избранный людьми моего племени. Клянусь Тором, тебе это понравится! Никакого вина, только горячий мед и ароматные закопченные туши, шкуры, что делают тебя неуязвимым, холодный ночной воздух, что делает сны ясными и отчетливыми, крупные женщины с могучими бедрами. Поднять парус над зимним судном и смеяться ледяным брызгам. Почему мы все время медлили с этим? В путь! Клянусь льдышкой, породившей Одина, мы должны выходить немедленно!

Мышелов едва не застонал:

— О, брат мой кровный, — заговорил он нараспев, ни на йоту не уступая в изворотливости, — сердце мое трепещет сильнее твоего при мысли о жизнетворном влиянии снега и о прочих радостях подлинно мужской жизни, к коим я издавна стре-

мился. Но... — Тут в его голосе слышалась грусть. — Мы забыли об этой доброй девушке, которую в любом случае нам надлежит в целости и сохранности вернуть в Тир, пусть даже при этом нам придется нарушить предписания Нингобля.

Мышелов улыбнулся про себя.

— Но я вовсе не желаю возвращаться в Тир, — вмешалась Ахура, подняв глаза от безделушек, в словах ее звучали по-детски капризные нотки. Мышелов выругал себя за то, что он и относится-то к ней, как к ребенку. Это безлюдное место равно удалено от всех городов. Путь на Север ничем не хуже любого другого.

— Клянусь плотью Фрей, — заорал Фафхрд, распростерши руки. — Ты слышал, что она сказала, а, Мышелов? Клянусь Ётуном, она говорила как истинная уроженка страны снегов! Нельзя терять ни минуты. Еще в этом году мы будем услаждать себя медом. Ну и женщина, клянусь Фриггом! Мышелов, эта крошка тебе как раз впору, ты заметил, как мило она это сказала?

Итак, началась суматоха, укладка вещей, иного выхода просто не было (по крайней мере на настоящий момент, так считал Мышелов). Сундук с афродизьяками, чаша и изодранный саван были погружены на верблюда, что продолжал восторгаться кобылицей, облизывая свои огромные шершавые губы. Фафхрд скакал, орал и хлопал Мышелова по спине, словно забыв, что они находятся в мертвом каменном граде, свидетеле прошлого эона, что рядом с ними греется на солнышке труп Посвященного.

Через какое-то время они уже спускались по долине: Фафхрд пел саги о снежных бурях, охоте, чудищах огромных, словно айсберги, великанах ростом с гору, покрытую вечными льдами; Мышелов же мрачно увеселял себя картинами собственной смерти в объятиях чрезмерно страстной «крупной женщины с могучими бедрами».

Дорога была уже не такой пустынной. Город скрылся за деревцами и склоном долины. Мышелов практически не обратил внимания на волну облегчения, окатившую его в тот момент, когда из виду исчез последний каменный страж и, особенно, черный монолит, нависший над мертвым Девадорисом.

Серый перевел взгляд на то, что лежало перед ними — коническая гора перегораживала устье долины, вершина ее была окутана туманом. В воображении Мышелова предстала одинокая грозная туча, уходящая ввысь немыслимыми башнями и шпилями.

Внезапно его дремотные мысли пробудились ото сна. Фафхрд и Ахура остановились, они смотрели на нечто совершенно неожиданное — низкий деревянный, лишенный окон дом таился меж деревцами. За ним виднелась пара возделанных полей. Грубо сработанные фигуры духов-хранителей, стоявшие по углам крыши, и срединное завершение шпренгельных балок напоминали о Персии, не Персии, тронутой южными влияниями, но Персии древней.

Появился и древний перс — тонкие черты лица, прямой нос, борода с прожилками черных волос — из низкого дверного проема путников восторженно разглядывал старик. Похоже, более всего его заинтересовало лицо Ахуры, однако, разглядеть его он едва ли мог, ибо Фафхрд практически закрыл собой девушку.

— Привет, папаша, — заговорил Мышелов. — Разве не прекрасный сегодня день для конных прогулок по вашим плодородным землям?

— Верно, — на старинном диалекте с сомнением в голосе ответил старик. — Правда, путников здесь не бывает или почти не бывает.

— Хорошо быть вдалеке от страшных зловонных городов, — с готовностью вмешался Фафхрд. — Отец, что ты скажешь об этой горе, ты ее знаешь? Есть ли здесь простой путь, который вел бы на север?

При слове «гора» старик съежился.

— Может быть, мы выбрали не тот путь? — тут же спросил Мышелов. — Или с этой горой связано что-то страшное?

Старик пожал плечами, затем, остановившись, вновь посмотрел на путников. Казалось, дружелюбие в нем борется со страхом, наконец, первое, похоже, победило; ибо он склонился в их сторону и торопливо заговорил:

— Дети, поверьте мне, дальше идти нельзя. Сталь ваших мечей, быстрые ноги ваших коней, — что они для... Но помните, — он стал говорить громче, — я

никого не осуждаю. — Он посмотрел по сторонам. — Мне не на что жаловаться. Мне от этой горы великая польза. Мои предки вернулись сюда, ибо землю эту покинули и воры, и честные люди. В этой стране нет налогов, — денежных налогов. Я ничего не прошу!

— Да, да, Отец, думаю, мы дальше не пойдем, — охотно согласился Мышелов. — Мы праздные скитальцы, ходим-бродим себе по миру. И натываемся порой на странные вещи. Это наводит меня на мысль о том, что кое в чем ты можешь помочь нам людям благородным. — Он потряс кошель, в котором звенели монеты. — Слыхали мы, что в здешних краях живет демон — юный демон с бледным ликом и черной бородой; черное и серебристое — цвета его одеяний.

Пока Мышелов говорил все это, старик пятился назад, в конце концов он скользнул в дом и захлопнул дверь, однако они успели заметить, что кто-то дернул его за рукав. Тут же послышался приглушенный и злой девичий голос, — старика словно пытались разубедить в чем-то.

Дверь распахнулась. Они услышали бормотание старика:

— Так низведи же ее на всех нас.

Тут же к ним выбежала девочка лет пятнадцати. Лицо ее выражало испуг, глаза были полны тревоги и страха.

— Вы должны вернуться назад! — выпалила она. — Только злые люди ходят к горе, злые и обреченные. Туман скрывает огромный ужасный замок. Там живут всемогущие одинокие демоны. Один из них...

Она схватилась за стремя Фафхрда. Но не успели ее пальцы сжать его, как она устремила свой взгляд прямо на Ахуру. В лице ее отразился смертельный ужас. Она завизжала: — Это он! Черная борода! — С этими словами она рухнула наземь.

Дверь захлопнулась, раздался лязг засова.

Путники спешились. Ахура бросилась к девочке и через миг показала знаками, что это просто обморок. Фафхрд приблизился к запертой двери, но ни стук, ни просьбы, ни угрозы не действовали, — дверь оставалась закрытой. Решение пришло само собой — он выбил дверь. И вот что увидел внутри: в темном углу

таился старик, женщина пыталась спрятать в куче сена ребенка; древняя старуха сидела на стуле, она была слепа, однако в ужасе щурилась, некий молодой человек держал в дрожащих руках топор, все члены семьи были чрезвычайно похожи друг на друга.

Фафхрд легко уклонился от слабого удара юноши и нежно извлек топор из его рук.

Мышелов и Ахура внесли девочку в дом. При виде Ахуры все обитатели дома сжались от ужаса.

Девочку положили на кучку сена, Ахура принесла воды и стала смачивать голову девочки.

В то же самое время Мышелов, воспользовавшись охватившим семейство ужасом и практически отождествив себя с горным демоном, заставил присутствующих отвечать на его вопросы. Прежде всего он осведомился о каменном городе. Город этот был местом древнего культа дьявола, — отвечали они, — местом, которое следовало избегать. Да, они видели черный монолит Аримана, но только издали. Нет, они не поклонялись Ариману, — видели огненную усыпальницу, которая предназначалась для его противника Ормазда. Но они боялись Аримана, у каменьеv же дьявольского города была своя жизнь. Тогда Мышелов спросил их о туманной горе; оказалось, что получить вразумительный ответ на этот вопрос куда труднее. Обитатели дома твердили, что туча всегда скрывает вершину, хотя однажды перед заходом солнца, добавил молодой человек, ему показалось, будто он видит накренившиеся зеленые башни и изогнутые минареты. Там наверху таится нечто опасное. Что же это за опасность? Юноша не смог ответить.

Мышелов повернулся к старику.

— Ты говорил, — грубо сказал он, — что мои братья-демоны не берут с тебя денег в уплату за эти земли. Какая же плата им нужна?

— Жизни, — прошептал старик, губы его побелели.

— Жизни? И сколько же? И еще, когда они за ними приходят?

— Они никогда не приходят. Мы идем. Каждые десять лет, а, может, и каждые пять вершина горы озаряется ночью желто-зеленым светом, властный при-

зыв исходит оттуда. Иногда после такой ночи, один из нас пропадает — тот, кто в это время находится дальше всех от дома. Когда ты дома, со всеми, легче устоять перед этим призывом. Свет этот я видел только из нашей двери, — у меня за спиной горел яркий огонь, а кто-то держал меня. Мой брат ушел в ту пору, когда я был еще мальчиком. Много лет свет тот не зажигался вновь, я даже стал думать, не мальчишеская ли это фантазия или видение.

— Но семь лет тому назад, — продолжал он дрожащим голосом, глядя на Мышелова, — однажды на закате появились всадники, кони их были измождены и загнаны донельзя; это были юноша и старик — или, скорее, некие подобия юноши и старика, — я понял это сразу, глядя на них через щель в двери и дрожа от ужаса — это хозяева возвращались в замок, зовущийся Туманом. Старик был лыс, словно гриб, бороды у него тоже не было. У юноши была короткая шелковистая черная бородка. Черные и серебристые одеяния были на нем, лицо же — бледнее бледного. Чертами он походил.. — Старик с опаской обратил свой взгляд на Ахуру. — В седле же держался так, словно был одеревенелым. Его худое тело раскачивалось из стороны в сторону. Казалось, будто это мертвец.

— Они поскакали к горе, не глядя по сторонам. И с того самого времени желто-зеленый свет зажигался на вершине едва ли не каждую ночь. Многие наши животные вняли этому зову, и не только домашние, — судя по тому, как уменьшились они числом. Мы вели себя осторожно и никогда не отходили от дома. Не прошло и трех лет, как ушел мой старший сын. Охотясь, он забрел слишком далеко и тем позволил тьме поглотить его.

Чернобородого юношу мы видели много раз, обычно издалека, то он шагал где-то у самого горизонта, то стоял, склонив голову на камень. А однажды, когда моя дочь стирала на реке, она, подняв глаза от белья, встретила взглядом с его мертвыми глазами, смотревшими из-за камышей. А другой раз, мой старший сын преследовал в чаще раненого барса и увидел, как чернобородый юноша разговаривает со зверем. Был и такой случай. Ранним утром, в пору страды, я увидел, как демон сидит у колодца и

смотрит на наши двери, меня же он словно не замечал. Видели мы и старика, правда не так часто, в течение последних двух лет мы их практически не встречали, но однажды... — Его беспомощный взгляд вновь устремился к Ахуре.

В это время девочка пришла в чувство. На этот раз ужас, внушаемый ей Ахурой, был не столь сильным. К рассказу старика она не добавила ни слова.

Путники собрались уходить. Мышелов заметил мстительные взгляды, направленные на девочку, особой злобою горели глаза женщины с ребенком, — девочке не могли простить того, что она пыталась предупредить их. В дверях Мышелов обернулся и сказал:

— Если с головы этой девочки упадет хоть один волос, мы вернемся вместе с чернобородым, зеленый свет будет вести нас, и отмщение наше будет страшно.

Он швырнул на пол несколько золотых и вышел.

После этой истории, благодаря тому или несмотря на то, что в семье ее считали союзницей демонов, девочка стала избалованной особой, она решила, что она выше всех прочих в доме, беззастенчиво играла на страхе домашних перед Мышеловом, Фафхрдом и Черной Бородой и в конце концов завладела всеми золотыми; после успешного похода в далекий город она купила на эти деньги одеяния. С их помощью она соблазнила и мудрыми действиями завлекла в любовные сети сатрапа; с той поры она жила в роскоши и неге, — подобная судьба не редка для особ романтических, если только им достает романтизма.

Покинув дом, Мышелов нашел Фафхрда предпринимающим мужественные попытки обрести былую воинственность.

— Торопись, юный ученик демона! — приветствовал его Фафхрд. — Нас ждет страна снегов, нам нельзя медлить!

Когда они отъехали достаточно далеко, Мышелов добродушно заметил:

— Фафхрд, а что мы будем делать с верблюдом? Не думаю, что его следует брать в страну льдов. Он сдохнет от холода.

— Я думаю, снег полезен и людям, и верблю-

дам, — нашелся Фафхрд. Он привстал, и, обернувшись назад, помахал рукой и заорал:

— Парень! Ты, с топором! Когда с годами почувствуешь странное томление, обрати свои стопы на север. Там ты найдешь страну, где станешь настоящим мужчиной.

Впрочем, приятели знали, что все это — пустые слова, что совсем другие звезды появились теперь в их гороскопах и, прежде всего, та, что сияла желто-зеленым светом.

Продолжив свой путь по долине, путники оказались в совершенно голой пустоши, лишенной каких-либо признаков жизни — здесь не было ни животных, ни даже насекомых, — и это производило злое впечатление. Некая тайна обступила их со всех сторон. У друзей мелькнула догадка, что тайна эта каким-то образом связана с Ахурой. Однако приятели воздерживались от бесед с девушкой, ибо смутно догадывались о тех ужасных сдвигах, которые претерпел ее разум.

Наконец, Мышелов вслух выразил то, что было на уме у обоих:

— Боюсь, что Анра Девадорис, который хотел сделать нас своими учениками, сам был учеником, поученически послушно верящим в дело своего учителя. Чернобородого нет, но безбородый остался. Как там у Нингобля? ...Не просто тварь, но таинство?.. ..Не сущность определенная, но мираж?

— Клянусь всеми блохами, кусавшими Антиоха Великого, и всеми вшами, щекотавшими супругу его! — раздался позади пронзительный дерзкий голос. — Обреченным господам уже известно содержание этого письма, предназначенного для них?

Путники обернулись. Рядом с верблюдом стоял смуглый мальчишка. Видимо, до этого он прятался за камнем. Мальчишка нагло улыбался, и настолько походил на жителя Александрии, что, казалось, мгновение назад он вышел из Рапотиса в сопровождении какой-нибудь тощей дворняги, принимающей к его следам (Мышелов был вполне готов к тому, что через минуту появится и собака).

— Кто послал тебя, мальчик? — спросил строго Фафхрд. — Как ты здесь оказался?

— Ну, а как вы думаете? — отвечал мальчик. —

Лови! — Он бросил Мышелову восковую дощечку. — Послушайте, вы, прислушайтесь к моему совету и уходите отсюда пока не поздно. Что касается экспедиции, то Нингобль просто-напросто свернет свою палатку и вернется домой. Мой любимый хозяин вечно со своей помощью носится.

Мышелов разорвал веревку, вынул из свертка табличку и прочел: «Приветствую вас, отважные путники! Великолепно все, сделанное вами, лучшее же еще только предстоит свершить. Слушайтесь зова. Следуйте за зеленым светом. Но будьте очень внимательны. Как мне хотелось бы хоть чем-то быть полезным вам. Саван, чашу и сундук отошлите с мальчиком, это первая плата».

— Отродье Локи! Порождение Хель! — вырвалось из уст Фафхрда.

Мышелов смотрел на мальчика, который раскачивался на спине верблюда, с охотой бегущего прочь от них, в сторону Забытого Города. Вновь слышался дерзкий, пронзительный смех.

— Щедроты бедного, скупого Нингобля отправились прочь, — сказал Мышелов. — По крайней мере теперь не будет проблем с верблюдом.

— К черту! — отозвался Фафхрд. — Пусть подавится и животным, и этими безделушками. По крайней мере, болтовни его не услышим...

— Не очень-то высокая гора, — сказал Мышелов через час, — хотя, конечно, и не низкая. Интересно, кто проторил эту тропку и кто ее чистит?

Он обмотал вокруг плеча длинную, тонкую веревку, какой пользуются скалолазы. На одном из концов веревки висел крюк.

Солнце садилось, начинались сумерки. Тропинка, возникавшая словно ниоткуда, то и дело терялась. Теперь она петляла меж гигантских валунов по гребню все более крутых, усыпанных камнем откосов. Дабы не нарушать требований осторожности, разговор велся по методу Нингобля и его агентов, — те либо общались непосредственно, разум с разумом, либо прибегали к помощи крохотных свистков, издававших звук столь высокий, что он был недоступен человеческому слуху, в другом же свистке звук этот вызывал ответную вибрацию.

На какой-то миг весь мир словно замер, зеленова-

тый свет засиял с укрытой туманом вершины, однако тут же стало понятно, что это сверкают последние лучи заходящего солнца. В воздухе разлился некий звук, — странный шепот почти за пределом слуха. — Казалось, будто армада незримых насекомых настраивает свои инструменты. Ощущения эти были столь же неуловимы, как и та сила, что понуждала идти вперед, сила столь тонкая, что путники могли воспротивиться ей, оборвав ее, словно паутинку. Однако они и не пытались этого сделать.

Словно ответствуя некоему несказанному слову и Фафхрд, и Мышелов посмотрели на Ахуру. Под их взглядом девушка тут же преобразилась, раскрывшись, словно ночной цветок, и став еще более похожей на ребенка. Казалось, будто некий гипнотизер снял внешние лепестки ее разума, оставив только крохотное прозрачное озерцо, из неведомых глубин которого поднимались темные пузыри.

Друзья почувствовали, что страсть их вновь ожила, но теперь она была сдержаннее. И сердца их замолкли, словно укрытые мглой горы, когда девушка сказала:

— Анра Девадорис был моим братом. Мы близнецы.

7. Ахура Девадорис

— Отца я не знала. Он умер до нашего появления на свет. Мать, которая редко бывала разговорчивой, однажды сказала мне: «Ахура, твоим отцом был грек. Очень добрый и ученый человек. Он любил смеяться». Когда она произносила эти слова, то была скорее суровой, чем красивой — солнце светило сквозь ее черные локоны.

Мне показалось, что мать слишком напирает на слово «твой». Уже тогда меня интересовал Анра. И тогда я спросила об этом у старой Вереники, нашей домоправительницы. Она рассказала мне о том, что видела, как мать родила в одну ночь нас обоих.

Старая Вереника рассказывала мне о том, как погиб мой отец. Чуть ли не за девять месяцев до нашего рождения, его нашли утром на улице прямо перед дверью, он был забит до смерти. Считалось, что

это дело рук бродяг-египтян, занимавшихся по ночам грабежами и насилием. Впрочем, их никто не судил, — в ту пору Тиром правили Птолемеи. Это была ужасная смерть. Его били о камни так, что его потом было трудно узнать.

В другой раз старая Вереника поведала мне о матери, взяв с меня клятву в том, что я никому не расскажу об этом. Я клялась именами Афины и Сета. А также Молоха, который съел бы меня, нарушь я клятву. Вереника сказала, что моя мать происходит из персидского рода, в котором старшие дочери становились жрицами, от рождения призванными быть женами злого персидского божества. Объятия смертных им возбранялись. Они должны были проводить ночи наедине с каменным изваянием божества в далеком храме на полпути к краю света. В тот день матери дома не было: старая Вереника повела меня вниз, в маленький подвальчик прямо под спальней матери. Она показала мне три шероховатых серых камня, вставленных между кирпичей, и сказала, что это камни того самого храма. Старой Веренике явно нравилось пугать меня, сама же она, в свою очередь, смертельно боялась матери.

Разумеется, я тут же пошла к Анре и все ему рассказала...

Тропинка, вившаяся по гребню, пошла круто вверх. Кони пошли шагом, — первым ехал Фафхрд, за ним — Ахура, за нею же — Мышелов. Морщинки на лице Фафхрда разгладились, хотя он и не терял должной бдительности. Мышелов же и вовсе казался милым мальчиком.

Ахура продолжала:

— Мне трудно объяснить вам мои отношения с Анрой, мы были так близки, что даже само это слово — «отношения» — звучит слишком грубо. В саду мы играли в одну игру, Он закрывал глаза и пытался угадать, на что я смотрю. В других играх мы менялись ролями, в этой же — никогда.

Он изобретал все новые и новые варианты этой игры и не хотел играть в другие. Иногда по стволу оливы я забиралась на черепичную крышу, — Анра этого не умел, — и целый час смотрела вокруг. Потом я спускалась и рассказывала ему о том, что видела — красильщиков, расстилающих мокрое зе-

ленное полотно на солнце, для того, чтобы лучи его обратили зелень в пурпур; шествие жрецов вокруг храма Мелкарта; лодку из Пергама, над которой поднимали парус; чиновника — грека, нетерпеливо объясняющего что-то своему писарю-египтянину; двух женщин, смеющихся над какими-то моряками в юбках; таинственного одинокого еврея. Анра же говорил мне о том, что это за люди, о чем они думают и что они собираются делать. Это были совсем не фантазии, — впоследствии, когда я стала бывать в городе, я обнаружила, что почти во всем он был прав. Он словно смотрел на картинки, возникавшие в моем сознании, и видел в них больше, чем я сама. Мне эта игра нравилась. Чувство было таким тонким.

Конечно, наша близость во многом объяснялась тем, что мать, особенно после того, как ее образ жизни изменился, — не позволяла нам выходить на улицу или общаться с другими детьми. Объяснялось это не только ее строгостью. Анра был очень нежным ребенком. Однажды он сломал руку и она очень долго заживала. Мать пригласила раба, который был сведущ в этих вопросах, раб сказал ей, что кости Анры стали слишком хрупкими. Он рассказал ей о детях, чьи мышцы и жилы постепенно превращаются в камень, так что в конце концов они становятся живыми статуями. Мать ударила раба по лицу и выгнала из дома, тем самым она потеряла друга, раб этот был не из последних.

Если Анре и позволили бы выходить со двора, он не стал бы делать этого. Однажды, уже после того, как я стала бывать в городе, я уговорила его пойти со мной. Он не хотел идти. Тогда я стала смеяться над ним, и перед насмешками он не устоял. Как только мы перебрались через стену, окружавшую сад, он потерял сознание, и я никак не могла привести его в чувство. Тогда я опять забралась во двор, открыла ворота и втащила его домой. Старая Вереника заметила меня, и мне пришлось рассказать ей о происшедшем. Она помогла мне внести Анру в дом. Потом Вереника выпорола меня, — она знала, что матери об этом случае я рассказывать не стану. Анра пришел в себя в ту минуту, когда домоправительница стала пороть меня. Правда, после этого он

болел еще целую неделю. Отныне я никогда не смеялась над ним.

Будучи запертым в доме, Анра отдавал почти все свое время учению. Пока я глядела на мир с крыши или выманивала истории у старой Вереники и других рабов, или, когда — это было позднее, я уходила в город, чтобы потом рассказывать ему о разном, слышанном и виденном там, он сидел в библиотеке отца и читал или изучал какой-нибудь язык по отцовским грамматикам и переводам. Мать научила нас читать по-гречески, я же слышала на улицах арамейскую речь, отдельные фразы на других языках — и все это я приносила ему. Но в чтении Анра был куда искуснее меня. Он любил буквы так же, как я любила то, что было вне дома. Буквы казались ему живыми. Помню, как он показывал мне египетские иероглифы и говорил, что все это — животные и насекомые. Потом он показал мне ператическое и демотическое египетское письмо и сказал, что это — те же животные, но только в масках. Больше всего, говорил он, ему нравится иврит, ибо в нем каждая буква обладает волшебными чарами. Это было еще до того, как Анра выучил древнеперсидский. Порою на то, чтобы узнать, как произносятся слова изучавшихся им языков, уходили годы. В этом-то и состояла одна из моих главнейших обязанностей во время похода в город.

Отцовская библиотека ничуть не изменилась со времени его смерти. В коробках были аккуратно сложены труды всех известных философов, историков, поэтов, риториков и грамматиков. В углу же, вместе с кипами бумаги, клочками папируса и прочим хламом валялись свитки совершенно иного рода. На одном из таких свитков отец, — я полагаю в насмешку, размашистыми, импульсивными движениями написал: «Тайная мудрость!» Именно эти свитки тут же пленили Анру. Он читал и почтенные книги из коробок, но только для того, чтобы вернуться к ломкому свитку, сдуть с него пыль и попытаться хоть как-то разобраться в нем.

Это были очень странные книги. Они внушали мне и страх, и отвращение. Мне хотелось как-то высмеять их. Многие из текстов были написаны в примитивной, невежественной манере. В некоторых толко-

вались сны и давались указания по практической магии — всяческая мерзость смешивалась воедино. Другие, еврейские свитки, написанные на арамейском языке, рассказывали о конце света и безумных приключениях злых духов и странных отвратительных чудищ с десятью головами, с разукрашенными драгоценными камнями колесами, заменявшими чудовищам ноги и тому подобное. Были здесь и халдейские гадательные книги; в них говорилось о том, что все звезды обладают собственной жизнью, там же назывались их имена и рассказывалось об их влиянии на людей. Истерзанный безграмотный список на греческом языке повествовал о чем-то ужасном, таком, чего я долгое время не понимала. Речь шла о колоске и шести зернышках граната. В одном из этих странных греческих свитков Анра и натолкнулся впервые на Аримана и его вечное царство тьмы. После этого он стал изучать древнеперсидский язык. Однако ни в одном из тех немногих свитков на древнеперсидском, что хранились в отцовской библиотеке, не говорилось об Аримане, Анре пришлось ждать часа, когда я смогла бы выкрасть для него требуемую книгу.

Я стала ходить в город после того, как мать круто изменила свою жизнь. Мне было тогда семь лет. Мать всегда была очень подавленной и пугливой женщиной, правда, порой, она выказывала чрезвычайную любовь; Анру же она всегда баловала, но не сама, а через своих рабов, — она будто побаивалась собственного сына.

Настроение матери становилось со временем все хуже и хуже. Иногда я поражалась, видя, как она с ужасом смотрит в пустоту или, закрыв глаза, бьет себя по лбу. Ее красивое лицо при этом становилось таким напряженным, словно она сошла с ума. У меня было такое чувство, будто мать достигла конца некоего подземного тоннеля и должна либо найти выход из него, либо потерять рассудок.

Однажды днем я заглянула в ее спальню и увидела, что она смотрится в свое серебряное зеркало. Бесконечно долго смотрела она на свое лицо, я же беззвучно наблюдала за ней. Я знала, что происходит нечто важное. После явного внутреннего усилия с ее лица исчезли следы тревоги, суровости и страха.

Лицо матери стало гладким и прекрасным, словно маска. Затем она раскрыла сундук, которого я никогда раньше не видела и вынула оттуда множество баночек, пузырьков и щеточек. Мать принялась раскрашивать и пудрить свое лицо. Подвела темным блестящим порошком глаза и накрасила губы красно-оранжевым цветом. Все это время сердце мое билось учащенно, а в горле стоял ком. Отчего, сама не понимаю...

Затем мать отложила щеточки и сбросила с себя хитон. Задумчиво погладила шею и грудь, потом взяла в руки зеркало и посмотрела на свое отражение с холодным удовлетворением. Мать была прекрасна, но краса эта ужасала меня. До сих пор она кажется мне строгой и жестокой внешне, но мягкой и любящей внутри, только для того, чтобы почувствовать это, надо как-то обойти внешние покровы. На сей же раз все изменилось в обратную сторону. Сдерживая рыдания, я побежала к Анре, чтобы рассказать об увиденном и понять, что же это означает. На этот раз и его разум не помог, он был так же озадачен и встревожен.

Сразу же после этого случая мать стала относиться ко мне еще строже и, хотя продолжала баловать Анру при посредничестве слуг, наше заточение в доме стало куда более жестким. Мне было запрещено разговаривать с новой, купленной ею рабыней, некрасивой, ухмыляющейся, тонконогой девицей по имени Фрина, той, что делала матери массаж и иногда играла на флейте. По ночам в доме стали появляться гости, но нас с Анрой всегда запирали в маленькой спальне над садом. Через стену мы слышали их крики, порою же внутренний дворик оглашался воплями, топотом и звуками Фрининой флейты. Иногда я проводила целые ночи, не смыкая глаз, глядя во тьму и испытывая невыразимый ужас. Я всячески пыталась разговорить старую Веренику, но та слишком боялась гнева матери. Она лишь искоса поглядывала на меня.

Наконец Анра изобрел средство, которое позволило бы мне выйти из спальни. Когда он сказал мне об этом, я сначала отказалась. Мне было страшно. Но тогда-то я и почувствовала его власть надо мной. До этого момента все было игрой, которой равно

радовались и он, и я. Я никогда не считала себя рабом, исполнявшим чьи-то распоряжения. Но теперь, когда я взбунтовалась, обнаружилось, что мой брат обладает некоей властью надо мной и над моим телом. Я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, или мне это казалось, когда он того хотел. Более того, мысль о том, что Анра несчастен или огорчен, казалась мне невыносимой.

Теперь-то я понимаю, что это был первый из пережитых Анрой кризисов. Оказавшись в тупике, он безжалостно жертвовал своей драгоценной помощницей, разжигаемый ненасытным любопытством.

Пришла ночь. Как только нас заперли, я выбросила из высокого оконца веревку, — она была вся в узлах, — пролезла в оконце и спустилась по веревке вниз. Потом я взобралась на оливу, а с нее на крышу. Я подползла по черепице к квадрату внутреннего дворика и умудрилась перебраться через край, едва не упав, — в узкое затянутое паутиной пространство меж кровлей и перекрытием. Из столовой доносились негромкие голоса, но двор был пуст. Я лежала тихо, как мышка, и ждала...

Фафхрд негромко вскрикнул и остановил коня. Остальные сделали то же самое. Вниз покатились камешки, но всадники почти не слышали их стука. Откуда-то из выси слетело нечто такое, что походило на звук, но звуком не было. Это нечто заполняло собою ночную тьму; оно влекло путников к себе так, как голоса сирен влекли Одиссея. Мгновение друзья прислушивались, затем Фафхрд пожал плечами и тронул поводья. Остальные последовали за ним.

Ахура продолжила свой рассказ.

— Долгое время ничего особенного не происходило, разве что время от времени пробегали рабы с полными и пустыми блюдами, кто-то смеялся, слышались звуки флейты. Внезапно смех стал громче и превратился в пение; слышно было, как отодвинулись скамьи, слышались шаги, и во дворике показалась дионисийская процессия.

Впереди шла нагая Фрина, игравшая на флейте. За ней шла моя мать, она смеялась; под руки ее держали двое молодых пританцовывающих мужчин, мать же прижимала к груди большой серебряный кувшин с вином. Вино плескалось через край и баг-

ровым пятном растекалось по белому шелковому хитону, прикрывавшему грудь; мать же смеялась и скакала еще неистовее. Затем появилось множество других людей, мужчин и женщин, молодых и старых; все они пели и танцевали. Гибкий юноша высоко подпрыгивал и хлопал себя по пяткам, старый ухмыляющийся толстяк тяжело дышал, его поддерживали девицы. Прежде чем рассестись по ложам и скамьям, они сделали три круга по двору. Пока они болтали, смеялись и целовались, обнимались, проказничали и наблюдали за танцем нагой девицы, которая была не так страшна, как Фрина, мать предлагала всем наполнить вином кубки.

Я была потрясена и испугана. Я чуть не умерла от страха, когда мне на ум приходили все мыслимые и немыслимые жестокости и ужасы. Вместо этого я увидела естественное и красивое. Меня вдруг осенило: «Так вот оно, то чудесное и важное, что занимает людей». Мать больше не пугала меня. Выражение ее лица изменилось, и в ней не было больше былой жестокости ни внутри, ни снаружи. Только радость и красота. Молодые люди были столь остроумны и веселы, что мне пришлось зажать себе рот, дабы не рассмеяться вслух. Даже Фрина, игравшая, сидя на корточках, и походившая на худенького мальчика, перестала казаться зловредной, в ней даже появилось что-то привлекательное. Я не могла дождаться часа, когда смогу рассказать обо всем Анре.

Прозвучала всего одна настораживавшая нотка, но она была столь слаба, что я едва уловила ее. Двое мужчин, шутивших более других, молодой рыжеволосый парень и мужчина постарше с постным лицом сатира что-то такое задумывали. Я видела, как они перешептываются с гостями. Молодой, ухмыляясь, закричал матери:

— Я кое-что знаю о твоём прошлом!

Затем второй сказал с явной издевкой в голосе:

— Ах, ты старая персиянка, я-то знаю, кем была твоя прабабка!

Оба раза мать смеялась и иронически взмахивала рукой. Я же видела, что бедной женщиной овладевает беснокойство. И оба раза кто-то на миг замирал, словно подозревая ее в чем-то, но не желая

выдавать. В конце концов эта парочка куда-то исчезла, и уже ничто не омрачало веселья.

Танец становился все неистовее, смех — все громче; вина больше проливали, чем выпивали. Затем Фрина отбросила флейту в сторону и, подбежав к толстяку, уселась к нему на колени, да еще так резво, что тот едва не испустил дух. Четверо или пятеро из числа гостей упали наземь.

И в тот же миг раздался грохот и треск дерева, казалось, будто кто-то выламывает дверь. Вмиг все застыли. Кто-то, неудачно двигаясь, загасил лампу, полдвора оказалось в тени.

И тогда слышались громкие шаги, от которых все сотрясалось, казалось, будто по дому вышагивают пара камней.

Все застыли, уставившись на дверь. Фрина все еще обнимала толстяка. Лицо же матери застыло в неподдельном ужасе. Она отступила назад и стала на колени под горевшей лампой. Глаза матери расширились. Из горла вырвались отрывистые частые крики, словно закричала пойманная собака.

В дверях возник огромный шершавый каменный истукан — нагой мужчина двух с лишним метров роста. Лицо его не выражало ничего — черные провалы на плоской поверхности камня. Вперед выдавался длинный каменный член. Я не могла смотреть на него, но я должна была увидеть все. Истукан, громыхая, пересек дворик, схватил визжащую мать за волосы и заставил ее подняться с колен, другою же рукой он сорвал с нее залитый вином хитон.

Я почувствовала, что теряю сознание.

Видимо, тут же все и закончилось. Ибо, когда я пришла в себя, убитая страхом, то услышала громкоголосый смех. Несколько людей склонились над матерью, воодушевляя ее и одновременно издеваясь над нею. Среди них была и отсутствующая до сей поры парочка. Рядом с ними лежала груда одеяний и досечек, и то, и другое было окрашено известкой. Из сказанного ими я поняла, что рыжий одел на себя этот чудовищный костюм, человек же с лицом сатира отбивал шаги истукана ударами кирпича; роль выбитой с треском двери играла обычная доска.

— Ну что, теперь ты будешь говорить, что твоя прабабка не была супругом каменного истукана? А, персиянка? — с удовольствием глумился он над нею, грозя пальцем.

Затем произошло нечто, поразившее меня подобно ржавому клинку: последовавшая за этим сцена потрясла меня. Белая как мел и едва ли способная произносить членораздельные звуки, моя мать стала делать вид, что все происшедшее было удачной шуткой. Я знаю, почему она так вела себя. Она дико страшилась потерять их дружбу, она сделала бы что угодно, лишь бы не оставаться одной.

Ее игра удалась. Хотя некоторые ушли, большинство вняло ее смешливым мольбам. Они пили до тех пор, пока их не сморил сон.

Я просидела в своем убежище почти до рассвета. Наконец, собравши всю свою смелость, выбралась на кровлю, холодную и скользкую от росы и, теряя остаток сил, добралась до нашей спальни.

Но уснуть мне не удалось. Анра растолкал меня и потребовал рассказа обо всем увиденном. Я просила его не трогать меня, но он настаивал на своем. Я должна была рассказать ему все. Картины происшедшего ожили в моем утомленном сознании с такой яркостью, словно все происшедшее повторилось вновь. Анра засыпал меня вопросами, дабы я не упустила ни единой детали. Я должна была воссоздать давешнее радостное узнавание, смешанное с горечью от того, что люди так коварны и жестоки.

Когда же я стала рассказывать о каменном истукане, Анра чрезвычайно возбудился. Когда же я сказала ему, что все происшедшее было всего лишь злой шуткой, он даже расстроился. Он рассвирепел так, словно подозревал меня во лжи.

В конце концов он позволил мне заснуть.

На следующую ночь я вновь заняла свое место под крышей...

Фафхрд вновь остановил коня. Туман, скрывавший вершину горы, внезапно стал светиться. Казалось, что взошла зеленая луна, или вулкан выбросил из своих недр зеленое пламя. Свет заиграл на обращенных кверху лицах путников. Он переливался, как туманный изумруд. Фафхрд и Мышелов обменялись скорбными и одновременно удивленными взглядами.

Затем троица продолжила свой путь по сужавшейся тропке.

Ахура продолжала:

— Клянусь всеми богами, я никогда бы не сделала этого, я скорее умерла бы, если бы Анра не заставлял меня...

Днем я бродила по дому изнемогая, словно одержимая темным духом. Старая Вереника была озадачена, она стала подозрительно смотреть на меня. Пару раз я перехватила взгляд Фрины, казалось, все понимавший. Наконец, даже мать заметила что-то неладное. Сначала она расспрашивала меня, а потом пригласила в дом врача.

Я думала, что действительно заболею и умру. Или сойду с ума. Именно тогда я с отчаяния стала выходить за пределы дома. Мне открылся неведомый прежде мир...

Девушка говорила, и воспоминания наполняли ее голос волнением. В сознании Фафхрда и Мышелова возникали картины чудесного города, коим Тир представлялся ребенку, — пристань, шумные базары, болтовня и смех, сливавшиеся в нескончаемый гул, корабли и чужеземцы, богатые товары и блеск дешевых безделушек...

— Те, кого я наблюдала с крыши, теперь были рядом. Я могла касаться их, ходить за ними по улочкам, дружить с ними. Оказалось, что я могу подружиться едва ли не с каждым. Каждый встречный казался мне чем-то загадочным, каждому можно было улыбаться, с каждым можно было болтать. Я одевалась так, как одевались дети рабов, меня повсюду знали и ждали, — другие рабы, потаскушки в лавках, продавцы сладостей, уличные торговцы и писцы, посыльные, гребцы, рукодельницы и повара. Я помогала им, выполняла их поручения, с удовольствием прислушивалась к их бесконечным разговорам, передавала слышанное, угощала украденной дома снедью. Я была всеобщей любимицей. Мне казалось, что Тир никогда не утомит меня. Я шлялась по городу с утра до вечера. Домой я возвращалась уже в сумерки.

Старую Веренику обмануть не удалось, но через какое-то время я придумала, как избежать ее побоев. Я пригрозила ей тем, что расскажу матери о том,

кто же поведал рыжему и тому, с лицом сатира, о каменном истукане. Не знаю, угадала я или нет, но угроза сработала. С той поры она лишь злобно ворчала, завидев меня возвращающейся после захода солнца. Что касается матери, то она все больше отдалялась от нас; жила она теперь только по ночам, дни же ее проходили в бесконечных раздумьях.

Так пришла новая радость. Вечерами я рассказывала Анре обо всем услышанном и увиденном, о каждом приключении, о каждой победе. Словно сорока, я приносила ему яркие цвета, звуки и запахи. Словно сорока, я передавала ему звучание неведомых языков, слышанных мною, обрывки ученых бесед, подслушанных у жрецов и ученых. Я и думать забыла о том влиянии, которое Анра на меня оказывал. Мы снова играли в ту же игру, но она стала еще лучше. Часто он помогал мне, предлагая идти в то или иное место, дабы увидеть что-то новое, а однажды даже спас меня от похищения двумя александрийскими работорговцами, к которым только одна я могла отнестись с доверием.

Странный это был случай. Те двое всячески заманивали меня, обещали мне сладости, если я пойду вместе с ними, но тут я услышала шепот Анры: «Не ходи». От ужаса я похолодела и тут же стремглав унеслась домой.

Мне казалось, что Анра стал видеть картины, возникавшие в моем мозгу, даже тогда, когда я была далеко от него. Я постоянно ощущала его присутствие.

Мне очень хотелось пойти вместе с ним, но я уже рассказывала вам, что произошло, когда я попыталась вывести его из дома. Его связь с домом с годами только укрепилась. Однажды, когда мать стала говорить о переезде в Антиохию, ему стало плохо; он не выздоравливал до тех пор, пока мать не пообещала ему никогда не покидать этого дома.

Со временем Анра вырос в стройного и привлекательного юношу. Фрина стала строить ему глазки и искать предлога войти в его комнату. Однако, это испугало Анру, и он отказался от общения с нею. Тем не менее, Фрина умудрилась подружиться со мной, несмотря на запреты матери, я стала приходить в ее комнату, беседовать с ней, быть рядом с ней и даже делить с ней постель в те ночи, когда

мать в ней не нуждалась. Анре же, похоже, это нравилось.

Вам должно быть понятно беспокойство подростка, близкого к зрелости, — он ищет любви, приключений или богов, а то и все сразу. Это беспокойство овладею и Анрой, но единственными его богами были те, о которых шла речь в пыльных подозрительных свитках, помеченных моим отцом словами «Тайная мудрость!» Теперь я уже не знала, что он делает днем, единственное, что я могу сказать, чтение книг теперь чередовалось со странными процедурами и опытами. Некоторые из этих опытов он проводил в подвальчике с тремя серыми камнями. В таких случаях он заставлял сторожить его. Он уже не говорил мне о том, что он читает, или о чем он думает; я же настолько ушла в свой новый мир, что почти не замечала происшедших в нем изменений.

И все же я видела, что нетерпение его усиливается. Он стал посылать меня все дальше, со все более сложными заданиями, он заставлял меня искать книги, о которых писцы никогда не слышали, искать астрологов и вещуний; он требовал, чтобы я выкрадывала или покупала все более странные снадобья у целителей. Когда же я приносила ему эти сокровища, он хмуро забирал их, чтобы на следующий день предстать вдвое мрачнее обычного. Давно минули те радостные дни, когда я приносила ему первые персидские свитки, в которых говорилось об Аримане, первом его увлечении, или, когда я звук за звуком повторяла ему слова, сказанные знаменитым философом из Афин. Все это уже не интересовало его. Порою он даже не слушал моих обстоятельных рассказов, словно уже просмотрел все виденное мной и не обнаружил ничего интересного.

Он стал изможденным и болезненным. Его беспокойство приняло странную форму — он все время ходил взад-вперед. Мне вспоминалась мать, загнанная в подземный коридор, оканчивающийся тупиком. Мне было больно смотреть на него. Хотелось помочь ему, разделить с ним мою новую пьянящую жизнь, дать ему то, к чему он так стремился.

Но не в моей помощи он нуждался. Он вступил на темный, таинственный путь, которого я не понимала,

и он пришел к горькому, едкому поражению, к тупику, из которого он не мог выйти в одиночку.

Ему нужен был учитель.

8. Безбородый старик

— Мне было пятнадцать, когда я встретила безбородого старика. Так я называла его тогда, так же я называю его и поныне, ибо в нем нет ничего иного, за что мог бы зацепиться разум. Когда я думаю о нем или даже вижу его, лицо его превращается в лицо толпы. Словно актер, изобразивший все характеры на свете и одевающий на свое лицо простейшую и совершеннейшую из своих личин.

Что касается того, что лежало за этой, слишком уж простой личиной, то это порой можно было почувствовать, но невозможно осознать, единственное, что я могу сказать, — его пресыщенность и его пустота были не от мира сего.

Фафхрд перевел дыхание. Они взошли на вершину гребня. Левый склон взмывал ввысь, где-то там лежала и вершина. Правый же склон круто уходил вниз, — справа была бездонная черная пропасть. Посередине шла вверх тропа, каменная полосочка шириной всего в несколько футов. Мышелов убедился, что веревка с крюков не исчезла с его плеча. На какой-то миг кони стали. Затем они двинулись вперед так, словно слабое зеленое свечение и нескончаемое бормотание свивали вокруг них нерушимые тенета.

— Я была в винной лавке. Я принесла какие-то вести для одного из друзей молодой гречанки Хлои, которая была примерно такого же возраста, что и я, тут-то впервые я и увидела его. Он сидел в углу. Я спросила о нем у Хлои. Та сказала, что это греческий хорист и рифмоплет, оставшийся не у дел. Потом она поправила себя, сказав, что это египетский предсказатель, затем снова задумалась, пытаясь вспомнить, что же ей говорил самосский сводник. Еще раз глянув на старика, Хлоя пришла к выводу, что она ничего о нем не знает, да и знать не хочет.

Меня влекла именно его пустота. Передо мною было нечто совершенно неведомое. Некоторое время я

смотрела на старика, и тут он повернулся в мою сторону и устремил на меня свой взгляд. У меня создалось впечатление, что он с самого начала чувствовал, что я смотрю на него, но не обращал на это внимания, как спящий не замечает назойливой мухи.

Он взглянул на меня и отвернулся, когда же я вышла из лавки, он пошел за мной.

— Вашими глазами смотрите не только вы, верно? — тихо спросил он.

Я была так потрясена вопросом, что не знала, как ответить, но старец похоже и не ждал от меня ответа. Его лицо посветлело, но так и не обрело индивидуальных черт, он заговорил со мной живо и остроумно, но из его слов нельзя было понять ни кто он, ни чем он занимается.

Тем не менее, по его намекам я поняла, что он обладает некими познаниями в той странной сфере, которая всегда влекла Анру, и потому я с охотой пошла за ним. Он держал меня за руку.

Но так продолжалось недолго, мы оказались на узкой извилистой аллейке, и я заметила в его глазах странный блеск; он стал сжимать мою руку, это мне совсем не понравилось, я боялась его и ожидала, что Анра вот-вот предупредит меня об опасности. Мы прошли мимо мрачного дома и остановились у трехэтажного барака, косо стоявшего рядом. Старик сказал мне, что его жилище наверху. Он подвел меня к лестнице, но предупреждения так и не было.

Затем его рука поползла к моему запястью, и тут я не выдержала. Я вырвалась и побежала, и с каждым шагом мне становилось все страшней.

Когда я прибежала домой, Анра расхаживал из угла в угол подобно леопарду. Только я хотела рассказать ему о моем нелегком побеге, как он перебил меня и потребовал, чтобы я описала старика; брат зло тряс головой, видя, что я не могу этого сделать. Когда же я дошла до момента бегства, черты его лица мучительно исказились, он поднял руки, словно желал ударить меня, но вместо этого бросился на кушетку и зарыдал.

Встревожившись, я склонилась над ним, рыдания прекратились. Он посмотрел на меня через плечо, лицо его было бледным, но спокойным.

— Ахура, я должен знать о нем все.

В тот же миг я поняла то, что столько лет не замечала, моя блаженная свобода была притворством, не Анра, но я была стеснена, игра была не игрой, но зависимостью, пока я, открытая и искренняя, полагалась только на звук и цвет, форму и движение, он развил то, на что у меня попросту не было времени — интеллект, целеустремленность, волю; для него я всегда была только орудием, рабыней на побегушках, протяжением его собственного тела, щупальцем, которое он то вбирал, то выпускал подобно осьминогу, — мое страдание при виде его разочарований, моя готовность совершить что угодно, лишь бы угодить ему, были одним из начал, которые он хладнокровно обращал против меня; сама наша близость, чувство того, что мы — половинки одного сознания, были для него еще одним тактическим преимуществом.

Он пришел ко второму в своей жизни кризису и вновь не раздумывая жертвовал самым близким человеком.

В этом было нечто еще более безобразное, я увидела это в его глазах, которые уверились в том, что я подвластна ему, мы были подобны царственным брату и сестре в Антиохии или Александрии, — партнеры в детской игре, предназначенные друг для друга и не ведающие этого. Был мальчик уродлив и лишен силы, но вот пришла брачная ночь...

В конце концов я вернулась на ту же извилистую дорожку, что вела к мрачному дому и соседствующему с ним бараку, — лестница, третий этаж и — Безбородый Старик.

Нельзя сказать, что я сдалась ему без борьбы. Оказавшись за пределами дома, я сопротивлялась каждому шагу. До этого — и даже в нише под крышей — я только шпионила для него. Я не действовала за него.

И все же результат был таким, каким он и хотел его видеть. Я дотащила до последней ступеньки и постучала в дверь. Она распахнулась от моего прикосновения. Внутри, в глубине полутемной комнаты за большим пустым столом при свете одной, скверно горевшей лампы с неподвижными, как у рыбы, глазами, уставившимися на меня, сидел Безбородый Старик.

Ахура на какое-то время замолкла, Фафхрд и

Мышелов почувствовали, как что-то липкое коснулось их кожи. Подняв глаза вверх, они увидели спускающиеся из головокружительной выси тонкие щупальца зеленого тумана, подобные лианам или змеиным кольцам.

— Да, — сказала Ахура, — там, где он, там туман или дым.

Через три дня я вернулась к Анре и рассказала ему обо всем, — я походила на труп, дающий показания своему убийце. Судья получал удовольствие от показаний; когда же я рассказала о замысле Старика, неземная радость осветила лицо Анры.

Старик должен был стать наставником и целителем Анры. Это легко устроилось, ибо мать исполняла все желания Анры и, возможно, еще питала надежду на то, что когда-нибудь он выйдет из своего заточения. Помимо прочего, Старик обладал таким сочетанием ненавязчивости и силы, которое позволяло ему проникать во все двери. За несколько недель он сумел подчинить себе всех обитателей дома; иных, подобно матери, он попросту игнорировал, других, как Фрина, он намеревался использовать в своих целях.

Никогда не забуду о том, что было с Анрой в тот день, когда к нам пришел Старик. Это был его первый контакт с реальностью вне предела нашего дома, и я видела, что он чрезвычайно напуган. Несколько часов он ожидал его прихода, затем вернулся в свою комнату; по-моему, только гордыня мешала ему отменить всю эту затею. Прихода старика мы не слышали, только старая Вереника, считавшая серебро за углом, вдруг замолкла. Анра бросился на кушетку в дальнем углу комнаты, руки его судорожно ощупывали кушетку, а глаза были устремлены на дверь. Появилась бледная тень, затем она потемнела и приобрела более определенные очертания. Затем на пороге появился сам Старик. Поставив на пол пару сумок, не обращая на меня внимания, он стал смотреть на Анру. Через миг болезненное затрудненное дыхание моего брата стало беззвучным. Он потерял сознание.

В тот же вечер началось обучение. Все, что было до этого, повторялось, но на более глубоком и странном уровне. Необходимо было учить некие языки, но не те, о которых пишут в своих книгах люди; надлежало

совершать службы, но не тем богам, которым обычно поклоняются; следовало составлять магические зелья, но не из тех снадобий, которые я могла купить или стащить. Целыми днями Анра обучался способам постижения внутренней тьмы, познавал болезни и неведомые силы разума, погребенные бесконечностью эона эмоции, вызываемые тончайшей нечистотой, мимо которой прошли даже боги, ваявшие человека из грязи и глины. Незаметно наш дом обратился в храм отвратительного, в монастырь мерзости.

Тем не менее, их действия никоим образом не были связаны ни с порочными оргиями, ни с безобразными излишествами. Все то, что они делали, было отмечено жесткой самодисциплиной и мистическим сосредоточием. Слабых мест у них не было. Их целью было знание и сила, рожденные тьмой, ради них они были готовы пожертвовать чем угодно. Они были религиозны, но религиозность эта была особой: ритуалом их было развоплощение, целью их был мировой хаос, на котором как на разбитой лире смогли бы играть разумы их повелителя; их бог был средоточием тьмы, бескрайней бездною, и звался он Ариманом.

Происходившее в нашем доме стало походить на фобии лунатика. Порой я ловила себя на мысли, что все, кроме Анры, были снами Старика, актерами в своеобразной кошмарной драме, где люди подражают животным, животные — червям, черви — илу.

Каждое утро я уходила из дома и привычной дорогой шла гулять по Тиру, так же как и прежде я болтала и радовалась, но на сердце у меня было пусто, я знала о своей несвободе и походила на куклу, болтавшуюся на оgrade сада, с домом меня связывали самые настоящие цепи. Я отваживалась только на пассивное сопротивление, предощущая намерения своих господ, однажды я поднесла Хлое защитный амулет, — мне вдруг показалось, что они хотят подвергнуть ее тем же опытам, которым подвергалась Фрина.

День ото дня круг их деяний разрастался, они давно оставили бы дом, если бы не зависимость Анры от Старика.

Теперь они работали над тем, чтобы нарушить эту зависимость. О том, как они собираются это сделать,

мне не сообщалось, но вскоре я поняла, что и мне предстоит сыграть в этом определенную роль.

Они стали слепить меня сверкающими огнями, при этом Анра пел некие заклинания — я заснула. Через несколько часов, а может и дней, я пришла в себя и вела себя так же, как обычно. Однако тело мое было всецело во власти Анры. Лицо Анры скрывалось за тонкой кожаной маской, он мог только видеть — видеть моими глазами. Чувство единства с братом постепенно усиливалось. Одновременно усиливался и страх.

Потом меня стали запирают в комнате — эдакая суровая прелюдия зрелости, смерти, рождения или всего разом. Старик сказал что-то вроде «не видеть солнца и не касаться земли». Часами я вынуждена была сидеть в нише под крышей или на тростниковых матах подвала. Теперь уже не Анра, а я не могла видеть и слышать. Часами я, кого образы и звуки насыщали лучше любой пищи — видела только обрывки детских больных фантазий Анры, Старика в задымленной комнате, Фрину, корчившуюся на животе и шипящую как змею. Но ужаснее всего была моя разлука с Анрой. Впервые со дня рождения я не могла видеть его лица, слышать его голос, чувствовать его разум. Я стала вянуть, как дерево, лишенное соков, как животное с поврежденными нервами.

Наконец пришел день, — а может и ночь, — когда Старик снял маску с моего лица; стояла темень, но мои, привыкшие к ней глаза, видели подвальчик с поразительной ясностью. Из стены были извлечены серые камни. Рядом с ними лежал Анра — истощенный, бледный, едва дышавший; казалось, еще секунда, и он умрет...

Путники остановились. Дорогу преграждала призрачная зеленая стена. Узкая тропа выходила на ровное место, которое, видимо, было вершиной горы. Все тонуло в тумане, видимость ограничивалась несколькими шагами. Путники спешили и повели своих испуганных коней вперед — в царство сырости; место это походило на дно моря, освещенное слабым рассеянным светом, для полноты картины не хватало только сопротивления воды.

— Сердцем, полным ужаса и сострадания, меня

влекло к брату. Я поняла, что, несмотря на все его тиранство и мучительства, любила его больше всего на свете, как раб, что любит своего слабого жестокого хозяина, во всем зависящего от раба, как дурно используемое тело любит деспотичный разум. Я почувствовала себя еще ближе к нему, наши жизни и смерти были тесно связаны друг с другом, так, словно у нас было одно общее тело, налитое одной кровью.

Старик сказал мне, что при желании я могу спасти своего брата от смерти. Пока достаточно было того, чтобы я говорила с ним так же, как и обычно. Я так и сделала: дни, проведенные без него, помогли мне в этом. Анра не двигался, лишь желтоватые его веки слегка подрагивали, и все же я чувствовала, что он никогда прежде не слушал меня с таким вниманием, никогда он так не понимал меня. По контрасту, все предыдущие наши беседы представлялись чем-то грубым, я вспоминала и рассказывала ему то, что прежде ускользало из моей памяти или казалось невыразимым. Я говорила и говорила — хаотически, наудачу, переходя от местных сплетен к истории мира, копаясь в мириадах опытов и чувств, пережитых не только мною.

Прошли часы или, быть может, дни; видимо, Старик усыпил или погрузил в транс прочих обитателей дома, дабы те не смогли помешать происходящему. Порой горло мое пересыхало, и тогда он давал мне пить, но я боялась замолкнуть даже на миг, ибо была напугана явно ухудшавшимся состоянием брата.

Мной овладела мысль, что мои слова — мост между Анрой и жизнью, что они создают канал, соединяющий наши тела, канал, по которому моя сила может течь к нему и укреплять его.

Глаза мои почти не видели — все плыло и туманилось, тело била дрожь, голос то хрипло взрывался, то терялся в еле слышном шепоте. Несмотря на мою решимость, я стала терять сознание, время от времени Старик подносил к моему лицу какие-то курения, от которых я резко приходила в себя.

В конце концов, я уже не могла говорить, но и это не принесло облегчения — я продолжала шевелить растрескавшимися губами, поток мыслей устремлялся все дальше и дальше, я словно извлекала

из глубины своего сознания обрывки идей, из которых Анра высасывал ту толику жизни, что еще теплилась в нем.

Один и тот же образ возвращался вновь и вновь — образ умирающего Гермафродита, добравшегося до ключа Салманиды, в котором он слился с нимфой.

Дальше и дальше шла я по тоннелю слов, что соединял нас, ближе и ближе к бледному, тонкому, мертвенному лику Анры подходила я, пока наконец, в последней отчаянной попытке я не отдала ему остаток своих сил, — казалось, огромная глыба цвета слоновой кости с зеленоватыми тенями вбирает меня вовнутрь...

Ахура онемела от ужаса, все трое, застыв, смотрели прямо перед собой. Перед ними, из сгущавшегося тумана, так близко, что они чувствовали себя окруженными, возникло гигантское хаотическое сооружение, сложенное из белого, отдающего желтизной камня, из узких окон и распахнутых дверей которого струился зловещий зеленоватый свет, подсвечивавший туман. Фафхрду и Мышелову пришел на ум Кармак с его обелисками, маяк в Фаросе, Акрополь, Врата Иштар в Вавилоне, руины Хаттусы, последнего Оплота Аримана, мрачные волшебные башни, представавшие мореходам Сциллой и Харбидой. На деле архитектура этого странного сооружения менялась так стремительно и резко, что оно обретало собственный безумный стиль. Подобно зыбкому кошмару разрозненные его скаты и шпили, подсвеченные фосфоресцирующим туманом, парили там, где должны были светиться звезды.

9. Замок по имени Туман

— То, что произошло затем, было так странно, что мне показалось, будто я вышла за пределы объятых лихорадкой сознания и попала в покойный приют причудливых грез, — продолжала Ахура после того, как, привязав коней, они вступили на широкую лестницу, ведущую к открытой двери, откровенно насмехавшейся и над попытками штурма, и над остро-

рожной разведкой. Рассказ ее был так же спокоен и исполнен фатализма, как и их неспешный ход.

— Я лежала на спине рядом с тремя камнями и видела, как мое тело движется по подвальчику. Я была ужасно слаба и не могла даже пошевелиться, тем не менее, я чувствовала себя чудесным образом подкрепленной: горение и боль в горле прошли.

Лениво, словно во сне, я стала рассматривать свое лицо. Оно победно и, на мой взгляд, глупо улыбалось. Я продолжала рассматривать лицо и почувствовала, что страх начинает проникать в мое приятное сновидение. Лицо было моим, но некоторые его выражения были мне неведомы. Затем, уловив мое внимание, лицо презрительно сморщилось, отвернулось и что-то сказало Старику, который с готовностью кивнул ему. Меня охватил ужас. С чрезвычайным усилием я смогла обратить свой взгляд вниз и увидеть свое тело, что так и лежало на полу.

Это было тело Анры.

Они миновали двери и оказались в огромном каменном зале со множеством ниш и закоулков; туман и здесь сверкал зеленью, источник же свечения был неясен. По зале были разбросаны каменные столы и стулья. Главною же особенностью ее была гигантская арка, возвышавшаяся перед ними, крестовый свод которой поражал своим великолепием. Глаза Фафхрда и Мышелова тут же остановились на замковом камне, причиною чего были и его огромные размеры, и странное углубление у его вершины.

Тишина была зловещей, хотелось обнажить меч. Прекратилась не только чарующая музыка; здесь, в замке, зовущемся Туманом, звуков не было вообще, если не считать тех, что немощно высекались их сердцами. Вместо них здесь нависало туманом нечто, вмерзавшее в чувства так, словно они находились в сознании громадного мыслителя, или, словно сами камни были погружены в транс.

Казалось абсурдным оставаться здесь и чего-то ждать в этом безмолвии — какой охотник будет стоять в мороз на месте — они прошли под аркой и пошли наугад, избрав дорожку, ведущую наверх.

Ахура продолжала:

— Я видела, что они к чему-то готовятся, но я не могла помешать им. Пока Анра собирал узелок, в

который вошла какая-то одежда и манускрипты, Старик связывал в узел три заляпанных известью камня.

Видимо, в час победы он забыл о необходимых предосторожностях. Пока он возился с камнями, в комнату вошла моя мать.

Закричав: — Что вы с ним сделали? — она бросилась на пол рядом со мной и с тревогой воззрилась на меня. Старику это не понравилось. Он схватил ее за плечи и вытолкал прочь. Она лежала, прижавшись к стене, глаза ее расширились, зубы стучали; в особый ужас ее привел Анра, когда, пользуясь моим телом, он нелепым движением поднял узел с камнями. Одновременно Старик помог мне в моей новой пустой оболочке подняться, взял тюки и взошел по лесенке.

Мы прошли через внутренний дворик, усыпанный розами и заполненный надушенными, залитыми вином друзьями матери, что смотрели на нас с пьяным изумлением, и вышли из дома. Была ночь. Пятеро рабов с паланкином поджидали нас, в паланкин Старик положил меня. Последнее, что я видела, было лицо матери — слезы смыли с ее лица краску, с ужасом смотрела она на нас через полуоткрытую дверь.

Дорожка привела путников на следующий этаж. Они принялись бесцельно бродить по лабиринту комнат. Нет смысла рассказывать здесь о том, что им представлялось в сумеречных проемах, что они слышали из-за металлических дверей с массивными хитроумными запорами, что были изукрашены непонятными узорами. Они попали в запущенную библиотеку с высокими потолками; иные из свитков, казалось, выпускали дым, словно в их папирусе и чернилах зрели семена всесождения; по углам лежали груды запечатанных ящиков, сделанных из зеленоватого камня, и выкрашенные медянкой бронзовые таблички. Здесь же лежали и инструменты; одергивать Мышелова Фафхрду не пришлось, тот и так ни за что на свете не коснулся бы их. Другая комната источала вонь явно животного происхождения; на скользком ее полу они увидели ворох короткой, удивительно толстой щетины. Однако, единственным живым существом, которое привелось им увидеть,

была небольшая, напрочь лишенная волос тварь, — похоже, в свое время она попыталась стать медвежонком; когда Фафхрд наклонился и попытался схватить ее, тварь эта помчалась с визгом наутек. Была здесь и дверь, шириною в три высоты, высотой же она была по колено. Было здесь и окно, за которым скрывалась мгла, что не была мглой тумана или ночи, что представляла мглой бесконечного; вглядевшись, Фафхрд заметил ржавые поручни, шедшие куда-то вверх. Мышелов размотал свою веревку и стал крутить ею, выставив руку в окно, — крюк вертелся свободно, ничего не задевая.

Но самое странное ощущение, производимое этой зловеще пустынной твердыней, было и самым тонким, каждая новая комната и хитроумный коридор усиливали ощущение несоразмерности. Казалось невозможным, что опоры могут удерживать эти чудовищные массы перекрытий и сводов; эта несообразность была столь явной, что они готовы были поверить в существование невидимых контрфорсов и подпорных стен, — те либо были незримыми, либо существовали в каком-то ином мире, мире, из которого замок, зовущийся Туманом, выходил лишь отчасти. Последнюю догадку подтверждали и железные двери с запорами, которые, похоже, вели на тот свет.

Они ходили по столь замысловатым коридорам, что совершенно потеряли чувство направления, хотя и помнили пройденное.

Наконец, Фафхрд сказал:

— Так мы никуда не придем. Чего бы мы не искали, кого бы мы не ждали — Старика или демона — он мог бы явить себя и в первой зале с гигантской аркой.

Мышелов согласно кивнул, Ахура же сказала:

— По крайней мере хуже нам там не будет. Клянусь Иштар, песенка Старика говорит правду! «Комнаты — алчной утробой, арки — зубастою пастью.» Я всегда боялась этого места, но никогда не думала, что эта хитроумная берлога может обладать каменным разумом и каменными когтями, теперь-то я это знаю...

Они никогда не пытались привести меня сюда; с той самой ночи, когда я покинула дом в теле Анры,

я была живым трупом. Они могли бросать меня где угодно и переносить туда, куда им только заблагорассудится. Я думаю, они убили бы меня — со временем Анра стал способен и на это, но требовалось, чтобы тело Анры кто-то занимал, ибо порой он покидал мое законное тело и входил в свое, чтобы бродить по землям Аримана. В таких случаях меня оставляли бесчувственной и беспомощной в Последнем Граде. По-моему, с его телом в это время что-то происходило, — Старик что-то говорил о том, что оно становится неуязвимым, — ибо, когда я возвращалась в него, я каждый раз находила его более пустым и отвердевшим.

Мышелов оглянулся на ведущую вниз дорожку, ему показалось, что ужасную тишину нарушили вдруг завывания и стоны.

— Постепенно я узнала тело брата до малейших тонкостей, ибо я провела в склепе семь лет. Это черное время унесло все ужасы и страхи, — я вжилась в смерть, впервые в жизни у моей воли и рассудка было время на то, чтобы хоть как-то взрасти. Скованная физически, практически лишенная ощущений, я копила внутреннюю силу. Я стала видеть то, чего никогда не замечала раньше — слабости Анры.

Он не мог полностью избавиться от меня. Слишком крепкой была созданная им цепь, что соединила наши сознания. Как бы далеко он не уходил, какие бы покровы он не проницал, я всегда видела какую-то часть его сознания, тускло представавшую передо мной картинкою в дальнем конце сумеречного коридора.

Я видела его гордыню, эту рану, убрannую серебром. Я видела, как горделиво она витает среди звезд, словно те лишь камни, украшающие черный бархат в его сокровищнице. Я чувствовала, как свою, душащую его ненависть к слабым скаредным богам, — всеильным отцам, сокрывавшим тайнства мира, улыбающимся в ответ на наши мольбы, хмурающимся, качающим головой, запрещающим, наказующим: мучительную ярость, вызываемую узами пространства и времени, — словно каждая пядь того, что он не мог увидеть или пройти, была серебряными кандалами на его запястьях, словно каждый миг до

его рождения и после его смерти был серебряным гвоздем распятия. Я бродила по опустошенным бурей пространствам его одиночества и прозревала красу, коей он домогался, — полные тени и блеска формы, что рассекали душу подобно ножам; однажды я оказалась в темнице его любви, куда не проникал свет, что мог бы осветить трупы, ласкаемые им, или целуемые им кости. Я познала его желания, что требовали мира чудесного, населенного проявленными богами. Его похоть, заставлявшая его видеть мир женщиной и искать творения всех ее тайн.

К счастью, когда я научилась ненавидеть его, я поняла, как помешать ему, владевшему моим телом, использовать его с той же легкостью и отвагой, как это удавалось мне самой. Он не мог ни смеяться, ни любить, ни дерзать. Напротив, он робел, щурился, поджимал губы, отступал.

Когда спуск был пройден до половины, Мышелов вновь услышал то ли стон, то ли вой, — на этот раз он был громче и в нем явственно слышались свистящие нотки.

— Он и Старик приступили к новому этапу обучения, новым опытам, которые на сей раз имели отношение ко всему миру; я знала, что они уверены в том, что путь этот откроет перед ними такие бездны, что сила их станет бесконечной. С тревогой наблюдала я из своего недвижимого прибежища, как замысел их крепнет и зреет; потом, к моей радости, зрелость перешла в гниение. Широко расставленные пальцы их рук, простертых во мрак, не нашли ответного касания. Что-то сорвалось и у одного, и у другого. Анра стал раздражительным, он ругал Старика и винил его в неудаче всего предприятия. Они стали ссориться.

Когда я увидела, что Анра потерпел неудачу, я стала смеяться над ним, — смеялись не губы, смеялся разум. Нигде, заберись он хоть на звезды, не мог он укрыться от смеха, тогда-то в нем и возникло желание убить меня. Однако, он не мог позволить себе этого, ибо я была в его теле, и моя смерть закрывала бы ему доступ туда.

Возможно, мой слабый мысленный смех обратил его отчаявшийся разум к вам и к тайне смеха Старых Богов, — смех и нужда в магическом участии

для восстановления своего тела. Какое-то время я с ужасом думала, что он изыщет для себя какой-то путь или услышит некий совет; страх мой длился до этого утра, когда, к радости своей, я увидела, что вы отвергли его предложения, бросили ему вызов и, поддерживаемые моим смехом, убили его. Теперь остался только Старик.

Вновь пройдя под мощной, испещренной резьбой аркой со странным замковым камнем они снова слышали свистящий вой, на этот раз сомнений в его подлинности не было. Источник его был совсем рядом.

Поспешив в темный, особенно затуманенный угол залы, они обнаружили внутреннее оконце, расположенное на уровне пола, в оконце же они увидели лицо, которое, казалось, парило в тумане. Черты его исключали возможность какого-либо определения — оно словно вбирало в себя все лики былого, лики, отмеченные пресыщенностью. Впалые щеки его были голы — у человека этого не было бороды.

Приблизившись к оконцу настолько, насколько им позволяло мужество, они увидели, что некое подобие тела у головы все же было. Призрачно проступали лохмотья — или это была истерзанная плоть? — пульсирующий мешок, что мог быть и легким, серебряные цепочки с крючьями и когтями.

Единственный, уцелевший у этого жалкого обрубка глаз открылся и уставился на Ахуру; сморщенные губы сложились в подобие улыбки.

— Ахура, — высоким фальцетом заговорил обрубок, — он и меня послал туда, куда я идти не желал.

Тут все, как один, движимые непонятным страхом, они обернулись и стали всматриваться в туманную мглу за дверью. Так стояли они три или четыре секунды. Вдалеке заржал конь. Они развернулись к двери, но только после того, как кинжал в не знавших поныне дрожи руках Фафхрда пронзил глаз уродца, сидевшего во внутреннем оконце.

Они стояли бок о бок, — Фафхрд с безумно сверкавшими глазами, поникший Мышелов, Ахура, у которой был вид человека, взбравшегося на отвесную кручу, но сорвавшегося с самой вершины.

Свет, струившийся из двери, выхватил из тумана темную фигуру.

— Смейся! — хриплым голосом приказал Ахуре Фафхрд. — Смейся! — Он стал трясти ее, повторяя приказ.

Голова ее болталась из стороны в сторону, голосовые связки напряглись, губы подергивались, но из них вылетали только странные, каркающие звуки. Лицо ее исказилось отчаянием.

— Да, — раздался знакомый всем голос, — в некоторых случаях и некоторых местах смех бессилен и безвреден — безвреден, как тот меч, что пронзил меня утром.

Смертельно бледный, с пятном запекшейся крови на уровне сердца и расколотым черепом, в черном, покрытом дорожной пылью плаще перед ними стоял Анра Девадорис.

— Мы вернулись к тому, с чего начинали, — растягивая слова, сказал он. — Но теперь возникают новые, более обширные возможности.

Фафхрд пытался заговорить или засмеяться, но слова и смех застревали у него горле.

— Теперь вы кое-что узнали о моей жизни и моей силе, как мне того и хотелось, — продолжил Посвященный. — У вас есть время на то, чтобы взвесить все еще раз. Я жду вашего ответа.

Теперь Мышелов пытался смеяться или говорить, но и у него ничего не выходило.

Какое-то время Посвященный продолжал рассматривать их: при этом он самоуверенно улыбался. Затем его взгляд устремился дальше — за них. Он внезапно нахмурился и, пронесшись мимо них, стал на колени у внутреннего оконца.

Как только он повернулся к ним спиной, Ахура потянула Мышелова за рукав, пытаясь что-то сказать ему на ухо; впрочем, более всего эта сцена походила на разговор немого с глухим.

Они слышали стенания Посвященного: «Он был моим любимцем».

Мышелов вытащил кинжал с мыслью напасть на врага со спины, но Ахура оттащила его назад, пытаясь обратить его внимание на что-то совершенно иное.

Посвященный набросился на них.

— Идиоты! — кричал он. — Неужто у вас нет ни внутреннего глаза, прозревающего чудеса тьмы, ни

чувства величия ужаса, ни страсти к делению, пред которым блекнут все мирские приключения, — как вы могли погубить мое величайшее чудо, сразить моего любимого оракула? Я дозволял вам прийти к Туману, думая, что его могучая музыка и величественный облик склонят вас на мою сторону, — и вот так вы отблагодарили меня. Меня кружат жадные, невежественные силы, вы были моей последней надеждой. Когда я шел сюда, из Последнего Града, я видел дурные знамения. Белое идиотическое свечение Армазда слегка портило темень небес. В голосе ветра я слышал немощное кудахтанье Старых Богов. Повсюду чувствовалось какое-то движение, — похоже, поднялся даже выскочка Нингобль, глупейший и последний из ловцов. Мне было бы приятно расстроить их планы, но это должен был сделать Старик. Теперь они уже рядом, они хотят убить меня. Но есть у меня еще толика былой силы, есть у меня и союзники. Пусть я обречен, но есть и те, что связаны со мною такими узами, что не могут не подчиняться мне. Если это и конец, то вам не суждено увидеть его.

И тут он закричал громко и страшно:
— Отец! Отец!

Не успело эхо замолкнуть, как Фафхрд напал на Анру, огромный меч в его руке со свистом рубил воздух.

Мышелов последовал было его примеру, но в тот миг, когда он отринул от себя Ахуру, он вдруг понял, на что та указывала.

Углубление в замковом камне арки.

Не раздумывая, он распустил свою тонкую веревку, легко побежал в центр залы и метнул крюк вверх. Крюк угодил в нишу.

Подтягиваясь на руках, Мышелов полез вверх.

Снизу раздавался лязг мечей, слышался и какой-то иной звук, куда более далекий и достойный.

Рука его легла на край ниши, он подтянулся и просунул внутрь голову и плечи, удерживая равновесие с помощью локтя и бедер. В следующий миг свободною рукой он извлек из ножен кинжал.

Изнутри была сделана чаша. Чаша эта была заполнена вонючей зеленоватой жидкостью и инкрустирована светящимися минералами. На дне лежало

несколько предметов, — три были прямоугольными, остальные же имели округлую форму и размеренно пульсировали.

Он занес кинжал, но не смог нанести удара. Слишком велика была ноша происшедшего, требующего осмысления и запечатления — рассказ Ахуры о ритуальном браке в роду ее матери; ее мысль о том, что Анра и она имели разных отцов, пусть они и родились в один день; то, как погиб ее отец — грек (Мышелов думал и о том, от чьих рук тот мог погибнуть); странная склонность Анры к окаменению, подмеченная рабом; сказанное ею об операции, проведенной над ним; то, почему его не сразил удар в сердце, почему череп его так легко раскололся, почему он все время казался бездыханным; древние легенды о колдунах, которые были неуязвимыми, ибо сердце их было сокрыто; подмеченная всеми связь Анры и этого полуживого замка; черный монолит — скульптура из Последнего Града...

Он оцепенел, объятый ужасом, бессильно слушал он звон мечей, который стал еще ожесточеннее; затем его перекрыл другой звук — удары гигантских каменных стоп, поднимавшихся на гору тем же путем, что недавно был пройдем ими, звуки подбиравшегося к ним землетрясения...

Замок по имени Туман, стал сотрясаться, но Мышелов так и не опускал кинжала...

И тут Серый услышал могучий, сотрясавший звезды смех, что явился из бесконечности, из тех пределов, в которые отступили Старые Боги, оставившие этот мир для божеств юных; смех этот смеялся всему, даже тому, что было пред ним; в нем была заключена некая сила, и он знал, что эта сила помогает ему.

Косым ударом он направил кинжал через зеленоватую жидкость и рассек окаменелые сердце, мозг, легкие и кишки Анры Девадориса.

Жидкость вспенилась и закинула, замок затрясся так, что Мышелов едва не вылетел из ниши; смех и каменная поступь сплетались в оглушительные адские раскаты.

Вдруг все затихло и замерло. Мышелов почувствовал крайнюю слабость. Он то ли съехал по веревке,

то ли просто упал на пол. Он изумленно глядел по сторонам, даже не пытаясь встать; Фафхрд выдернул свой меч из тела адепта и пошатываясь побрел по зале, остановившись только тогда, когда рука его обрела опору в крышке стола; Ахура, все еще задыхавшаяся от овладевшего ею смеха, села на колени рядом со своим братом и положила его расколотую голову себе на колени.

Все молчали. Время шло. Казалось, что зеленый туман понемногу рассеивается.

Через высокое окно в залу влетело что-то маленькое и темное. Мышелов заулыбался.

— Хьюджин, — угрюмо позвал он.

Тварь послушно подлетела к нему и повисла на его руке, головой вниз. Он осторожно вынул из лапок летучей мыши крошечный кусочек пергамента.

— Ты знаешь, Фафхрд, — это послание от командующего нашим тылом, — весело объявил он. — Слушай.

— Моим агентам, Фафхрду и Серому Мышелову, с предсмертным приветствием! К собственному стыду, надеялся я только на вас, однако, — и это знак моего искреннего восхищения, — я рискнул послать к Вам моего дражайшего Хьюджина, дабы он передал вам это последнее послание. Так уж получается, что Хьюджин при случае сможет вернуться из Тумана ко мне, чего, увы, я не ожидаю от вас. Главное, если до момента вашей смерти вы обнаружите что-либо интересное, а подобное наверняка будет, — пожалуйста, известите меня об этом. Вспомните пословицу: «Знание побеждает смерть». Друзья, до встречи через две тысячи лет, Нингобль.

— Хорошо бы выпить, — пробурчал Фафхрд и вышел прочь. Мышелов зевнул и потянулся. Ахура очнулась, запечатлела поцелуй на восковом лице своего брата, подняла его легкую голову с колен и нежно опустила ее на каменный пол. Откуда-то сверху слышалось слабое потрескивание.

Вернулся Фафхрд, отчасти обретший былую живость, с собою он нес два кувшина с вином.

— Друзья, — объявил он, — восходит луна, в ее лучах замок предстает крошечным. Думаю, туман напитан каким-то зельем, которое искажает разме-

ры видимого. Клянусь, мы были одурманены, иначе как объяснить тот факт, что мы прошли мимо фигуры, стоящей у подножия лестницы с ногою, занесенной на первую ступень, — фигура эта как две капли воды похожа на ту черную статую в Последнем Граде.

Мышелов поднял бровь:

— А если и мы вновь окажемся в Последнем Граде, то наверняка...

— Ну и что же? — возразил Фафхрд. — Эти глупые персы, которым все это ненавистно, могут ведь и порушить ту статую, а куски ее запрятать так, что их и вовек не найдешь. — Какое-то время он молчал, потом продолжил: — Это вино. Им мы отмоем от зелья наши глотки.

Мышелов улыбнулся. Когда-нибудь Фафхрд будет говорить об этой истории, как об истории о том, как мы, одурманенные зеленым зельем, торчали на горной вершине.

Они уселись на краешек стола и пустили кувшин по кругу. Зеленый туман рассеялся настолько, что Фафхрд, забыв сказанное им о зелье, стал убеждать всех, что и это только иллюзия. Треск, доносившийся сверху, стал громче. Мышелов предположил, что с исчезновением тумана нечестивые свитки, лежавшие в библиотеке, возгорелись, косвенным доказательством этого мог служить медвежий выкидыш, о котором они совершенно забыли, — тот, ежась от ужаса, спускался вниз, в залу. Нагое его тельце уже было покрыто благородным пушком. Фафхрд плеснул вина ему на морду, схватил животное за загривок и передал его Мышелову.

— Хоть целуй, — громко сказал он.

— Целуй сам, может вспомнишь фокус со свиньями, — сказал в ответ Мышелов.

Разговор о поцелуях направил их думы к Ахуре. Забыв на какое-то время о своем соперничестве, они стали наперебой просить ее помочь понять им, пали чары ее брата или нет. Впрочем, скромность объятий и так не оставляла никаких сомнений.

— Стало быть, — сказал живо Мышелов, — с этим делом покончено. Фафхрд, а не пора ли нам двигать на этот твой животворный Север со всеми его живительными снегами?

Фафхрд прикончил содержимое первого кувшина и раскрыл второй.

— На Север? — загрохотал он. — Что такое Север? Жалкая, исхоженная вдоль и поперек земля, которой правят мелкие, присыпанные снежком царьки, которым неведомы подлинные радости. Потому я оттуда и ушел. Возвращаться туда? Клянусь зловонным камзолом Тора, теперь я туда не ходок!

Мышелов понимающе улыбнулся и отхлебнул из кувшина. Заметив, что летучая мышь так и болтается на его рукаве, он достал из сумки стило, чернила и кусочек пергамента и под смех Ахуры, заглядывавшей через его плечо, написал: «Моему дряхлому брату, погрязшему в мерзости, привет! С величайшим сожалением должен известить вас о возмутительно удачном и совершенно непредвиденном бегстве двух грубых отвратительных субъектов из замка по имени Туман. Прежде чем покинуть замок, они просили передать некоему Нингоблю — вы Нингобль, не так ли? — что они хотят вернуться к нему и взять часть его глаз — шесть или семь, в качестве сувениров. Поверьте, я ваш друг. Один из этих субъектов был весьма рослым человеком, чье рычание порой напоминало речь. Известен ли он вам? Второй красовался в серых одеяниях и отличался острым умом и красотой...

Если бы в эту минуту кто-нибудь из них посмотрел бы на труп Анры Девадориса, он увидел бы, что нижняя его челюсть стала подрагивать, затем рот раскрылся и оттуда появилась крохотная черная мышка. Странная тварь, в которой слова Фафхрда и вино вызвали прилив самоуважения, пьяной походкой направилась к мышке; та с писком поспешила к стене. Кувшин, брошенный Фафхрдом, угодил прямо в трещину, в которой укрылась мышка, Фафхрд вроде бы разглядел, что мышь появилась из столь нелепой норки.

— Мышь во рту, — икнул он. — Ну и странные же манеры у этого милого юноши! Какая грязь и скотство — возомнить себя Посвященным!

— Хочу напомнить, — вмешался Мышелов, — о том, что говорила об адептах одна ведьма. Она сказала, что в случае смерти адепта его душа переселяется в мышь. Если эта мышь убьет юрысу, ее душа

переселится в тело крысы. Затем крыса должна убить кота, кот — волка, волк — леопарда, леопард — человека. Только тогда адепт сможет вернуться к своим трудам. Разумеется, мало кто может пройти эту цепочку; если же это и случается, то на это уходит достаточно много времени. Попытки убить крысу вполне достаточно для того, чтобы примириться с мышинной природой.

Фафхрд торжественно объявил, что в подобную муть он не верит. Ахура же вначале заплакала, но быстро утешилась, решив, что жизнь в мышинном теле скорее не расстроит, а заинтересует Анру, вина было уже предостаточно. Тем временем потрескивание превратилось в рев, яркое, алое пламя теснило темень. Путники собрались уходить.

В это время та же самая (или очень похожая на нее) мышь высунула головку из трещины и принялась облизывать осколки винного кувшина, опасливо поглядывая на тех, кто стоял в зале, особенно ее пугал важно расхаживающий потенциальный медвежонок.

Сильный порыв ветра, холодного и чистого, унес последние языки тумана. Когда путники вышли наружу, они увидели над своими головами самые настоящие звезды.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Роджер Гербердинг. Интервью с Фрицем Лейбером</i> <i>(пер. И. Куцковой)</i>	5
<i>Зло встречается в Ланкмаре (пер. Г. Белова)</i>	19
<i>Мечи против колдовства (пер. И. Куцковой)</i>	81
<i>Затонувшая земля (пер. Г. Белова)</i>	311
<i>Демон из тыквы (пер. Г. Белова)</i>	335
<i>Гамбит Посвященного (пер. Е. Кравцовой)</i>	381

Литературно-художественное издание

Фриц Лейбер

МЕЧИ ПРОТИВ КОЛДОВСТВА

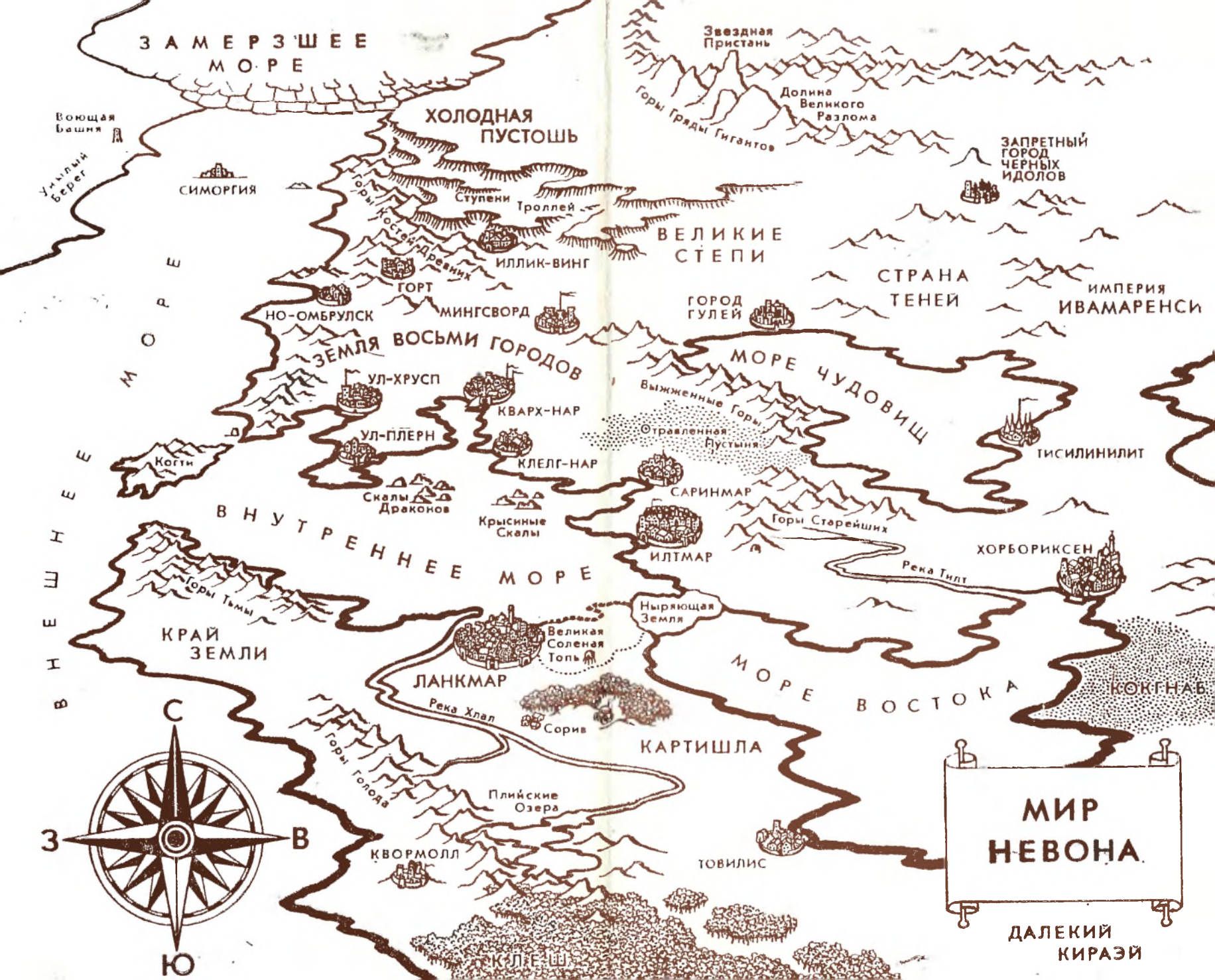
Ответственный редактор *Геннадий Белов*
Художник *Татьяна Коневец*
Художник суперобложки *Михаил Глашкин*
Художник форзаца *Сергей Троицкий*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Верстка *Елена Чернова*
Корректор *Нина Смирнова*
Компьютерное обеспечение *Сергей Арефьев*
Техническое обеспечение *Сергей Недоводин*

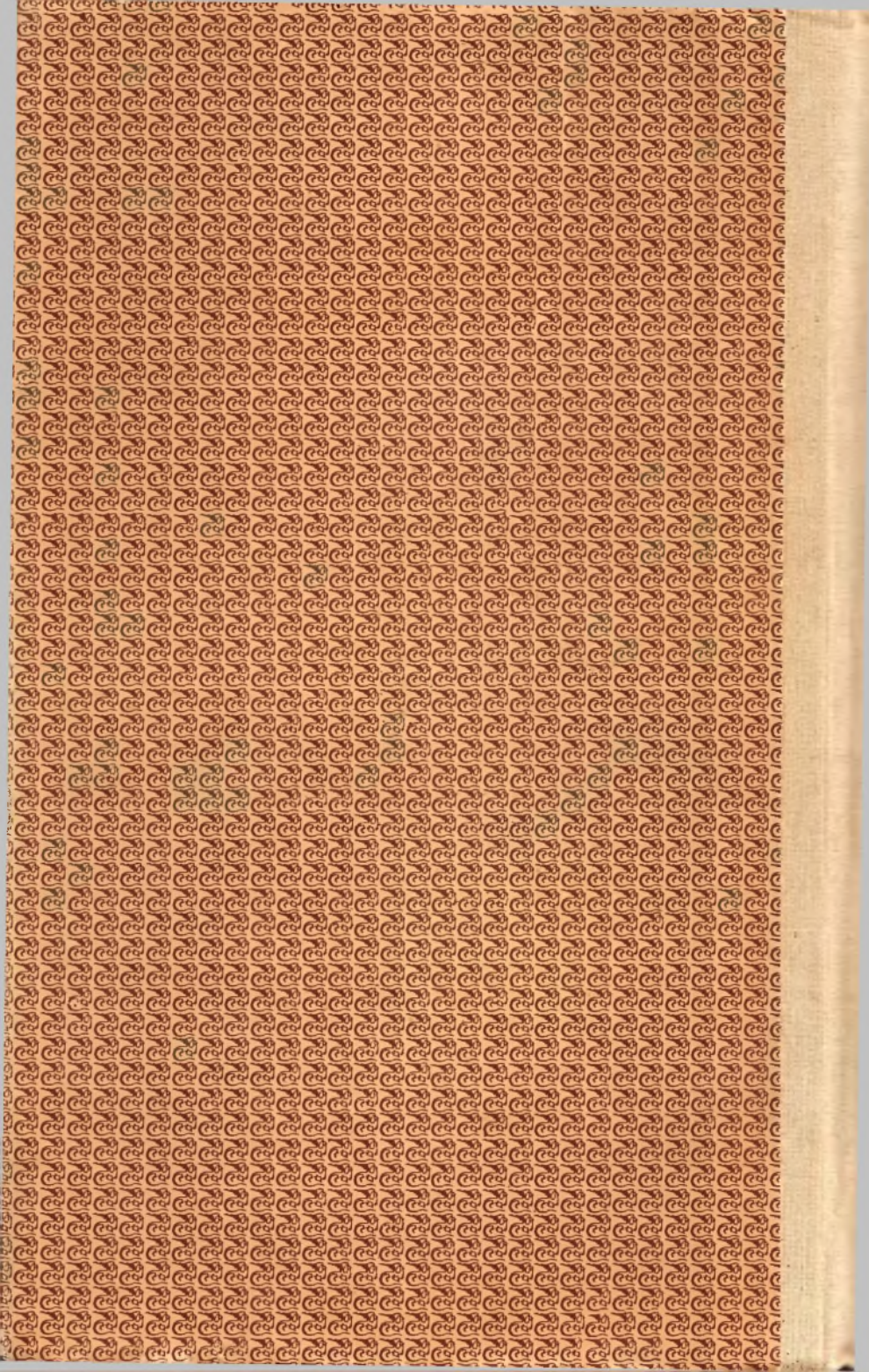
Руководитель проекта *Максим Крютченко*
Главный редактор *Вадим Назаров*
Директор издательства *Николай Буций*

Подписано к печати с оригинал-макета 26.08.92.
Формат 84 × 108^{1/32}. Гарнитура школьная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 100 000 экз. Изд. № 64. Заказ 2—2430.

Издательство «Северо-Запад».
191187, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, д. 18.

Головное предприятие
республиканского производственного
объединения «Полиграфкнига».
252057, Киев, ул. Довженко, 3

fantasy

•Северо-Занәг•